

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

В. А. ЖУКОВСКАГО

ВЪ 12-ТИ ТОМАХЪ.

Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ
и примѣчаніями

проф. А. С. Архангельскаго.

Съ приложеніемъ портрета Жуковскаго, гравированнаго на стали,
и его факсимиле.

У.

Приложеніе къ журналу „Нива“ за 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1902.

<http://rcin.org.pl>

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
В. А. ЖАКОВСКОЕ

СЕРИЯ «ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»
Выпуск 10
Москва, 1957 г.

1822.

РАЗРУШЕНІЕ ТРОИ.

изъ энеиды виргилія.

Всѣ молчать, обративъ на Энея внима-
тельны лица.
Съ ложа высокаго такъ начинается Эней-
прародитель:
О царица, велишь обновить несказанное
горе:
Какъ пегибла Троя, какъ Пріамово царство
Греки низринули, все, чему я плачевный
свидѣтель,
Все, чего я былъ главная часть... по-
вѣствую объ этомъ,
Кто — мирмидонъ ли, долошъ ли, свирѣ-
ный ли ратникъ Улисса—
Слезъ не прольеть! Но влажная ночь уже
низлетѣла
Съ тихаго неба; ко сну приглашаютъ схо-
дящія звѣзды.
Если жъ толь сильно желаніе слышать о
нашихъ страданьяхъ,
Слышать о страшномъ послѣднемъ часѣ
разрушенной Трои:
Столь ни тяжко душѣ вспоминать о бѣ-
дахъ толь великихъ,
Я повиноюсь. Войной утомлены, отвер-
женны рокомъ,
Столько напрасно утративши лѣтъ, под-
ководцы данаевъ
Хитрымъ искусствомъ небесной Паллады
коня сотворили,
Дивно-огромнаго, плотныя ребра изъ крѣп-
кія сосны,
Въ жертву богамъ при отплытіи (такъ
молва разгласила).
Тутъ избранныхъ мужей, назначенныхъ
жребіемъ, тайно

Скрыли они въ пространныя нѣдра чу-
довища: полно
Сдѣлалось чрево громады одѣянныхъ бро-
нею ратныхъ.
Близъ Иліона лежитъ Тенедось, знамени-
тый издревле
Островъ, обильный, доколѣ стояло цар-
ство Пріама,
Иныѣ же бѣдный заливъ, кораблямъ не-
надежная пристань.
Тамъ, удалясь, у пустыхъ береговъ
притаилась данаи;
Мы же ихъ мнили уплывшими съ вѣт-
ромъ понутнымъ въ Мивены.
Тевверія вся отъ тяжелой печали вдругъ
отдохнула;
Градъ растворился; рвемся на волно, чтобъ
лагерь дорійскій,
Мѣсто пустое и берегъ, врагами оставлен-
ный, видѣть.
«Тамъ стояло ихъ войско; тутъ шатеръ
былъ Ахилловъ;
«Здѣсь корабли ихъ; тамъ поле, гдѣ рати
обычно еражались».
Всѣ дивятся опасному дару безбратной
Паллады;
Всѣ дивятся великой громадѣ, и первый
Тиметось—
Быль ли онъ врагъ намъ, судьба ль ужъ
паденъ Пергама рѣшила—
Въ городъ вовлечь и въ замкъ поставить
коня предлагасть:
Но проникательный Каписъ и каждый, въ
комъ ясенъ былъ разумъ,
Въ море совѣтуютъ козни данаевъ съ ихъ
даромъ невѣрнымъ
Бросить, или предать огню и пепломъ
развѣять;
Или, чрево пронзивъ, сокровенное въ немъ
обнаружить.

Такъ въ нерѣшимости мнѣній толпа волновалась. Но быстро, Гибель, стремится отъ замка, одинъ впереди, провожаемъ Сопномъ шумящимъ народа, Лаокоонъ; издалека Онъ возопилъ: «о несчастные! что за безумство, граждане! «Вѣрите ль бѣгству врага? Или мните, что даръ нековарный «Могутъ оставить дапан? Такъ ли узнали Улисса? «Или ахейяне здѣсь, заключенные въ дровѣ, таятся; «Или громада сія создана, чтобъ, на гибель Пергаму, «Въ дома наши глядѣть и градъ сторожить съ возвышенья; «Иль коварство иное... коню не вѣрять-теся, тевгры! «Что здѣсь ни будь... я данасъ страшусь и дары приносящихъ». Такъ сказалъ, и конь тяжелое мощицей десницею Овъ въ огромный бокъ и въ согбенное чрево громады Ринулъ; вопившись, оно зашаталось; дрогнуло зданье; Внутренность звонъ пдала; застенало въ нѣдрѣ глубокомъ. Такъ: когда бы не боги, когда бъ не затменье разсудка, Намъ бы тогда же открыло ихъ козни желзо... и ты бы, Троя, стояла, ты бы стояло, жилище Пріама! Вдругъ дарданскіе горные пастыри съ крикомъ и плескомъ Юношу, руки ему на хребетъ заковавши, къ Пріаму Силой влекутъ; онъ самъ, невѣдомый имъ, замышляя Хитрость и средство ахейскъ вынустить въ Иліонъ, произвольно Предать себя, отважный, на все готовый заралъ: Козни ль свои совершить, или вѣрною смертию погибнуть. Жадно троянскіе бросались юноши грека

Стали кругомъ, и спорять другъ съ другомъ, чтобъ пѣлымъ ругаться... Свѣдай же хитрость ахейскъ; въ злодѣйствѣ единомъ Всѣхъ ихъ узнай! Стоя одинъ, посреди толпы, смятенъ, безоруженъ, Робко водилъ онъ кругомъ недоувѣрчивый взоръ; напоследокъ: «О, какая земля, какое море,—воскликнулъ:— «Примутъ меня, и что мнѣ теперь несчастливцу осталось! «Мѣста межъ греками нѣтъ, а здѣсь раздраженная Троя, «Полная праведной мести, погибелью мнѣ угрожае!» Жалоба плѣнника тронула наши сердца; замолчало Буйство толпы; вопрошаемъ: какой онъ породы? откуда? Что намъ ренъ начать; за что судьбу упрекаеть? Бремя страха сложивши, Пріаму отвѣтствовалъ плѣнникъ: «Что бъ ни случилось, о царь, ничего не сокрою. Во-первыхъ «Родомъ я грекъ—не таюся; Синонъ быть можетъ несчастенъ, «Воля судьбы; по коварнымъ лжецомъ никогда онъ не будетъ. «Вѣрно, молва допсела до тебя знаменитое имя, «Вѣрно, слыхалъ о дѣлахъ Паламеда, Вилова сына; «Славный вождь, но безвинно по злымъ паущеньямъ пелазговъ, «Только за то, что войны не оправдывалъ, преданный смерти, «Шылъ же, свѣта лишенный, отъ нихъ же свирѣлыхъ оплаканъ. «Сродникъ его, мой убогій отецъ, его печеньямъ «Въ юности ввѣрилъ меня, спарядивъ на войну; и доколѣ «Былъ почтенъ Паламедъ, засѣдая съ вождями въ совѣтъ, «Былъ и я не безъ имени, было и мнѣ уваженье.

«Но съ тѣхъ поръ, какъ палъ онъ жерт-
вой Улиссовой злобы,
«Тяжкую жизнь во мракѣ печальномъ вла-
чилъ я, бесплодно
«Въ сердцѣ своемъ негодуя на гибель не-
виннаго друга;
«О, безразсудный! я не смолчалъ, но смѣло
грозился
«Метить за него, лишь только бѣ въ Ар-
госъ возвратиться съ побѣдой
«Боги вѣлѣли! Угрозы мои распалили ихъ
злобу.
«Съ той минуты бѣды за бѣдами; Улисъ
неунывно,
«Самъ виновный, меня обвинялъ въ за-
мышляньяхъ, коварно
«Съялъ навѣты въ толгѣ и губилъ меня
клеветами.
«Прежде не могъ успокоиться онъ, до-
колѣ Калхаса...
«Но почто продолжать бесполезно-при-
скорбную повѣсть?
«Что прибавлю? Когда вамъ всѣ греки
равно нещастны—
«Вѣдать довольно: я грекъ; поражайте меня;
вы Улиссу
«Тѣмъ угодите; и щедро за то награждать
васъ атриды».
Чужды сомнѣнья, не зная всего вѣролом-
ства пелагоговъ,
Мы, любопытствомъ горя, вопрошать про-
должаемъ Сипола.
Слова началъ онъ робкую рѣчь съ лице-
мѣрнымъ смиреньемъ:
«Долгой осадой наскучивъ, бесплодной вой-
ной утомлены,
«Греки не разъ отъ упорнаго Троя бѣжать
замышляли.
«О! почто сего не свершилось? Но бури
отъ моря
«Часто имъ путь заграждали, и южный
вѣтеръ страшилъ ихъ.
«Съ той же поры, какъ построены были
копѣ сей изъ брусьевъ сосновыхъ,
«Грозы съ небесъ не сходили и ливень
шумѣлъ непрестанно.
«Въ трепетѣ мы Эрифила узнать, что ве-
лѣтъ намъ оракулъ,

«Въ Дельфы послали—съ ужаснымъ отвѣ-
томъ онъ возвратился:
«Греки, плывя къ Иліону, кровию днѣмъ
закланной
«Вѣчныхъ склонили боговъ дарованъ
имъ вѣтеръ попутный:
«Крови аргосскаго мужа и нѣмъ за вѣ-
теръ возвратный
«Требуешь небо. Едва разнеслось про-
рицанье въ народѣ,
«Всѣ возмущились умы, сердца охладѣли
и трепетъ
«Кости проникнуть. Кому сей жребій? Кто
Фебова жертва?
«Съ шумомъ тогда Улисъ ухищренный
Калхаса пророка
«Силою привлекъ предъ народъ, да откроетъ
волю безсмертныхъ.
«Многіе тутъ же, зная Улисеа, мнѣ предъ
сказали
«Умыселъ злой на меня и ждали въ смя-
теньи, что будетъ;
«Десять дней прорицатель молчалъ и, та-
ясь, отрекался
«Жертву назвать и слово изречь, пре-
дающее смерти.
«Но, наконецъ, пришеволенъ докучнымъ
Улисовымъ воплемъ,
«Онъ произнесъ... то было мое нещаст-
ное имя!
«Всѣ одобрили выборъ, и всякъ, за себя
трепетавшій,
«Радъ былъ, что грозное всѣмъ одному
обратилось въ гибель.
«День роковой наступалъ; меня ужъ го-
товили въ жертву!
«Были готовы и соль и священный пи-
рогъ, и повязка
«Мнѣ ужъ чело украшала... но я (не со-
крою) разрушилъ
«Цѣпъ, скрылся въ болото и тамъ, въ
тростникѣхъ притаившись,
«Ночью ждалъ, чтобъ они, поднявъ на-
руса, удалились...
«Нѣтъ теперь мнѣ надежды отчизну дре-
внюю видѣть!
«Вѣчно милыхъ родныхъ и отца желан-
наго вѣдалъ,

«Я не увижу! быть может и то, что
ихъ же невинныхъ,
«Миѣ въ замѣну, за бѣгство мое убійцы
погубять...
«О! всевышними, зрящими вѣчную правду
богами,
«О! правотою неизмѣнною—если еще со-
хранилась
«Гдѣ на землѣ правота—молю: яви со-
жалѣнье
«Вѣдному миѣ, и тронься на мой неза-
служенный жребій!»
Мы, сострадавъ, скорбѣли надъ нимъ, про-
ливающимъ слезы;
Самъ благодушный Пріамъ повелѣлъ тя-
готящія узы
Съ плѣнника снять и ему съ утѣшитель-
ной ласкою молвилъ:
—Кто бы ты ни былъ, забудь о своихъ не-
пріязненныхъ грекахъ;
Нашъ ты теперь; ободрись и друзьямъ от-
кровенно повѣдай:
Что знаменуетъ громадный сей конь? На
что онъ воздвигнуть?
Кѣмъ? Приношеніе ль богу какому? Орудіе
ль брани?—
Такъ Пріамъ вопрошалъ. И полный ковар-
ства пелазговъ
Плѣнникъ, поднявши къ священному небу
свободныя руки:
«Вы, свѣтила небесныя, вы, надзвѣздные
боги,
«Васъ призываю (воекликнулъ), васъ, отъ
которыхъ бѣжалъ я,
«Жертвенный ножъ, алтарь, роковая повяз-
ка! Отпыйѣ
«Я навсегда разорвалъ ненавистныя съ гре-
ками узы;
«Греки враги миѣ; свободно открою троя-
намъ ихъ тайны:
«Чуждый отчизнѣ, я чуждъ навсегда и за-
конамъ отчизны.
«Ты же миѣ данный обѣтъ сохрани, сохра-
ненная Троя,
«Если тебѣ во спасеніе великую истину
молвлю.
«Всѣхъ упованій подпорою, надежной по-
мощницей въ битвахъ

«Грекамъ Паллада была ископи; но съ тѣхъ
поръ, какъ преступный
«Сынъ Тидеевъ и съ нимъ Улиссъ, вымы-
шлятель коварныхъ
«Козней, изъ храма Палладіумъ, стражей
высокаго замка
«Смерти предавъ, унесли, и рукою, отъ убій-
ства кровавой,
«Дѣвственно-чистыхъ богини одежду при-
коснуться дерзнули—
«Кончилась наша довѣренность къ ней, охладѣла надежда,
«Сила упала, отъ насъ отклонилась богиня;
и зрѣлись
«Явные знаки гнѣва Тритоны: лишь только
во станѣ
«Былъ утвержденъ похищенный идолъ,
ожившія очи
«Вдругъ ослѣпительнымъ блескомъ за-
жглись, по членамъ соленый
«Потъ проступилъ и трикраты (о страш-
ное чудо!) богиня,
«Прянувъ, воздвигнула щитъ и копьемъ
потрясла, угрожая.
«Намъ утрашеннымъ Калхасъ не медля
совѣтуетъ бѣгство.
„Трою не пастъ отъ аривскія силы,—
прорекъ онъ:—иль снова
„Греки должны спроситъ оракулъ въ
Аргосъ, и моремъ
„Взятый съ отчизну Палладіумъ вновь
привести къ Иліону.
«Знайте жъ: теперь, переплывши въ Аргосъ
съ благовѣющимъ вѣтромъ,
«Рать и спутныхъ боговъ они собираютъ,
чтобъ снова
«Вслѣдъ за Калхасомъ войпой на Пергамъ
неожиданной грянуть.
«Въ даръ же богамъ за Палладіумъ, въ
честь оскорбленной Тритоны
«Ими воздвигнуть сей идолъ, чтобъ ихъ
святотатство загладить;
«Самъ Калхасъ повелѣлъ, чтобъ конь сей
чудовищный созданъ
«Былъ изъ крѣпкихъ досокъ и высиася
ростомъ огромнымъ
«Къ небу, дабы не пройти во врата и не
стать въ Иліонѣ

«Грозной защитой народу по древнимъ ска-
 заніямъ предковъ.
 «Вѣдай же, Троя: когда оскорбите святыню
 Минервы,
 «Гибель великая—о! да обрушатъ ее на
 Калхаса
 «Праведны боги! — постигнетъ Пріамовъ
 престолъ и фригійскій;
 «Если же сами коня возведете во внут-
 ренность града,
 «Иногда Азія стѣны Пелопсовы сильной
 оступить
 «Ратью, и нашихъ потомковъ постигнетъ
 мстѣющая гибель». —
 Боги! боги! притворнымъ рѣчамъ вѣро-
 ломца Синона
 Жадно повѣрили мы... и тѣ, кого ни Ти-
 деевъ
 Сынъ, ни Ахиллъ вессалиецъ, ни десять лѣтъ
 непрерывной
 Брани, ни тысяча ихъ кораблей покорить
 не умѣли—
 Тѣ единому слову, одной слезѣ покорились.
 Тутъ явилось другое неслыханно-страшное
 чудо
 Нашимъ очамъ и вселело въ сердца не-
 описанный трепетъ.
 Лаокоонъ, Пентуновъ избранный жрецъ,
 всенародно
 Тучнаго богу вола приносилъ предъ хра-
 момъ на жертву...
 Вдругъ, четой, отъ страны Тенедоса, по
 тихому морю
 (Вспомнивъ о томъ, трепещу!) два змѣя,
 возлгши на воды,
 Рядомъ плывутъ и медленно тянутся къ
 нашему берегу;
 Груды изъ волнъ поднялись; надъ водами
 кровавыя гребни
 Дыбомъ; глубокой, излучистой слѣдъ за со-
 бой покидая,
 Вьются хвосты; разгибаясь, сгибаясь, вды-
 маются спины.
 Иѣняся, влага подъ ними шумить; впол-
 заютъ на берегъ;
 Яркъ налитые кровью глаза и рдѣютъ и
 блещутъ;
 Съ свистомъ проворными жалами лижутъ
 ранинуты части.

Мы, поблѣднѣвъ, разбѣжались. Чудовища
 прыгнули дружно
 Къ Лаокоону, и двухъ сыновъ его мало-
 лѣтнихъ
 Разомъ настигнувъ, скрутили ихъ тѣло и,
 жадные втиснувъ
 Зубы имъ въ члены, загрызли мгновенно
 обоихъ; на помощь
 Къ дѣтямъ отецъ со стрѣлами бѣжигъ; по
 змѣи, напаши
 Вдругъ на него и спутавшися крѣпкими
 кольцами дважды
 Чрево и грудь и дважды выю ему окружили
 Тѣломъ чешуйнымъ и грозно надъ нимъ
 поднялися головами.
 Тщетно узлы разорвать стараются онъ сла-
 быя руки—
 Черный ядъ и пѣна текутъ по священнымъ
 повязкамъ;
 Тщетно, терзаемъ, пропительный столъ ко
 звѣздамъ онъ подымаетъ;
 Такъ, отряхая топоръ, невѣрно въ шею
 вонзенный,
 Бѣсится волъ и реветъ, оторвавшись отъ
 жертвенной цѣпи.
 Быстро вѣяетъ, побѣжали ко храму высо-
 кому змѣи;
 Тамъ, достигши святилища гнѣвной Три-
 тоны, припали
 Мирно къ стопамъ божества и подъ щитъ
 улеглися огромный.
 Веѣмъ намъ тогда предвѣщательный ужасъ
 глубоко проникнулъ
 Сердце; въ трепетъ мыслимъ: достойно былъ
 дерзкой наказанъ
 Лаокоонъ, оскорбитель святыни, конемъ
 святотатнымъ
 Иѣдра прозившій коню, посвященному
 чистой Палладѣ.
 «Вестъ коня въ Иліонъ! молить о пощадѣ
 Весь народъ возопилъ... [Палладу!]
 Стѣны посѣбно прозаемъ; разломаны
 града твердыни;
 Веѣ на работу бѣгутъ: подъ коня подка-
 тивши колеса,
 Ставятъ громаду на нихъ и, шею кана-
 томъ опутавъ,
 Тянутъ... шагнулось чудовище; воиновъ
 полное, въ городъ

Медленно движется; юноши вокруг и без-
брачныя дѣвы
Гимны поютъ и тѣшатся, чтобы вервей
коснуться руками.
Вдвинулся конь и идетъ, угрожающей, стог-
нами Трои...
О отчизна! о градъ боговъ Іліонъ! о во-
брани
Славныя стѣны дарданскія! трижды въ
воротахъ громада
Остаповилась, трижды внутри зазвучало
жельзо...
Мы жъ, ослѣвленные, разумъ утративъ, не
зримъ и не слышимъ.
Въ замокъ Пергама введенъ, наконецъ,
истукавъ бѣдоносный.
Тутъ Кассандра, безъ вѣры внимаема нами,
напрасно
Вѣщій изыгъ разрѣшила, чтобъ намъ пред-
сказать о грядущемъ;
Мы, сѣбѣны, для которыхъ сей день былъ
последній, цвѣтами
Храмы боговъ украшали, снокойно по стог-
намъ ликуя...
Небо тѣмъ временемъ кругъ совершило, и
почъ полетѣла
Съ моря, и землю и твердь и обманъ мирми-
донянъ объемля
Тѣлю великой; по граду безпечно разсы-
павшись тевкры
Всѣ умолкнули: сонъ обижалъ утомлен-
ные члены.
Тою порой отъ береговъ Тенедоса фалангу
аргивянъ
Строемъ шели корабли, въ благосклонномъ
бездунія мракѣ,
Прямо къ знакомымъ брегамъ; и лишь
только надъ царской кормюю
Всѣхнуло пламя—судбою боговъ, намъ
враждебныхъ хранимый,
Тихо сосновыя двери замкнутымъ въ гро-
мадѣ даваямъ
Отперъ коварный Синогъ: растворившись,
грековъ на воздухъ
Конь возвратилъ; спѣшать изъ душпаго
мрака темницы
Выйти вожди: Степель и Тессандръ и Улиссъ
кровожадный,

Смѣло по верви скользая, и за ними Фоасъ
съ Аваманомъ,
Впукъ Пелесевъ Песотолемъ, Магаонъ, на-
последѣдокъ
Самъ Мепелай и съ нимъ громады созда-
тель Эносъ.
Быстро напали на сонный, виномъ обез-
умленный городъ;
Стража зарѣзана; твердыя сбиты врата, и
наветрѣчу
Ждущимъ у входа вождамъ мирмидоняне
хлынули въ Трою.
Было то время, когда на усталыхъ сходить
начинаетъ
Первый сонъ, боговъ благодать, успокои-
тель сладкій.
Вдругъ... мнѣ заснувшему видится, будто
Гекторъ печальный
Сталь предо мной, проливая обильно горь-
кія слезы,
Тотъ же, какимъ онъ являлся, конями
размыканный, черенъ
Шелью кровавой, истерты ремнями опу-
шенія ноги.
Горе! такимъ ли видать я его? Какъ былъ
онъ несходенъ
Съ Гекторомъ прежнимъ, гордо бѣгущимъ
въ Ахилловой бронѣ,
Иль запалившимъ фригійскій пожаръ въ
корабляхъ суюстата!
Включена густо брада; отъ крови склеилися
кудри;
Тѣло истерзано ранами, нѣкогда вокругъ
іліонскихъ
Стѣпъ полученнымъ. Самъ, заливаясь сле-
замъ, казалось,
Такъ во снѣ я привѣтствовалъ Гектора
жалобной рѣчью:
«О свѣтло Дардаи! вѣрная Трон надежда!
«Гдѣ такъ долго ты медлил? Гекторъ же-
лашный, откуда
«Нынѣ пришелъ ты? О! сколь же ты насъ,
но утратѣ толкихъ
«Храбрыхъ друзей, по толкихъ бѣдствіяхъ
гражданъ и града,
«Сердцемъ унылыхъ обрѣлъ! И что недо-
стойное свѣтлый
«Образъ твой затемнило? Откуда толкія
раны?»—

Огнь ни слова; бесплоднымъ вопросамъ огнь
 не дасть вниманья;
 Но, протяжный, тяжелый вѣдохъ петоргнувъ
 изъ груди,
 Молвилъ: «бѣги, сынъ богини, спасайся;
 Пергамъ погибаетъ;
 «Врагъ во градъ; падаютъ Троя; Приаму,
 отчизнѣ
 «Мы отслужимъ: когда бы отъ смертной
 руки для Пергама
 «Было спасенье—Пергамъ бы спасень былъ
 этою рукою.
 «Троя пенатовъ своихъ тебѣ новѣряетъ;
 прими ихъ
 «Въ спутники жизни; для нихъ завоюй
 обреченныя небомъ
 «Стѣны державныя, ихъ же воздвигнешь,
 всплававши море».
 Кончилъ—и вышелъ изъ тайны святилища
 утварь, повязки,
 Вѣчно-пылающей огнь и ликъ всемогущія
 Весты.
 Тою порою по граду, шумя, разливалась гирьба.
 Волѣ и болѣ—хотя въ сторонѣ, одинокъ и
 непынешь,
 Домъ Анхиза—родителя сѣбно закрыть былъ
 древесной—
 Шумъ приближается; явственнѣй слышно
 волненіе брани.
 Я очулся, и ложе покинулъ; на верхнюю
 кровлю
 Дома взбѣжалъ, и стою, внимательнымъ
 слушаю ухомъ.
 Такъ—когда, раздуваемый бурей, свирѣпствуетъ
 пламень
 Въ жатвѣ, пль ливнемъ потокъ наводнен-
 ный, съ горы загремѣвши,
 Губить поля и веселыя пивы и трудъ зем-
 ледѣльца,
 Съ корнями рветъ и уноситъ деревья—съ
 вершины утеса
 Въ смутномъ невѣдѣннѣ силитея къ шуму
 прислушаться пастьеръ.
 Все мигъ тогда, и видѣнныя тайна, и козни
 данася
 Вдругъ объяснилось. Ужь домъ Деифобовъ
 горить и огромной

Грудой разваливъ, дымящійся, падаеть; съ
 нямъ пламенѣеть
 Укалетѣповъ, и заревомъ блещуть сигей-
 скія воды;
 Слышны и крики людей и звонкой трубы
 дребезжанье.
 И, какъ безумный, за мечъ... но куда съ
 мечомъ обратиться?
 Рвуся потерпѣваемъ дружину созвать,
 чтобъ броситься въ замокъ;
 Ирость и бѣшенство душу стремительно
 мчатъ, и погибнуть
 Смертью прекрасной въ бою съ тоскою му-
 чительной жаждою.
 Вдругъ явился Паноей, убѣждавшій отъ ко-
 ній ахейскихъ,
 Старецъ Паноей, Отрядъ и въ замкѣ жрецъ
 Аполлоновъ.
 Утварь и лики боговъ побѣжденныхъ по-
 хитивъ, младого
 Визка онъ влекъ за собой и безмятежно
 мчался къ Анхизу.
 «Есть ли надежда, Паноей? Уцѣлѣли ль
 замка твердыни?»
 Я спросилъ; отчаяннымъ стопомъ отвѣ-
 ствовалъ старецъ:
 «День послѣдній насталь, неизбежное вре-
 мя настало
 «Царствую; мы были трояне, былъ Иліонъ,
 и великой
 «Тевкрин слава была... на аргивянъ же-
 стокій Юнитеръ.
 «Все перешель; господствуютъ греки въ
 пылающемъ градѣ,
 «Гибельно высясь надъ площадью замка,
 ратниковъ соимы
 «Коль извергаетъ; Сипонтъ, торжествуя,
 пожарное пламя
 «Тщитяся усилить; тамъ непрестанно двумя
 воротами
 «Войска безчисленны входятъ, какихъ не
 видали Микены;
 «Здѣсь, захвативши тѣсныя выходы, силь-
 ная стража
 «Сдвинула копыя, и грозно, возитяся го-
 товое, блещеть
 «Ихъ остріе; безнадежно, разстроенной,
 слабой дружиной

«Бьются привратные воины, сляся на-
 прасно отбиться».
 Страшною вѣстью Паноя и силой без-
 смертныхъ влекомый,
 Я побѣжалъ, куда призывали Эриниисъ и
 шумный
 Говоръ сраженья и пламень и стоишь, ко
 звѣздамъ восходящій.
 Слѣдомъ со мною Рифей и зрѣлый мужес-
 ствомъ Ифигъ:
 Къ намъ присташи при блесгѣ пожара
 Димантъ съ Гипанисомъ.
 Къ намъ и Хоревъ Мигдонидъ, въ Иліонъ
 приведенный судьбою
 За день предъ тѣмъ, горящій безумной къ
 Кассандрѣ любовью,
 Съ вѣрною помощію къ тестю Пріаму и
 Троѣ... несчастный!
 Купно съ другими вѣщимъ рѣчамъ вдо-
 хновенной невѣсты
 Онъ не повѣрилъ...
 Я же, ихъ видя рѣшительныхъ, жажду-
 щихъ боя, воскликнуть:
 «Юные други! сердца, толь напрасно без-
 страшныя нынѣ!
 «Если, отважась на все, испытать вы со
 мною готовы
 «Силы послѣдней (что же фортуна рѣ-
 шила, вы зрите:
 «Наши святилища бросили, нани поки-
 нули храмы
 «Боги, хранители Трои; святой Иліонъ
 исчезаетъ
 «Дымомъ»), на смерть побѣжимъ, ударимъ
 въ средину оружія;
 «Други! спасенья не ждате—одно побѣ-
 жденнымъ спасенье».
 Вспыхнула бодрая младость. Подобно какъ
 въ темномъ туманѣ
 Рыщутъ, почуя добычу, гонимые бѣшен-
 ствомъ глаза,
 Хищные волки, и, пасти засохшія жадно
 разинувъ,
 Ихъ волчата ждуть въ логовищахъ: сквозь
 копы и сонмы
 Такъ на погибель ударились мы, пролагая
 въ средину
 Города путь, облетаемы ночи огромною
 тѣнью.

Ночь несказанная; гдѣ слова для ея раз-
 рушеній?
 Кто и какими слезами такую погибель
 оплачетъ?
 Падаеть древній градъ, многолѣтній вла-
 ститель народовъ;
 Всюду разбросаны трупы; лежатъ непо-
 движно во прахѣ
 Улицъ, на прагахъ домовъ, при дверяхъ,
 во святилищахъ храмовъ.
 Но не одну безотпорную смерть прини-
 маетъ троянецъ,
 Часто горитъ въ побѣжденномъ привычная
 бодрость, и гибнетъ
 Грекъ-побѣдитель... Вездѣ, отовсюду явля-
 ются взору
 Ужасъ и бой и кровавая смерть въ не-
 численныхъ видахъ.
 Первый изъ грековъ, дружиною ветрѣн-
 ченный нами на стогнахъ,
 Былъ Андрогей; въ обманчивомъ сумракѣ
 ночи пріемля
 Нашъ за данаевъ союзныхъ, онъ такъ дру-
 жельбно воскликнулъ:
 «Братья, сѣбшите; гдѣ же такъ долго васъ
 задержала
 «Праздная лѣнь? Давно расхищаютъ го-
 рящую Трою
 «Греки; а вы едва съ кораблями раз-
 статься успѣли».
 Такъ онъ сказаалъ; но, узрѣвъ безотвѣтную
 нашу суровость,
 Вмигъ догадался, кто передъ нимъ, от-
 скочилъ и умолкнулъ,
 Скванный страхомъ. Какъ путникъ, змѣю
 разбудившій ногою,
 Трепетень рвется назадъ, узрѣвъ, какъ
 она, развернувшись,
 Гнѣвъ воздымаетъ и свищетъ, поднявъ
 чешуи голубья:
 Такъ, задрожавши, отъ насъ побѣжалъ
 Андрогей... по напрасно!
 Мы за нимъ; разорвали ихъ строй; и не
 вѣдая града,
 Вдругъ осажденные страхомъ, внезап-
 ностью, ночью и нами,
 Веѣ до единого пали враги. Улыбнулась
 фортуна

Первому нашему бою. Хоревъ, воспален-
 ный удачей,
 «Други! воскликнулъ, отваямся ввѣ-
 риться первому счастью;
 «Намъ благосклонно судьба указываетъ нашъ
 путь; облачимся
 «Въ брони данаевъ, щиты перемѣнимъ;
 обманомъ иль силой—
 «Все равно для врага. И нынѣ оружіе сами
 «Греки трояпамъ дадутъ». Сказалъ и на-
 дѣлъ Андрогеевъ
 Гривистый шлемъ, завосанный щитъ на-
 двинулъ на шуйцу,
 Греческій мечъ утвердилъ на бедрѣ. Ему
 подражая,
 Бодро Димантъ и Рифей и вся молодая
 дружина
 Свѣжей добычей оружіемъ себя околчили.
 Въ ередипу
 Грековъ бѣжимъ... но боги отчизны были
 не съ нами.
 Подвиговъ много, врагами не узнаны, въ
 сумракѣ ночи
 Мы совершили, много данаевъ пизринуту
 въ Оркусъ.
 Въ страхѣ одни къ кораблямъ, къ без-
 опасному берегу моря
 Мчатся изъ града; иныхъ заогляеть по-
 стыдная робость
 Въ пѣдра коня, и приѣмлетъ ихъ снова
 знакомое чрево.
 Но... богамъ отвратившимся, поздно ввѣ-
 ряться надеждѣ!
 Вдругъ изъ храма Паллады влекутъ за
 волосы распущенны,
 Вырвавъ ее изъ святилища, дочь Приама
 Кассандру,
 Къ темному небу напрасно подъемающую
 пламенны очи—
 Очи одни, окованы были невинныя руки;
 Страшнаго вида сего не стерпѣло сердце
 Хорева;
 Огнь, обезумленный, прямо въ средину
 толпы ихъ, и сдвинувъ
 Груды и копя, мы дружно за нимъ; но
 плачевно-ужасный
 Бой тогда закинулъ: трояне, обмануты
 вѣдомъ

Нашихъ греческихъ лагъ и сверкающимъ
 шлемовъ косматыхъ,
 Съ кровли высокаго храма пустили въ
 насъ тучею стрѣлы;
 Стоявъ пораженныхъ намъ измѣнилъ; на
 Кассандрипы вопли
 Бросился врагъ; мы всею орокинупты; съ
 бурнымъ Аяксомъ
 Оба явились Атрида — за ними толпами
 даван.
 Такъ, подымаясь крутящимся вихремъ,
 ешибаются вѣтры
 Ночь и Зефиръ и на легкихъ несомый
 коняхъ отъ востока
 Эвръ, и бушуютъ лѣса, и Нерей опѣнен-
 нымъ трезубцемъ
 Бьетъ по водамъ, и до самаго дна содро-
 гается море.
 Скоро и греки, испуганны мракомъ ноч-
 нымъ и по граду
 Нашей дружиной разсѣяны, вышли изъ
 тайныхъ убѣжищъ,
 Первые насъ почитамъ и обманчивымъ
 бронямъ узнали,
 Велушались въ наши слова и чужіе за-
 мѣтили звуки.
 Множество насъ задавило: первый мечомъ
 Ненееля
 Паль Хоревъ предъ святымъ алтаремъ
 броненосной Паллады;
 Паль и Рифей, изъ троянъ непорочнѣй-
 шій, правды блюститель
 (Иначе боги судили о немъ); Димантъ съ
 Гинаписомъ
 Пали отъ копій троянскихъ; ни Фебова
 риза, ни святость
 Чистыя жизни тебя не снасли, о Панфей
 благодущный.
 Прахъ Иліона, все блага мои поглотившее
 пламя,
 Васъ призываю! вы зрѣли, что я не чу-
 ждался ни копій
 Вражыхъ, ни силы врага; и когда бы
 назначилъ мнѣ жребій
 Часть — я паденье свое заслужилъ. Но
 изъ битвы (за мною
 Ифигъ одинъ съ Пеліасомъ, Ифигъ, уже
 отягченный

Дряхлостью лѣтъ, Пеліасъ, умирающій,
раненъ Улиссомъ)
Я устремился на стовъ, огласившій чер-
тоги Пріама.
Тамъ всё ужасы брани стеклися: какъ
будто во градѣ
Не было битвы иной и нигдѣ никого не
разили—
Такъ свирѣпствовалъ Марсъ, такъ бѣшено
греки рвалися
Въ замокъ и, сдвинувъ щиты черепахой,
на входъ нахрапи.
Множествомъ лѣстницъ упизаны стѣны;
вверхъ по ступенямъ
Лѣзутъ данай, шуйцей щиты надъ гла-
вами подъ копы
Наши подставивъ, десной за вершину
ограды хватаясь;
Тевкры, готовя отпоръ, разоряютъ и башни
и дома,
Вмѣсто оружій собираютъ обломки съ на-
мѣреннымъ грознымъ
Въ битвѣ отчаянной ими врага разда-
вить, погибая;
Съ шумомъ державнаго дома царей по-
злащенные убранства
Падаютъ; мечъ обнаживши, другіе, у вратъ
осажденныхъ
Тѣсною дружиною столнясь, отраждаютъ
святилище прага.
Взорвавшій гнѣвомъ, стремноеъ на за-
щиту Пріамова дома,
Ратныхъ усилить и бодрого духа придать
побѣжденнымъ.
Были сокрытыя двери въ стѣнѣ высокаго
замка,
Ходъ потаенный изъ верхняго града въ
царско жилище;
Часто, во дни благоденствія Трои, ко
сверху Пріаму
Онымъ путемъ Андромаха несчастная
тайно ходила:
Взоръ преселѣлаго дѣда порадовать вчу-
комъ цвѣтущимъ.
Онымъ путемъ пробираюсь къ тому воз-
вышенію, откуда
Тщетно послѣднія стрѣлы на грековъ
бросали трояне.

Тамъ воздымалась стремнистая башня,
весь градъ перевыся;
Съ кровли ея неприступной видимы были
вѣя Трои,
Всѣ корабли мирмидонявъ, весь греческій
станъ отдаленный.
Тамъ, гдѣ она со стѣны вилѣла грома-
дою всею
Грозно падеъ градомъ, какъ туча, мы
острымъ желѣзомъ подрыли
Сплочены камни и двинули башню...
гремя и дымяся
Вдругъ она повалилася и страшной раз-
валиной пала
Вѣя на грековъ; погибшихъ смѣшили
другіе, и градомъ
Стрѣлы, коня и камня опять полетѣли.
Всѣхъ определи, напиралъ на предверіе
Ширъ бѣдоносный,
Грозенъ, какъ пламенный, мѣдной броней
и стрѣлами сияя.
Такъ на солнцѣ змѣя, напивавшися ядомъ
растений,
Долго лежавъ неподвижно подъ тягост-
нымъ холодомъ снѣга,
Вдругъ, чешуи обновивъ, распрямляетъ
красы молодца,
Сколькій вошущетъ хребетъ, золотистую
грудь надуваетъ,
Встаетъ въ лучахъ и жаломъ тройнымъ,
разыгравшися, блестятъ.
Съ нимъ великанъ Мерифрасъ и правит-
ель Ахилловыхъ коней
Оруженосецъ Автомедонъ и дружина ски-
рианъ
Шумно къ чертогамъ тѣсняются и пламень
бросаютъ на кровли.
Самъ же, у всѣхъ впереди, онъ огром-
ной, двустрой сѣкирой
Рунить затворы, съ прилодокъ тяжкихъ,
окованныхъ мѣдью,
Петли сбиваетъ, брусья дробить и плот-
ныя доски
Вдругъ прорубилъ—широкою щелью раз-
нулъ двери.
Видимы стали и внутренній дворъ и ряды
переходовъ.
Видима древняя храмна прежнихъ ца-
рей и Пріама,

Видимы въ сѣняхъ и стражи, хранители
царскаго прага.
Въ самомъ же домѣ и жалобный крикъ,
и шумъ, и волненье;
Звонкіе своды чертоговъ наполнивъ про-
зительнымъ стономъ,
Жены рыдаютъ; къ звѣздамъ подымаютъ
отчаянныя голоса.
Блѣдныя матери, бѣгая въ мутномъ
безуміи страха,
Праги объемяютъ дверей и къ нимъ при-
липаютъ устами.
Вдругъ вторгается Пирръ, какъ отецъ,
неизбѣжно-ужасный.
Тщетны заграды; низринута стража; та-
ранъ стѣнобойный
Сшибъ ворота; расколовшися, огромныя
рухнули створы;
Силъ прочистился муть, и въ проломъ,
опрокинувъ переднихъ,
Ринулся грекъ, и врагами обители всѣ
заклибли.
Менѣе грозенъ, плотину прорвавъ и раз-
рушивши стѣну,
Съ ревомъ и съ пѣной стремится потокъ
изъ береговъ и, равнину
Шумнымъ разливомъ окрестъ потонивъ,
стада и заграды
Мчатъ по полямъ. Я видѣлъ убиствомъ
ярмага Пирра;
Видѣлъ обоихъ Атридовъ, дымящихся
кровью въ обители царской;
Видѣлъ Гекубу и ея невѣстою ея и
Приамъ,
Кровью своею воздвигнутый ими алтарь
обогрившихъ.
Вдругъ пятьдесятъ сыновихъ брачныхъ
чертоговъ, надежда
Столькихъ внуковъ, и стѣны, добытъ
многочисленныхъ златомъ
Гордыя, пали — пожаромъ забытое схва-
чено грекомъ.
Знать пожелаешь, быть можетъ, царица,
что было съ Приамомъ.
Видя паденіе града, видя пылающій замокъ,
Видя врага, захватившаго внутренность
царскаго дома,
Старецъ давно позабытую броню на хи-
ляхъ плечи,

Сгорбленный тягостью лѣтъ, чрезъ силу
падѣлъ, безцѣльный
Мечъ опоясалъ и въ сонмы враговъ пе-
шелъ на погибель.
Въ самой среднѣй царскихъ чертоговъ,
подъ небомъ открытымъ
Быль великій алтарь; надъ нимъ много-
лѣтняя лавра
Съивъ наклонялась и лица домашнихъ
боговъ обнимала.
Тамъ съ дочерями сидѣла Гекуба. На-
прасно.—Укрывшися
Робко подъ жертвенникъ, словно какъ
стая пугливая горлицъ
Въ грозу подъ вѣтви—кумиры безсмерт-
ныхъ оги обнимали.
Вдругъ царица одѣтая броней младости
бранной
Видитъ Приамъ. «Куда ты, бѣдный су-
пругъ (возгласила)?
«Что ополчило тебя? Къ чему безразсуд-
ная бодрость?
«Нынѣ такая ли помощь, такой ли за-
щитникъ Пергаму
«Нужны? Пергама не спасъ бы теперь и
великій мой Гекторъ.
«Съ нами останься, Приамъ; алтарь за-
щититъ насъ,
«Или умремъ неразлучны». Сказала и,
руку супругу
Давши, старца съ собою посадила на мѣ-
стѣ священномъ.
Вдругъ, изъ убійственныхъ Пирровыхъ
рукъ убѣжавшій Политоеъ,
Сынъ послѣдній Приамъ, сквозь копья,
сквозь сонмища вражьи,
Вдоль переходовъ, пустыми чертогами ра-
неній мчитъ;
Быстро за нимъ сверкающій Пирръ съ
неизбѣжнымъ убійствомъ
Гонится... близко; нагналъ, достигнулъ
железомъ; произвешный
Къ лону родителей кинулся юноша въ
страхѣ, предъ нимъ
Палъ, содрогнулся... и жизнь пролилася
потоками крови.
Тутъ заклибло Приамово сердце. Самъ
погибая,

Онъ не стерпѣлъ толь великаго горя и
 гнѣвно воскликнулъ:
 «О чудовище! Боги тебѣ, свяготатный
 убійца,
 «Боги—если живетъ въ небесахъ право-
 судная жалость—
 «Мзду испрошють; но заслугѣ подучишь
 награду, губитель,
 «Ты, предо мной моего растерзавшій по-
 слѣднего сына!
 «То ли Ахиллъ, отъ тебя названьемъ
 отца поносимый,
 «Сдѣлалъ съ Пріамомъ врагомъ? Онъ,
 краснѣя, почтилъ униженье
 «Старца молящаго; далъ схоронить мнѣ
 бездушное тѣло
 «Гектора сына и въ Трою меня отпу-
 стилъ безобидно».

Такъ онъ сказалъ и копье безсилное сла-
 бой рукою
 Бросилъ; оно, ударяся въ мѣдь, зазвенѣ-
 вѣвшую глухо,
 Тронуло выгнѣвъ щита и на немъ безъ
 движенія повисло.

Яростно Пирръ возопилъ: «иди же съ по-
 носной отсюда
 «Вѣстью къ Нелиду отцу; не забудь о
 безславныхъ дѣяньяхъ
 «Пирра повѣдать ему; теперь же умри».

Безпощадно
 Онъ передъ жертвенникъ дрогнувшій стар-
 ца повлекъ; сѣдинами
 Шуйцу, облитую кровью сыновней, опу-
 талъ, десницею
 Мечъ замахнулъ и въ ребра до самой
 вонзилъ рукою.

Такъ совершилася участь Пріама; такъ
 онъ покинулъ
 Землю, зрѣвши добычей пожара Пергамъ
 и паденье
 Трой, нѣкогда сильный властитель наро-
 довъ, державный
 Азии царь... и великое тѣло на брегѣ
 пустыномъ
 Нынѣ безъ чести лежитъ, обезглавлено,
 трупъ безмянный.

Тутъ впервые мнѣ ужась предчувствія
 душу проникнулъ

Я обомлѣлъ; я о миломъ старцѣ родителѣ
 вспомнилъ,
 Видя, какъ дряхлый ровесникъ его подъ
 рукою безпощадной
 Царь издыхалъ; я вспомнилъ о сирой
 Креузѣ, о домѣ,
 Преданномъ греку во власть, о судьбинѣ
 младенца Тула.

Взоръ обращаю: нѣтъ ли со мною спо-
 движниковъ ратныхъ?
 Все исчезли; одни, утомленные битвою,
 съ башни
 Принули въ городъ; другіе отчаянно кя-
 нулись въ пламень;
 Я одинъ уцѣлѣлъ. И вдругъ въ преддверіи
 храма
 Весты, робко-безмолвную, скрытую въ
 темномъ притворѣ,
 Вижу Тиндарову дочь: при заревѣ яр-
 комъ пожара
 Свѣтлымъ путемъ я бѣжалъ, все огу
 являлося яснымъ.

Тамъ, опасаясь троянъ, раздраженныхъ
 паденьемъ Пергама,
 Злобы данаевъ и мести супруга, отчизну
 и Трою
 Купно губящая Фурія, жертвенникъ Весты
 объемля,
 Въ храмѣ, богамъ ненавистная, тайно
 сидѣла Елена.

Вспыхнуло сердце во мнѣ; отомстить за
 погибель отчизны
 Рвется мой гнѣвъ; истребить истребленія
 виновницу жажду.

Ей наказанной Спарту узрѣть! въ
 родныя Микены
 Гордой царицей вступитъ, торжествуя!
 увидѣть супруга,
 Домъ родительскій, чадъ, окруженной при-
 скорной толпою
 Дѣвъ иліонскихъ и лѣннихъ троянъ!..

А Пріамъ ужъ зарѣзанъ,
 Троя горятъ и Дарданія цѣлая кровью
 дымится!
 Нѣтъ! того не стерплю! пускай не вели-
 кая слава
 Женоубійцѣ, пускай для него безохваль-
 на побѣда—

Свѣтъ отъ чудовища должно очистить;
кровавою местию
Сердце свое утолю и пепель моихъ успокою». Такъ я, себя раздражая, злобой кипящій, стремился.

Вдругъ передъ очи мои, откровенная,
мракъ осіявши
Яркимъ блцстаньемъ, великой богиней,
какою лишь небо
Знаеть ее, предстала мать и, меня удержи-
жавши,
Молвила такъ мнѣ устами, живыми, какъ
юная роза:
«Сынъ, для чего необузданной скорбію
гнѣвъ пробуждаешь?
«Что за безумство? Ужели оставилъ о
насъ попеченье?»
«Прежде помысли о томъ, гдѣ поклонуть
тобою родителя,
«Дряхлый Анхизъ, не погибли ль сунруга
Креуза и юный
«Сынъ твой Асканій? Кругомъ ихъ обви-
тели бѣшено рыщеть
«Грекъ, и давно бы, когда бъ не моя
берегла ихъ защита,
«Ихъ истребило желѣзо и пламень вра-
ждебный похитиль!..
«Нѣтъ! не Наридъ, похититель преступ-
ный, не образъ Спартанки,
«Низкой Тиндаровой дочери—боги, раз-
гнѣваныи боги
«Вашъ опрокинули градъ и сразили ве-
личіе Трои.
«Зри—я всякое облако, нынѣ темнящее
слабый
«Смертнаго взоръ и облекшее все предъ
тобою туманнымъ
«Мракомъ, подьземлю—но только моимъ
повелѣніямъ смѣло,
«Сынъ, покорись и безпорно мои по-
ученья исполни.
«Тамъ, гдѣ видишь разбросанныи груди,
утесь на утесѣ,
«Гдѣ подымается черное облако праха и
дыма,
«Тамъ Посидонъ великимъ его потрясенны
тресубцемъ
«Стѣны дробить, и, подрывъ основанья,
весь городъ въ обломки

«Рунить; здѣсь безопаднаая Ира, на
скейскихъ воротахъ
«Грозно воздвигнись, союзную рать съ
кораблей къ Иліону,
«Броней звучащая, кличьтъ...
«Тамъ—оглянься—на замѣтъ, надъ градомъ,
Тригона-Паллада
«Съла, гремящею тучей и странной Гор-
гопой блистая.
«Самъ Вседержитель и бодрость и бранную
силу низводитъ
«Свыше на грековъ и самъ на Дарданъ
подымаеть все небо.
«Нѣтъ упованія, сынъ; бѣги, не упорствуй
сражаться;
«Буду съ тобой; невредимо достигнешъ
родительской сѣни».
Такъ сказала и скрылась въ глубокую
бездну ночью.
Грозные лики тогда мнѣ предстали, раз-
зящія Троию
Силы великихъ боговъ я увидѣлъ..
Туть открылось, какъ, страшно разру-
шенъ, въ огнѣ распалася
Весь Иліонъ, и въ обломки валилася Неп-
тунова Троя.
Такъ на густой прародительскій ясенъ,
горы украшенъ,
Корни кругомъ подрубивъ, дровосѣки,
столпясь, нападаютъ;
Споря проворотвомъ, разять топоры; бла-
городное древо
Зыблется, сѣнью шумить, волосистой
главою трепещеть,
Мало-по-малу подъ ранами клонится..
вдругъ, изнемогни,
Стонеть и падаеть, всю заваливъ разру-
шеніемъ гору..
Я удаляюсь, хранимъ божествомъ; иду
черезъ пламень,
Мимо враговъ: раздвигаются конья, огонь
уступаеть.
Къ древней обители, къ прагу священной
родительской сѣни
Скоро достигъ я, и первой заботой въ
защитное мѣсто,
На гору старца отца перенести. Прибли-
жаюсь къ Анхизу—

Трою свою пережить и себя осудить на
изгнаше
Старець отречея. «Вы, сохранившіе бодрю
младость,
«Вы, лишенные мужеской силы годами,
снѣните
«Вѣгетвомъ спастеся, сказалъ онъ.
«Если бѣ державные боги конецъ мой
отерочить хотѣли—
«Мнѣ бы они сохранили мой домъ. Но
слишкомъ довольно
«Зрѣть и однажды погибель своихъ и
сожженіе града.
«Съ мпромъ идите, почтивши мое полу-
мертвое тѣло
«Словомъ прощальнымъ; смерть я самъ
обрѣту, иль, жалѣя,
«Врагъ умертвить старика. Не страшна
погребенья утрата;
«Слишкомъ долго, противный богамъ, на
землѣ я промедлилъ,
«Чуждый землѣ, съ тѣхъ поръ, какъ
бессмертныхъ и смертныхъ владыка
«Вѣянемъ молній своихъ и громомъ ко
мнѣ прикоснулся».
Такъ говорилъ мой родитель, въ жесто-
комъ намѣреніи твердый.
Мы же въ слезахъ — и я, и Креуза, и
юный Аскапій
Сынъ мой, и съ нами домашніе — молимъ,
чтобъ вмѣстѣ съ собою
Онъ, отецъ, семьи не губилъ и въ бѣду
не ввергася...
Тщетны моленья; покинуть свой домъ
непреклонный отречея.
Снова тогда ополчаюсь, отчаянный, жа-
ждущій смерти.
Что иное мнѣ оставалось? Какая надежда?
«Какъ, родитель, чтобъ я убѣжалъ, объ
отцѣ позабывши,
«Требоваль ты! изъ родительскихъ усть
толь обидное слово!
«Если назначили боги, чтобъ не было
Трои великой,
«Если тобой рѣшено истребить съ истреб-
ляемымъ градомъ
«Насъ и себя — для гибели нашей двери
отверзты:

«Скоро Пріамовой кровью дымящійся
Пирръ, умертвивши
«Сына предъ взоромъ отца и отца предъ
святыней псатовъ,
«Ивитея здѣсь! Для того ли сквозь бой
и пожаръ, о богиня,
«Я проведушь, чтобъ, врага допустивъ во
святлице дома,
«Видѣть, какъ сынъ мой Аскапій, и
дряхлый отецъ, и Креуза,
«Кровью другъ друга обливъ, предо мною
истерзаны будутъ?
«Дайте оружія, войны; время пришло
роковое;
«Грекамъ меня возвратите; отвѣдаемъ
силы послѣдней;
«Въ бой, друзья! мы не все неотмщенныя
нынѣ погибнемъ».
Мечъ опоясавъ и щитъ свой нагнувъ
на шуйцу, изъ дома
Выйти снѣшу; но Креуза, унавъ со сле-
зами на прагъ,
Ноги мои обняла, и сына младенца подъяла
къ лону отца, возопила: «если себя на
погибель
«Ты осудилъ — да погибнемъ съ тобою и
мы неразлучно!
«Если жъ осталось тебѣ упованье на мечъ
и на силу —
«Прежде свой домъ защити; здѣсь мла-
денецъ Гулъ; здѣсь отецъ твой;
«Здѣсь Креуза... ее называлъ ты доньнѣ
своею».
Такъ вопіяла супруга, стонашемъ весь
домъ оглашая.
Тутъ несказанное въ нашихъ очахъ со-
вершилося чудо:
Сына Гула съ печалью родительской мы
обнимали —
Вдругъ надъ его головою сверкнуло эфир-
ное пламя,
Въ кудри власовъ, не налящее, вѣянемъ
тихимъ влетѣло,
Пыхнуло ярко, и вокругъ головы обви-
лося блистаньемъ.
Въ трепетъ страха мы отряхнемъ горящіе
кудри;
Слимея влагой ступеной огонь заглушить
чудотворный.

Чуда свидѣтель, Анхизъ, оживленные радостью очи
 къ небу возвелъ и. дрожація дѣлаи поды-
 емля, воскликнулъ:
 «О Вседержитель Зевесъ! когда ты мо-
 литвамъ доступенъ,
 «Призри на насъ, о единомъ молящихся:
 если достойны,
 «Будь намъ защитой, отецъ, и знаменью
 дай подтвержденіе».
 Только промолвилъ Анхизъ—помутилося
 небо, и страшно
 Грнуло влѣвъ; и быстро упадшая съ
 темныя тверди,
 Мракъ лучезарной разбѣжи браздой,
 звѣзда побѣжала...
 Видѣли мы, какъ она, разразившись надъ
 нашею кровлей,
 Свѣтлая, вдалѣ покатила и, путь нашъ
 означивъ блещаньемъ,
 Пала за Идою въ рощу... долго, протя-
 нуть вдоль неба,
 Слѣдъ пламенѣль и запахомъ сѣрымъ
 дымила окрестность.
 Тутъ побѣжденный старецъ родитель
 подъемлетя съ ложа,
 Молять боговъ и творить поклоненіе
 звѣздъ путеводной.
 «Все рѣшено! — возгласилъ онъ — Боги
 отчизны, ведите;
 «Съ вѣрой иду; сохраните и домъ мой и
 внука; то ваше
 «Знаменье было и въ вашемъ могуществѣ
 есть еще Троя;
 «Вамъ покоряюсь; мой сыгъ, предводи;
 за тобою отецъ твой».
 Такъ онъ сказалъ... и уже приближался
 къ обители нашей
 Съ трескомъ пожаръ и шумящаго пла-
 мени зной опаляя насъ.
 «Время, родитель; на плечи сыновія сядь
 (возгласилъ я),
 «Дай мнѣ мои подылонить рамена подъ свя-
 щенное бремя.
 «Что бы ни встрѣтило насъ на пути —
 одно намъ спасенье,
 «Гибель одна; перестанемъ же медлитъ;
 младенецъ Асканій

«Рядомъ со мною пойдемъ; въ отдаленіи
 за нами Креуза.
 «Вы же, служители дома, замѣтьте, что
 вамъ повелю я:
 «Есть при неходѣ изъ града холмъ, и на
 холмѣ Цереринъ
 «Древле покинутый храмъ; передъ нимъ
 кипарисъ престарѣлый,
 «Съ давнихъ временъ сохраненный по-
 чтеніемъ набожныхъ предковъ.
 «Тамъ во единое мѣсто изъ разныхъ сто-
 ронъ соберитесь.
 «Лики пенатовъ и утварь тебѣ повѣрю,
 родитель;
 «Я же, пришедшій изъ бѣтвы, рукою кро-
 вавой не смѣю
 «Къ нимъ прикоснуться, доколь не очисти
 себя орошеньемъ
 «Свѣжія влаги»...
 Съ сими словами, широкія плечи склопи,
 и на выю
 Сверхъ одѣянья накинувъ косматую льви-
 ную кожу,
 Старца подъемая; идемъ; Асканій, мою
 обхвативши
 Крѣпко десницу, бѣжить, корояся шагами
 неровными съ богу;
 Слѣдомъ Креуза; идемъ, пробираяся мглою
 по стогнамъ:
 Я же, дотолѣ безстрашнымъ окомъ смо-
 трѣвшій на тучи
 Стрѣлы и отважно встрѣчавшій дружины
 враждебныя грековъ,
 Тутъ при малѣйшемъ звукѣ блѣднѣлъ,
 при шорохѣ каждомъ
 Медлялъ, робѣя за спутника, въ страхѣ
 за милую пошу.
 И уже достигалъ я воротъ, и мнилъ, что
 опасный
 Путь совершился... вдругъ недали голоса
 раздалися,
 Что-то мелькнуло, посыпался топотъ.
 Пристально въ сумракъ
 Смотритъ Анхизъ: мой сыгъ, мой сыгъ,
 бѣги! возопилъ онъ.
 Идутъ! сверкають щиты! оружіе мѣдное
 блещетъ!..
 Кто изяснитъ? Божество ли какое вра-
 ждебною силой

Умъ мой смутило... но, въ сторону бро-
саясь, чтобъ мимой
Встрѣчи избѣгнуть, далекимъ обходомъ я
вышелъ изъ града;
Боги! Креуза исчезла; во тѣмъ ль, ослаб-
ленная рокомъ,
Сбилась съ дороги, или гдѣ отдохнуть,
утомленная, съла—
И не знаю; съ тѣхъ поръ мы нигдѣ ужъ
ей не встрѣчали.
Только тогда я утрату. опомнясь, замѣ-
тилъ, когда мы
Холма святого и древняго храма Цереры
достигли.
Тамъ собрались мы, убогій остатокъ Тро-
ялъ—а Креузы
Не было, къ горю спутниковъ, сына,
отца и супруга.
О! кого изъ людей и боговъ я не клаялъ,
изступленный!
Было ли что для меня и въ паденіи Пер-
гама ужаснѣй?
Сына Тула съ Анхизомъ отцомъ и съ не-
патами Трои
Спутникамъ вѣривъ, въ излучинѣ дола
всю имъ укрыться;
Самъ же, блестящей одѣтой броней, воз-
вращаюсь въ Трою.
Вновь рѣшено боевые труды испытать,
по горящимъ
Стопнамъ Пергама промчатся и грудь подъ
удары подставить.
Къ темному прагу воротъ, чрезъ который
мы вышли изъ града,
Прежде спѣшу, чтобы снова по свѣжему
нашему слѣду
Трою пройдя, замѣчательнымъ окомъ вмо-
трѣться въ примѣты:
Всюду ужасъ! даже молчаніе въ трепетъ
приводить!
Къ дому Анхиза — не тамъ ли она, не
туда ли ей случай
Путь указать — я бѣгу: по даная ужъ
грабилъ домъ нашъ;
Все шипроввергнуто; съ волями врагъ по
обители рыскалъ;
Пламень пожара уже прошибалъ изъ-подъ
верхнія кровли;

Вихремъ взвивались искры и въ воздухѣ
странно гремяло.
Я обратился къ Пріамову дому, къ высо-
кому замку:
Боги! боги! въ притворѣ пустого Юнонина
храма
Звѣрскій Улиссъ и Фениксъ у добычи
стояли на стражѣ:
Тамъ сокровища Трои, богатства сожже-
нныхъ святилищъ,
Чаши золотыя, престолы боговъ и убран-
ства и ризы
Въ горахъ лежали; младенцы и блѣдные
матери длиннымъ
Строемъ стояли вблизи.
Презря меня окружавшую гибель, дерзнулъ
я во мракѣ
Голосъ возвысить; печальный мой кликъ
раздавался по стогнамъ.
Гдѣ ты, Креуза?— зывалъ я, зывалъ...
но было напрасно.
Въ яростномъ горѣ по грудамъ разрушен-
ныхъ зданій я бѣгалъ.
Вдругъ передъ очи мои появилася призра-
комъ, легкой
Тѣнью она... и казалась возвышеннѣй
прежняго станомъ.
Я ужаснулся, волосы дыбомъ, голосъ мой
замеръ.
Тихо съ улыбкой, смиряющей душу, ска-
зала Креуза:
«Тщетной заботѣ почто предашься, без-
умно печалась?
«О Эней, о сладостный другъ, не безъ
волн безсмертныхъ
«Было оно: мнѣ не должно идти за тобой
изъ Пергама;
«То запрещаетъ владыка небесъ, громо-
держецъ Юпитерь.
«Долго изгнанникомъ будешь бродить
безпредѣльное море;
«Тамъ въ Гесперіи, гдѣ волны Лидійскаго
Тибра по тучнымъ,
«Люднымъ равнинамъ обильно-медлитель-
нымъ токомъ лиются,
«Свѣтаое счастье и царскій вѣнецъ, и
невѣсту царевну
«Ты обрѣтешь. Не томи жъ по Креузѣ
утраченной сердца;

«Итъ! ни дверей мирмидона, ни пыш-
ныхъ чертоговъ долона
«Я не увижу; не буду рабынею матери грека,
«Дочь Дарданіи, вѣчной Венеры невѣстка...
«Быть при себѣ мнѣ судила великая ма-
терь безсмертныхъ.
«Ты же прости; поминай о супругѣ лю-
бовію къ сыну».
Смогла и тихо со мной, проливающимъ
слезы, расталась;
Много хотѣлъ я сказать, но она улетѣла;
трикраты
Я за летящею тѣнію руки простеръ и три-
краты
Легкая тѣнь изъ напрасно-объемлющихъ
рукъ ускользнула,
Словно какъ вѣющій воздухъ, словно какъ
сонъ мимолетный.
Такъ миновалася ночь; возвращаюсь къ
товарищамъ бѣгства;
Много толною притекшихъ изъ Трой со-
путниковъ новыхъ
Тамъ нахожу, изумленный: матери, мужи,
младенцы,
Жалкій народъ бѣглецовъ, невозвратно
утративъ отчизну,
Съ бѣднымъ остаткомъ сокровищъ, тѣ-
снился тамъ, приготовясь
Вмѣстѣ со мной за морями некая обре-
ченнаго берега.
И уже восходилъ надъ горой свѣтоносный
Люциферъ,
Юнаго дня благовѣстникъ, и все ворота
Иліона
Заперты были врагомъ... упованье исчезло!
судьбинѣ
Я уступилъ и Анхиза поспеъ на высо-
кую Иду.

1828, 1829, 1849—1851 гг.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ИЛІАДЫ.

I. ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Глѣвъ намъ, богиня, воспой Ахиллеса,
Пелеева сына,
Гибельный мѣвъ, приключившій ахея-
намъ много великихъ

Бѣдствій, и воиновъ многихъ безстрашныя
души низведшій
Въ область Аида, ихъ трупы оставя на
пищу окружнымъ
Птицамъ и исамъ,—такъ свершалася воля
Кроніона Зевса—
Съ тѣхъ поръ, какъ сильной враждою
разрознены были владыки,
Пастырь народовъ Атриды и герой Ахил-
лесъ богоравный.

Кто изъ безсмертныхъ зажегъ въ ихъ
груды толь свирѣпую злобу?
Фебъ, сынъ Латоны и Зевса. Атридомъ
прогнѣванный, язву
Онъ ниспослалъ на ахейскую рать, и
безчисленно гибли
Люди, понеже былъ жрецъ Аполлоновъ
Хризесъ недостойно
Сыномъ Атрея обиженъ. Чтобъ выручить
дочь изъ неволи,
Съ выкупомъ старецъ богатымъ пришелъ
къ кораблямъ крѣпкозданнымъ,
Жреческій жезлъ золотой Аполлоновымъ
лавромъ обвивши.
Всехъ обходилъ онъ ахеянъ, склоняя
сердца ихъ на жалость;
Паче жъ другихъ убѣждалъ двухъ Атри-
довъ, вождей падъ вождами:

Вы, Атриды, и вы, броненосцы ахеяне, сила
Вѣчныхъ боговъ Олимпійскихъ да вамъ
нипровергнуть неможетъ
Городъ Пріамовъ и путь вамъ усѣбный
устроить въ отчизну;
Вы же отдайте мнѣ дочь, за все много-
цѣнный припавши
Выкупъ и сына Зевесова чти, стрѣло-
носнаго Феба.—

Такъ онъ молилъ; восклицаньемъ всеоб-
щамъ рѣшили ахеяны
Просьбу исполнить жреца и принять пред-
ложенный имъ выкупъ.
Но Агамемнону, сыну Атрея, то было про-
тивно;
Старца моленье отвергъ онъ и такъ раз-
драженный примолвилъ:
Если, докучный старикъ, отъ моихъ ко-
раблей крѣпкозданныхъ

Ты не уйдешь во мгновение, иль снова
 дерзнешь подойти къ нимъ,
 Жезлъ твой и лавръ Аполлоновъ тебя отъ
 бѣды не избавятъ.
 Дочь же твоя изъ неволи не выйдетъ;
 до старости поздней
 Въ домъ мосмъ, въ отдаленномъ Аргосѣ,
 съ домашними разню,
 Будеть работать она и моею наложницей
 будетъ.
 Но удались и меня не гнѣви: иль домой
 ты отсюда
 Цѣль не пойдешь. — Такъ сказалъ онъ;
 испуганный жрецъ удалился.
 Берегомъ моря широкошумящаго молча
 пошелъ онъ;
 Сталъ вдаль отъ судовъ, сокрушенный,
 и началъ молиться
 Фебу царю, свѣтлоудрой Латоной рожден-
 ному богу:
 Гогъ, облетающій съ лукомъ серебрянымъ
 Хризу и Квалы
 Свѣтлый предѣль, Тенедоса владыка,
 Сминтей всемогущій.
 Если тебѣ я когда угодилъ, изукрашивъ
 священный
 Храмъ твой, и жирныя козы и быковы
 предъ тобою сожегши
 Бедря, мое благосклонно услышь и исполни
 мольбу:
 Слезы мои отомсти на данаяхъ твоими
 стрѣлами. —
 Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Апол-
 лонъ услышанъ.
 Гнѣвный посиѣшно сошелъ Аполлонъ съ
 высоты Олимпійской,
 Тулъ затворенный и лукъ за спиною неся;
 и ужасно
 Стрѣлы гремѣли, стуча о плеча раздра-
 женнаго бога
 Въ грозномъ его приближеньи; какъ чер-
 ная ночь подходилъ онъ.
 Сѣвъ на виду кораблей, онъ пустил неиз-
 бѣжныя стрѣлы;
 Страшно серебряный лукъ зазвучалъ, разо-
 гнувшійся. Сначала
 Въ мѣловъ и вольнобродящихъ собакъ онъ
 стрѣлялъ. напоследокъ

Горькія стрѣлы свои обращать и на рат-
 ныхъ данаевъ
 Началь: всечасно безчисленны труповъ
 костры пламенили.
 Девять ужъ дней облетала погибель весь
 станъ, на десятый
 Созвалъ Пелидъ Ахиллесъ на собранье все
 войско ахейскъ.
 Мысли его обратила на то свѣтлорукая Ира:
 Въ страхъ богиня была, погибающихъ видя
 аргивияхъ.
 Все собрался они, и собраніе сдѣлалось
 полнымъ.
 Первый, поднявшись, такъ имъ сказалъ
 Ахиллесъ быстроногій:
 Видно, Атридъ, намъ придется опять,
 избравши все море,
 Въ дома свои возвратиться, ежели только
 удастся
 Смерти кому избѣжать; насъ война и чума
 совоюно
 Губятъ: спросить надлежитъ намъ про-
 рока, жреца, иль какого
 Сновъ изъяснителя — сны равномѣрно ни
 ходятъ отъ Зевса —
 Пусть истолкуетъ онъ, чѣмъ Аполлонъ
 такъ ужасно прогнѣванъ?
 Былъ ли обѣтъ не исполненъ? Прилестъ ли
 ему экагомбу
 Медимъ? Иль жертвенный запахъ отбор-
 ныхъ козловъ и барановъ
 Долженъ его уладить, чтобъ отъ насъ
 отклонилась зараза? —
 Кончивъ, онъ сѣлъ. И тогда поднялся
 итидесвѣдатель зоркій,
 Старецъ Калхасъ Тесторидъ, изъ вѣща-
 телей самый премудрый:
 Вѣдалъ онъ все настоящее; вѣдалъ, что
 было, что будетъ;
 Даръ звѣдознанья пріять отъ безсмертнаго
 сына Латоны,
 Онъ управлялъ и судами данаевъ, пла-
 вущими въ Трою.
 Мыслей благихъ преисполненный, такъ
 онъ сказалъ Ахиллесу:
 Вѣдать желася, Пелидъ, многославный
 любимецъ Зевеса,

Чѣмъ раздраженъ далекодпоражающей Фебъ
 Олимпіецъ:
 Истипу вею вамъ открою—но ты, Ахил-
 лесь, поклонися
 Миѣ, что и словомъ, и дѣломъ меня за-
 щитишь, послыку
 Думаю я, что моимъ оскорбится проро-
 ческимъ словомъ
 Мужъ, обладатель Аргоса и вѣсѣхъ пове-
 литель ахеянъ.
 Сильнаго страшно царя человѣку простому
 прогнѣвать:
 Если сперва и воздержитъ онъ гнѣвъ свой,
 то памятнымъ сердцемъ
 Будеть досадовать тайно, покуда себя не
 насытитъ
 Мищенемъ. Размысли же, можешь ли ты
 даровать миѣ защиту?—
 Въщему старцу отвѣтствовалъ такъ Ахил-
 лесь быстроногий:
 Смѣло отвори намъ—тебѣ откровенную волю
 безсмертныхъ;
 Я жъ Аполлономъ, любимцемъ Зевеса
 [ему же, Калхасъ, ты
 Молишься, волю боговъ возвышая данаямъ],
 клянуся
 Здѣль что покуда живу и сияніемъ дня
 утѣшаюсь,
 Руку подпятъ на тебя не дерзнетъ ни
 одинъ изъ дапаевъ
 Близъ кораблей крѣпкозданныхъ; хотя бы
 и самъ Агамемнонь,
 Между ахейцами первымъ слывущій, былъ
 названъ тобою.—
 Тутъ, ободренный, сказалъ Ахиллесу Каль-
 хасъ прорицатель:
 Вогъ раздраженъ не забудемъ обѣта, не
 ждетъ экатомбы;
 Онъ за жреца, Агамемнономъ здѣсь оскор-
 бленнаго, гнѣвентъ;
 Гнѣвентъ за то, что не выдали дочери старцу,
 что выкупъ отвергнутъ;
 Вотъ что на насъ навлекло всѣ бѣды и
 еще навлечетъ ихъ
 Много. И Фебъ далекодпоражающихъ рукъ
 не опуститъ
 Прежде, покуда отцу свѣтлоуюкую дѣву
 безъ всякой

Платы, безъ выкупа выдавъ, святой не
 пошлемъ экатомбы
 Въ Хризу: иначе ничто не смиритъ раз-
 драженнаго Феба.—
 Такъ говорилъ онъ; и быстро поднялся
 пространнодержавный
 Пастьрь народовъ Атридъ, повелитель ца-
 рей, Агамемнонь,
 Гнѣвомъ проникнутый; сердце его прене-
 полнено было
 Черною злобой, и очи, какъ яркое пламя,
 горѣли.
 Грозно взглянувъ на Калхаса, восклик-
 нулъ Атридъ Агамемнонь:
 О зловѣцатель! ты добраго миѣ никогда
 не пророчилъ;
 Сердце твое лишь напасти предсказывать
 любить; ни разу
 Словомъ и дѣломъ благимъ отъ тебя я
 порадованъ не былъ.
 Нынѣ въ собраньи ахейскихъ вождѣй,
 утверждать ты дерзаешь,
 Будто за то насъ казнить Аполлонъ стрѣ-
 лоносецъ, что мною
 Былъ отъ отца Хризенды, пезовльницы
 плѣнной, не принять
 Выкупъ; но я несказанно желаю пре-
 красную дѣву
 Въ домъ свой увезть: миѣ она и самой
 Клятемнестры супруги
 Стала милѣе, понеже ее превосходить
 высокимъ
 Станомъ, лица красотой, и умомъ, и искус-
 ствомъ въ работѣ.
 Но и ее уступитъ я согласенъ, когда ужъ
 такъ должно—
 Лучше конечно миѣ видѣть спасенье, чѣмъ
 гибель народа.
 Только отъ васъ за убытокъ я долженъ
 имѣть воздаянсе.
 Миѣ ль одному безъ возмездія быть? Не-
 прилично, то всѣ вы
 Видите сами, что даръ мой почетный былъ
 мною утраченъ.—
 Тутъ, возражая, сказалъ Ахиллесъ бого-
 равный Атриду:
 Ты, многосильный Атридъ, непасынный
 копитель корыетей,

Какъ же ты требовать можешь подарка
себѣ отъ данаевъ?
Развѣ имѣють въ запасѣ какое богатство
данаи?
Наши добычи изъ всѣхъ городовъ мы давно
раздѣлили;
Должно жъ ли все раздѣленное вновь соби-
рать, чтобъ дѣлиться
Снова? Отдай ты теперь Хризиду, покор-
ствуя богу;
Втрое и вчетверо будетъ тебѣ воздаянье,
когда намъ
Градъ Иліонъ крѣпкоствѣнный Кроніонъ
разрушить позволить.
Царь Агамемнонъ, отвѣтствуя, такъ возра-
зиль Ахиллему:
Сколь ты ни силенъ, Пелидъ богоравный,
но мыслишь напрасно
Сердце мое обольстить; вамъ меня провести
не удастся.
Или ты думаешь, самъ награжденный
богато, что буду
Я терпѣливо снѣтъ безъ награды, твоей
покорившись
Волѣ? Пускай за утрату мою отгадутъ
мнѣ данаи
То, что по мысли моей и достоинства
равнаго будетъ.
Иначе, если откажутъ данаи, своею рукою
Я иль твое, иль Аяково, или на часть
Одиссею
Данное взять къ вамъ приду, не забываясь
о вашей досадѣ.
Но объ этомъ и послѣ есть время подум-
ать, теперь же
Черный корабль на священное море не-
медленно спустимъ,
Выберемъ сильныхъ гребцовъ и, корабль
нагрузивъ экатомбой,
Въ немъ Хризиду, прекрасную, свѣтло-
кудрявую дѣву,
Съ миромъ отпустимъ къ отцу, — корабля жъ
предводителемъ будетъ
Идоменей, иль Аякъ, иль герой Одиссей
богоравный;
Или ты самъ, Ахиллесъ, межъ ахейнъ
ужаснѣйшій, бога,

Злыхъ посылателя стрѣль, послѣши уми-
рить экатомбой. —

Мрачно взглянувъ на Атрида, сказалъ
Ахиллесъ быстроногій:
Ты, облеченный въ безстыдство, копитель
богатствъ непасытный,
Кто изъ ахейнъ исполнить твое повелѣнье
захочетъ,
Если пошлешь иль въ сраженье, иль въ
трудный походъ за добычей?
Я же сюда съ кораблями пришелъ не троянъ
колыенныхъ
Въ битвѣ губить: мнѣ отъ нихъ никакой
не бывало обиды;
Не были ими ни кони мои, ни быки свос-
вольно
Схвачены, также они и полей^т много-
плодно-обильной
Фтій моей не топтали: покрытыя тѣни-
стыми лѣсомъ
Горы и море пространно-шумящее насъ
разлучаютъ.
Здѣсь для тебя мы, чтобъ ты веселился,
безстыдный, чтобъ брату
Честь возвратилъ и чтобъ Трою, собачьи
глаза испровергнувъ,
Мстя за свое оскорбленье: но ты и не
мыслишь объ этомъ;
Нынѣ жъ и взять у меня мой участокъ
добычи грозисься,
Стоившій мнѣ несказанныхъ трудовъ, мнѣ
ахейцами данный.
Здѣсь не бывало такихъ, какъ твой, мнѣ
участковъ, когда намъ
Городъ какой многолюдный троянскій раз-
рушить случилось.
Время тревогъ утомительно-шумнаго боя
лежало
Все на плечахъ у меня, при раздѣлѣ жъ
богатой добычи
Лучшая часть доставалась тебѣ, и доволь-
ствуясь малымъ,
Я къ кораблямъ возвращался, трудомъ
боевымъ пзуренный.
Нѣтъ, мнѣ пора возвратиться въ мою
плодоносную Фтію;
Время домой отвести корабли крутоносые.
Ты же

Здѣсь, оскорбивши меня, ни добычь, ни богатства не скопишь.—

Пастырь народовъ Атридъ, возражая, ска- залъ Ахиллесе:

Хочешь бѣжать ты—бѣги! Умолять ужъ конечно не буду

Я, чтобъ остался ты здѣсь для меня; здѣсь найдется довольно

Бодрыхъ вождей для добытiя славы; за насъ и Крононъ.

Ты изъ питомцевъ Зевеса царей для меня ненавистнѣй

Всѣхъ; ты всегдашнiй заводчикъ раздоръ, смятенiй и брани.

Правда, ты силенъ; но сила даруется намъ безъ заслуги

Небомъ. Веди же въ отчизну свои корабли и дружины,

Властвуй спокойно своей плодоносною Фтiей; ты здѣсь мнѣ

Вовсе не нуженъ; о гнѣвѣ твоемъ не забочусь; напротивъ

Саушай: когда ужъ беретъ у меня Аполлонъ Хризиду,

Въ собственномъ я кораблѣ и съ своими людьми не замедлю

Дѣву послать; но за то изъ патра твоего Бризиду,

Даръ твой почетный, своею рукою исторгну, чтобъ зналъ ты,

Сколь я силенъ тебѣ, чтобъ впередъ и другiе страшилась

Дерзостно мнѣ возражать и со мною надменно равняться.—

Такъ онъ сказалъ. Закипѣло въ косматой груди Ахиллеса

Сердце; межъ двухъ волновался онъ, сильно озлобленный, мыслей:

Острый ли мечъ отъ бедра отхватить, сквозъ дапаевъ прорваться

Прямо къ Атриду и разомъ его умертвить; иль кипучiй

Гнѣвъ успокоить и руку свою воздержатъ отъ убiйства.

Тю порою, какъ разсудкомъ и сердцемъ онъ такъ колебался,

Выхвативъ мечъ изъ ноженъ въ половину, вслѣдъ, слетѣла

Съ неба Аѳина Паллада—ее свѣтлорукая Ира,

Сердцемъ обоихъ любя, за обоихъ тревожась, послала;

Ставъ позади Ахиллеса, его за густые схватила

Кудри богиня, ему лишь открывшись, незримая прочимъ.

Очи назадъ обратилъ, изумясь, Ахиллесъ; онъ Аѳину

Разомъ узналъ, уstraшенный ея пламенищющимъ окомъ.

Къ ней обратился лицомъ онъ и бросилъ криватое слово:

Дочь потрясателя грозной эгиды, зачѣмъ ты, богиня,

Здѣсь? Любоваться ль пришла самовластнымъ нахальствомъ Атрида?

Я же тебѣ говорю, и тому неминуемо сбѣгъся:

Жизнию онъ за свою безразсудную гордость заплатитъ.—

Такъ отвѣчала Аѳина богиня лазурныя-очи: Гнѣвъ успокоить твоей, если покоренъ мнѣ

будешь, сошла я Съ неба—меня свѣтлорукая Ира, тебя и Атрида

Сердцемъ любя, за обоихъ васъ сердцемъ тревожась, послала.

Вдвинь же убiйственный мечъ свой въ пожны и успокойся; словами

Можешь съ нимъ ратовать, сколько душа пожелаетъ. Тебѣ же

Я предскажу, и мое предсказанье исполнится вѣрно:

Нѣкогда втрое богатою платой твое оскорбленъ

Гордый загладитъ; теперь усмирися и будь намъ покоренъ.—

Такъ, отвѣчая богинѣ, сказалъ Ахиллесъ быстроногiй:

Слово, богиня, уважить твое безъ сомнѣнiя должно,

Сколь бы ни злилась душа; то будетъ конечно полезнѣй:

Смертнiй, покорнiй богамъ, завсегда и богами внимаемъ.—

Тутъ къ рукояти серебряной крѣпкую
 руку притиснувъ,
 Мечъ свой великій въ пожны онъ, по-
 кортвуя слову богини,
 Вдвинулъ. Она же на свѣтлый Олимпъ
 улетѣла, въ жилище
 Зевса эгидодержавца, въ собраніе прочихъ
 безсмертныхъ.

Снова Пелидъ обратился съ ругательной
 рѣчью къ Атриду.
 Такъ онъ ему говорилъ, пренебреженный
 яростнымъ гнѣвомъ:
 Пьяница, сердце олене, собачья глаза,
 никогда ты,
 Въ панцырь облекшися, воинства въ бой
 не водилъ, ни однажды,
 Съ первыми вмѣстѣ вождями въ засаду
 засѣвъ, не рѣшился
 Выждать врага — ты въ сраженьи лишь
 смерть неизбѣжную видѣлъ.
 Легче конечно, бродя по широкому стану
 ахеянъ,
 Силой добычи у тѣхъ отымать, кто тебѣ
 прекословить;
 Царь-душегубецъ, ты видно не смѣлыхъ
 людей повелитель;
 Иначе, думаю, нынѣ въ послѣдній бы
 разъ такъ обидно
 Зѣлъ говорилъ. Но послушай меня: я
 священникомъ клянуся
 Этимъ жезломъ, и столь вѣрно, какъ то,
 что ни листьевъ, ни вѣтвей
 Онъ ужъ не пуститъ, покинувъ, отрублен-
 ный, гору, и вѣчно
 Зелепъ не будетъ — теперь отъ коры и
 листовъ онъ очищенъ
 Острою мѣдью; его скинтроносцы владыки
 ахеянъ,
 Правды блюстители, держатъ въ рукахъ,
 на землѣ сохраняя
 Зевсовъ порядокъ. И нынѣ мой онъ ве-
 ликую клятвой
 Будеть. Наступитъ пора: Ахиллеса ахеяне
 станутъ
 Всѣ призывать. И не будешь ты имъ,
 сколь ни сѣгуй, защитой
 Противъ людей истребителя Гектора, ихъ
 безпощадно

Въ боѣ толпами губящаго; сердце свое
 лишь измучишь,
 Поздно раскаясь, что лучшаго между ахеянъ
 обидѣлъ. —

Такъ онъ сказалъ и свой жезлъ, золо-
 тыми гвоздями обитый,
 Бросивъ на землю, нахмуренный, сѣлъ.
 Агамемнонъ
 Гнѣвно словами его оскорблять продол-
 жалъ. Тутъ поднялся
 Звонкоголосный, привѣтнорѣчивый витязь
 пилійскій,
 Несторъ, котораго рѣчи лилися, какъ медь
 благовопный,
 Съ сладостныхъ устъ; два колѣна людей
 говорящихъ, съ нимъ вмѣстѣ
 Жившія, кончили жизнь и исчезли; во
 градѣ священномъ
 Нилюсѣ царствовалъ онъ ужъ надъ третьимъ
 людей поколѣньемъ.
 Мыслей благихъ пренебреженный, такъ
 онъ сказалъ предъ собраньемъ:
 Горе намъ! злая печаль всю ахейскую
 землю обьетъ,
 Будутъ Пріамъ и Пріамовы всѣ сыновья
 и трояне
 Въ сердцѣ своемъ ликовать неслыханно,
 когда къ нимъ достигнетъ
 Слухъ о раздорѣ, смутившемъ вождей зна-
 менитѣйшихъ нашихъ,
 Первыхъ межъ нами и мудрымъ совѣтомъ
 и мужествомъ въ битвѣ.
 Дайте, о дайте мнѣ васъ образумить! меня
 вы моложе
 Оба; и съ лучшими, нежели вы, совре-
 менно на свѣтѣ
 Жилъ и знавался, и не былъ отъ нихъ
 за ничто приниасемъ.
 Я ужъ не вижу теперь, не увижу и
 послѣ, подобныхъ
 Славнымъ любимцамъ боговъ, Пиррною,
 Дріасу, Кенею,
 Или Эксадію, или владыкъ людей Полифему,
 Или Тезею, Эгееву богоподобному сыну:
 Силою съ ними конечно никто на землѣ
 не равнялся
 Сами сильнѣйшіе, въ бой и сильнѣйшихъ
 они вызывали;

Сграшнихъ кентавровъ они на горахъ
истребили. Въ то время
Я ихъ товарищемъ былъ, къ нимъ при-
шедъ изъ далекаго града
Пилоса, призванный ими самими, и по-
двиговъ много,
Рагуя вмѣстѣ, тогда мы свершили; ни-
кто бѣ изъ живущихъ
Нынѣ людей земнородныхъ не въ силахъ
былъ съ ними бороться.
Но и они мой цѣнили совѣтъ, мосу мо-
корялись
Слову. И вы покоритесь ему. Намъ по-
корность полезна.
Плѣбницы ты у него не бери, Агамемнонъ,—
ты властенъ
Взять, но ее получилъ онъ отъ рати ахей-
ской въ почетный
Даръ; а тебѣ, благородный Пелидъ, не-
прилично такъ спорить
Дерзко съ царемъ — ни одинъ на землѣ
изъ царей скиптроносныхъ,
Зевсомъ прославленныхъ, не былъ подоб-
ною честью украшенъ.
Если, рожденный богиней, ты въ даръ по-
лучилъ при рожденіи
Болѣе мужества; выше онъ властью, онъ
царь надъ царями.
Ты же, Атридъ, успокойся, и къ просьбѣ
моей благосклонно
Слухъ преклони, не враждуй съ Ахилле-
сомъ: ахейцамъ твердой
Онъ обороною служить въ пылу истреби-
тельной брани.—

Нестору такъ, возражая, отвѣтствовалъ
царь Агамемнонъ:
Старецъ! ты правду сказалъ, и разуменъ
совѣтъ твой; но этотъ
Гордый всегда передъ веѣми себя одного
выставляетъ,
Веѣми господствуетъ, веѣмъ управляетъ,
какъ царь самовластный,
Хочетъ для веѣхъ быть закономъ, который
никѣмъ здѣсь не признаетъ.
Если некуено владѣть онъ коньемъ наученъ
отъ беземертныхъ,
Въ правѣ ль за то раздражать здѣсь людей
оскорбительнымъ словомъ?—

Рѣчь перебивши его, отвѣчалъ Ахиллесъ
богоравный:
Жалкимъ, достойнымъ презрѣнія трусомъ
пусть буду я признавъ.
Если во веѣмъ, что замыслишь ты, буду
тебѣ покоряться.
Властвуй другими и все имъ предписывай,
я же
Власти твоей признавать не хочу и тебѣ
не подамся.
Слушай однако и въ сердце свое заныши,
что услышишь.
Противъ тебя и другихъ за невольницу рукъ
подымать я
Вовсе не думаю; данное вами возьмите об-
ратно;
Но до того, что мое на моихъ корабляхъ
крѣпкозданныхъ,
Я ни тебѣ, ни твоимъ не дозволю дотро-
нутъ. Если жъ
Хочешь, отвѣдай—тогда веѣ ахейцы уви-
дятъ, какъ черной
Кровью твоею мое боевое копье обольется.—

Тутъ, разъяренные оба, ругательный бой
прекративши,
Встали и собравшихъ веѣхъ къ кораблямъ
распустили ахейцы.
Къ чернымъ своимъ кораблямъ Ахиллесъ
возвратился съ Патрокломъ,
Сыномъ Менетія, съ нимъ и другіе друзья
миридовы.
Тою порою корабль на селеную влагу, из-
бравши
Двадцать гребцовъ, повелѣлъ Агамемнонъ
спустить съ экатомбой,
Фебу назначенной; самъ Хризиду пре-
красно-младую
Взвелъ на корабль, и его Одиссею пре-
мудрому вѣбрилъ.
Веѣ собрались мореходцы и въ путь устре-
милися влажный.
Тутъ повелѣлъ очищаться ахейцамъ царь
Агамемнонъ;
Разомъ омывшись, они все нечистое бро-
сили въ море.
Послѣ жъ, дабы усмирить Аполлона, со-
жгли экатомбу

Козь и быковъ на берегу непріотно-без-
плодной пучины.
Съ облакомъ дыма возшло къ небесамъ бла-
говоніе жертвы.
Такъ очищалася рать. Той порою Атридъ
Агамемнонь,
Все, чѣмъ грозилъ Ахиллесу, сѣбѣша совер-
шить, Эврибата
Вмѣстѣ съ Талтибомъ, царскихъ глаша-
таевъ, призываль.
Были проворные слуги они; имъ сказалъ
Агамемнонь:
Оба идите въ шатеръ Ахиллеса Пелеева
сына;
За руку взявъ Бризеиду, ко мнѣ возвра-
титесь съ прекрасной
Дѣвой; а если ее не захочетъ онъ выдать,
за нею
Самъ я съ другими приду, и тогда огор-
ченье сильнѣе
Будеть ему.—Такъ сказавъ, ихъ послалъ
онъ съ грозящимъ къ Пеллуду
Словомъ. Пошедъ неохотно ко берегу без-
плоднаго моря,
Скоро они къ кораблямъ и шатрамъ мир-
мидонскимъ достигли.
Близъ корабля и шатра своего Ахиллесъ
богоравный
Мрачный сидѣлъ; и не радостно было ему
ихъ явленье.
Полные страха глашатаи, въ смутномъ мол-
чаньи,
Оба стояли, къ нему обратитъ не дерзая
вопроса.
Онъ же, ихъ робкимъ смятенемъ растро-
ганный, кротко сказалъ имъ:
Милости просимъ, глашатаи, воли людей
и безмертныхъ
Вѣстники; смѣло приблизьтесь; виновны
не вы—Агамемнонь.
Взять у меня Бризеиду сюда васъ при-
славий, виновенъ.
Другъ, благородный Патрокль, приведи
Бризеиду и выдай
Имъ; пусть за ними поспѣдуютъ! Я же
въ свидѣтели нынѣ
Васъ предъ судомъ и блаженныхъ боговъ
и людей земнородныхъ,

Также равно и предъ нимъ, необуздан-
нымъ, здѣсь призываю:
Если случится, что снова въ бѣдѣ я ахей-
цамъ буду
Нуженъ... Безумный! онъ самъ на себя и
другихъ накликастъ
Злую бѣду, ни назадъ ни впередъ не глядя,
и ахейцѣ,
Быющихъ близъ кораблей крѣпкоздап-
ныхъ, защиты лишая.—
Такъ говорилъ онъ. Патрокль благородный,
покорствуя другу,
Вывелъ Бризееву дочь изъ шатра и гла-
шатаемъ выдалъ
Милую дѣву. И съ нею къ ахейскимъ
шатрамъ возвратились
Оба. За ними жъ она съ отвращенемъ по-
шла. И, заплакавъ,
Сѣлъ Ахиллесъ одиноко, вдали отъ друзей,
на пустынномъ
Берегѣ моря сѣдого. Смотри на свинцовыя
волны,
Руки онъ поднятъ и, милую мать призы-
вая, воскликнулъ:
Милая мать, на недолгую жизнь я ро-
жденъ былъ тобою.
Славу за то даровать обѣщаль мнѣ вы-
сокогремящій
Зевсъ Олимпіецъ. Но что жъ даровать
онъ? Какая мнѣ слава?
Царь Агамемнонь, владыка народовъ, меня
обезчестилъ,
Взялъ достоянье мое и теперь имъ без-
стыдно владѣеть.—
Такъ говорилъ онъ въ слезахъ, и услы-
шала жалобы сына
Мать въ глубинѣ неиспытанной моря, въ
жилищѣ Нерей.
Легкимъ туманомъ съ лучины сѣдой под-
нялася богиня;
Къ сыну, люющему горькія слезы, прибли-
жась, съ нимъ рядомъ
Сѣла она и сказала, ему потрепавши рукою
Щеки: О чемъ же ты плачешь, дитя? Что
твою сокрушаетъ
Душу? Скажи, не скрывайся, со мной по-
дѣлися печалью.—

Такъ ей, вздохнувъ глубоко, отвѣчалъ
 Ахиллесъ быстроногій:
 Вѣдаешь все ты сама; мнѣ не нужно раз-
 сказывать. Въ Фивы,
 Градъ Этеоновъ священный, ходили мы
 сильной дружиной;
 Градъ истребивъ, мы сюда воротились съ
 великой добычей;
 Все раздѣлили, какъ слѣдуетъ, между со-
 бою ахейцы;
 Сыну Атревѣ даромъ почетнымъ была
 Хризеида,
 Дочь молодая Хризеса жреца Аполлонова.
 Тяжкимъ
 Горемъ крушимый, чтобъ выручить милую
 дочь изъ неволи,
 Съ выкупомъ старецъ богатымъ пришелъ
 къ кораблямъ крѣпкозданнымъ,
 Жреческій жезлъ золотой Аполлоновымъ
 лавромъ обвѣнни;
 Всѣхъ обходилъ онъ ахейнъ, склоняя
 сердца ихъ на жалость;
 Паче жъ другихъ убѣждалъ двухъ Атри-
 довъ, вождей надъ вождями,
 Всѣхъ онъ молилъ; восклицаньемъ всеоб-
 щимъ рѣшили ахейцы
 Просьбу исполнить жреца и припятъ пред-
 ложенный имъ выкупъ.
 Но Агамемнону, сыну Атрея, то было про-
 тивно;
 Старца моленье отвергъ онъ, жестокое слово
 примолвивъ.
 Жрецъ удалился разгнѣванный; Февъ, из-
 далека разищій,
 Жалобный голосъ имъ многолюбиваго старца
 услышалъ;
 Злую стрѣлу истребленья послалъ онъ, и
 начали гибнуть
 Люди; и, смерть разнося по широкому
 стану ахейнъ,
 Февовы стрѣлы ужасно летали. Тогда про-
 рицатель,
 Вѣдатель воли далескорязца бога, от-
 крылъ намъ
 Гнѣва причину; и первый я подалъ совѣтъ
 примириться
 Съ Февомъ. Атридъ раздражился; стреми-
 тельно вставъ, онъ грозилъ мнѣ

Яростнымъ словомъ: и нынѣ его соверши-
 лась угроза.
 Въ Хризу на быстромъ везуть корабльъ Хри-
 зеиду, младую
 Дѣву, ахейцы съ дарами царю Аполлону.
 И были
 Прпсланы два ужъ глашатая въ царскій
 шатеръ мой Атридомъ
 Взять Бризенду, за подвиги данную мнѣ
 отъ ахейнъ.
 Если ты можешь, вступиися за честь оскорб-
 леннаго сына,
 Милая мать; полети на Олимпъ къ громо-
 вержцу, и еслп
 Словомъ иль дѣломъ когда угодила ему,
 помолися
 Нынѣ за сына. Не разъ отъ тебя я въ Пе-
 леевомъ домѣ
 Слышалъ, какъ Зевсъ чернооблачный гнѣ-
 когда былъ лишь тобою,
 Прочимъ богамъ вопреки, отъ бѣды и по-
 зора избавленъ:
 Противъ него стоворясь, олимпійцы Аѳина-
 Паллада,
 Ира и богъ Посидонъ замышляли связать
 громоносца;
 Въ помощь къ нему ты, богиня, пришла,
 и отъ срама избавленъ
 Былъ онъ тобою; на Олимпъ привела ты
 сторукаго—звали
 Боги его Бриаресемъ, онъ слыгъ у людей
 Этеономъ.
 Грозный титанъ, и отца своего превзошед-
 шій великой
 Силою, рядомъ съ Кроніономъ сълъ онъ,
 огромный и гордый;
 Имъ устрашенные, боги связать не постыбли
 Зевеса.
 Нынѣ и ты близъ Кроніона сядь, я рукою
 колѣпо
 Тронувъ его, помолись за меня, чтобъ по-
 селалъ онъ тройнамъ
 Помощь, чтобъ къ морю они отгѣснили ахе-
 янъ, чтобъ, гибель
 Видя, ахейцы своимъ похвалились царемъ,
 чтобъ и самъ онъ,
 Гордый, пространнодержавный владыка лю-
 дей, Агамемнонъ

Горько постигнуль, что лучшаго между ахе-
 янь обидѣлъ. —
 Сыну Фетида въ слезахъ, сокрушенная,
 такъ отвѣчала:
 Горе! дитя, для чего я тебя родила и векор-
 мила!
 Здѣсь близъ твоихъ кораблей, не крушась и
 не плача, сидѣть бы
 Долженъ ты былъ, на землѣ обреченный
 такъ мало, такъ мало
 Жить. Но безвременно здѣсь умереть, въ
 сокрушенъи истративъ
 Жизнь—для того ли тебя мнѣ родить по-
 велѣла судьбина?
 Съ этою жалобой къ молніеблвцу Зевесу
 отсюда
 Я подымусь на Олимпъ снѣгоносный. Меня
 онъ услышитъ.
 Ты же вблизи кораблей крѣпкозданныхъ
 снокойно, питая
 Гнѣвъ на Атрида, седи и въ сраженъе от-
 нудъ не мѣшайся.
 Зевесъ на потокъ Океанъ къ эоіопамъ вчера
 безпорочнымъ
 Вмѣстѣ со всеми богами на праздникъ по-
 шель; онъ отсюда
 Прежде двѣнадцати дней возвратиться не
 можетъ.
 Въ домъ мѣдинокванный къ Зевесу тогда я
 приду и, колѣна
 Трещуъ еге, помолюся о тебѣ, и молитвы
 конечно
 Онъ не отрицетъ. — Съ симъ словомъ исчезла
 богиня, оставя
 Гнѣвнаго сына въ тоскѣ по краснобою-
 санной дѣвѣ, насильно,
 Сердцу ея вопреки, отъ него уведенной къ
 Атриду.
 Къ Хризу тѣмъ временемъ плылъ Одиссей
 съ экатомбой; когда же
 Быстрый корабль ихъ въ глубокую приетаиъ
 пропикауль, свернули
 Все паруса и уклали на палубѣ ихъ море-
 ходцы,
 Мачту потомъ опустили въ хранилище,
 крѣпкимъ канатомъ
 Быстро на веслахъ корабль довели до при-
 тоннаго мѣста,
 Якорный бросилъ камень, канатомъ ко-
 рабль прикрѣпила
 Къ берегу, сами сошли на волной орошае-
 мой берегъ.
 Съ ними была снесена и великая Фебова
 жертва;
 Съ ними сошла съ корабля и сопутница
 ихъ Хризеида.
 Дѣву немедля приведши во храмъ, Одиссей
 многоумный
 Самъ ее отдалъ руками отцу и сказалъ,
 отдавая:
 Пришла къ тебѣ, о, Хризесъ, я Атридомъ
 владыкой народовъ
 Дочь возвратить и принесъ экатомбу свя-
 щенную Фебу
 Въ даръ за ахейнъ, чтобъ гнѣвъ укротился
 великаго бога,
 Имъ приключившаго тѣмъ сокрушающихъ
 сердце напастей. —
 Такъ говоря, Хризенду онъ отдалъ; съ весе-
 лиемъ принялъ
 Старецъ любезную дочь. По порядку потомъ
 экатомбой
 Фебовъ высокій алтарь окружили ахейцы,
 омывая
 Руки, и горети наполнили жертвеннымъ
 чистымъ ячменемъ;
 Ставъ посреди ихъ Хризесъ и, моляся Апол-
 лону, воскликнулъ:
 Богъ, облетѣвшій съ лукомъ серебрянымъ
 Хризу и Киллы
 Свѣтлый предѣлъ, Тенедоса владыка, Сми-
 той всемогущій,
 Ты благосклонно услышалъ мою и испол-
 нилъ молитву,
 Честь мнѣ воздавъ ниспосланиемъ бѣды на
 ахейнъ!
 Выслушай вновь и исполни молитву мою
 благосклонно —
 Гнѣвъ свой великій смири и бѣды отврати
 отъ ахейнъ! —
 Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Апол-
 лономъ услышанъ.
 Тѣ жъ приготовленнымъ въ жертву ско-
 тамъ, ихъ ячменемъ осыпавъ,

Шензагнули назадъ, всѣхъ зарѣзали, сняли
 съ нихъ кожу,
 Тучныя бедра отѣкли, кругомъ обложили
 ихъ жиромъ,
 Жиру же кроваваго мяса кусками покрыли;
 все вмѣстѣ
 Старецъ зажегъ на кострѣ и виномъ оро-
 силъ искрометнымъ;
 Тѣ жь прпступили, подставивъ ухваты съ
 пятью остріями;
 Бедра сожегли и сладкой утробы вкусивъ,
 остальное
 Все раздробили на части; на вертелы вдѣвъ
 осторожно,
 Начали жарить; дожаривши, съ вертеловъ
 сняли и дѣло
 Кончивъ, обильнобогатый устроили пиръ;
 началось
 Тутъ пированье, и всѣ насладились пицей;
 когда же
 Былъ удовольствоватъ голодъ ихъ сладо-
 стно-вкусною пицей,
 Юноши, чашу до края наполнивъ виномъ
 благовоннымъ,
 Въ кубкахъ его разнесли, по обычаю сирава
 начавши.
 Цѣлый день славивъ мирительнымъ пѣ-
 ніемъ Феба, ахейцы
 Громко хвалебный пеанъ воспѣвали сму;
 совокупно
 Пѣли они стрѣлопоснаго бога; имъ благо-
 склонно внималъ онъ.
 Солнце тѣмъ временемъ сѣло, и тьма на-
 ступила ночная;
 Всѣ улеглися на брегѣ они у причалъ
 корабельныхъ.
 Вышла изъ мрака младая съ перетами пур-
 пурными Эосъ;
 Плыть собрался опикъ отдаленному ста-
 ну ахейшъ.
 Вѣтеръ понутный имъ далъ Аполлонъ, и
 они, совокупно
 Мачту подыавъ и блестяще всѣ наруса
 распустивши,
 Поплыли; нарусъ середній надулся; пурпур-
 ныя волны
 Шумно подъ килемъ потекшаго въ нихъ ко-
 рабля закишѣли;

Онъ же бѣжалъ по волнамъ, разгребая себѣ
 въ нихъ дорогу.
 Къ берегу приставъ и достигнувъ широ-
 каго стапа ахейгъ,
 Быстрый корабль свой они на песчаную су-
 шу встинули;
 Тамъ на подпорахъ высокихъ его утвр-
 дили, и сами
 Всѣ разошлись, кто въ шатеръ, кто на чер-
 ный корабль кругобой.
 Близко своихъ кораблей крѣпкозданныхъ
 сидѣлъ, продолжая
 Гнѣвъ свой питать, Ахиллесъ богоравный
 крылатыхъ-поги;
 Онъ никогда не являлся уже на совѣтъ вож-
 дей многославныхъ,
 Онъ не участвовалъ въ битвахъ; въ без-
 дѣйствіи милое сердце
 Онъ изнурялъ, по тревогахъ и ужасахъ
 брани тоскуя.
 Тою порою съ двѣнадцатымъ небо украсив-
 шимъ утромъ
 Вѣчноживущіе боги на свѣтлый Олимпъ
 возвратились,
 Всѣ, предводимые Зевсомъ. Фетида, жела-
 ніе сына
 Помня, изъ моря глубокаго съ первымъ сія-
 ніемъ утра
 Вышла; взлетѣвъ на высокое небо Олимпа,
 богиня
 Зевса нашла тамъ; одинъ, отъ боговъ отдѣ-
 ляся, всю землю
 Видя, на высшей главѣ многоглаваго былъ
 онъ Олимпа.
 Сѣвъ близъ него, окружила колѣно сви-
 щенное бога
 Лѣвой рукою Фетида, а правой его подбо-
 родокъ
 Глядя, Кроніону тучъ собирателю пѣкно
 сказала:
 Если, отецъ, я тебѣ межъ богами когда
 угодила
 Словомъ или дѣломъ, мое благосклонно не-
 полни мольбу:
 Сына утѣшь моего, осужденнаго равно по-
 винуть
 Жизнь; обезчестилъ его повелитель царей
 Агамемнонъ.

Дерзко похитивши данный ему от ахе-
 лья подарокъ.
 Ты же отмети за него, міродержецъ, все-
 сильный Кроніонъ!
 Пусть побѣждаютъ ахесянъ трояне, пока
 воздаянья
 Полнаго сытъ за обиду свою отъ царя не
 получить.—
 Такъ говорила она, и не вдругъ отвѣчалаъ
 громовержецъ;
 Долго сидѣлъ онъ въ молчаньи; Ѳетида жъ
 къ объятію прежде
 Ею колѣну прижавшися крѣпче, вторично
 сказала:
 Прямо отвѣтствуй, Зевесъ; никого ты
 страшиться не можешь;
 Иль согласися, тогда утверди головы ма-
 новеньемъ объѣтъ свой;
 Иль откажи: чтобъ узнала я, сколь предъ
 тобою ничтожна.—
 Тяжко вздохнувъ, воздымающій тучи Зе-
 весъ отвѣчалъ ей:
 Трудное дѣло ты мнѣ предлагаешь; межъ
 Ирой и мною
 Свора опять загорится; ругательнымъ сло-
 вомъ разсердить
 Ира меня: передъ всеми безсмертными
 вѣчно со мною
 Взорить она, утверждая, что я за троянъ
 заступаюсь.
 Ты же отсюда уйди, чтобъ тебя не при-
 мѣтила Ира.
 Способъ найду я тебѣ угодить; на меня
 положися;
 Слово свое головы мановеньемъ *готовъ*
утвердить я;
 Знаменье это для вѣхъ Олимпійцевъ есть
 знакъ величайшій
 Власти моеи: неизмѣнно мое непреложно
 и твердо
 Слово, когда подтверждаю его головы ма-
 новеньемъ.—
 Копчилъ и черногустыми бровями повель
 громовержецъ;
 Благоуханные кудри волосъ потряслись на
 безсмертномъ
 Бога челъ: содрогнулись кругомъ все вер-
 шины Олимпа.

Тайную кончивъ бесѣду, они разлучились;
 съ Олимпа
 Въ бездну соленую быстрымъ полетомъ
 слетѣла Ѳетида;
 Зевсъ возвратился къ себѣ, поднялися
 почтительно боги
 Съ троновъ своихъ передъ вѣчнымъ отцомъ;
 ни единый,
 Сидя, его не отважился выждать, но, вставъ,
 все навстрѣчу
 Вышли къ нему. На высокомъ престолѣ
 онъ сѣлъ. Отъ очей же
 Иры не скрылось, что съ нимъ прихо-
 дила бесѣдовать тайно
 Дочь среброногая старца морского Нерейя,
 Ѳетида;
 Къ Зевсу немедленно грубое слово она
 обратила:
 Кто изъ боговъ, лицемѣръ, тамъ шептался
 такъ скрытно съ тобою?
 Вѣчно ты любишь, я знаю, себя отъ меня
 отклонивши,
 Втайнѣ съ другими совѣты держать и
 ни разу еще ты
 Мнѣ напередъ не сказалъ откровенно о
 томъ, что замыслилъ.—
 Ирѣ отвѣтствовалъ такъ повелитель без-
 смертныхъ и смертныхъ:
 Ира, не мни, чтобъ мои все совѣты не-
 стигнуть возможно
 Было тебѣ; и супруга верховнаго бога не
 въ силахъ
 Вынести ихъ. Что тебѣ сообщить я при-
 знаю приличнымъ,
 Прежде тебя не услышать о томъ ни без-
 смертный ни смертный;
 Если же что отъ боговъ угаить я намѣ-
 рень, не смѣй ты
 Спрашивать дерзко о томъ, и моеи не раз-
 вѣдывай тайны.—
 Ира, богиня воловь-глаза, отвѣчала Зевесу:
 Странное слово сказалъ ты, ужасный Зе-
 весъ; никогда и
 Дѣлать вопросы и въ тайны твои пропи-
 кать не дерзала.
 Все, какъ хотѣлъ, ты задумывалъ, все
 исполнялъ безъ помѣхи.

Но я тревожуся, мысль теперь, что тебя
 обольстила
 Дочь среброногая старца морского Нерей,
 Фетида,
 Утромъ съ тобой здѣсь сидя и колѣна твои
 обнимаю:
 Ей головы мановеньемъ конечно ты даль
 обѣщае
 Честь Ахиллесу воздать погубленіемъ мно-
 гихъ ахейнъ. —
 Ирѣ отвѣтствовалъ такъ воздымающій тучи
 Кроніонъ:
 Вѣчно, безумная, ты примѣчать и под-
 сматривать любишь!
 Трудъ бесполезный! ничто не удастся тебѣ!
 отъ себя лишь
 Только меня отдалишь; то стократно при-
 скорбѣе будетъ!
 Быть ли, не быть ли тому, что тебя устра-
 шаетъ, на это
 Воля моя. Замолчи же и мнѣ не дерзай
 прекословить.
 Или тебѣ не поможетъ никто изъ боговъ
 Олимпійскихъ,
 Если я, вставъ, подыму на тебя неизбеж-
 ную руку. —
 Такъ отвѣчалъ онъ. Богиня воловьихъ-глазъ
 ужаснулась;
 Съшла въ молчаньи и милое сердце
 свое усмирila.

 Было прискорбно то собраннѣмъ въ домъ
 Зевеса безсмертнѣмъ.
 Началъ тогда многославный художникъ
 Ифестъ, чтобъ утѣшить
 Мать свѣтлорукую, такъ говорить, обра-
 тясь къ ней и Зевсу:
 Горько и вѣмъ намъ богамъ, на Олимпѣ
 живущимъ, песносно
 Будетъ, когда вы такъ сеоритесь здѣсь за
 людей земнородныхъ
 Станете, всѣхъ возмущая безсмертнѣхъ;
 испорченъ веселый
 Будетъ нашъ ниръ; и чѣмъ даль, тѣмъ
 хуже Къ тебѣ напередъ я,

Милая мать, обращаюсь, хотя и сама ты
 разумна:
 Зевсу отцу уступи, чтобъ не гибъвалъ болѣ
 отецъ нашъ,
 Сильный Зевесъ, и чтобъ весело мы пи-
 ровать продолжали;
 Онъ громовержець, онъ царь на Олимпѣ,
 онъ, если захочетъ,
 Съ нашихъ престоловъ насъ всѣхъ опро-
 кинетъ; онъ богъ надъ богами.
 Словомъ пріятнѣмъ порадуи его и къ
 нему приласкайся;
 Снова онъ милостивъ будетъ ко всѣмъ
 намъ, богамъ Олимпійскимъ. —
 Такъ онъ сказалъ и, поспѣшно прибли-
 зившись, кубокъ двудонный
 Подалъ божественной матери въ руки, при-
 молвивъ: терпѣнъ,
 Милая мать; покорися, хотя то тебѣ и
 прискорбно;
 Здѣсь ненавистныхъ побоевъ твоихъ мнѣ
 своими глазами
 Видѣть не дай: за тебя заступиться не
 въ силахъ я буду,
 Какъ бы того ни хотѣлъ; одолѣть Олимп-
 іица не можно.
 Было ужъ разъ, что когда за тебя я по-
 спорилъ, меня онъ,
 За ногу взявши, съ Олимпа швырнулъ,
 и летѣлъ я оттуда
 Цѣлый, кувыркаясь, день и тогда лишь,
 какъ стало садиться
 Солнце, совсѣмъ бездыханнѣмъ ударился
 о земь въ Лемносъ;
 Дружески былъ я синтійцами добрыми под-
 нять полмертвѣй. —
 Такъ говорилъ хромоногий Ифестъ. И съ
 улыбкой онама
 Пра, съ улыбкой взяла отъ него поднесен-
 ный ей кубокъ.
 Сталъ онъ потомъ подносить по обычаю,
 сирава начавши,
 Сладостный нектаръ, его изъ глубокой чер-
 ная кратеры;
 Подняли смѣхъ несказанный блаженные
 боги Олимпа,
 Видя, какъ съ кубкомъ Ифестъ, суетясь,
 ковылялъ по чертогу.

Вѣчные боги весь день до склопенія солнца
на западъ,
Шумно пируя, себя услаждали роскошною
пищей,
Дивными звуками цитры, игравшей въ ру-
кахъ Аполлона,
Также и музъ очереднымъ, сердца про-
нидающимъ пѣньемъ;
Но когда уклонилось на западъ блестящее
солнце,
Боги, предаться желая покойному сну, разо-
шлись
Вѣ по домамъ: иныя построны были тѣ дома
Дивно-искусной рукой хромоногаго бога
Ифеста.
Также и молній метатель могучій Кро-
ніонъ въ чертогъ,
Гдѣ отдыхалъ онъ обычно, блаженному сну
предаясь,
Легъ и заснулъ; съ нимъ на ложе легла
златотронная Ира.

II. ОТРЫВКИ ИЗЪ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

Боги другіе и мужи коней обуздатели
снали
Мирно всю ночь, но отъ Зевса спокойствіе
сна убѣгало.
Сердцемъ колеблясь, онъ являлся о томъ,
какъ воздать Ахиллѣсу
Честь истребленьемъ ахейнъ при ихъ ко-
рабляхъ крѣпкозданныхъ.
Вотъ что, размысливъ, нашелъ наносъ-гѣ-
докъ онъ самымъ удобнымъ,
*Гибельнымъ спомъ съ задержание
овернуть Атрида ривившись,—*
Къ богу сна обратился и бросилъ крылато-
е слово Кроніонъ:
Богъ сповидѣнья, лети къ кораблямъ крѣпко-
зданнымъ ахейнъ;
Въ царскій шатеръ Агамемнона сына Атре-
ева вшедиши,
Все то ему повтори, что теперь отъ меня
ты услышишь.
*Вывестъ не медливши въ бой цесто-
власыхъ ахейнъ*
Въ подмогъ оружіи...

Были вождами друживъ беотійскихъ Лемгъ,
Пенелопонъ,
Аркезилай, Провоэноръ и Хлоній; ихъ рать
составляли
Жутели тучныхъ Хирійскихъ луговъ, ка-
менистой Авлиды,
Схонія, Схола, лѣснотоголубокихъ долинъ
Этеопскихъ,
Өесніи, Греи, широкопространныхъ полей
Микалесса,
Свѣтлыхъ окрестностей Харма, Эритры,
Илезія, Илы
Жители града Петеона, жители стѣнъ
Элсона,
Копы, Эвтрезы, Охалии, жившіе въ зданьяхъ
красивыхъ
Града Медсона, въ Тизбѣ, стадамъ голу-
бынымъ привольной,
Вкругъ Короней, на вышно-зеленыхъ
лугахъ Галиарта,
Жители града Платен, полей обработан-
ныхъ Глиса,
Өивъ крѣпкостѣнныхъ, прекрасными
зданьями славнаго града,
Града Оихеста, гдѣ лѣсъ посвященъ Поси-
дону завѣтный,
Арпы златымъ виноградомъ богатой, лу-
говъ благовонныхъ
Низы, Мидей и стѣнъ Анѣдона, на край-
нихъ лежащаго грацияхъ;
Съ ними пришло лигъдесять кораблей
крѣпкозданныхъ, и въ каждомъ
Было сто двадцать отборныхъ бойцовъ мо-
лодыхъ беотійскихъ.
Но аспедонія и всѣхъ, Орхоменъ на-
селявшихъ Минейскій,
Были вождами Аресвы дѣти, Яменъ съ
Аскалафомъ—
Ихъ родила Астіоха, Акторова дочь; погаспно
Въ верхнемъ покоѣ царева жилища стѣ-
длива дѣва,
Свидясь съ Ареемъ могучимъ, ушла въ
объятія бога—
Тридцать они кораблей привели къ бере-
гамъ Иліона.
Были вождами дружины фокелиъ Эпи-
строфъ и Схедій,

Ихъ же отцомъ знаменитый былъ Ифитъ,
потомокъ Навбола;
Жители стѣны Кипариссы, утесовъ Пнеона
суровыхъ,
Жители града прекраснаго Хризы, бога-
тыхъ полей Папонея,
Давлуса, Апеморен, сосѣдней съ Гамно-
ломъ, также
Пахаря тучныхъ полей, вокругъ Цефизы
священной лежащихъ,
Съ ними и жителей близкой къ истокамъ
Цефизы Лилей,
Сорокъ судовъ темноносыхъ оснастить,
пришли за вождемъ.
Въ строй мѣднolатыхъ фокеевъ поста-
вивъ, вожди ихъ дружину
Лѣвымъ крыломъ къ бeогійскому близ-
нему строю примкнули.

Былъ полководцемъ локріанъ Аякъ Оилей
быстроногій;
Ростомъ своимъ Теламонову сыну, другому
Аякеу,
Онъ уступалъ, но хотя не великъ и
холстинною, тонкой
Броней покрытъ былъ, могучимъ ме-
таньемъ копья побѣждалъ онъ
Между ахейцами всѣхъ; населяли жъ
локріане грады
Кипосъ, плодами обильную Авгію, Бесеу,
Фронійскій
Лугъ, орошенный Воагріемъ, Тарфу,
Опунгъ, Каліарій;
Сорокъ привелъ онъ съ собою кораблей
изъ Локриды, лежащей
Противъ святыхъ береговъ, окруженной
волнами, Эвбен.

Но боелюбныхъ абантовъ, эвбейскій па-
родь, паселявшій
Халкисъ, Эретрію, область вина Цегію,
приморскій
Городъ Коринъ, на горѣ неприступно-
построенный Діумъ,
Стѣны Карпеты и роскошью нивъ окру-
женную Стиру,
Вель Эальспоръ, многославный потомокъ
Арея; рожденъ былъ
Онъ Халконнемъ, Эвбен царемъ; и съ
веселіемъ въ битву

Шли съ ними абанты его, заплетенныя
густо на тылъ
Косы посеившіе, ясенныхъ копій метатели,
броней
Мѣдъ на груди у врага пробывать при-
обычшіе имъ.
Сорокъ пришло кораблей крѣпкозданныхъ
съ эвбейскою дружиной.

Строемъ къ эвбейскою дружинѣ примкнули
аоніанцы; градомъ
Ихъ и всей областью властвовала прежде
питомецъ Паллады
Царь Эрехтей, дароносной Землею рожден-
ный, Палладой
Былъ онъ воспитанъ во храмѣ великомъ,
гдѣ жертвой обильной
Агпцевъ и тучныхъ быковъ утѣшалъ ей
сердце младыя
Дѣвы и юноши, празднуя круговерщеніе
года.

Ратью Аоніи Мепестей полководествовалъ,
сынъ Петеона,
Съ нимъ же изъ всѣхъ, на землѣ оби-
тающихъ, въ трудномъ искусствѣ
Конныхъ и пѣшихъ устраивать въ битву
никто не равнялся,
Кромѣ великаго Нестора—старше однако
его былъ
Несторъ годами. Привелъ пятьдесятъ ко-
раблей онъ съ собою.

Сынъ Теламоновъ Аякъ отъ береговъ Са-
ламинны двѣнадцать
Черныхъ привелъ кораблей: онъ при-
двинулъ ихъ къ строю аоніанцевъ.

Жителей Аргоса, башневѣчаннаго града
Тиригга,
Азины, скрытой въ глубокомъ заливѣ
морскомъ Эрміоны,
Винобогатыхъ холмовъ Энидавра, Эйонъ,
Трезень,
Юношей Масія, жителей волнообильной
Эливъ,
Былъ полководцемъ герой Діомедъ, вызы-
ватель въ сраженіе;
Вождемъ ихъ второй былъ Саселъ, много-
славнаго сына Канакъ;

Третій же вождь Эвріаль, богоравный
герой, Мекисеевъ
Сынъ, Талаона державнаго внукъ; но
главою надъ ними
Былъ Диомедъ, вызыватель въ сраженіе;
пришелъ отъ Аргоса
Онъ къ берегамъ Іліона съ осьмьюдесятью
кораблями.

Жители древней Микены, домовъ веле-
днѣишемъ славной,
Ареирей прекрасной, Коринѣа богатаго,
свѣтлыхъ
Зданій Клеоніи, жители града Орней, ста-
ринныхъ
Стѣнъ Спкіона, Адрасту подвластнаго въ
прежне время,
Жившіе въ древнихъ стѣнахъ Гиперезіи,
въ градѣ Пелленѣ,
Въ Эгіи, въ крѣпко-нагорныхъ стѣнахъ
Гонозасы твердынной,
Пахари тучныхъ приморскихъ полей, до-
стигавшихъ до самой
Гелики—вслѣдъ за царемъ Агамемнономъ,
сыномъ Атрея,
Сто кораблей привели; полководецъ избран-
нѣйшихъ, самъ онъ
Шелъ передъ ними, сіяющій мѣдной
броней, прекрасный,
Гордый; величіе прочихъ вождей затмѣ-
валъ онъ, понеже
Былъ ихъ глава и сильнѣйшей дружиной
начальствовалъ въ войскѣ.
Жители скрытаго между холмовъ Лакеде-
мона, Спарты,
Фары, Мессаны, гдѣ много слетаются стады
голубиныхъ,
Пахари тучныхъ полей, окружающихъ
грады Бризею,
Авгію, Амиклы, жители Гелоса, близкаго
къ морю,
Лаоса, свѣтлыхъ равнинъ, орошенныхъ
Этилосомъ, были
Братомъ царя предводимы, отважнымъ въ
бояхъ Менслаемъ;
Вывелъ на смотръ шестьдесятъ кораблей
онъ; но строимъ отдѣльнымъ
Ратныхъ поставилъ, и ихъ, на себя одного
уповая,

Въ бой возбуждалъ: пламенѣло его не-
терпѣишемъ сердце—
Мщеніе свершить за позоръ, приключен-
ный обидой Елены...

Къ нимъ примкнули пиліане, жители
тучныхъ Аренскихъ
Пажитей, Фріа, гдѣ былъ перевозъ чрезъ
Алфей, Кипариссы,
Эпикрѣпкой, Птелеона, Гелоса, Амфигенеи,
Также и града Доріона, гдѣ Тамириса
оракиіца

Встрѣтили музы и въ немъ уничтожили
даръ пѣснопѣнья:

Онъ изъ Эхалии шелъ; посѣтивши тамъ
Эврита, хвасталъ

Онъ передъ нимъ, что побѣду одержитъ,
хотя бы и сами

Музы, Зевеса эгидоносители дочери, спорить
Съ нимъ въ пѣснопѣни стали; и въ гнѣвѣ
его ослѣпили

Музы, и даръ пробуждать сладкопѣнье
въ струнахъ онъ утратилъ.

Былъ полководцемъ дружины пиліанъ
герой Геренейскій

Несторъ; онъ въ Трою привелъ девяносто
судовъ крѣпкозданныхъ.

Люди Аркадіи—храбрый народъ—на по-
катѣ Киллены

Жившіе [тамъ, гдѣ находится Эпитовъ
памятникъ древній],

Жители паствъ Орхомена, луговъ, окру-
жающихъ Фенось,

Рипы, Стратіи, напору всѣхъ вѣтровъ
открытой Эниспы,

Злачнополянной Тегей, предѣловъ Стим-
фала, Парразія, тучной

Жатвой обильныхъ полей Мантисей, пре-
краснаго града,—

Агапенора, Анкеева сына, вождемъ при-
знавали:

Въ Трою привелъ шестьдесятъ кораблей
онъ, и много аркадскихъ

Воиновъ храбрыхъ пришло съ нимъ въ его
корабляхъ крѣпкозданныхъ.

Самъ Агамемнонъ, владыка народовъ, его
кораблями

Тѣми снабдилъ для отплытія въ темное
море, понеже

Было аркадинамъ вовсе невѣдомо дѣло морское.

Жившихъ въ Элидѣ священной, въ Вупразіи, въ краѣ, который

Грады Мирсинъ пограничный, Гирмину, Алезій, до самыхъ

Скаль Оленійскихъ въ предѣлахъ своихъ заключаетъ, четыре

Храбрыхъ вождя предводили—у каждого девять летучихъ,

Полныхъ эпейцами, было въ строю кораблей: Амфимаху,

Сыну Ктеата, одна изъ дружинъ покорялась; другая

Талпію, сыну Эвритоса Акторіада; вождемъ былъ

Третьей эпейской дружины Діоръ, Амаринковъ отважный

Сынъ; а четвертой начальствовалъ вождь Поликсенъ богоравный,

Сынъ Агасеена властителя, внуку знаменитый Авгея.

Мужи Дулихія, люди святыхъ острововъ Эгнадскихъ,

Жившіе на морѣ шумномъ сосѣдственно съ берегомъ Элиды,

Власть признавали Мегеса, подобнаго силой Арею;

Былъ онъ Пилея, коней обуздателя, сыномъ, Пилея—

Ссорой съ отцомъ принужденнаго скрыться на островъ Дулихій;

Сорокъ Мегесъ кораблей быстроходныхъ привелъ къ Иліопу.

Царь Одиссей предводителемъ былъ кефаленянъ могучихъ,

Жившихъ въ Итакѣ суровой, на шумполѣсистыхъ вершинахъ

Нерита, вдоль береговъ Крокилея, межъ скаль Эгилипы;

Жители Зама, полей хлѣбодарныхъ Закиноа и твердой

Близко лежащей Эпирской земли матерой, равномѣрно

Всѣ Одиссею, какъ Зевсъ многомудрому, были подвластны.

Въ Трою съ собой онъ двѣнадцать привелъ кораблей красногрудыхъ.

Сынъ Андремоповъ Фоасъ полководствовалъ ратью этолянъ.

Жившихъ въ стѣпахъ Плеурона, въ Халкидѣ приморской, въ Оленѣ,

Въ горномъ краю Каледонскомъ, въ окрестностяхъ града Пилены;

Войско жъ этолянъ избрало Фоанта вождемъ, послыску

Былъ Оиней уахъ въ Андѣ, и не было болѣ на свѣтѣ

Храбрыхъ его сыновей, и давно Мелеагръ свѣтлокудрый

Въ область сведенъ былъ подземную; сорокъ пришло кораблей съ нимъ.

Съ Идоменеемъ пришлн копьеносные критяне; жили

Въ Гноссѣ они, въ окруженной бойницами твердой Гортинѣ,

Въ Лпктѣ, въ Милетѣ, окрестъ бѣлоствѣннаго града Ликаста,

Въ Фестѣ, въ Ритіонѣ,—множествомъ жителей шумно-кипящемъ,

Также и въ прочихъ краяхъ многоядныхъ стограднаго Крита.

Идоменей, копьевержець могучій, былъ главнымъ вождемъ ихъ;

Съ нимъ Меріонъ, истребителю ратей Арею подобный;

Вмѣстѣ они обладали осьмьюдесятью кораблями.

Силы Иракла великаго сынъ Тлеполеми изъ Родоса,

Девять привелъ кораблей съ необузданно храброй дружиной.

Люди его населяли три города: въ твердомъ Камирѣ

Жили одни, въ свѣтлостѣнномъ Ялиссѣ другіе, и въ Лидѣ

Третьи; ихъ вождь Тлеполеми, копьеборствомъ герой знаменитый,

Былъ Астіохой Ираклу рожденъ; Астіоху жъ похитилъ

Сильный Ираклъ съ береговъ Селласеи, потока Эфиры,

Тамъ, гдѣ онъ многихъ штомцевъ Зевесовыхъ грады разрушилъ.

Въ зрѣлую младость вступя, въ
святлозданномъ отцовъ
Домъ, убилъ онъ тамъ скоро Ирак-
лова дядю Дикимна.

Старца съдого, питомца Ареева. Въ страхѣ,
что будетъ
Месть за убійство ему отъ сыновъ и отъ
внуковъ Иракла,
Онъ поспѣшилъ корабли изготавить и съ
вѣрной дружиной
Храбрыхъ товарищей, въ темно-пустынное
море пустился;
Много тревогъ и пытаній, достигли они
до Родоса,
Гдѣ и осталса жить, раздѣлившися на
три колѣна,
Свыше хранимы Зевсомъ, владыкой без-
смертныхъ и смертныхъ;
Пролилъ на нихъ изобиліе щедрой рукою
Кроноіюгъ.

Прибыло три корабля легкокрылыхъ изъ
Симы съ Ниреемъ,
Сыномъ Харона царя и Аглая, съ Ни-
реемъ, который
Всѣхъ затмевалъ красотою своєю дапаевъ,
пришедшихъ
Въ Трою; съ однимъ лишь не могъ безно-
рочнымъ Непидомъ равняться;
Былъ онъ не мужественъ; войско его
малочисленно было.

Жители волнообъятаго Пизира, Каза,
Каргата,
Коса [гдѣ градъ свой имѣлъ Эврипиалъ],
острововъ Калиднійскихъ
Были вождями Фидиинъ и Антифосъ, два
брата; отецъ ихъ
Былъ знаменитый Фессалъ, Праклидъ, по-
велитель народовъ;
Тридцать они кораблей привели къ бере-
гамъ Иліона.

Тѣ же, которыми былъ обвѣсемъ Аргосъ
Пелазгійскій,
Жители Алоса, града Алопы, Трахинъ
многолюдныхъ,
Фтии, Элады, прекрасноецвѣтущими дѣ-
вами славной

[Имя же общее имъ мирмидоны, элены,
ахейцы]—
Съ ними привелъ пятьдесятъ кораблей
Ахиллесъ богоравный.
Но въ то время они не готовились къ
бою, въ то время
Некому было вести ихъ могучаго строя
въ сраженіе:
Праздно сидѣлъ посреди кораблей Ахил-
лесъ быетропій,
Заявъ за свою Бризенду прекрасную-
другую дѣву,
Взятую нѣкогда въ плѣнъ имъ, съ трудомъ
песказаннымъ, въ Лирисѣ:
Онъ испровергнулъ тогда и Лирисъ и
высокія Фивы,
Послѣ того какъ Миней и Элистрофъ,
метатели копій,
Дѣти царя Селенида Эвена, сраженные
въ боѣ имъ, пали.
Праздно онъ пѣвный сидѣлъ... но воздвиг-
нутыя долженъ былъ скоро.

Жители тучной Филаки, луговъ цвѣто-
носныхъ Пираза.
Агнцамъ привольной Итопы [Димитръ лю-
безнаго края],
Моремъ омытой Антроны, травяныхъ рав-
нинъ Ителеонскихъ
Протезилай многославный вождемъ былъ,
покуда сіянемъ
Дня веселился; но былъ онъ землей ужъ
покрытъ, и въ Филакѣ
Тяжко о цемъ тосковала вдова, раздѣрая
заниты;
Домъ недостроеннымъ свой онъ оставилъ:
изъ всѣхъ онъ ахейнъ
Первый убить былъ дардапцемъ, ступя
на Троянскую землю
Первый. Былъ забрагъ другою вождемъ;
войско о прежнемъ скорбѣло;
Вождемъ же избранный былъ храбрый По-
даркосъ, питомецъ Ареевъ,
Сынъ обладателя стада Ифikleя, Фила-
кова сына,
Протезилаевъ родной, но гораздо родив-
шійся позже,
Вратъ: былъ и старше годами и сплюю
крѣиче

Протезилай богоравный, Арею подобный.
Имѣло
Войско вождя, но крушилось оно, помп-
ная о мертвомъ.
Сорокъ въ Дарданію прибыло съ нимъ
кораблей чернобокихъ.

Жившихъ близъ водъ Бебескаго Озера,
въ Ферѣ и Бебахъ,
Жителей пышнаго града Юлкоса и свѣтлой
Глафиры
Вождь знаменитый Эвмелъ предводилъ, сынъ
Адметовъ, Алцестой,
Самой прекрасной изъ всѣхъ дочерей Пе-
ліаса, рожденный;
Было одинъ днать съ нимъ кораблей у
бреговъ Иліона.

Жившихъ въ Метопѣ, окрестъ Таумакиа,
между суровыхъ
Скалъ Олизона, среди цвѣтопосныхъ лу-
говъ Мелибен,
Былъ предводителемъ дивный стрѣлокъ
Филоктетъ.

III. главкѣ діомеду.
[Ш. VI, ст. 145—149].

Другъ, для чего о породѣ моей меня во-
прошаешь?
Лестьямъ лѣснымъ племена челоуѣковъ
подобны. На землю
Вѣтеръ бросаетъ увядшіе листья; другіе
выводить
Лѣсъ, оживая съ весной молодою. И люди
подобно!
Племя одно настанетъ — исчезаетъ племя
другое.

IV. отрывки изъ плады.
[пѣсни VI—XX].

Жертву принесли богамъ, да пошлють
Иліону спасенье,
Гекторъ поспѣшно потекъ по красиво
устроеннымъ стогнамъ;
Замокъ высокій Пергама ироядя, наконецъ
онъ достигнулъ
Скейскихъ воротъ, ведущихъ изъ града
въ широкое поле!
Тамъ Гетеонову дочь Андромуху, супругу
опъ встрѣтилъ;

Съ нею былъ сынъ. На груди у корми-
лицы гѣжнй младенецъ
Тихо лежалъ: какъ звѣзда лучезарная,
былъ онъ прекрасенъ,
Гекторъ Скамандріемъ назвалъ его; отъ
другихъ онъ былъ прозванъ
Астіанаксомъ (позже лишь Гекторъ за-
щитой былъ града).
Ласково руку пожавши ему, Андромуха
сказала:
«Неумолимый! отважность погубитъ тебя.
Не жалѣешь
Ты ни о сынѣ своемъ въ пеленахъ, ни
о бѣдной супругѣ,
Скоро вдовѣ безотрадной! Ахейцы тебя
неизбѣжно,
Силою всею напавъ, умертвятъ. Для меня
же бы лучше
Въ землю сокрытси, тебя потерявъ: что
будетъ со мною,
Если тебя, отнятаго рокомъ могучимъ, не
станетъ?
Горе! ужъ пѣтъ у меня ни отца, ни ма-
тери пѣжной;
Мой отецъ умерщвленъ Ахиллесомъ боже-
ственнымъ; Олвы,
Градъ киликіянъ съ блестящими златомъ
вратами разрушивъ,
Самъ онъ убилъ Гетеона, но не взялъ
оружія; чуждый
Мысли такой, онъ съ оружіемъ вмѣстѣ
сожженію предалъ
Кости родителя, въ почесть ему погре-
бальный насыпалъ
Холмъ и платанами горвыя нимфы тотъ
холмъ обсадили.
Семеро братьевъ еще у меня оставалось
въ отчизнѣ —
Всѣ они, въ день единый, повержены въ
бездну Лиды:
Всѣхъ безощадной рукой умертвилъ Ахил-
лесъ быстроногий.
Матерь царицу отъ нажитей густолѣси-
стаго Плака
Въ рабство добычей войны онъ увлекъ,
но за выкупъ великій
Скоро ей отдалъ свободу, чтобъ пала отъ
стрѣлъ Артемиды.

Гекторъ, ты все мнѣ теперь: и отецъ и
нѣжная матеръ;
Ты мой единственный братъ, о Гекторъ,
цвѣтущій супругъ мой.
Будь же ко мнѣ сострадателенъ, здѣсь
останься на башнѣ;
Сыну не дай сиротства, супругѣ не дай
быть вдовою;
Тамъ на холмѣ смоковницы войско по-
ставь: нападеніе
Легче оттуда на градъ; тамъ открыты для
прислуга стѣны.
Съ той стороны уже трикраты на насъ
покушались
Оба Аякса, Идомены, Діомедъ и Атриды».
Кротко отвѣтствуетъ гривистымъ племемъ
украшенный Гекторъ:
«О Андромаха, и я о томъ же печалюсь;
но стыдъ мнѣ
Будеть тогда отъ троянскихъ мужей и
отъ женъ Иліона,
Если, какъ робкій, сюда удалюсь, укло-
нясь отъ боя;
То запрещаетъ и сердце; донинѣ привыкъ
и спокойно
Бодретвовать духомъ и биться у всѣхъ
впереди, охраняя
Трою, великую славу отца и мою; но пред-
видить
Вѣщее сердце и тайно гласить мнѣ тре-
вожное чувство:
Нѣкогда день сей наступитъ — падеть
священная Троя,
Съ нею Пріамъ и народъ царя копье-
носнаго бодрый.
Но не Трои грядущее горе, не участь Ге-
кубы,
Ни же Пріамова гибель, ни же столь мно-
гихъ, столь храбрыхъ
Братьевъ моихъ истребленіе, тогда неиз-
бѣжно надущихъ
Въ прахъ подъ рукою врага, сокрушаютъ
нынѣ такъ сильно
Душу мою, какъ мысль о тебѣ, Андро-
маха, когда ты,
Вслѣдъ за одѣяннымъ мѣдною бронею му-
жемъ ахейскимъ,
Плача, отсюда пойдешь, лишенная свѣта
свободы,

Или въ Аргосѣ будешь съ рабынями трагъ
для царицы,
Иль утомленная, тяжкимъ сосудомъ въ
ключѣхъ гиперейскомъ
Черная воду, будешь въ слезахъ поминать
о Пергамѣ.
Можетъ быть, видя, какъ плачешь въ
своемъ одиночествѣ, скажутъ:
— Вотъ вдова знаменитаго Гектора, бывшаго
первымъ
Въ войскѣ троянскомъ, въ тѣ дни, какъ
сражались у стѣвъ Іліона.—
То услыша, ты съ новою вспоминая тоскою,
что на свѣтѣ
Пѣть ужъ того, кто отъ рабства надеж-
ною былъ бы защитой.
Пѣть! я лучше хочу, чтобъ меня безды-
ханнаго скрывли
Въ землю, чѣмъ слышать о плачѣ твоёмъ
и крушительномъ плѣнѣ.
Такъ отвѣтствовалъ Гекторъ, и къ сыну
руки простеръ онъ;
Робко отъ нихъ отклонился, и къ лону
кормилицы съ крикомъ
Бросился милый младенецъ, дичаяся отца,
устрашенный
Яркимъ блистаніемъ латы и косматою гри-
вою шлема,
Грозно надъ нимъ шумѣвшею съ мѣдно-
огромнаго гребня.
Съ грустной улыбкой и мать и отецъ по-
смотрѣли на сына.
Шлемъ съ головы снимаетъ поспѣшно бла-
гостательный Гекторъ,
Бранный уборъ на землю кладесть и, на
руки взявши
Сыпа, цѣлуетъ его съ умиленьемъ, и нѣжно
лелѣетъ.
Громко взываетъ потомъ онъ къ безсмерт-
нымъ богамъ и Зевесу:
Царь Зевесъ! вы, боги Олимпа! молю васъ,
да будетъ
Нѣкогда сынъ мой, какъ я, благолюбимъ
первый въ народѣ,
Столько же мышцею крѣпокъ и моцно
господствуетъ въ Троѣ.
Пусть со временемъ скажутъ: *отца своего
превозмогъ онъ!*

Видя его, изъ сраженья идущаго съ пышною броней,
 Снятой съ врага—и такая хвала да порадуетъ мать».
 Такъ сказавъ, положилъ онъ въ объятія нѣжной супруги сына. Она, улыбаясь сквозь слезы, душистымъ покровомъ Персей одѣла его; и, глубокой печалію полный, Гекторъ, ее приласкавши рукою, привѣтно сказалъ ей:
 «Вѣдая, ты не должна обо мнѣ сокрушаться такъ много; Противъ судьбы я никѣмъ преждевременно сосланъ не буду Въ темный Андъ; но судьбы ни единый еще не избѣгнулъ Смертный, родившійся разъ на землѣ, ни смѣлый, ни робкій. Съ миромъ же въ домъ свой поиди: занимайся порядкомъ хозяйства, Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабы и рабыни въ работѣ Были прилежны своей; о воинѣ же имѣть попеченье— Дѣло троянскихъ мужей и мое изъ всѣхъ наиболѣ».
 Копчивъ, свой гривнестый шлемъ поднимаетъ блистательный Гекторъ. Медленнымъ шагомъ, и часто назадъ озираясь, и слезы Горькія молча лія, Андромаха пошла и достигла Скоро обители Гектора; много служительницъ было Собрано тамъ за работою; всѣ сокрушались съ нею; Жакиво Гекторъ былъ въ домѣ оплаканъ своимъ. Непзбѣжно, Мнили онъ, онъ погибнуть; мы вѣчно его не увидимъ.
Истину въщая скорбь предсказала имъ; время настало Сбыться тому, что давно предназначено было: но прежде Славой великой покрывся могучій защитникъ Пергама.

Паль Патрокль отъ руки благороднаго Гектора; эту же Шлемъ Ахиллесовъ и щитъ покрывали ею; неизбежный Часъ судьбы наступилъ—и съ Патроклоза хладнаго трупа Гекторъ совелкъ Ахиллесову броню, и стѣча зажглася Вкругъ бездыханнаго юноши, прежде столь бодрою въ битвѣ.
 —Я къ кораблямъ Антилоха пошлать вѣстить Ахиллесу Гибель Патрокля; но знаю, что къ намъ не придетъ онъ на помощь, Сколь ни кипѣлъ бы на Гектора злобою... онъ безоруженъ.
 Намъ однимъ зацѣпять умерщвленнаго друга. Упорно Будемъ стоять за него; спасемъ бездыханное тѣло.—
 Такъ говорилъ Менелай Теламонову сыну Аяксу.
 —Правда, Атридъ знаменитый, Аяксъ отвѣчалъ Менелаяу,
 Ты съ Меріономъ Патрокля храни; наклоньтесъ и тѣло, Взявъ на плеча, несите изъ бою. Мы жъ, оба Аякса, Разные мужествомъ сердца, всегда неразлучные въ битвѣ, Будемъ стремленье троянъ и великаго Гектора дружно Грудью своей отражать, охраняя отшествіе ваше.—
 Царь Менелай съ Меріономъ подъямлютъ Патроклово тѣло Сильной рукою съ земли: ужаснулись трояне, увидя Тѣло во власти ахейнъ и бросились съ воплемъ за ними. Словно какъ псы, унредя звѣроловцевъ младыхъ, на лѣснаго Вепря, когда онъ порасенъ, кидаются вдругъ, но лишь только Въшннй онъ, оцѣтннлся, на нихъ обернется, въ нецугѣ Всѣ разсыпаются—такъ и трояне сначала стремятся

Бодро впередъ, подымая мечи и двуострыя
копья;
Но лишь только Аяксы въ лицо имъ ли-
цомъ обратятся—
Всѣ блѣднѣюгъ и боя начать ни одинъ
не дерзаетъ.

*Царь Менелай съ Меріономъ без-
страшно, медлительнымъ шагомъ,
Идутъ впередъ, унося изъ сраженья
Патроклово тѣло;
Ихъ защищаютъ Аяксы; блистатель-
ный Гекторъ съ Энеемъ
Рвется, какъ львы разъяренные, силясь
добычу похитить;
Страшной грозой къ кораблямъ при-
ближается шумная битва.*

Робко межъ тѣмъ Антилохъ къ Ахилле-
совой ставкѣ подходитъ.
Онъ сидѣлъ впереди кораблей недалеко
отъ моря,
Мраченъ, тревожимый душой о томъ, что
уже совершилось.

«Горе! онъ мыслилъ: зачѣмъ къ кораблямъ
въ беспорядкѣ тѣсниться
Снова ахейцы, покинувъ сраженье? Стра-
шусь, что со мною
Сбудется то, что давно предсказала мнѣ
матерь: что долженъ,
Прежде меня отъ троянъ мирмидонецъ по-
гибнуть храбрѣйшій.

Сердце дрожитъ; ужъ не пагъ ли Менес-
теевъ сынъ? Непреклонный
Другъ! а я умолялъ уйти къ кораблямъ,
отразивши
Вражій пожаръ и отнюдь не испугивать
съ Гекторомъ силы».

Такъ размышлялъ Ахиллесъ — и предъ
нимъ съ сокрушительной вѣстью
Сынъ престарѣлаго Нестора, слезы лиющій,
явился.

«Горе мнѣ! сынъ благородный Пелея, ты
долженъ о страшной
Слышать бѣдѣ, какой никогда не должно бы
случиться!

Пагъ Патроклъ; ужъ теперь за его без-
дыханное тѣло
Бьются; онъ пагъ—оружіе Гекторъ могу-
чій захитилъ».

Мрачное облако скорби лицо Ахиллеса
покрыло.

Объ онъ горети наполнивши челомъ, главу
имъ обсыпалъ;

Лишь молодой почернѣлъ, почернѣла одежда
и самъ онъ,

Тѣломъ великимъ пространствомъ покрывши
великое, въ прахѣ

Быль распростертъ, и волосы рвалъ и
бился объ землю.

Дѣвы, имъ купно съ Патрокломъ плачен-
ныя, въ страхѣ изъ ставки

Выбѣжавъ, громко вопли надъ нимъ и
перси терзали.

Съ ними стоналъ Антилохъ; залываясь
слезами, всею силой

Онъ Ахиллесовы руки держалъ, чтобъ въ
безуміи горя

Самъ онъ себѣ не пронзилъ изощреннымъ
оружіемъ груди.

Съ страшнымъ воплемъ онъ плакалъ. Его
услышала матеръ,

Въ домѣ сѣдого отца, на днѣ глубокаго моря,
Громко она зарыдала, и къ ней собрались

Нериды,
Сестры младыя, морской глубины злато-
власыя дѣвы.

Полопъ былъ имъ подводный, серебряный
домъ, поражали

Всѣ они перси, печалась съ сестрой. Имъ
Феттда сказала:

«Милыя сестры, Нерей безсмертныя дочери,
много,

Много печали на сердцѣ моемъ; о горе мнѣ
бѣдной!

Мнѣ, Ахиллеса великаго матери! мною
рожденный

Сынъ, столь душой благородный, столь му-
жествомъ славный, въ герояхъ

Первый... онъ цвѣлъ, какъ молодое пре-
красное древо; съ любовью

Нѣжной воспитанный, выросъ, и мной
пагонецъ къ Иліону

Посланный, поплылъ туда въ корабляхъ
острогрудыхъ... и вѣчно

Мнѣ ужъ его не увидѣтъ въ отеческомъ
домѣ Пелея;

Но доколѣ и жплъ онъ, сіяніемъ дня оза-
раченный

Онъ осужденъ на страданье и матерь ему
не поможетъ.
Милыя сестры, погнемъ глубокое море;
мигъ должно,
Должно сына увидѣть, мигъ должно про-
вѣдать, какое
Новое горе ему, не ветувавшему въ бой,
приключилось».
Такъ сказавъ, изъ пещеры выходитъ Фе-
тда, и съ нею
Сестры, Персевы дочери, слезы лиющія.
Волны
Моря кругомъ ихъ шумятъ, раздѣляясь.
Достигнувши Трою,
На берегъ входить одна за другою въ
томъ мѣстѣ, гдѣ зрѣлись
Всѣ корабли мрмидонянъ кругомъ Ахил-
лесовой ставки.
Матерь къ нему подошла, зарыдала надъ
нимъ и, обнявши
Нѣжной рукой преклоненную голову сына,
сказала:
«Что же ты плачешь? Что бодрю душу
твою сокрушило?
Будь откровененъ со мною! Зевесъ громо-
вержецъ исполнилъ
Все, о чемъ ты молился, подъемля здѣсь
руки. Ахейцы
Много стыда претерпѣли, утративъ тебя
и, тѣнимы
Силой враговъ къ кораблямъ, безнадежно
тебя призывали».
Тяжко, тяжело вздохнувъ, отвѣчалъ Ахил-
лесъ быстроногій:
«Матерь, не тщетно молилъ я, исполнилъ
Зевесъ громовержецъ
Все; но какая въ томъ польза, когда по-
терялъ я Патрокла,
Друга вѣжнѣйшаго, много мнѣ, какъ
сѣнье дневное?
Онъ погибъ, и оружіе Гекторъ убиѣца по-
хитилъ,
Крѣпкое, дивное, даръ отъ боговъ олим-
пійскихъ Целею
Въ оный день, какъ тебя сочетали без-
смертную съ смертнымъ.
Было бы лучше, когда бъ ты осталась бо-
гинею моря,

Лучше, когда бы простой, не безсмертной
супруги супругомъ
Былъ Пелей: безкопечной тоской по утра-
ченномъ сынѣ
Будешь ты нынѣ крушиться; ужъ вѣчно
его не увидишь
Въ домѣ отца. Да и сердце мое запре-
щастъ мигъ долѣ
Здѣсь межъ живыми скитаться; по прежде
Гекторъ заплатитъ
Мнѣ за Патроклову жизнь, ною моею
ногой издыхая».
Матерь, лиющая слезы, отвѣтствуетъ: «то,
что сказалъ ты,
Мнѣ возвѣщаетъ, что жизни твоей пре-
кращеніе близко:
Самъ ты за Гекторомъ владѣе неминуюемо
долженъ погибнуть—
Такъ повелѣла судьба». Ахиллесъ возра-
зилъ ей угрюмо:
«Пусть я погибну теперь! что въ жизни,
если Патрокла
Мнѣ защитить не дано? Далеко отъ лю-
бимой отчины
Палъ онъ, а я не пришелъ отразитъ не-
навістную гибель.
Что я? Родительскихъ мирныхъ полей
суждено не видать мнѣ;
Жизни Патрокла спасти я не могъ; не
могъ быть защитой
Столькимъ друзьямъ благороднымъ, отъ
сильнаго Гектора надшимъ.
Здѣсь я сижу, позади кораблей, безплоз-
ное бремя
Свѣту, я, Ахиллесъ, изъ всѣхъ мѣдиолат-
ныхъ Ахейцъ
Въ битвѣ храбрѣйшій, хотя на совѣтъ дру-
гимъ уступаю.
О! да погибнуть вражда и гнѣвъ, отем-
няющій часто
Разумъ мудрѣйшимъ! сначала онъ сладост-
нѣй меда, но скоро
Пламень снѣдающій въ сердцѣ, вкусив-
шемъ его, закипаетъ.
Такъ и меня раздражилъ Агамемнонъ,
царей повелитель.
Но пусть будетъ прошедшимъ прошедшее;
сколь ни прискорбно

Сердцу оно—раздраженное сердце должно
покориться.
Я иду— не избѣгнешь меня ты, Патро-
кловъ убійца,
Гекторъ. Свой жребій принять я готовъ,
когда ни назначать
Вѣчный Зевесъ и безсмертные боги Олимпа;
и мнѣ ли
Пышѣ роптать на судьбу, когда и Алкидъ
благородный,
Сынъ громовержца любимый, былъ гдѣ-
когда сю постигнуть?
Если подобный удѣлъ и меня ожидаетъ,
пусть лягу
Въ землю, дыханье утративъ; но славу
великую прежде
Здѣсь соберу, быстротечныя жизни въ замѣ-
ну; здѣсь многихъ
Дѣвъ полногрудыхъ дарданскихъ принужу
крушиться, и слезы
Съ юныхъ ланить отирать, закрывши
руками
Лица и вздохи спирая въ груди, разди-
раемой горемъ.
Скоро узнаютъ, что я отдохнулъ. А ты
не надѣйся,
Матерь, меня удержатъ: никогда я не буду
покоренъ».
«Истину ты говоришь, отвѣчала Фетида; похвально
Быть для друзей отъ бѣды и отъ смерти
защитой. Но Троя
Пышѣ владѣть твоими блестящими ла-
тами; хищный
Гекторъ, украшенный ими, лжуетъ—
хотя и недолго
Въ шихъ величаться ему: предназначен-
ный часъ недалеко.
Но безоружный, мой сынъ, не бросайся
въ тревогу Арея;
Здѣсь помедли, доколѣ меча опять не
увидишь.
Завтра сюда на разсвѣтъ, лишь только
подымется солнце,
Съ пышной броней, некованной богомъ
Ифестомъ, приду я».
Такъ говорила богиня и съ сыномъ мо-
гучимъ простилася.

Къ юнымъ сестрамъ, среброногимъ боги-
нямъ, потомъ обратясь,
«Милыя сестры, сказала, теперь погрузи-
теся въ море,
Въ домъ возвратитесь Нерей и старцу сѣ-
дому пучину
Все возвѣстите. А я на вершину Олимпа
къ Ифесту
Прямо отсель полечу умолять, чтобъ ору-
жіе далъ намъ».
Кончила: въ лоно зыбей погрузились мла-
дыя богини.
Быстро къ вершинѣ Олимпа отъ нихъ
полетѣла Фетида.
Тою порою ахейцы отъ грознаго Гектора
съ громкимъ
Воплемъ бѣжали къ своимъ кораблямъ,
на берега Элленонта,
Спясь напрасно исторгнуты изъ боя Па-
троклово тѣло;
Гекторъ, какъ бурное пламя, гнался за
нимъ; ужъ трикраты
За ногу мертваго сзади хваталъ онъ, го-
товый добычу
Вывать изъ рукъ у ахейанъ, и кликалъ
троить, и трикраты
Силою всею Аяксы его отражали отъ трупъ.
Яростный, пламенный, все низвергалъ онъ;
то, бѣгая быстро,
Вился въ толпѣ; то, стоя недвижимо, сзы-
валъ громогласно
Въ битву своихъ и рвался неостетунно на
хладное тѣло.
Такъ надъ растерзанной ланью, голодный,
очами сверкая,
Левъ космолапый сидитъ, не тревожася
пастырей крикомъ.
Тщетно Аяксы отважные борются съ нимъ;
овладѣть бы
Онъ неизбѣжно Патрокломъ съ великою
славою, когда бы
Ира съ небесъ не послала Приду къ Пе-
лесеу сыну.
«Сынъ Пелеевъ, бѣги, бѣги на помощь къ
Патроклу;
Битва уже подошла къ кораблямъ. По-
смотри: убиваютъ
Страшно другъ друга, одинъ, отбиваясь,
другіе, стремясь

Тѣло схватить; одолѣють трояне; блистательный Гекторъ
 Скоро похитить Патрокла, и въ Трою умчить, и на башнѣ
 Выставить голову, снятую съ плечъ въ посрамленье ахейнъ.
 Полно медлить: пль псамъ папцаться Патрокловымъ тѣломъ.
 Встапъ, безоружный, взбѣги на раскатъ; покажися троянамъ;
 Образъ твой ужасъ нагонитъ на нихъ, ободряетъ ахейцы». —
 Такъ Ахиллесу богиня Ирида сказала и скрылась.
 Гласомъ ея возбужденный, вскочилъ Ахиллесъ. И Аонна
 Мощныя плечи ему облачила эгидой ужасной,
 Огненной тучей главу обвила, и съ нея заблистали
 Грозно лучи, озаряя окрестность. Какъ дымъ, извиваясь,
 Выходитъ далеко на островъ, ратью враговъ обложенномъ—
 (Бодро весь день осажденные бьются, но сядеть лишь солнце,
 Всюду костры зажигаютъ, и съ яркими искрами пламя
 Выходитъ великимъ столбомъ и, окрестъ отраженное моремъ,
 Свѣтитъ, чтобъ видѣли путь корабли, приносяще помощь)
 Такъ съ головы Ахиллеса блпстанье въ эфиръ подымалось.
 Онъ взбѣжалъ на раскатъ и стая на виду у ахейнъ,
 Крикнулъ... пронзительный крикъ повторила Паллада Аонна
 Отзывомъ громкимъ: троянъ обуялъ неописанный ужасъ.
 Такъ оглушительный громъ боевыя трубы, возвѣщая
 Приступъ, внезапно мутитъ осажденных. —
 Едва Ахиллесовъ
 Голосъ послышался, дрогнуло каждое сердце; всѣ кони,
 Гибель почуя, подняли гривы и съ тономъ громкимъ

Везиать понесли колесницы; правители ихъ въ изступленнй,
 Съ блѣднымъ лицомъ, обратися назадъ, неподвижнымъ смотрѣли
 Окомъ на грозный лица Ахиллесева блескъ. Троекратно
 Крикнулъ онъ съ валу на нихъ—троекратно, разбитыя страхомъ,
 Войска троянъ и союзныхъ назадъ въ безпорядкѣ бросались.
 Тутъ отъ своихъ колесницъ и отъ собственныхъ коней двѣнадцать
 Храбрыхъ дардаванъ погибло. Ахейцы, похитивъ Патрокла,
 Въ ставкѣ простерли его на одрѣ, и друзья окружили
 Тѣло. Пришелъ Ахиллесъ. Запися онъ слезами, увидя
 Друга, предъ нимъ на одрѣ неподвижно лежащаго, острой
 Мѣдью пронзенаго: самъ онъ недавно его на сраженье,
 Броней своею облекши, послалъ: но назадъ не пришелъ онъ.
 Тою порою, постоянный въ теченн Геллосъ, волю
 Иры свершая, сошелъ неохотно къ водамъ океана,
 Въ нихъ потонувшее солнце исчезло, и войско ахейнъ,
 Послѣ губительной брани, въ глубокой покой погрузилось.

*Но трояне вкусить не могли ни покол, ни пищи,
 Смутно они собрались на советъ. Опершися на копья,
 Весь стояли и стять не держалъ ни единый и вслѣзъ имъ
 Сердце тревожила мысль о жившемся въ бой Ахиллесъ.
 Полидамантъ благомыслящй, Гекторовъ другъ осторожный
 Первый подавъ советъ: покинувъ поле сраженья,
 Въ Трою войти. «Намъ теперь благовонная ночь благосклонна.
 Такъ онъ сказалъ: Ахиллеса держитъ она. Но завтра,*

Въ полѣ увидя насъ, выдѣтъ онъ въ битву. Тогда неизбежно
 Многіе будутъ добычею псовъ. Уда-
 лимся же въ Трою, покуда
 Время, на торжищѣ ночь проведемъ
 подъ небомъ открытымъ;
 Съ первымъ же блескомъ денницы сбе-
 ремся на стѣны; пускай онъ
 Боя отведать приблизится къ нимъ;
 лишь напрасно мощи ихъ
 Жизней своихъ утолитъ; но въ Трою
 ему не ворвутся».

Сумраченъ, брови нахмуря, отвѣтствовалъ
 пламенный Гекторъ:
 «Полздамантъ, осторожный совѣтъ твой
 теперь бесполезенъ;
 Намъ ли, какъ робкимъ, бѣжать въ огра-
 жденную башнями Трою?
 Мы ль не устали еще, за стѣнами тѣ-
 снися, укрываться?
 Нѣкогда городъ Пріамовъ, межъ всѣми на-
 родами славный,
 Былъ знаменитъ на землѣ изобиліемъ мѣди
 и золота;
 Но ужъ давно изъ печальныхъ жилищъ
 изобиліе скрылось.
 Мы раздражили Зевеса; во Фригій, въ краѣ
 союзномъ
 Пышной Меопіи, проданы лучшія утвари
 наши.
 Пыльъ жъ, когда мнѣ могучій Кроніонъ,
 Зевесъ вседержатель
 Славу послалъ отразить къ кораблямъ
 мѣднолатныхъ ахейнъ,
 Я ли укроюся въ Троѣ? Какой же совѣтъ
 подаешь ты?
 Кто изъ троянъ покорится ему? Здѣсь я
 повелитель.
 Слушайте жъ слово мое и мою исполните
 волю:
 Пищу пускай по дружинамъ раздѣляютъ;
 насытитесь, по каждый
 Будь остороженъ, и стражъ да не дремлетъ
 на стражѣ. Заутра
 Съ первымъ сіяньемъ денницы, оружіе
 мѣдное взявши,
 Мы побѣжимъ къ кораблямъ на рѣшитель-
 ный приступъ. И если

Правда, что всталъ Ахиллесъ, то недоброе
 время онъ выбралъ:
 Я не страшуся его безопаднаго встрѣ-
 тить; отважно
 Стану предъ нимъ, не забоясь, меня ли,
 его ли украсить
 Славою бой... неподкупенъ Арей, и разя-
 щихъ разить онъ».

Гекторъ сказалъ и трояне, согласные съ
 нимъ, отвѣчали
 Плескомъ шумящимъ... слѣбцы! имъ Пал-
 лада затмила рассунокъ:
 Злое благому они предпочли и остались
 въ полѣ.

Въ горѣ и плачѣ ту ночь надъ Патрок-
 ловымъ тѣломъ ахейцы,
 Глазъ не смыкая, всю провели. Ахиллесъ,
 положивши
 Мощныя руки на грудь неподвижную
 друга, со стопомъ
 Плакалъ. Такъ львица грозная, рычеть,
 когда звѣроловецъ
 Львенка младаго съ изъ глубокаго лога
 похитилъ:
 Забояся, рычеть она по ущельямъ съ жа-
 лобнымъ ревомъ.
 Такъ Ахиллесъ вопіалъ, окруженный тол-
 ной мирмидонянъ:
 «Боги! сколь были надежды мои безраз-
 судны, когда я,
 Тщаю утолить сокрушеніе Мелетія, далъ
 обѣщанье
 Вмѣстѣ съ украшеннымъ славою Патрок-
 ломъ въ Опунтѣ возвратиться,
 Трою разрушивъ и много богатой добычи
 скопивши.
 Смертный замыслить одно, а Зевесъ со-
 вершаетъ иное!
 Оба единую землю мы кровью своей на-
 шитаемъ
 Здѣсь въ отдаленномъ троянскомъ краю.
 И меня не увидятъ
 Вѣчно въ жилищѣ отцовъ ни Целей, мой
 родитель
 Дряхлый, ни мать Оетида. Здѣсь лягу,
 покрытый могилой.
 Если же послѣ Патрокла назначено въ
 землю сойти мнѣ,

О мой Патроклъ! я твое совершу погребенье, попергнувъ
 Голову Гектора съ броней его предъ тобой и двѣнадцать
 Юношей илліныхъ, сыновъ благороднѣйшихъ Трои, заклавши
 Въ почестъ твою и обиженной тѣли твоей въ утѣшенье!
 Съ миромъ же спи у моихъ кораблей въ ожиданіи мести;
 Пусть троянки, плѣненные нами, и деппо и пощю
 Плачутъ дотолѣ надъ тѣломъ твоимъ и перси терзаютъ».

Съ сими словами друзьямъ повелѣлъ Ахиллея благородный,
 Чистой водою огромный котель трепожнѣй наполнивъ,
 Прахъ съ запекшейся кровію смять съ Патроклова тѣла.
 Ставятъ треножникъ на яркій огонь и шумящей струею
 Льетъ въ него ключевая вода и хворостъ бросаютъ
 Въ пламя: оно обхватило котель и вода закипѣла
 Въ мѣдномъ звѣщащемъ сосудѣ. Омытое теплою влагой
 Тѣло умаслили тучнымъ елеемъ; потомъ, ароматной
 Девятилѣтнею мазью наполнивши раны, простерли
 Тихо его на одрѣ и, покрывъ полотномъ драгоценнымъ
 Купю и тѣло и ложе блестящею тканью одѣли.
 Эосъ младая, въ одеждѣ багряной, безсмертнымъ и смертнымъ
 Дещъ приносящая, встала изъ водъ океана.

Ѳетида
 Съ дивной, Ифестомъ ей данной бронеею, пришла къ Ахиллею;
 Онъ распростертый лежалъ надъ бездушнымъ Патрокломъ, и громко
 Плакалъ; окрестъ мирмидоняне въ мрачномъ молчаньи сидѣли.
 Тихо межъ ними прошла среброногая мать богиня

Къ сыну и, за руку взявши его, умирно сказала:
 «Сынъ мой, оставимъ покониться мертвого, сколько бѣ о немъ мы
 Въ сердцѣ своемъ ни крушились: онъ силой безсмертныхъ постигнуть.
 Я принесла невредимую броню отъ бога Ифеста,
 Чудо красы: ни на комъ изъ людей не бывало подобнаго».

Такъ сказавъ, положила Ѳетида къ ногамъ Ахиллея
 Броню; громкій оружіе звукъ издало; мирмидоняны
 Ужасъ проникнулъ: взглянуть не посмѣлъ ни единый богинѣ
 Прямо въ лицо, и все трепетали. Но гнѣвомъ сильнѣйшимъ,
 Броню узря, закипѣлъ Ахиллея; глаза засверкали
 Искрами, вспыхнувъ подъ тѣпью рѣсницъ, какъ ужасное пламя;
 Жадной рукою онъ броню схватилъ и, даромъ чудеснымъ
 Бога Ифеста плѣненный, имъ сталъ любоваться; но скоро
 Слова сдѣлалися мраченъ; потомъ, обратися къ Ѳетидѣ,
 «Мать, сказала онъ, оружіе дивно твое, и немедли
 Выйду я въ битву. Но сердце мое неспокойно; онъ будетъ
 Здѣсь бездыханный лежать; насѣкомья жадныя могутъ
 Въ раны влетѣть, въ нихъ червь поселится и можетъ гнѣненье,
 Въ тѣло проникнувши, образъ его опозорить прекрасный».

«Будь, мой возлюбленный сынъ, беззаботень, сказала Ѳетида:
 Съ нимъ неразлучная, стану сама разгнѣвать насѣкомыхъ,
 Жадно снѣдающихъ тѣло убитаго мужа; хотя бы
 Медленный года надъ нимъ совершился полетъ, я нетлѣннымъ
 Тѣло его сохраню, и еще онъ прекраснѣе будетъ».

Съими словами она проливаетъ на раны
 Патрокла
 Союзъ благовонный амвросіи съ нектаромъ
 свѣтлопурпурнымъ.
*Берегомъ моря постыжно потекъ Ахил-
 лесъ благородный;*
*На голосъ звучный его собралися ахей-
 цы. Прискорбно*
*Руку онъ подалъ Атриду, и былъ при-
 мирительной жертвой*
Поздній межъ ними союзъ утвержденъ.
Агамемнонъ могучій
Далъ повелѣнныя дары отнести къ
Ахиллессу. Немедля
 Царь Одиссей съ сыновьями почтеннаго
 Нестора, съ славнымъ
 Сыномъ Филія Мегитомъ, съ Феоантомъ и
 съ ними Креоновъ
 Сынъ Ликомедъ, Меріонъ, Меланиппъ къ
 Агамемнону въ ставку
 Идутъ и, выбравъ семь драгоценныхъ тре-
 ножниковъ, двадцать
 Свѣтлыхъ сосудовъ, двѣнадцать копей и
 семь рукодѣльныхъ
 Плѣтницъ съ осмой Бризеидой, отходятъ
 въ шатеръ Ахиллесовъ,
 Царь Одиссей впереди съ десятию талан-
 тами злата.
 Всѣ потомъ, окруживъ Ахиллеса, его при-
 глашаютъ
 Съ ними обѣдъ раздѣлить; но, тяжело
 вздохнувъ, отвѣчалъ онъ:
 «О друзья! умоляю васъ, если хоть мало
 я дорогъ
 Вашему сердцу, не требуйте нынѣ, чтобъ
 я наслаждался
 Вашешю пищею: горе всю душу мою раз-
 дираетъ.
 Итъ, не коснусь ни къ чему до самья
 позднія ночи».
 Всѣ полководцы простились тогда съ Ахил-
 лесомъ; остались
 Оба Атрида, Идомеи, Одиссей благород-
 ный,
 Несторъ и старецъ Феніксъ. Прояснить
 омраченную душу
 Друга старались они разговоромъ веселымъ;
 по тщетно.

Сумраченъ былъ онъ, лишь битвы единой
 алкалъ, непрестанно
 Думалъ о мертвомъ, объ немъ лишь одномъ
 говорилъ непрестанно:
 «О сколь часто бывало, что самъ ты забот-
 ливо, бѣдный,
 Въ ставку мою прибѣгалъ съ подкрѣпи-
 тельной утренней пищей,
 Мнѣ возвѣщая, что войско ахейскъ шатры
 покидало,
 Снова съ троянами въ битву готовое выйти:
 а нынѣ
 Здѣсь ты лежишь, бездыханный! Не мо-
 жетъ мое усаждать
 Сердце ни пищей, ни сладкимъ виномъ безъ
 тебя. Я толь сильнымъ
 Не былъ бы горемъ сраженъ, и услышавъ о
 смерти Пелея,
 Льющаго слезы во Фтіи своей обо мнѣ от-
 даленномъ,
 Бьющемся въ чуждомъ краю за обиду Елены
 презрѣнной,
 Ни же печальную вѣсть получивши о сынѣ,
 въ Скиросѣ
 Мнѣ расцвѣтающемъ, богоподобномъ Не-
 оптолемѣ,
 Если онъ живъ!—Я донинѣ всегда упо-
 ваниемъ тайнымъ
 Сердце свое утѣшалъ, что погибну одинъ,
 разлученный
 Съ славнымъ конями Аргосомъ, въ троян-
 ской землѣ, что, въ предѣлы
 Фтіи родной возвратятся, ты самъ въ ко-
 раблехъ бѣлокрылыхъ
 Сына въ Скиросѣ возьмешь и ему пока-
 жешь въ отчизнѣ
 Всѣ богатства мои, рабовъ и царевы чер-
 тоги.
 Чувствовалъ я, что тогда ужъ Целей иль
 въ землѣ, бездыханный,
 Будетъ лежать, иль, можетъ быть, грустно
 свой вѣкъ доживалъ,
 Будетъ согбенъ отъ печали и лѣтъ, все боясь,
 что отъ Трои
 Вѣстникъ придетъ и скажетъ ему: Ахил-
 леса не стало».
 Такъ говорилъ онъ и плакалъ. Сидѣвшіе
 съ нимъ воздыхали,

Каждый о томъ помышляя, что въ домѣ
 далекомъ оставилъ. Рдѣли, сверкая; по сердце его нестерпимой
 Взоръ сострадательный съ неба Зевесъ на печалью
 печальныхъ склонивши, Было наполнено. Злобой кипя, на трояиъ
 Быстро къ богинѣ Палладѣ крылатую рѣчь разъяренный,
 обращаетъ: Взаяь онъ доспѣхи, чудесное бога Ифеста
 «Или, Паллада, покинуть тобой Ахиллесъ создалъ;
 благородный? Голени въ свѣтлыя, гладкія подожи прежде
 Видишь, какъ онъ на берегу у своихъ ко- облекши,
 раблей черногрудыхъ, Каждую пряжкой серебряной туго стянуть
 Плача о мертвомъ Патроклѣ, сидитъ оди- онъ; огромнымъ
 нокой. Другіе Палпыремъ мощную грудь обложилъ; на
 Утренней пицей себя подкрѣпляютъ; по плечо драгоцѣнный
 онъ не пріемлетъ Мечъ съ рукоятію серебряной, съ лезвіемъ
 Пищи. Лети жъ и во грудь Ахиллесеу ам- мѣднымъ повѣсилъ.
 врозіи сладкой Послѣ падѣлъ необъятный, тяжкій,
 Съ нектаромъ влей, чтобъ отъ голода силъ блескомъ подобный
 онъ своихъ не утратилъ». Полному мѣсяцу щить: какъ далекой маякъ
 Такъ Зевесъ говорилъ, упрещая желанье мореходцамъ
 Аонины. Свѣтитъ во мглѣ, пламенѣя одинъ на вер-
 Быстро она—какъ орелъ съ необъятными шнигъ утеса—
 крыльями, съ звонкимъ Вуря же вдаль отъ друзей ихъ несетъ по
 Крикомъ—къ шатрамъ полетѣла съ небесъ шумящему морю—
 Ужъ ахейцы толпились, Такъ лучезарно свѣтился божественный
 Въ бой ополчался. Во грудь Ахиллеса ам- щить Ахиллесовъ,
 врозіи сладкой Чудо искусства. Потомъ на главу онъ па-
 Съ нектаромъ тайно Аонна впила, чтобъ двинулъ тяжелый
 отъ голода силы Гривистый шлемъ; онъ сіялъ какъ звѣзда
 Онъ не утратилъ, и снова потомъ возвра- и густымъ златолабымъ
 тилась въ обитель Конскимъ хвостомъ былъ украшенъ на
 Зевса. Ахейцы волнами текли, корабли по- немъ воздымавшійся гребень.
 кидая. Брошей одѣянный, силу свою Ахиллесъ
 Слово какъ частый, клоками сыплющій испытуетъ:
 снѣгъ, уносимый Двигался въ ней онъ свободно и члены
 Сѣвернымъ, быстро ээпръ проясняющимъ обившая броня
 вѣтромъ, изъ ставокъ Легче казалася крыль и какъ будто его
 Сынались шлемы безчисленны, рой за свер- подымала.
 кающимъ росемъ, Тутъ онъ отцово копье изъ ковчега пре-
 Круто согбенныя латы, изъ ясеня твердаго краснаго вынулъ,
 копя, Тяжкоогромное—въ сонмѣ ахейскъ его ни
 Съ острою бляхой щиты; до небесъ восхо- одинный
 дило сіянье; Двинуть не могъ, но легко имъ играла рука
 Въ блескѣ оружія смѣялась земля; подъ Ахиллеса:
 погами бѣгущихъ Ясень могучій съ гордой главы Пеліона
 Берегъ гремѣлъ. Посреди ихъ броней Ахил- срубивши,
 лесъ облакался. Создалъ Хиронъ то копье для Пелея, вра-
 Зубы его скрежстали и очи, какъ быстрое гамъ на погибель.
 пламя, Автомедонъ и Алкимъ на коней возложили
 посиѣшно

Свѣтлую зброю и удила силой вѣселили
имъ въ зубы;
Туго потомъ натянувши бразды, впереди
колесницы
Ихъ укрѣпили. Автомедонъ въ колесницу
съ блестящимъ
Принялъ бичомъ. Ахиллесъ, изготовився въ
кровоавую битву,
Сталъ позади, какъ Геліосъ дивной бронію
сіяя.
Тутъ громогласно къ Пелеевымъ бодрымъ
конямъ онъ воскликнулъ:
«Ксанъ и Валій, славныя дѣти Подарги,
вѣрнѣе,
Добрыя кони, вы нынѣ правителю вашему
будьте;
Сытаго боемъ его къ кораблямъ возвратите;
не мертвымъ
Въ полѣ оставьте, подобно Патроклу». На
то легконогій,
Дышащій пламенемъ Ксанъ отвѣчалъ, до
копытъ наклонивши
Гордую голову—пышная грива упала на
землю;
Ира лилейной рукой разрѣшила языкъ—
онъ промолвилъ:
«Такъ, мы живого еще тебя принесемъ,
сынъ Пелеевъ;
Но предназначенный день твой ужъ близко.
Не нашей
Волей, по силою бога и строгой судьбой
то свершилось;
Ибѣтъ, не мы замедлемъ своимъ и без-
временной злѣнью
Дали троянамъ похитить Патрокову крѣп-
кую броню;
Сынъ густовласія Лпты, богъ неизбѣжный
постигнулъ
Въ битвѣ его и Гектора честию побѣды
украшать.
Пусть на бѣгу мы полетъ опреждаемъ Зе-
фира, пзъ легкихъ
Вѣтровъ легчайшаго вѣянемъ крылъ бла-
говенныхъ—но вѣдай:
Ты отъ могучаго бога и смертнаго мужа
погибнешь».
Онъ сказалъ и языкъ обезмолвила сила
Эрипній.

Сумраченъ ликомъ, ему отвѣчалъ Ахил-
лесъ быстроногій:
«Ксанъ, для чего бесполезно мнѣ смерть
прорицаешь? И самъ я
Знаю, что мнѣ далеко отъ отца и отъ матери
должно
Здѣсь по закону судьбы умереть. Но я все
не престану
Биться и мучить троянъ непасытною
битвой».
Звучно онъ крикнулъ и съ топотомъ гром-
кимъ поначалися кони;
Валдомъ за шпъ пзъ заградъ побѣжали
ахейцы. Трояне
Идали ихъ въ полѣ, густыми толпами по-
строясь на холмѣ;
Вѣчный Зевесъ съ многоглавой вершины
Олимпа Ѡеמידу
Всѣхъ боговъ пригласить на совѣтъ посы-
лаеть. Богиня
Имъ повелѣла собраться въ обителяхъ неба.
Предстали
Всѣ: и самыя боги потоковъ и въ тѣни-
стыхъ рощахъ,
Въ темныхъ долинахъ, въ источникахъ
тайныхъ живущія нимфы;
Древній одинъ Океанъ не явился. Въ чер-
тогахъ, Ифестомъ
Возданныхъ съ дивнымъ искусствомъ по-
волѣ Зевеса, на тронахъ
Боги сидѣли кругомъ громовержца. При-
званью Ѡеמידы
Самъ Посидонъ покорился. Онъ вышелъ пзъ
водъ и съ другимъ
Сѣлъ на совѣтъ. Наконецъ, спросилъ онъ
владыку Зевеса:
«Богъ громоносный, зачѣмъ ты призвалъ
насъ въ чертоги Олимпа?
Или рѣшить замышляешь ты участь тро-
янъ и ахейнъ,
Вышедшихъ въ поле и снова исполнен-
ныхъ яростью битвы?»
Въ тучахъ гремящій Зевесъ, отвѣчая, ска-
залъ Посидону:
«Богъ, колебатель земли, ты мой помышле-
ній знаешь,
Знаешь о чемъ сей совѣтъ. И о гибнущихъ
умъ мой печется».

Здѣсь я буду сидѣть на скалѣ высочайшей Олимпа, Зрѣлищемъ бои себя улаждая. Но вамъ позволяю къ войскамъ троянъ и ахейскъ и можете помочь Той сторонѣ подавать, на которую склонить вась сердце. Если одинъ Ахиллесъ нападетъ на троянъ — ни мгновенья Въ полѣ они не поддержатся противъ Пеллоидовой силы; Тренеть ихъ всѣхъ поразилъ при единомъ его появленіи. Нынѣ жъ, когда онъ такъ сильно разгнѣвалъ погибелью друга, Я страшусь, чтобъ, судьбѣ вопреки, не разрушилъ и Тронъ. Такъ говорилъ Зевесъ, и вспылали безсмертные боемъ. Съ неба они, раздѣлясь, ко враждующимъ ратямъ слетѣли. Моцная Ира пошла къ кораблямъ съ Палладой Аѳинной; Съ ней Посидонъ, облегающій землю и Эрмію, обильный Кознями, щедрый податель богатства и медленно-тяжкій, Иламеншюкій Ифестъ, чрезъ силу влекущій хромую Ногу. Но шлемомъ блестящій Арей обратился къ Троянамъ, Съ нимъ полнокудрый Фебъ и мѣткостью стрѣлъ Артемида Гордая, Лито и Кеопъ и Киприда съ улыбкой привѣтливой. Были надменны ахейцы, пока не вмѣшались боги Въ бой — Ахиллесъ появленьемъ своимъ, по долгомъ покоѣ, Ихъ ободрилъ, а троянцы, при видѣ Пелеева сына, Блескомъ брони Арея подобнаго, всѣ трепетали — Но лишь только сошли олимпійцы ко смертнымъ, Эрринисъ Страшно свирѣпствовать вдругъ начала. То стоя на валѣ,

Подлѣ глубокаго рва, то на брегѣ шумящаго моря Гласомъ могучимъ Аѳина кричала. И черной, подобенъ Бурѣ, Арей завывалъ, то съ горной вершины Пергама Клича троянъ, то бѣгая взадъ и впередъ у высокой Каликолону, вѣѣ стѣнъ, невдали Симпосова брега. Такъ олимпійскіе боги рать на рать возбуждали. Скоро вездѣ запылалъ разрушительный бой истребленья. Страшно гремятъ всемогущій отецъ людей и безсмертныхъ Съ неба; внизу колебалъ Посидонъ необъятную землю; Горы тряслись; отъ подошвы богатой потоками Иды, Все до вершины ея и Пергамъ съ кораблями дрожало. Въ царствѣ глубокой, подземныя тмы Айдоной возмущился; Блѣденъ съ престола сбѣжалъ онъ и крикнулъ страшася, чтобъ свыше Твердой земли не пронзилъ Посидонъ сокрушитель, чтобъ оку Смертныхъ людей и боговъ неприступный Андъ не открылся. Страшный, мглистый, пустой и безсмертнымъ самымъ несправедливый.

1817, 1833—1836.

У П Д И Н А.

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ.

[ПОДРАЖАНІЕ ЛАМОТТЪ ФУКЕ].

Бывали дни восторженныхъ видѣній;
Моя душа поэзіей цвѣла;
Ко мнѣ леталъ съ вѣстями чудный гений;
Природа вся мнѣ вѣсною была.

Оно прошло, то время золотое;
Съ природы снятъ магическій вѣнецъ;
Свѣтъ узнавший свое лицо земное
Разоблачилъ, и призракамъ конецъ.

Но о мечтѣ, какъ о весенней птичкѣ,
Плывавшей мнѣ, съ усладой помню я;
И прелести явленьемъ по привычкѣ
Любуется, какъ встарь, душа моя.

Здѣсь есть *одна*—жива, какъ вдохновенье,
Какъ ясная надежда, молода—
На душу мнѣ ея одно явленье
Поэзію наводитъ завсегда...

Передъ пустой когда-то колыбелью
Задумчиво-безмолвенъ я стоялъ.
«Кто обреченъ святому новоселью
«Тобой въ жилищѣ»? Судьбу я вопрошалъ.

И съ первою блеснувшей мнѣ денницей
Ужъ милый гость въ той колыбели былъ;
Онъ въ ней лежалъ подъ царской багря-
ницей,

Прекрасенъ, тихъ, какъ Божій ангель милъ.

Года прошли—и мой расплѣлъ младенецъ,
Прекрасенъ, тихъ, какъ Божій ангель милъ;
И мнится мнѣ, что неба уроженецъ
Утѣхой въ немъ на землю прислапъ былъ.

Его-то я порою здѣсь встрѣчаю,
Какъ чистую поэзію мою;
Иль иногда я душу воскрешаю;
При немъ подчасъ, забывшись, я пою.

ГЛАВА I.

о томъ, какъ рыцарь прѣхалъ въ хижину
РЫБАКА.

Лѣтъ за пятьсотъ и поболѣ, случилось,
что въ ясный, весенній
Вечеръ сидѣлъ, передъ дверью избушки
своей, престарѣлый,
Честный рыбакъ и починавалъ сѣтъ. Сто-
рона та, въ которой
Жилъ онъ, было прекрасное мѣсто. Лугъ,
гдѣ стояла
Хижина, длинной босою входилъ въ ши-
рокое озеро
Моря: можно было подумать, что берегъ
душистый
Въ свѣтлолазурная, чуднопрозрачная
воды съ любовью
Плзною тѣснился, что море, влажной,
трепещущей грудью
Нѣжно прижавшись къ нему и его обни-
мал, изъясносъ

Свѣжестью шелковой зелени, блескомъ
цвѣтовъ и прохладой
Темныхъ сѣней древесныхъ. Правда, въ
краю томъ немного
Было людей: рыбакъ съ женою и только;
дремучій
Лѣсъ отдѣлялъ полуостровъ отъ твердой
земли. И ужасенъ
Былъ тотъ лѣсъ своей темнотою непри-
ступной; и слухи
Страшные были объ немъ въ народѣ;
тамъ было нечисто:
Злые духи гнѣздились въ немъ и пугали
прохожихъ
Такъ, что не смѣли и близко къ нему
подходить. Но смѣлнѣй,
Старый рыбакъ не боялся враждебныхъ
духовъ; на продажу
Рыбу носилъ онъ въ городъ, лежавшій
за лѣсомъ; полною
Набожныхъ мыслей, входилъ онъ въ его
глубину, и ни разу
Тамъ ничего онъ не встрѣтилъ, храни-
мый небесною силой.
Сидя безопасно въ тотъ вечеръ за нево-
домъ, вдругъ онъ услышалъ
Шумъ въ лѣсу, какъ будто бы топотъ
коня и желѣзной
Брони звукъ; онъ слушаетъ: шумъ при-
ближается; робость
Имъ овладѣла, и все, что до тѣхъ поръ
въ ненастныхъ ночи
Снилось ему о таинственномъ лѣсѣ, пред-
ставилось разомъ
Мыслямъ его; особливо жъ одинъ вели-
канскаго роста,
Бѣлый, всегда головою странно киваю-
щій, Въ темный
Лѣсъ онъ со страхомъ глядитъ и ему
показалось, что въ самомъ
Дѣлѣ сквозь черныя вѣтви смотреть
кивающій призракъ.
Вспомнивъ однако, что все никакой еще
не случилось
Съ нимъ бѣды ни въ лѣсу, ни въ избушкѣ,
въ которой такъ долго
Жилъ онъ съ женою вдвоемъ, что нечи-
стый надъ ними не властенъ,

Онъ ободрился, прочелъ молитву, и съ-
 лалось скоро
 Даже ему и смѣшно, когда онъ увидѣлъ,
 какую
 Шутку съ нимъ глупая робость сыграла:
 кивающій образъ
 Былъ не что иное, какъ быстрый ручей,
 изъ средины
 Лѣса бѣгущій и съ пѣной впадающій въ
 озеро; шумъ же,
 слышанный имъ, былъ отъ рыцаря: ша-
 гомъ, на бѣломъ,
 Бодромъ конѣ, изъ чащи лѣсной, онъ
 ѣхалъ и прямо
 къ хижинѣ ихъ приближался. Мантіей
 алаго цвѣта
 Былъ покрытъ его фіолетовый, золотомъ
 шитый,
 Стройный колетъ; на бархатномъ черномъ
 баретѣ вилися
 Вѣвляя перья; висѣлъ у бедра на цѣпи
 драгоцѣнной
 Мечъ съ золотой рукоятію искусной ра-
 боты; а бѣлый
 Рыцаревъ конь былъ статенъ, силенъ и
 живъ; онъ, копытомъ
 Легкимъ едва къ луговой муравѣ при-
 касаясь, воздушной
 Поступью шелъ и, сгибая красивую шею,
 какъ лебедь,
 Грызъ узду, облитую пѣной. Старикъ,
 пораженный
 Видомъ статнаго рыцаря, неводъ поки-
 нулъ и, снявши
 Шляпу, смотрѣлъ на него съ привѣтной
 улыбкой. Приближась,
 Рыцарь сказалъ: могу ль я съ конемъ
 найти здѣсь на эту
 Ночь убѣжище?—Милости просимъ, гость
 благородный;
 Лучшимъ стойломъ будетъ коню твоему
 нашъ зеленый
 Лугъ, подъ кровлей вѣтвистыхъ деревь;
 а вкусную пищу
 Самъ онъ найдетъ у себя подъ ногами;
 тебѣ жъ мы охотно
 Уголь очистимъ въ нашемъ убогомъ жи-
 лищѣ и ужинъ

Скудный съ тобою раздѣлимъ. Рыцарь,
 кивнувъ головою,
 Спрыгнувъ съ коня, его разнуздалъ и по
 свѣжему лугу
 Бѣгать пустилъ; потомъ сказалъ рыбаку:
 ты охотно,
 Добрый старикъ, принимаешь меня, но
 когда бъ и не столько
 Былъ ты сговорчивъ, то все бы со мною
 не раздѣлался нынче:
 Море, вижу я, здѣсь передъ нами, и далѣ
 дороги
 Нѣтъ никакой; а вечеромъ поздно въ
 этотъ проклятый
 Лѣсъ возвращаться, избави Боже!— Не
 станемъ объ этомъ
 Слишкомъ много теперь говорить, сказалъ
 озираясь
 Старый рыбакъ, и въ хижину ввелъ
 усталаго гостя.
 Тамъ, передъ яркимъ огнемъ, горѣвшимъ
 въ каминѣ и въ чистой
 Горницѣ трепетный блескъ разливавшимся,
 на стулѣ широкомъ,
 Съ спинкой рѣзною, сидѣла жена рыбака
 пожилая.
 Гостя увидѣвъ, старушка встала, ему
 поклонилась
 Чинно, и сѣла опять, ему отдать не
 подумавъ
 Мѣсто свое. Рыбакъ, засмѣявшись, ска-
 залъ: благородный
 Рыцарь, прошу не взыскать, что хозяйка
 моя свой покойный
 Стулъ для себя сберегла: у насъ такой
 ужъ обычай;
 Лучшее мѣсто всегда старикамъ усту-
 пается.—Что ты,
 Дѣдушка! съ кроткой уемѣшкой сказала
 хозяйка; вѣдь гость нашъ
 Вѣрно такой же Христовъ человѣкъ, какъ
 и мы, и придетъ ли,
 Самъ ты скажи, молодому на умъ, чтобы
 ему уступали
 Старые люди лучшее мѣсто? Садися, мой
 добрый
 Рыцарь, на эту скамейку, она продол-
 жала, да только

Тихе сяди, не ворочайся, пожка одна
ненадежна.
Рыцарь взялъ осторожно скамейку, при-
двинулъ къ камину,
Сѣлъ, и сердцу его такъ стало приятно,
какъ будто бѣ
Былъ онъ у милыхъ родныхъ, возвра-
щаясь изъ чужи въ отчизну.
Стали они разговаривать. Рыцарь раз-
вѣдать о страшномъ
Льсѣ хотѣлъ, но рыбацкъ ночью порою
боялся
Рѣчь о немъ заводить; за то о своей
одинокой
Жизни и промыслѣ трудномъ своемъ раз-
сказывалъ много.
Съ жадностью слушали мужъ и жена,
когда говорилъ имъ
Рыцарь о томъ, какъ въ разныхъ земляхъ
онъ бывалъ, какъ отповескѣй
Замокъ его у истоковъ Дуная стоитъ,
какъ прекрасна
Та сторона; онъ прибавилъ: меня назы-
ваютъ Гульбрандомъ.
Имя же замка Рингштетень. — Такъ говоря,
не однажды
Рыцарь слышалъ какой-то шорохъ и
илескъ за окошкомъ,
Точно какъ будто водою кто опрыски-
валъ стекла спаружки.
Десякій разъ съ досадою нахмуривалъ
брови, слышавъ плесканье,
Старый рыбацкъ; но когда же какъ лив-
немъ вдругъ обдало стекла,
Такъ, что окно зазвенѣло и въ горницу
брызги влетѣли,
Съ сердцемъ вскочилъ онъ и крикнулъ
въ окошко съ угрозою: Ундина!
Нолно проказничать; стыдно; въ хижинѣ
гости. При этомъ
Словъ стало тамъ тихо, лишь изрѣдка
слышенъ былъ легкій
Шопотъ, какъ будто бы кто потихоньку
смѣялся. Почтенный
Гость, не взыщи, сказалъ рыбацкъ, воз-
вратившись на мѣсто:
Можетъ быть шалостей много еще ты
увидишь, но злого

Умысла нѣтъ у нея. То наша дочка
Ундина,
Только не дочка родная, а пайденышъ;
сущій младенецъ,
Все проказить, а будетъ ей лѣтъ ужъ
осмнадцать; но сердце
Самое доброе въ пей. Покачать головою,
старушка
Молвила: такъ говорить ты волеги; когда
ты усталый
Съ ловли приходишь домой, то тебѣ на
досугѣ забавны
Эти проказы: но, съ утра до вечера дома
глазъ на глазъ
Съ нею пробывъ, отъ нея не добиться
путнаго слова—
Дѣло иное; тутъ и святой потерпеть
терпѣнне.
Нолно, старуха, рыбацкъ отвѣчалъ; ты
блещеся съ Ундиной,
Я съ причудливымъ моремъ: развѣ не-
часто мой поводъ
Нортитъ оно и плотины мои размываетъ,
а все мнѣ
Любо съ нимъ; то же и ты, хоть порою
и охнешь, однако
Все Ундиночку любишь. Не такъ ли?—
Что правда, то правда;
Вовсе ее разлюбить ужъ нельзя, кивнуви
головою,
Кротко сказала старушка. Вдругъ раство-
рилася настекъ
Дверь; и въ нее бѣлокурая, легкая ста-
номъ, съ веселымъ
Смѣхомъ впорхнула Ундина, какъ что-то
воздушное. «Гдѣ же
«Гости, отецъ? Зачѣмъ ты меня обма-
нулъ?» Но, увидя
Рыцаря, вдругъ замолчала она, и глаза
голубые,
Весыхнувъ звѣздами нодъ сумракомъ чер-
ныхъ рѣсеницъ, устремилась
Быстро на гостя, а онъ, изумленный чуд-
нымъ явленьемъ,
Былъ, какъ вкопанный, жадно смотрѣлъ
на нее, и боялся
Взоръ отвести: онъ думалъ, что видитъ
сонъ, и вглядѣться

Въ образъ прекрасный сибирякъ, пока
онъ не скрылся. Ундина
Долго смотрѣла, пурпурныя губки рас-
крывъ, какъ младенецъ;
Вдругъ, востепенувшись рѣзвою птичкой,
она подбѣжала
Къ рыцарю, стала предъ нимъ на колѣна
и цѣлью блестящей,
Къ коей привѣшенъ былъ мечъ, играя,
сказала: прекрасный,
Милый гость, какою судьбой очутился ты
въ нашей
Хижинѣ? Долго ты по свѣту долженъ былъ
странствовать прежде,
Нежели къ намъ дорогу найти? Скажи,
черезъ лѣсъ нашъ
Какъ ты проѣхалъ? — Но онъ отгнѣчать
не успѣлъ; на Ундину
Крикнула съ сердцемъ старушка: оставь
въ покоѣ, Ундина,
Гостя; встань и возмись за работу. Ун-
дина, ни слова
Ей не сказавши въ отвѣтъ, схватила ска-
мейку и, сѣвши
Подавъ Гульбранда съ своимъ рукодѣльемъ,
тихонько шепнула:
«Вотъ гдѣ я буду работать». Старикъ, при-
творясь, что не видитъ
Новой проказы ея, хотѣлъ продолжать;
но Ундина
Рѣчь перебила его: у тебя я спросила,
мой милый
Гость, откуда пріѣхалъ ты къ намъ? До-
ждусь ли отвѣта? —
Изъ лѣсу прямо пріѣхалъ я, предѣсть
моя. — Расскажи же,
Какъ ты въ лѣсу очутился, и что въ
немъ чуднаго видѣлъ?
Трепетъ почувствовалъ рыцарь, вспомнивъ
о лѣсѣ; неволью
Онъ обратилъ глаза на окошко, въ кото-
рое кто-то
Въалый, ему показалось, глядѣлъ; но было
въ окошкѣ
Пусто, за стеклами ночь густая чернѣла.
Собравшись
Съ духомъ, рассказъ онъ готовъ былъ на-
чать; но старикъ торопливо

Молвилъ ему: недоброе время теперь намъ
объ лѣсѣ
Рѣчь заводить; расскажешь намъ завтра.
Услышавши это,
Съ мѣста вскочила Ундина, и глазки ея
засверкали.
Ниче, не завтра онъ долженъ рассказы-
вать! ниче, теперь же!
Вскрикнула съ сердцемъ она, и, бровки
угрюмо нахмуривъ,
Топнула маленькой ножкою объ полъ; и
въ эту минуту
Такъ забавно мила и прелестна была, что
въ Гульбрандѣ
Вспыхнуло сердце, и онъ еще болѣе плѣ-
нился смѣшною
Дѣтскою ея запальчивостью, нежели рѣз-
востью прежней.
Но рыбакъ, разсердясь не на шутку, при-
чудинцу началъ
Крѣпко журить за ея упрямство и дерз-
кую вольность
Съ гостемъ. Старушка пристала къ нему.
Тутъ Ундина сказала:
Если браниться хотите со мной, а того
не хотите
Сдѣлать, о чемъ я прошу, такъ прощайте жъ;
одни оставайтесь
Въ вашей скучной, дымной лачужкѣ. Съ
сими словами
Прыгнула въ двери она и въ минуту во-
мракѣ пропала.

ГЛАВА II.

о томъ, какъ ундина въ первый разъ явилась
въ хижинѣ рыбака.
Рыцарь вскочилъ, за нимъ и рыбакъ, и
бросились оба
Въ дверь, чтобъ ее удержать, но напрасно:
Ундина такъ быстро
Скрылась, что даже было нельзя дога-
даться, въ какую
Сторону вздумалось ей побѣжать. Испу-
ганнымъ взоромъ
Рыцарь спросилъ рыбака: что дѣлать? —
Уже это не въ первый
Разъ, рыбакъ проворчалъ: такими побѣ-
гами часто

Насъ забавляетъ она; теперь опять мнѣ
 придется
 Цѣлую ночь напролетъ безъ сна прово-
 рочаться съ боку
 На бокъ на жесткой постелѣ моей: вѣдь
 мало ль, что можетъ
 Встрѣтиться ночью!—Зачѣмъ же медлить?
 Пойдемъ поскорѣе
 Самы за нею. — Трудъ бесполезный; ты
 видишь, какая
 Тьма на дворѣ: куда мы пойдемъ? И кто
 угадаетъ,
 Гдѣ она спряталась? — Будемъ по край-
 ней мѣрѣ, прибавилъ
 Рыцарь, хотъ кликать ее. И кричать онъ
 началъ: Ундина!
 Гдѣ ты, Ундина?—Старикъ покачалъ го-
 ловою. Какъ хочешь,
 Рыцарь, кричи, она не откликнется намъ,
 а ужъ вѣрно
 Гдѣ нибудь близко сидитъ; еще ты не
 знаешь, какая
 Это упрямыца.—Такъ говори, старикъ съ
 беспокойствомъ
 Въ темную ночь глядѣлъ и не могъ утер-
 пѣтъ, чтобъ туда же
 Вслѣдъ за Гульбрандомъ не крикнуть: Унди-
 ночка! милая! гдѣ ты?
 Правду однако онъ предсказалъ: никакой
 тамъ Ундины
 Не было. Долго кричавъ по-напрасну, они
 наконецъ возвратились
 Оба въ хижину; тамъ ужъ было темно,
 и старушка,
 Менѣе мужа о томъ, что съ Ундиной слу-
 чится, заботясь,
 Спать улеглась, и въ каминѣ огонь, до-
 горѣвши, потухнулъ;
 Только немногіе уголья тѣбли и синее
 пламя,
 Парѣдка вспыхнувъ, трепещущій свѣтъ
 разливало и гасло.
 Снова разведши огонь, рыбакъ наполнилъ
 большую
 Кружку виномъ и поставилъ ее передъ
 гостемъ.—«Мы оба,
 Рыцарь, едва ли заснемъ; такъ не лучше
 ли будетъ, когда мы,

Вмѣсто того, чтобъ въ безсонницѣ жест-
 кой рожей
 Грѣшное тѣло тереть, посидимъ у огня и
 за доброй
 Кружкой вина о томъ и другомъ побесѣ-
 дуемъ? Какъ ты
 Думаешь, добрый мой гость?»—Гульбрандъ
 согласился охотно.
 Съѣсть принудивъ его на почетномъ ста-
 вленномъ стулѣ,
 Честный старикъ помѣстился съ нимъ ря-
 домъ, и вотъ дружески
 Стали они разговаривать; только при каж-
 домъ малѣйшемъ
 Шорохѣ—стукнетъ ли что въ окошко, и
 даже нерѣдко
 Просто безъ всякаго стука и шороха—
 вдругъ умолкали
 Оба, и, палецъ поднявши, глаза непод-
 вижно уставивъ
 Въ двери, слушали; каждый шепталъ: идетъ!
 и не туть-то
 Было; не шелъ никто; и, вздохнувши, они
 начинали
 Снова свой разговоръ.—Расскажи мнѣ, ска-
 залъ напоследокъ
 Рыцарь, какъ вамъ случилось найти Ун-
 дину?—А вотъ какъ
 Это случилось, рыбакъ отвѣчалъ: тому ужъ
 двѣнадцать
 Будетъ лѣтъ, какъ я съ товаромъ моимъ
 черезъ этотъ
 Лѣсъ былъ долженъ отправиться въ го-
 родъ; жену я оставилъ
 Дома, какъ то бывало всегда, а въ то
 время и нужно
 Было ей дома остаться. Зачѣмъ, ты спро-
 сиишь? Господь намъ
 Въ позднія наши лѣта даровалъ прекрас-
 ную дочку;
 Какъ же было покинуть ее? Товаръ мой
 продавши,
 Я возвращался домой, и, солгать не хочу,
 не случилось
 Мнѣ ничего, какъ и прежде, въ лѣсу не-
 добраго встрѣтить;
 Богъ мнѣ сопутствовалъ всякій разъ, когда
 черезъ этотъ

Страшный лѣсъ мнѣ идти удавалось: а съ
 Нимъ и опасный
 Путь не опасенъ. При этомъ словѣ старикъ съ умиленнымъ
 Видомъ шапочку снялъ съ головы и, руки сложивши,
 Въ-набожныхъ мысляхъ минуты на двѣ
 умолинулъ; потомъ онъ
 Шапочку снова надѣлъ, и такъ продолжалъ: я съ веселымъ
 Сердцемъ домой возвращался, а дома ждало
 несчастье:
 Вся въ слезахъ навстрѣчу ко мнѣ жена
 прибѣжала.
 Царь небесный! что случилось? я воскликнулъ. Гдѣ наша
 Дочка!—Она у того, чье имя ты въ эту
 минуту,
 Бѣдный мой мужъ, призываешь, жена отвѣчала. И, молча,
 Горько заплакавъ, пошелъ я за нею въ
 хижину; тѣла
 Милой малютки моею я глазами искалъ
 тамъ, но тѣла
 Не было. Вотъ какъ это случилось: съ нашимъ младенцемъ
 Подлѣ воды на травѣ жена спокойно сидѣла;
 Съ нимъ въ беззаботномъ весельи играла
 она; вдругъ малютка
 Сильно къ водѣ протянулась, какъ будто
 чудесное что-то
 Въ свѣтлыхъ примѣти струяхъ; и видитъ
 жена, что нашъ милый
 Ангелъ смѣется, рученками что-то хватая; но въ этотъ
 Мигъ какъ будто какой невидимой силой
 швырнуло
 Въ волны дитя, и въ ихъ глубинѣ бѣдняжка пропала.
 Долго я тѣла искалъ, но напрасно, нигдѣ
 и примѣты
 Не было. Вотъ мы, на старости двѣ сироты, въ безотрадномъ
 Горѣ сидѣли въ тотъ вечеръ вдвоемъ у
 огня и молчали.
 Если бѣ и можно было отъ слезъ говорить,
 то не стало бѣ

Духу; итакъ, мы оба молчали, глаза устремивши
 Въ тусклый огонь; какъ вдругъ въ дверяхъ послышался легкій
 Шорохъ; онѣ растворились—и что же видимъ мы? Чудной
 Прелести дѣвочка, лѣтъ шестн, въ богатомъ уборѣ,
 Намъ улыбаясь, какъ ангелъ, стоитъ на порогѣ. Сначала
 Мы въ изумленьи не знали, живой ли то
 былъ человѣчекъ,
 Или обманчивый призракъ какой; но скоро
 примѣтивъ
 Я, что вода съ золотыхъ кудрей и съ
 платья малютки
 Капала: я подумалъ, что вѣрно младенецъ
 недавно
 Былъ въ водѣ, и что скорая помощь нужна.
 И, вздохнувши,
 Такъ сказалъ я женѣ: никто не подумалъ спасти намъ
 Милое наше дитя; по крайней мѣрѣ мы
 сами
 Сдѣлаемъ то для другихъ, чего не могли
 намъ другіе
 Сдѣлать, и что на землѣ блаженствомъ
 было бы нашимъ.
 Мы раздѣли малютку, ее положили въ
 постель, и паниться
 Дали горячаго ей; а она все молчала, и
 только,
 Свѣтло-небесными глазками глядя на насъ,
 улыбалась.
 Скоро заснула она, и свѣжа, какъ цвѣточекъ весенній,
 Утромъ проснулась; когда жъ мы расправлять стали, откуда
 Родомъ она и какъ пошла къ намъ въ
 хижину, толку
 Не было въ странныхъ отвѣтахъ ея никакого; и вотъ ужъ
 Ровно двѣнадцать лѣтъ, какъ съ нами
 живетъ, а добиться
 Путнаго мы не могли отъ нея ничего; по
 расскажем
 Вздорнымъ ея подумать легко, что она
 къ намъ упала

Прямо съ луны: о какихъ-то замкахъ
прозрачныхъ, жемчужныхъ
Гротахъ, коралловыхъ рощахъ и разныхъ
другихъ небыллицахъ
Все твердить и теперь, какъ твердила
тогда; удалось
Вывѣдать только одно, что, катаясь по
морю въ лодкѣ
Съ матерью, въ воду упала она, и что
волны на здѣшней
Берегъ ее принесли, гдѣ она и очулась...
Въ сомнѣнн
Тяжкомъ остались мы: хотя было нетрудно
Памъ рѣшиться, на мѣсто родной поте-
рянной дочки,
Взять чужую, намъ данную Богомъ са-
мимъ; но не знали
Мы, крещена ли она иль нѣтъ? Сказать
же объ этомъ
Намъ ничего не умѣла обдннжка, хотя и
понятно
Было ей, что она жила по волѣ Господней
Въ здѣшнемъ свѣтѣ, хотя и была сми-
ренно готова
Все то исполнить, что съ волей Господ-
ней согласно. И вотъ что
Мы въ такомъ затрудненн придумали
вмѣстѣ съ женою:
Если она еще не была крещена, то не должно
Медлить минуты; а если уже крещена,
то и дважды
Долгъ святой совершить не будетъ грѣха.
Но какое
Дать ей имя? И въ умъ намъ пришло,
что ее Доротеей
Было бъ всего приличнѣй назвать: мы
слыхали, что значить
Это имя *даръ Божій*, она же была ми-
лосердымъ
Господомъ Богомъ дарована горести нашей
въ отраду.
Но объ имени этомъ она и знать не хо-
тѣла. «Ундиной
Звали меня отецъ мой и мать; хочу и
остаться
Въяпо Ундиной!» — Но было ли то хри-
стіанское имя,
Мы не знали. И вотъ я пошелъ за свя-
щенникомъ въ городъ;

Опъ согласился прійти къ намъ; сначала
имя Ундины
Было противно ему, какъ и намъ; но
наша малютка,
Въ платьецѣ странномъ своемъ, была такъ
чудесно красива,
Такъ ласкалась къ нему и въ то же время
такъ мило,
Такъ забавно спорила съ нимъ, что самъ
онъ не въ силахъ
Былъ противиться ей — и ее окрестили
Ундиной.
Сладостно было смотрѣть на нее въ про-
долженн святого
Тайинства: дикая рѣзвость исчезла, и ти-
химъ, смиреннымъ
Агнцемъ стояла она, какъ будто бы чув-
ствуя, что съ ней
Въ это время творилось. Правду молвить,
немало
Съ нею хлопотъ намъ, и если бы все
разсказать мнѣ... Но рыцарь
Тутъ перервалъ рыбака; опъ шепнулъ:
послушай! послушай!
Что тамъ?—Не разъ ужъ во время раз-
сказа былъ опъ встревоженъ
Шумомъ воды; но въ эту минуту былъ
явственно слышенъ
Ревъ потока, который бѣжалъ съ возра-
стающей силой
Мимо хижинъ. Оба вскочили и бросились
въ двери;
Въ мѣсячномъ свѣтѣ открылося имя, что
ручей, выходящій
Изъ лѣса, сильно разлившись, ворочая
камни, ломая
Съ трескомъ деревья, въ море бѣжалъ; и
было все небо,
Такъ же какъ море, взволновано; тучи
горами катились
Мимо луны, поминутно ее заслоняя, и чудно
Вся окрестность подъ блескомъ и тьмой
тлетала; при свѣтѣ
Вихря было внятно, какъ море свирѣлое
голосъ
Свой воздымало, и какъ, скривъ отъ вер-
шинны до корня,
Гнулись и шумно сплнбались вѣтвями
деревя. — Ундина!...

Царь мой небесный!... Уидина! старикъ
закричалъ; но отвѣта
Не было. Оба тогда побѣжали, забывши
о бурѣ,
Каждый своею дорогою къ лѣсу и громко
при шумѣ
Вѣтра въ почной глубинѣ раздавалось:
Уидина! Уидина!

ГЛАВА III.

о томъ, какъ была найдена уидина.

Страшное что-то чувствовалъ рыцарь, ски-
таясь во мракѣ
Ночи, подъ шумомъ бури, одинъ, въ без-
полезномъ исканьи:
Снова стало казаться ему, что Уидина
лишь призракъ,
Въ темномъ лѣсу его обманувшій, была;
и при свистѣ
Вихря, при громѣ воды, при трескѣ де-
реьевъ, при чудномъ
Всей за минуту столь мирно-прекрасной
страны превращеньи,
Началъ онъ думать, что море, лугъ, источ-
никъ, рыбацья
Хижина, старыи рыбакъ и все, что съ
нимъ ли случилось,
Было обманъ; но жалобный крикъ ста-
рика, зовущий Уидину,
Все ему издали слышался. Вотъ, наконецъ,
очутился
Онъ на самомъ краю лѣсного ручья, ко-
торый въ разливѣ
Бурномъ своемъ бѣжалъ широкою, мут-
ной рѣкою,
Такъ, что отъ лѣса отрѣзанныи мысъ,
на которомъ стояла
Хижина, сдѣлался островомъ. Боже! ры-
царь подумалъ,
Что, когда Уидина отважилась въ лѣсъ,
и назадъ ей
Итъгъ оттуда дороги, и тамъ у злыхъ
привидѣній
Плачетъ она одна въ темнотѣ? Отъ ужаса
вскрикнувъ,
Онъ поспѣшно поднялъ съ земли огром-
ный дубовый,
Бурей оторванный сукъ, чтобъ, держась
за него, перебраться

Въ лѣсъ черезъ воду. Хотя и самъ онъ
дрожалъ, вспоминая
Все, что тамъ видѣлъ прошедшимъ днемъ;
хотя и казалось
Въ эту минуту ему, что стоялъ тамъ, ро-
вень съ деревьями,
Бѣлый, слишкомъ знакомый ему вели-
канъ и, оскаливъ
Зубы, кивалъ ему головою — но самый
сей ужасъ
Только что съ большою силою влекъ его
въ лѣсъ: тамъ Уидина
Въ страхѣ, одна, безъ защиты была. И
вотъ ужъ ступилъ онъ
Смѣлой ногою въ кипучую воду, какъ
вдругъ недалеко
Сладостный голосъ сказалъ: «не ходи, не
ходи, берегися
«Злого потока; старикъ сердитъ и обман-
чивъ». Знакомы
Рыцарю были прелестные звуки; они за-
молчали;
Онъ же стоялъ въ водѣ, озирался и слу-
шалъ: но мѣсяцъ
Темной задернуло тучей и волны быстро
песлися,
Ноги его подмывая, и онъ, черезъ силу
держась,
Былъ какъ въ чаду, и кружилась его
голова; и глазами
Долго искавъ въ темнотѣ, наконецъ онъ
воскликнулъ: Уидина!
Ты ли? Гдѣ ты? Если не хочешь явиться,
я брошусь
Самъ въ потокъ за тобой; откажись,
мигъ лучше погибнуть,
Нежели быть безъ тебя. — И глубже въ
воду пошелъ онъ.
Тотъ же голосъ и такъ же близко ска-
залъ: оглянися!
Въ эту минуту вышель мѣсяцъ изъ тучъ,
и рыцарь
Въ блескѣ его увидѣлъ Уидину. Былъ
маленькій островъ
Подъ берега быстрымъ разливомъ ручья
образованъ:
Тамъ, подъ навѣсомъ деревьевъ густыхъ,
въ травѣ угнѣздившійся,

Призракомъ свѣтлымъ сидѣла Ундина.
 Было не трудно
 Въ этомъ мѣстѣ потокъ перейти, и Гуль-
 брадъ очутился
 Вмигъ близъ Ундины на мягкой травѣ;
 она жь, приподнявшись,
 Руки вокругъ шеи его обвила и его по-
 неволѣ
 Рядомъ съ собою посадила.—Теперь ты раз-
 скажешь мнѣ, милый,
 Повѣсть свою, шепнула она; мы одни;
 старики насъ
 Здѣсь не услышатъ и скучнымъ своимъ
 ворчаньемъ не могутъ
 Намъ помѣшать; а эта густая древесная
 кровля
 Стоитъ нѣхъ хижины дымной.—Здѣсь рай,
 Ундина! воскликнула
 Рыцарь, прижавши ко груди ее съ по-
 цѣлуемъ горячимъ.
 Въ эту минуту рыбакъ, проекавши на-
 прасно Ундины,
 Къ мѣсту тому подошелъ и увидѣлъ ихъ
 съ берега. Рыцарь!
 Онъ закричалъ, непохвально дѣло ты
 дѣлалъ; нами
 Былъ ты довѣрчиво принятъ; а ты теперь,
 обнимаясь
 Съ нашей дочкой, шепчешься съ нею
 тайкомъ, и оставилъ
 Въ страхѣ меня старика одного попу-
 стому за нею
 Бѣгать въ потемкахъ.—Я сама, отвѣт-
 ствовала рыцарь, лишь только
 Въ эту минуту встрѣтилася съ нею.—
 Тѣмъ лучше; скорѣе жь
 Оба ко мнѣ перейдите сюда на твердую
 землю.—
 Но Ундина о томъ не хотѣла и слышать;
 и лучше
 Въ страшный дѣсь она соглашалася съ
 милымъ, прекраснымъ
 Гостемъ пойти, чѣмъ въ несносную хи-
 жину, гдѣ не хотѣли
 Дѣлать того, о чемъ просила она, и отсюда
 Рано или поздно прекрасный гость уда-
 лится. Прижавшись
 Нѣрѣдко къ нему, она гармонически, тихо
 запѣла:

«Въ душевной долицѣ война печально тре-
 пенцетъ и бѣтается;
 «Влившиися въ море, она изъ моря назадъ
 не полетѣетъ».
 Горько заплакалъ рыбакъ, услышавъ ту
 пѣсню; ее же
 Слезы его, какъ будто, не трогали; къ ры-
 царю съ дѣтской
 Лаской она прижималась. Но рыцарь ска-
 залъ ей: Ундина,
 Развѣ не видишь, какъ плачеть отецъ?
 Не упрямясь жь; намъ должно,
 Должно къ нему возвратиться. Въ пѣвномъ
 изумлени Ундина
 Выстро свои голубые глаза на него устре-
 мила,
 Кротко сказала потомъ: когда ты такъ
 думаешь, милый,
 Я согласна. И съ видомъ покорнымъ,
 глаза опустивши,
 Встала она; и, на руки взявши ее, без-
 опасно
 Рыцарь потокъ перешелъ. Старикъ со сле-
 слезами на шею
 Бинулся къ ней и въ радости былъ какъ
 дитя; прибѣжала
 Скоро къ нимъ и старушка; свою воз-
 вращенную дочку
 Нѣжно они цѣловали; упрековъ не было;
 въ добромъ
 Сердцѣ Ундины все также утихло, и
 ихъ обнимала
 Съ лаской сердечной она, просила про-
 щенья, смѣялась,
 Плакала, милыя все имена имъ давала.
 А утро
 Тою порою занялось и буря умолила, и
 птицы
 Начали пѣть на свѣжихъ, дождемъ ожем-
 чуженныхъ вѣткахъ;
 Стало свѣтло, и опять приступать при-
 нялася Ундина
 Къ рыцарю съ просьбой, чтобъ началъ
 разсказъ свой. Итакъ, согласились
 Завтракъ припечь подъ деревья. Ундина
 проворно усѣлась
 Подъ Гульбрадovýchъ ногъ на травѣ;
 другого же мѣста

Выбрать никакъ не хотѣла; и рыцарь
разсказывать началъ.

ГЛАВА IV.

о томъ, что случилось съ рыцаремъ въ лѣсу.
Вотъ ужъ болѣ недѣли, какъ я въ тотъ
вольный имперскій
Городъ, который лежитъ за вашимъ лѣ-
сомъ, пріѣхалъ;
Тамъ былъ турниръ и рыцари копья ло-
мали усердно.
Я не щадила ни себя, ни коня. Подо-
шедши къ оградѣ
Поля, дабы отдохнуть отъ веселой работы,
я шлемъ свой
Снялъ и отдалъ его щитоносцу; и въ эту
минуту
Вижу на ближнемъ алтаѣ дѣвицу, въ
богатомъ уборѣ,
Чудной прелести. Это была молодая Бер-
тальда—
Мнѣ сказали—питомица знатнаго герцога,
въ ближнемъ
Замкѣ живущаго. Мнѣ показалось, что съ
ласковымъ видомъ
Смотритъ она на меня, и во мнѣ заго-
рѣлась двойная
Бодрость; усердно бился я прежде, но съ
этой минуты
Дѣло пошло ужъ иначе. А вечеромъ съ
нею одною
Я танцевалъ; и такъ продолжалось во все
остальные
Дни турнира.—Въ эту минуту почувство-
валъ рыцарь
Сильную боль въ опущенной лѣвой рукѣ;
оглянувшись,
Видитъ онъ, что Ундина, жемчужными
зубками стиснувъ
Палецъ ему, сердито нахмурила бровки
и въ глазкахъ,
Ярко свѣтившихся, бѣгали слезки; потомъ
на Гульбранда
Съ грустнымъ упрекомъ взглянувъ, она
ему погрозила
Пальцемъ; потомъ вздохнула, потомъ на-
клонила головку.
Рыцарь, смутившись, умолкъ на минуту;
потомъ онъ разсказъ свой

Такъ продолжалъ: Бертальда прекрасна, пе-
льзя не признаться;
Но черезчуръ ужъ горда и причудлива; мнѣ
во второй разъ
Нравилась менѣ она, чѣмъ въ первый,
а въ третій разъ менѣ,
Чѣмъ во второй. Однако мнѣ показалось,
что болѣ
Всѣхъ другихъ я замѣченъ былъ ею, и
это мнѣ льстило.
Вотъ мнѣ вздумалось въ шутку ее по-
просить, чтобы перчатку
Мнѣ свою подарила она. Подарю, отвѣчала
Съ гордой усмѣшкой Бертальда, если оемѣ-
лисья, рыцарь,
Съѣздить одинъ въ заколдованный лѣсъ
нашъ, и вѣрныя вѣсти
Мнѣ принесешь о томъ, что въ немъ про-
исходить. Перчатка
Мнѣ дорога не была; но было бы рыцарю
стыдно
Вызовъ такой отъ себя отклонить, и я
согласился.—
Развѣ тебя не любила она, спросила Ун-
дипа?—
И ей нравился, рыцарь отвѣтствовалъ,
такъ мнѣ казалось.—
О! такъ она сумасшедшая, вскрикнула
громко Ундина,
Съ радостнымъ смѣхомъ захлопавъ въ ла-
доши. Кто жъ не безумный
Съ милымъ себя разлучить и его доброволь-
но въ волшебный
Лѣсъ на опасное дѣло пошлеть? Отъ меня бы
не дождался
Этотъ лѣсъ такой неслыханной почести.—
Рано
Утромъ вчера, продолжалъ Гульбрандъ,
улыбнувшись Ундинѣ,
Я отправился въ путь. Спокойно сѣли
дерева
Въ блескѣ зари, полосами лежавшемъ на
зелени дерна;
Было свѣжо; благовонные листья такъ
сладко шептались,
Все такъ манило подъ сумракъ прозрач-
ный, что я поневолѣ
Злился на глупыхъ людей, которымъ стра-
шилища въ райскомъ

Мѣстѣ такомъ могли померещиться.
 Въѣхаль я въ чащу;
 Мало-по-малу все стало пустынно и тихо;
 густѣя,
 Лѣсъ предо мной и за мною сдвигался, какъ
 будто хватая
 Тысячью рукъ волшебныхъ меня. Опасаясь
 возвратный
 Путь потерять, я коня удержалъ: посмотре
 трѣть, высоко ли
 Было солнце, хотѣлъ я; глаза поднимаю и
 что же
 Вижу? Черное что-то копошится въ вѣт
 вяхъ дубовыхъ.
 Я подумалъ, что то былъ медвѣдь; обна
 жаю носѣбно
 Мечъ. Но вдругъ человѣческимъ голосомъ,
 дикимъ, визгливымъ,
 Миѣ закричали: кетати пожаловалъ; ми
 лости просимъ;
 Мы ужъ и вѣтогъ сухихъ паломали, чтобъ
 было на чемъ намъ
 Вашу милость изжарить. Потомъ, съ от
 вратительно-дикимъ
 Смѣхомъ оскаливши зубы, чудовище такъ
 зашумѣло
 Вѣтвями дуба, что конь мой, шарахнув
 шись, бросился мимо
 Весачь, и я не успѣлъ разглядѣть, ка
 кой тамъ гнѣздила
 Дьяволь. При имени этомъ рыбакъ и ста
 рушка съ молитвой
 Перекрестилась; Ундина жъ тихонько шеп
 нула: всего здѣсь
 Лучше по-моему то, что ты не изжаренъ,
 мой милый
 Рыцарь, и то, что ты съ нами. Разказы
 вай далѣе.— Копь мой
 Мчался, какъ бѣшенный, рыцарь сказалъ;
 имъ владѣть не имѣлъ я
 Силы; вдругъ передъ нами стремнина, и
 скачетъ со мной онъ
 Прямо въ нее; но въ самое жъ это мгно
 веніе кто-то
 Длинный, огромный, съдой, перерѣзавши
 нашу дорогу,
 Вдругъ передъ дикимъ конемъ повалился,
 и копь, отшатнувшись,

Сталь, и снова я имъ овладѣлъ. Ози
 раюся—что же?
 Мой спаситель былъ не съдой великанъ,
 а блестящій
 Пѣнный ручей, бѣжавшій съ холма.—
 Благодарствую, милый,
 Добрый ручей, закричала, захолавъ въ
 ладоши, Ундина.—
 Тяжко вздохнувъ и нахмуясь, рыбакъ
 покачалъ головою;
 Рыцарь разсказывалъ далѣ. Собралъ по
 вода, укрѣпился
 Я на сѣдлѣ. Вдругъ вижу, какой-то стоитъ
 человѣчекъ
 Рядомъ съ конемъ, отвратительный, гряз
 ный горбунокъ, земляного
 Цвѣта лицо, и носъ огромный такой, что,
 казалось,
 Былъ онъ длиною со все остальное тѣло
 Лрода.
 Онъ хохоталъ, оскаливалъ зубы, шаркалъ
 ногами,
 Глулся въ дугу. Я его оттолкнулъ и, коня
 повернувши,
 Былъ готовъ пуститься въ обратный путь
 (ужъ склонилось
 Солнце, покуда я мчался, далеко за пол
 деть); но карликъ,
 Прянувъ, какъ кошка, дорогу коню засло
 нилъ. Верегися,
 Я закричалъ, раздавлю. Но уродъ, неко
 веркавшисъ снова,
 Началъ визжать: сперва заплати за ра
 боту; ты въ пронасть
 Въмѣстѣ съ конемъ бы слетѣлъ, когда бы
 не я подвернулся.
 Лжешь ты, кривляка, сказалъ я, не ты,
 а этотъ источникъ
 Насъ сохранилъ отъ наденя. Но вотъ
 тебѣ дельги; оставь насъ,
 Дай дорогу. И бросивъ одну золотую монету
 Въ шанку уроду, поѣхалъ я шибче; но
 снова явился
 Рядомъ со мной онъ; я шпорю коня; копь
 скачетъ, но сбоку
 Скачетъ и карликъ, кривляясь, ковер
 каясь, съ хохотомъ, съ визгомъ,
 Высунувъ красный, съ локоть длиною,
 языкъ. Чтобъ скорѣзъ

Съ нимъ развязаться, бросаю опять золотую монету
 Въ шанку ему; но, съ хохотомъ дикимъ
 осклаивши зубы,
 Началь кричать опъ: поддѣльное золото!
 золота много
 Есть у меня! погляди! полюбуйся!—И въ
 эту минуту
 Мнѣ показалось, что вдругъ просвѣтлѣла
 земная утроба;
 Дерпъ изумрудомъ прозрачнымъ сдѣлался;
 взоръ мой свободно
 Могъ сквозь него проникать въ глубину;
 и тогда мнѣ открылась
 Область подземная гномовъ: они гомозились,
 роились,
 Комкались въ клубы, вились, развивались,
 сгребали металлы,
 Сыпали въ кучи рубинъ и сафиръ и
 смарагдъ, и пускали
 Вихри песка золотого другъ другу въ
 глаза. Мой сопутникъ
 Быстро метался то внизъ, то вверхъ; и
 ему подавали
 Слитки огромные золота; мнѣ показавъ
 ихъ со смѣхомъ,
 Каждый онъ въ бездну бросалъ и, изъ
 пропасти въ пропасть со звономъ
 Падая, все въ глубинѣ исчезали. Тогда
 онъ монету,
 Данную мною, швырнулъ съ пронзительнымъ
 хохотомъ въ бездну;
 Хохотомъ, шиканьемъ, свистомъ ему отвѣчали
 изъ бездны.
 Вдругъ взгомозились все и, толпяся, толкаясь,
 подѣзли
 Кверху, когтистые, пылью металловъ
 покрытые пальцы
 Все на меня растопорщивъ; вся пропасть,
 казалось, кивѣла;
 Куча за кучей, гуще и гуще, ближе и
 ближе...
 Ужасъ меня одолѣлъ; давъ шпоры коню,
 безъ оглядки
 Я поскакалъ... и не знаю, долго ль скакалъ;
 но очнувшись
 Вижу, что пѣтъ никого; привидѣнія
 исчезли; прохладно

Было въ лѣбу и вечеръ уже наступилъ.
 Сквозь деревья
 Блѣдно мелькала тропинка, ведущая изъ
 лѣбу въ городъ.
 Въѣхать снѣшу я на эту тропинку; но
 что-то сѣдое,
 Зыбкое, дымъ не дымъ, туманъ не туманъ,
 поминутно
 Видъ свой мѣняя, стало межъ вѣтвей и
 мнѣ заслонило
 Путь; я пытаюсь объѣхать его, но куда
 ни поѣду,
 Тамъ и оно; разсердившись скачу на проломъ;
 по наветрѣчу
 Прищеть мнѣ нѣна, и ливнемъ холоднымъ
 я обдаю, и рвется
 Конь мой назадъ; ослѣпленъ, промотепъ
 до костей, я бросаю
 Вправо и влево, но все не могу попасть
 на тропинку,
 Въѣзый никакъ на нее не пускаетъ меня.
 Пытаюсь
 ѣхать обратно—за мной по пятамъ онъ,
 но смиренъ, и волю
 Путь продолжать мнѣ даетъ; но лишь
 только опять на тропинку
 Въѣзду — онъ тутъ, и опять заслоняетъ
 ее, и холодной
 Пѣной меня обдаетъ. Наконецъ, поневолѣ
 я выбралъ
 Ту дорогу, къ которой меня онъ тѣнилъ
 такъ упорно;
 Онъ унялся, но все отъ меня не отсталъ,
 и за мною
 Блѣдно-туманнымъ столбомъ подвигался;
 когда же случалось
 Мнѣ оглянуться, то чудилось мнѣ, что
 этотъ огромный
 Столбъ съ головой, что въ меня ушпились
 тускло и зорко
 Съ чуднымъ какимъ-то мяганьемъ глаза,
 и кивала
 Всякій разъ голова, какъ будто меня по-
 нукая
 ѣхать впередъ. Но порою мнѣ просто
 казалось, что этотъ
 Странный гонитель мой былъ лѣеной
 допадъ. Наконецъ, я,

Выѣхавъ изъ лѣсу, здѣсь очутился и
ветрѣтился съ вами,
Добрые люди. Тогда пропаль и упрямый
мой снутникъ.—
Рыцарь кончилъ разсказъ свой. Мы рады
тебѣ, благородный
Гость нашъ, сказалъ рыбакъ, но пора и
о томъ намъ подумать,
Какъ бы тебѣ возвратиться въ городъ.—
Ундина, услышавъ
Эти слова, начала про себя тихомолкомъ
смѣяться
Съ видомъ довольнымъ. То рыцарь замѣ-
тивъ, сказалъ ей: Ундина,
Развѣ ты рада разлуки со мною? Чему
ты смѣешься?—
Я ужъ знаю чему, отвѣчала Ундина. От-
вѣдай
Этотъ сердитый потокъ переплыть—вер-
хомъ или на лодкѣ,
Какъ угодно — анъ нѣтъ, не удастся! а
моремъ... давно я
Знаю, что этого сдѣлать нельзя; и отецъ
недалеко
Въ море уходитъ съ лодкой своею. Итакъ,
оставайся
Съ нами, радъ ли, не радъ ли. Вотъ чему
я смѣюсь.
Рыцарь съ улыбкою всталъ, чтобъ видѣть,
такъ ли то было,
Что говорила Ундина; всталъ и рыбакъ;
а за ними
Велѣдъ и она. И подлинно, все опроки-
нуто было
Бурей въ лѣсу; потокъ разлился и сталъ
полуостровъ
Островомъ. Рыцарь не могъ о возвратѣ
и думать, и долженъ
Былъ поневолѣ онъ ждать, пока въ
берега не вольется
Снова потокъ. Возвращаяся въ хижину
рядомъ съ Ундиной,
Онъ ей шепнулъ: что скажешь, Унди-
ночка? Рада ль, что съ вами
Я остаюсь?— Полно, полно, она проворчала,
Бровки нахмуривъ, не вздумай тебя
укусить я за палецъ,
Ты бы не то разсказалъ намъ объ этой
несносной Бертальдѣ.

ГЛАВА V.

О томъ, какъ рыцарь жилъ у рыбака
въ хижинѣ.

Можетъ быть, добрый читатель, тебѣ
случалось въ жизни,
Долго скитавшись туда и сюда, попа-
дать на такое
Мѣсто, гдѣ было тебѣ хорошо, гдѣ жи-
вущая въ каждомъ
Сердцѣ любовь къ домашнему быту, къ
семейному миру
Съ новою силой въ тебѣ пробуждалась;
и снова ты видѣлъ
Край родимый; и всею обаянію младости,
блага
Первой, чистой любви на могилахъ ми-
нушаго снова
Въ прежней красѣ расцвѣтали, и ты
говорилъ, отдыхая:
Здѣсь живетъ сладко, здѣсь сердцу бу-
детъ пріютно.
Вспомнивъ такую минуту, когда очаро-
ванной думой
Ты обнималъ безыменное, тайное счастье
земное,
Ты, читатель, поймешь, что долженъ былъ
чувствовать рыцарь,
Вдругъ поселившись въ этомъ предѣлѣ,
далеко отъ свѣта.
Часто онъ съ радостью тайной смотрѣлъ,
какъ потокъ, свирѣпѣя,
День ото дня расширялся, и островъ все
далѣ и далѣ
Въ море входилъ, разлучаясь съ твердой
землею; казалось,
Миръ кончался за нимъ. На сердцѣ рыцаря
стало
Тихо, свѣтло и легко. Рыбакъ былъ
мудрецъ простодушный;
Зная людей, извѣдавъ тревоги житейскія,
бывши
Ратникомъ самъ въ молодыхъ лѣтахъ, онъ
много
Могъ разсказать про войну и про счастье,
несчастье земное;
Словомъ онъ былъ живая лѣтопись; время
безъ скуки
Шло въ разговорахъ межъ старцемъ от-
жившимъ и юношей, полнымъ

Пламенной жизни: мудрость смиренная,
прямо изъ жизни
Взятая здоровымъ разсудкомъ и вѣрою въ
Бога, вливалась
Въ душу Гульбранда и въ ней поселяла
блаженную ясность.
Бодрый старикъ промышлялъ попрежнему
рыбною ловлей;
Былъ не безъ дѣла и рыцарь: въ хижинѣ
къ счастью нашелся
Старый досиѣхъ рыбака, самострѣль; его
починивши,
Съ нимъ ежедневно рыцарь ходилъ на
охоту; а вечеръ
Вмѣстѣ всѣ передъ яркимъ огнемъ про-
водили, и полный
Кубокъ тогда частенько постукивалъ въ
кубокъ: въ запасѣ
Было вино и перѣдко съ нимъ длилась
бесѣда до поздней
Ночи. Но мирной сей жизни была душою
Ундина.
Въ этомъ жилищѣ, куда суеты не вхо-
дили, какимъ-то
Райскимъ видѣньемъ сіяла она: чистота
херувима,
Рѣзвость младенца, застѣнчивость дѣвы,
причудливость Никсы,
Свѣжесть цвѣтка, порхливость Сильфиды,
измѣнчивость струйки.
Словомъ, Ундина была несравненнымъ,
мучительно-милымъ,
Чуднымъ созданьемъ; и прелесть ея про-
ницала, томила
Душу Гульбранда, какъ прелесть весны,
какъ волшебство
Звуковъ, когда мы такъ полны болѣз-
ненно-сладкою думой.
Но вертлявый, проказливый правъ и
сжынные причуды Ундины
Были подчасъ и докучливой мукой; за
то и журили
Крѣпко ее старики; и тогда шалунья
такъ мило
Дулась на нихъ, такъ забавно ворчала;
потомъ такъ сердечно
Съ ними, раскаясь, мриплась; потомъ
проказила слова, и снова

Ей доставалось; и все то было волшеб-
ною, тайной
Сѣтью, которою мало-по-малу опуталось
сердце
Рыцаря. Съ нею оны стали неразлучны;
съ каждою мыслью,
Съ каждымъ чувствомъ сплелся Ундина.
Но, имъ обладая,
Той же сплѣв она и сама покорялась;
хотя въ ней
Все осталось попрежнему, рѣзвость, при-
чуды, упрямство,
Взорныя выдумки, дѣтскія шалости,
взбалмошный хохотъ,
Но Ундина любила—любила безнечю,
какъ любить
Птичка, летая средъ чистаго неба. Ста-
рикъ и старушка,
Видя Ундину и рыцаря вмѣстѣ, невольно
привыкли
Ихъ почитать женихомъ и невѣстою. И
рыцарю также
Часто на мысль приходило, что въ мѣрѣ
для него невозвратно
Входъ загражденъ, что съ людьми ни-
когда ужъ ему не встрѣчаться
Если жъ случалось, что рыцаревъ конь,
на свободѣ бродившій
По лугу, ржаньемъ своимъ его пробуж-
далъ и какъ будто
Спрашивалъ: скоро ли въ битву? или,
если ему попадался
Брошенный щитъ на глаза; или праздно
на стѣпкѣ висѣвшій
Мечъ, ненарокомъ сорвавшись съ гвоздя,
изъ ноженъ выдвигался
Въ звонкомъ паденьи—дума о славѣ и
подвигахъ бранныхъ
Душу его шевелила. Но въ этой тревожѣ
себя оны
Тѣмъ утѣшаль, что возвратъ для него
невозможенъ; къ тому же
Мнилось ему, что Ундина была рождена
не для низкой
Доли; и, словомъ, оны вѣрили, что все
то не случай, а Божій
Промыселъ было. И такъ одинъ за дру-
гимъ непримѣтно

Дни уходили, ясные, тихіе. Но и въ
 спокойномъ
 Этомъ быту напоследокъ случилось раз-
 стройство: привыкли
 Каждый вечеръ рыбакъ и рыцарь, от-
 ужинавъ, съ полнымъ
 Кубкомъ часъ другой проводить въ раз-
 говорѣ радушномъ;
 Вдругъ не достало вина: запасъ рыбака
 небогатый
 Вышелъ; взять же новаго было негдѣ.
 Наморщивъ
 Лбы, сидѣли Гульбрандъ и рыбакъ за
 столомъ; а Ундина,
 Глядя на нихъ, умирала со смѣху. Ску-
 чень и дологъ
 Былъ тотъ вечеръ и рано всё разошлись.
 На другой день
 Около ужина вышла Ундина изъ хижины.
 Вы мнѣ
 Оба неспосны, сказала она; не хочу я
 на ваши
 Длинные лица смотрѣть и слушать вашу
 зѣвоту.
 Съ этимъ словомъ, захлопнула двери и
 скрылась. А вечеръ
 Былъ непасть, вѣтеръ шумѣлъ и море
 сердилось.
 Съ страхъ рыбакъ и рыцарь вкочили,
 вспоминая, какъ въ первый
 Газъ они перепуганы были Ундиной. Но
 только
 Въ двери за нею они собрались побѣ-
 жать, какъ Ундина
 Имъ навстрѣчу явилась сама. За мною!
 за мною
 Въ! закричала она, гостинецъ прислало
 намъ море;
 Бочка и вѣрно съ виномъ лежитъ на
 пескѣ. За Ундиной
 Въ пошли, и подлинно—бочка нашлася;
 посиѣшно
 Рыцарь, старикъ и съ ними Ундина се
 покатали
 Къ хижинѣ: буря сбиралась; сквозь су-
 мерки было
 Видно, какъ на морѣ волны свои поды-
 мали съдыя

Головы, дождь вызывая изъ тучъ; и тучи
 бѣжали
 Шибко и шумно, какъ будто грозятся
 напастъ на идущихъ;
 Вотъ ужъ начали сыпаться первыя капли.
 Ундина
 Вдругъ повернула головку и, пальчикъ
 поднявши, сердито
 Имъ погрозила тучѣ и ей закричала:
 смотри ты,
 Туча, не смѣй замочить насъ; еще намъ
 далеко до дома.
 Съ сердцемъ рыбакъ ей сказалъ: уймися,
 Ундина, грѣхъ! И, умолкнувъ,
 Стала она про себя потшоньку смѣяться.
 Однако
 Засухо всё добрался до мѣста; но
 только успѣли
 Бочку подъ кровлю поставить и вскрыть
 и отвѣдать, какое
 Было вино въ ней, какъ дождь пролив-
 ной зашумѣлъ, зашатались
 Со скрипомъ дерева, и море дико за-
 выло. Но бурю
 Въ хижинѣ скоро забыли; за полными
 кружками снова
 Умъ разогрѣлся и ожили шутки; и этой
 бесѣдѣ
 Прелесть двойную давалъ огонекъ, всегда
 столъ пріятный
 Въ тепломъ пріотѣ, при шумѣ вѣтра и
 моря, во время
 Ночи ненастной. Но вдругъ старикъ,
 какъ будто что вспоминая,
 Сталъ задумчивъ; потомъ, помолчавши
 минуту, сказалъ онъ:
 Царь небесный, помилуй насъ грѣшныхъ!
 мы здѣсь на досугѣ
 Шутимъ и этимъ прекраснымъ виномъ
 веселимся; а бѣдный
 Прелжій хозяинъ его, быть можетъ, по-
 гибъ и, волнами
 Брошенный Богъ вѣсть куда, лишень
 погребенья. При этомъ
 Словѣ Ундина съ лукавой усмѣшкой по-
 двинула кружку
 Къ рыцарю. Шей, не бойся, она прошеп-
 тала. Но рыцарь

За руку взялъ старика и воскликнулъ:
я честию клянуса
Если бь могли мы его отыскать и спасти,
то ночная
Буря помѣхою мнѣ не была бы; съ опас-
ностью жизни
Я бы на помощь къ нему побѣжалъ; за
то общаюсь,
Бели когда возвращуся въ край обитае-
мый, вдвое,
Втрое ему или дѣтямъ его заплатитъ за
прекрасный
Этотъ нантокъ, который безъ воли его
намъ достался.
Добрый старикъ кивнулъ головою въ
знакъ одобрення;
Въ немъ успокоилась совѣсть и съ бѣль-
шимъ вкусомъ онъ допилъ
Кружку. Но тутъ Ундина сказала Гуль-
бранду: ты денегъ
Сколько угодно можешь за это вино раз-
сорить; по бросаться
Въ воду и жизни своей не жалѣть... вотъ
это ужъ глупо
Сказано было; что же будетъ со мною,
когда ты,
Милый, погибнешь? Не правда ль, не
правда ль, ты лучше съ Ундиной
Здѣсь остаешься?—Правда, Ундиночка,
рыцарь съ улыбкой
Ей отвѣчалъ.—Признайся жь, что глупо
сказалъ ты; вѣдь каждый
Самъ себѣ ближе; и что до другихъ
памъ?.. Старушка, услышавъ
Это, тяжело вздохнула; а добрый рыбакъ,
не стерпѣвши,
Началъ кричать на Удину: у турковъ,
у нехристей что ли
Выросла ты, прости мнѣ Господи? Что за
горячку
Снова ты намъ говоришь, грѣховодница?
Вдругъ замолчавши,
Робко Ундина прижалась къ Гульбранду;
потомъ прошептала:
Что же такое сказала я имъ? Ужь и ты
не сердитъ ли,
Милый мой рыцарь? Но рыцарь, пожавши
ей руку, расправилъ

Кудри, упавшіе кольцами ей на глаза, и
ни слова
Ей не отвѣтствовалъ: брань рыбака его
оскорбила.
Такъ сидѣли все четверо, молча, нахму-
ривши брови;
Добрую четверть часа продолжалось это
молчанье.

ГЛАВА VI.

О томъ, какъ рыцарь женился.

Вдругъ, шатнувшись, тихохонько стукнула
дверь; и невольно
Вздрогнули все, какъ будто недоброе что-то
почуя:
Страшный лѣсъ былъ близко, а къ хи-
жинѣ доступъ разливомъ
Былъ загражденъ человѣку живому; кому
же въ такую
Позднюю пору зайти къ нимъ? Они съ
безпокойствомъ смотрѣли
Другъ на друга. Снова послышался стукъ;
и посибно
Рыцарь схватился за мечъ. Не поможетъ
твой мечъ, сотворивши
Крестъ, рыбакъ прошептала, когда здѣсь
случается съ нами
То, о чемъ и подумать боюсь я. Но въ
эту минуту
Прыгнула съ мѣста Ундина и въ дверь
запричала сердито:
Кто тамъ? Если, то ваши проказы, духи
земные,
Будетъ бѣда вамъ; мой дядя Струй васъ
порядкомъ проучитъ.
Ще прежняго все оробѣли, слова тѣ
услышавъ.
Другъ на друга взглянули старикъ и ста-
рушка; а рыцарь
Всталъ и хотѣлъ ужъ Удину спросить,
но тутъ изъ-за двери
Голосъ сказалъ: я не духъ, человѣкъ,
христианинъ; впусите
Ради Господа Бога меня. При этомъ по-
сибно Ундина
Дверь отперла и, поднявши пощипъ, во
внутренность темной
Ночи стала свѣтить: престарѣлый свя-
щенникъ стоялъ тамъ.

Онь, при видѣ Ундины, назадъ отступилъ,
 приведенный
 Въ робость ея паразитальной прелестью;
 вь бѣдной лачужкѣ
 Встрѣчу такой красоты онъ волшебствомъ,
 плъ дѣломъ бѣсовскимъ
 Счелъ и воскликнулъ: съ нами Господь
 и Пречистая Дѣва!
 —Я не бѣсъ, засмѣявшись, сказала Ундина:
 не бойся;
 Милости просимъ, отецъ; войди, здѣсь
 добрые люди.
 Патеръ вошелъ и ласково вѣсьмъ покло-
 нился; пріятель
 Былъ онъ лицомъ; веселая кротость сіяла
 во взорахъ.
 Но по складкамъ длиннаго платья его,
 съ распущенныхъ
 Бѣлыхъ волосъ и сѣдой бороды катилися
 градомъ
 Капли: его промочило дождемъ. Въ боко-
 вую каморку
 Тотчасъ его отвелъ, чтобъ раздѣтъ; а стару-
 шка съ Ундиной
 Начали мокрые платье сушить на огнѣ.
 Съ благодарнымъ
 Чувствомъ услуги старикъ принималъ; онъ,
 надѣвъ рыбаково
 Верхнее платье, довольно потертое, вы-
 шелъ, и снова
 Веѣ за столомъ передъ свѣтлымъ камин-
 номъ усѣлись; старушка
 Гостю сама уступила почетный стулъ,
 а Ундина
 Въ ноги ему свою скамейку подинула.
 Рыцарь,
 То увидя, шепнулъ ей шутиливое слово;
 но съ важнымъ
 Видомъ она отвѣчала: онъ Божій служи-
 тель; не должно
 Этимъ шутить.—Поуживавъ, добрымъ ви-
 номъ подкрѣпивши
 Силы свои, священникъ рассказывать на-
 чалъ, какимъ онъ
 Образомъ свой монастырь, лежащій близъ
 моря, вчерашнимъ
 Утромъ покинулъ. Я былъ къ епископу
 нашему въ городъ

Посланъ, сказалъ онъ: хотя и есть по
 изгибу залива
 Путь, но моремъ ближе; и я съ гребцами
 надежными лодку
 Напаялъ; съ Богомъ мы съѣздили; нынче
 жь поутру въ обратны
 Поплыли путь; но сдѣлася вѣтеръ про-
 тивный; а къ ночи
 Буря—и буря, какой мнѣ ни разу видать
 не случалось;
 Вѣтромъ вырвало весла изъ рукъ у греб-
 цовъ; безпомощно
 Были мы преданы морю, котораго волны,
 какъ шепку,
 Нашъ челнокъ подымали съ хребта на
 хребетъ; и несло насъ
 Прямо сюда; сквозь туманъ и сквозь пѣну
 черилъ въ отдаленн
 Этотъ берегъ: ужъ были мы близко; но
 бѣдную лодку
 Нашу такъ и кружило; вдругъ поднялась
 и на насъ повалилась
 Съ страшнымъ шумомъ большая волна;
 и самъ я не знаю,
 Лодку ль она опрокинула, я ли выпалъ
 изъ лодки,
 Только я вдругъ очутился въ водѣ. Го-
 сподь не позволилъ
 Мнѣ погибнуть... я былъ принесенъ пе-
 вредимо на этотъ
 Островъ.—Да, островъ, сказалъ со вздо-
 хомъ рыбакъ; но давно ли
 Былъ онъ твердой землею? Какъ же не
 скажешь, что море
 Съ нашимъ потокомъ бурлитъ заодно?—
 И самъ я подумалъ
 Что-то подобное, патеръ сказалъ; когда я
 тащился
 Берегомъ вашимъ вплотмахъ, предо мною
 мельнула тропинка;
 Я по ней и пошелъ; но эта тропинка не-
 чезла
 Вдругъ передъ лѣсомъ; ее перерѣзалъ по-
 токъ. Тутъ сверкнулъ мнѣ
 Въ вашей хижинѣ свѣтъ и тотчасъ сюда
 повернулъ я.
 Слава Господу Богу! меня онъ спасъ, да
 и къ добрымъ,

Людямъ еще мнѣ путь указалъ; но за
 то ужъ отпнѣ
 Кромѣ васъ никого на землѣ не встрѣ-
 чать мнѣ; отнынѣ
 Въ этомъ углу весь мнръ для меня за-
 ключенъ.—Почему же?
 Рыцарь спросилъ.—Да кто жъ, отвѣтство-
 валь патерь, узнаеть
 Скоро ли кончится эта война безпоря-
 дочныхъ стихій?
 Я же старъ, и силы мои, конечно, изсякнутъ
 Прежде, чѣмъ этотъ разлившейся бурный
 потокъ; да случится
 Можетъ и то, что дешь ото дня все шире
 и шире,
 Глубже и глубже онъ дѣлаться будетъ, и
 вы напоследокъ
 Такъ далеко отъ земли отодвинетесь въ
 море, что въ людяхъ
 Даже и память объ васъ совсѣмъ прона-
 деть; и тѣмъ легче
 Можетъ это случиться, что васъ отъ земли
 заслоняеть
 Лѣсъ дремучій; потокъ же, я видѣлъ, такъ
 дикъ и порывистъ,
 Такъ широкъ, что и крѣпкому судну не
 будетъ возможно
 Силы его одолѣть.—Сохрани насъ Господь
 и помилуй,
 Крестъ сотворивши, сказала старушка.—
 Чего же хозяйка
 Такъ испугалась, рыбакъ возражать? Не
 то же ли будетъ
 Съ нами, что было? Чудное дѣло желанья
 людскія!
 Развѣ не все одинъ мы здѣсь жили? Ни
 разу во столько
 Лѣтъ не ходила ты далѣ опущки нашего
 лѣса.
 Кромѣ меня старика и Ундины, кого ты
 видала?
 Нынѣ же стало у насъ и людно: Господь
 Богъ послалъ намъ
 Добрыхъ гостей на житье. Пускай совсѣмъ
 разлучится
 Островъ нашъ съ твердой землею и люди
 о насъ позабудутъ,
 Намъ же прибыль.—Что правда, то правда,
 сказала старушка;

Только признаться, мнѣ какъ то странно
 подумать, что вѣчно
 Намъ ужъ съ людьми не сойтись, что
 землѣ навсегда мы чужіе.
 То услыша, Ундина прижалася къ рыцарю,
 жаркой
 Ручкой стиснула руку ему, и, уставивши
 глаза,
 Полные острыхъ лучей, на него, нарастѣвъ
 прошептала:
 «Ты останешься съ нами, ты останешься
 съ нами».
 Рыцарь молчалъ; онъ былъ очарованъ
 какимъ-то видѣньемъ;
 Былъ глубоко въ себя погруженъ, и Ун-
 диной, желаннымъ,
 Найденнымъ счастьемъ жизни полный въ
 душѣ, не разслушалъ
 Словъ Ундины, проказницы рѣзвой, сидѣвше
 съ нимъ рядомъ;
 Мигъ насталъ роковой: священникъ своими
 словами
 Всѣ сомнѣнья рѣшилъ; все далѣ и далѣ
 за темный
 Лѣсъ убѣгалъ обитаемый свѣтъ, а островъ
 цвѣтущій,
 Гдѣ такъ сладко жилось, все свѣжій, зе-
 леній, все пріютнѣй
 Сердцу его становился — невѣста, какъ
 чптая роза,
 Тамъ расцвѣтала; и къ нимъ какъ будто
 бы свыше былъ посланъ
 Божій священникъ: то явно было не слу-
 чай. Къ тому же
 Рыцарь замѣтилъ, какъ строго старикъ
 поглядѣлъ на Ундины
 Въ ту минуту, когда, позабывъ о служи-
 тельѣ церкви,
 Такъ беззаботно она къ нему прилаека-
 лась. Ундины
 Сильной рукою обхвативши, рыцарь всталъ
 и воскликнулъ:
 Честный отецъ, мы желшихъ и невѣста; во
 имя Господие
 Благослови насъ, если дадутъ позволеніе эти
 Добрые люди. Рыбакъ и старушка весьма
 изумились.
 Правда, намъ часто входило на мысль, что
 такая развязка

Рано или поздно случиться должна; но
 обь этомъ молчали
 Даже другъ съ другомъ они; и въ это
 мгновение было
 Вовсе нежданымъ для нихъ предложеніе
 рыцаря. Долго
 Слова ему отвѣчать они не умѣли. Уни-
 дина жь
 Вдругъ пріемириѣла, задумалась, глазки
 потонула въ землю.
 Тою порою священникъ, спрося съ ста-
 рикомъ и старушкой,
 Началъ готовить въичальный обрядъ; ста-
 рушка, очистивъ
 Наскоро горницу ту, гдѣ жила съ рыба-
 комъ, отыскала
 Двѣ восковыя свѣчки, которыя были во
 время
 Оно на свадьбѣ ея зажжены: а рыцарь
 изъ звельевъ
 Цѣпи своей золотой отдѣлялъ два кольца,
 чтобъ съ невѣстой
 Было чѣмъ обручиться. Все устроивъ, свя-
 щенникъ
 Брачныя свѣчи зажегъ, и сказалъ же-
 ниху и невѣстѣ:
 Дайте руку другъ другу.—Ундина, какъ
 будто проснувшись,
 Робко взглянула на рыцаря, вся покрас-
 пѣла, и, руку
 Давши ему, стыдливо и трепетно стала
 съ нимъ рядомъ.
 Кончивъ въичальный обрядъ, новобрач-
 ныхъ отецъ ихъ духовный
 Перекрестилъ; старики жь молодую жену
 и Гюльбранда
 Обняли съ чувствомъ родительскимъ, громко
 рыдая. Но въ этотъ
 Мигъ священникъ сказалъ: вы странные
 люди! не сами ль
 Вы говорили, что этотъ островъ безлюд-
 ный, что кромѣ
 Васъ четверыхъ не живеть никого здѣсь?
 А я въ продолженье
 Службы, все видѣлъ, что кто-то въ это
 окошко, въ шпирокъ
 Бѣломъ платьѣ, сѣдой и длинный, гля-
 дѣлъ; за дверями

Вѣрно стоитъ и теперь онъ, и ждеть,
 чтобъ впустили.— Спаси насъ
 Дѣва Пречистая Божія Матерь, сказала
 старушка;
 Молча рыбацкѣ покачалъ головою; а ры-
 царь къ окошку
 Бросился: не было тамъ никого; но что-то
 въ потемкахъ,
 Видѣлъ онъ, бѣлой струею мелькнуло и
 и скрылось. Отецъ мой,
 Ты ошибся, сказалъ онъ священнику.
 Всѣ беззаботно
 Съ этимъ словомъ кругомъ огонька по-
 прежнему сѣли.

ГЛАВА VII.

о томъ, что случилось въ свадебный вечеръ.
 Смирно стояла Ундина во все продол-
 женье обряда:
 Но лишь только онъ кончился, вдругъ,
 какъ будто волшебной
 Силою какой, что ни было въ пей и при-
 чудъ и безпутныхъ
 Выдумокъ, все забродило и вспѣвилось;
 вдругъ припала
 Всѣхъ тормошить,—старика, старушку и
 рыцаря, не былъ
 Даже и самъ священникъ оставленъ въ
 покоѣ. Суровымъ
 Словомъ хотѣла хозяйка палачью унять,
 какъ бывало; но рыцарь
 Съ значащимъ взглядомъ назвалъ ее
своею женою;
 Та замолчала. И самъ онъ однако та-
 кимъ поведениемъ
 Не былъ доволенъ; но тутъ ни его увѣ-
 щанья, ни ласки
 Ниже упреки, ничто помочь не могло.
 Унималась,
 Правда, она на минуту, когда замѣчала
 досаду
 Рыцаря: кѣжно тогда къ нему прижи-
 маясь, ручонкой
 Милой своею трепала его по щекѣ и
 шептала
 На ухо слово любви съ небесной улы-
 кой; но снова
 Съ первою възблзненной мыслию то жь
 пачиналось и нуще,

Нежели прежде. Священникъ сказалъ на-
нослѣдокъ: Ундина,
Рѣзвость такая забавна, но въ эту ми-
нуту приличнѣй
Было бы вамъ, новобрачной, подумать о
томъ, какъ съ душою
Даннаго Богомъ супруга свою сочетать
христіански
Душу.—Душу? смѣясь закричала Ундина.
Такое
Слово пріятно звучить; но много ли въ
этомъ пріятномъ
Звукъ смысла? А если кому души не
досталось,
Что тому дѣлать? Еще сама я не знаю,
была ли,
Есть ли душа у меня?—Оскорбленный
глубоко, священникъ,
Строго взглянувъ на нее, замолчалъ;
испугавшись, Ундина
Съ дѣтскими смиреніемъ къ нему подо-
шла и шеннула: послушай,
Добрый отецъ, не сердися, мнѣ это такъ
грустно, такъ грустно,
Что и сказать не могу я; не будь же со
мною, незлобнымъ,
Робкимъ создаемъ, такъ строгъ; напро-
тивъ того, съ снисхожденіемъ
Выслушай то, что хочу исповѣдать искрен-
нымъ сердцемъ.
Видно было, что тяжкая тайна лежала
на сердцѣ Ундины;
Что-то хотѣла сказать, но вдругъ по-
блѣднѣла и горько,
Горько заплакала. Всѣ на нее съ любо-
пытствомъ смотрѣли;
Что творилось съ нею, не вѣдалъ никто.
Наослѣдокъ
Слезы обтерла она и священнику, въ
сильномъ волненіи
Сжавши руки, сказала: отецъ мой, не
правда ль, ужасно
Душу живую имѣть? И не лучше ль,
скажи мнѣ, не лучше ль
Вѣчно пробыть безъ души?.. Она замол-
чала, уставивъ
Острый, разстроенный взоръ на священ-
ника. Всѣ поднялися

Съ мѣстъ, какъ будто дичаяся ея; не до-
ждавшись отвѣта,
Съ тяжкимъ вздохомъ, она продолжала:
великое бремя,
Страшное бремя душа! при одномъ ужъ
ея ожиданіи
Грусть и тоска терзаютъ меня; а донинѣ
мнѣ было
Такъ легко, такъ свободно.—Она опять
зарыдала,
Скрыла изъ ладони лицо и, свою накло-
нивши голову,
Плакала горько, а свѣтлыя кудри, ска-
таясь на прекрасный
Лобъ и на жаркія щеки, повисли гу-
стымъ покрываломъ.
Съ строгимъ лицомъ подошелъ къ ней
священникъ; Ундина, сказала онъ,
Именемъ Господа Бога тебѣ говорю: испо-
вѣдай
Душу свою передъ нами, и, если таится
въ ней злое,
Богъ милосердъ, Онъ помилуется.—Тихимъ,
покорнымъ младенцемъ
Стала она передъ нимъ на колѣна, и,
руки сложивши,
Набожно къ себу глаза подняла, и, крестилась, и, имя
Божіе славя, твердила, что не было зла
никакого
Въ сердцѣ ея. Священникъ сказалъ, обра-
тился къ Гюльбранду:
Рыцарь, вамъ повѣряю я ту, съ которою
нынѣ
Самъ сочетать васъ: душою она безпо-
рочна, но много
Чуднаго въ ней. Примите мой добрый
совѣтъ: осторожность,
Твердость, любовь; остальное па власть
милосердаго Бога
Съ вѣрой оставьте.—Сказавъ, новобрач-
ныхъ священникъ
Перекрестилъ и вышелъ: за нимъ ры-
бакъ и старушка,
Также крестясь и молитву читая, вышли.
Ундина
Все еще па колѣняхъ стояла въ мол-
чаньи; когда же

Всё удалились, она потихоньку лицомъ
 обернулась
 Къ рыцарю, кудри раздвинула, мало-по-
 малу, какъ будто
 Въ чувство входя, головку свою подняла
 и уныло
 Очи лазурныя, полныя слезъ, на него
 устремила.
 —Милый, ты вѣрно также покнешь меня,
 прошептала
 Робко она: но чѣмъ же я, бѣдная, чѣмъ
 виновата?—
 Руки ея такъ призывно, такъ жарко къ
 нему подвинулись,
 Взоры ея такъ похожи на небо прекрас-
 ное стали,
 Голосъ ея такъ глубоко изъ сердца раз-
 дался, что рыцарь
 Все позабылъ, и въ порывѣ любви про-
 тинулъ къ ней объятья;
 Вскрикнула, вспрыгнула, кинулась къ
 милому въ руки Ундины,
 Грудью прильнула ко груди его и на
 ней опѣмѣла.

ГЛАВА VIII.

о томъ, что случилось на другой день свадьбы.
 Свѣжій утренній лучъ разбудил ново-
 брачныхъ; блаженствомъ
 Ясныя очи Ундины горѣли; а рыцарь въ
 глубокой
 Думѣ молчалъ про себя; всю ночь онъ
 видѣлъ какой-то
 Странный, мучительный сонъ: все сни-
 лось ему, что хотѣли
 Бѣсы его оболстать подъ видомъ краса-
 вицы, что въ змѣевъ
 Аджихъ красавицы всё передъ нимъ
 обращались. Проснувшись
 Въ сграхѣ, онъ началъ смозрѣть недо-
 вѣрчиво: тутъ ли Ундина?
 Итъ ли въ ней какой перемѣны?.. Но
 было все тихо,
 Буря кончилась; полный мѣсяцъ свѣтилъ,
 и Ундина
 Сномъ глубокимъ спала, положивши го-
 рячую шеку
 На руку; вольно дышала она и сквозь
 сонъ, какъ журчанье,

Шопотъ невинный бродилъ по жарко-
 раскрывшимся губкамъ.
 Видомъ такимъ успокоенный, рыцарь за-
 снулъ, но въ другой разъ
 Тотъ же сонъ! наконецъ засіяла заря и
 проснулся оба.
 Сонъ рассказавши, рыцарь просилъ, чтобъ
 Ундина простила
 Страхъ безразсудный ему. Вздохнувши,
 прекрасную руку
 Съ грустью она ему подала, и ни слова;
 но сладкій,
 Полный глубокой любовію взглядъ, ка-
 кого дотолѣ
 Рыцарь въ лазоревыхъ глазкахъ ея не
 встрѣчалъ, безотвѣтно
 Выразилъ все. Съ довольнымъ сердцемъ
 онъ всталъ, и къ домашнимъ
 Вышелъ; всё трое сидѣли, молча, на ли-
 цахъ ихъ видно
 Было, что тяжко тревожило ихъ ожи-
 данье развязки;
 Видно было, что внутренно Бога священ-
 никъ молилъ: да поможетъ
 Имъ защититься отъ козней врага. Но
 какъ скоро явился
 Съ яснымъ лицомъ новобрачный, то
 вмигъ и у нихъ просіяли
 Души и лица; рыбакъ и старушка за-
 плакали; къ небу
 Взоръ благодарный поднялъ священникъ.
 Потомъ и Ундина
 Вышла; они хотѣли пойти къ ней на-
 встрѣчу, но стали
 Всё неподвижны: такъ знакома и такъ
 незнакома
 Имъ въ красотѣ довершенной она пока-
 залась. Священникъ
 Первый къ ней подошелъ; но лишь только
 онъ руку, чтобъ дать ей
 Благословеніе, поднималъ, она ему покло-
 нилась
 Въ землю и стала прощенья просить въ
 словахъ безразсудныхъ,
 Сказанныхъ ею вчера; потомъ примол-
 вила: добрый
 Другъ, помолись о спасеніи моей души
 многогрѣшной.

Вставши, она обняла стариковъ, и то, что сказала
 Имъ, было такъ полно души, такъ было ихъ слуху
 Ново, и такъ далеко отъ всего, что прежде плѣняло
 Въ ней, не касаясь до сердца, что оба они, зарыдавши,
 Стали молиться вслухъ и ее называли небеснымъ
 Ангеломъ, дочкой родною; она же съ сердечнымъ смрѣньемъ
 Ихъ цѣловала; такой и осталась она съ той минуты:
 Броткой, покорной женою, хозяйкой заботливой, въ то же
 Время дѣвственно-чистымъ, божественно-милымъ созданьемъ.
 Рыцарь, старикъ и старушка, давно ужъ привыкнувъ къ причудамъ
 Дѣтскимъ ея, все ждали, что снова она, какъ и прежде,
 Станетъ проказить, по въ этотъ разъ они обманулись:
 Ангеломъ тихимъ осталась Ундина. Священникъ, любясь
 Ею, воскликнулъ: радуйтесь, рыцарь; Господь милосердѣй
 Вамъ даровалъ чрезъ меня недостойнаго рѣдкое счастье;
 Будетъ добро вамъ и въ здѣшней и въ будущей жизни, когда вы
 Чистымъ его сохраните. Господь помоги вамъ обнять!—
 Около вечера, съ пѣжпостью робкой Ундина взявши Гульбранда
 За руку, тихо его повлекла за собою на вольный
 Воздухъ. Безоблачно солнце садилось, свѣтя на зеленый
 Дерпъ сквозь чашу деревъ, за которыми тихо горѣло
 Море вдали. Во взорахъ жены молодой трепетало
 Пламя любви, какъ роса на лазурныхъ листьяхъ; но казалось
 Грустная тайна уста ей смыкала, порой выражалась

Вздохомъ несвятымъ. Въ молчаньи она вела за собою
 Рыцаря далѣ; когда же съ ней говорилъ онъ, отвѣта
 Не было, взоръ одинъ отвѣчалъ; но въ этомъ сердечномъ
 Взорѣ цѣлое небо любви и смиренья лежало.
 Такъ подошли напоследокъ они къ лѣ-
 ному потоку...
 Что же рыцарь увидѣлъ? Разливъ уже миновался;
 Мелкимъ ручьемъ стремился потокъ.—Онъ исчезнетъ
 Къ утру совсѣмъ, сказала Ундина, скрыва-
 вая рыданье;
 Завтра кончится все, и тебѣ ужъ препятствія болѣ,
 Милый, не будетъ отсель удалиться, какъ скоро захочешь.
 —Вмѣстѣ съ тобою, Ундиночка, рыцарь отвѣтствовалъ.—Это
 Въ волѣ твоей, шеннуа она, усмѣхаясь сквозь слезы.
 Другъ, я знаю, что ты Ундиночку любишь. Она же
 Всею душою твоя, и навѣкъ. Но, милый, послушай,
 Перепеси меня на рукахъ на этотъ зеленый Островъ;
 тамъ пріютись. Хотя и самой мнѣ сквозь волны
 Было бѣ нетрудно туда проскользнуть, но, другъ, мнѣ такъ сладко
 Быть на рукахъ у тебя. И, если намъ должно разстаться,
 То хоть въ послѣдніе счастьемъ земнымъ подышу я
 Здѣсь у тебя на груди.—И растроганъ, ветреноженъ,
 Рыцарь Ундину на руки взялъ и понесъ черезъ воду.
 Было то мѣсто знакомо, то былъ островъ, на которомъ
 Встрѣтился рыцарь съ Ундиною въ бурю. Ее опустилъ ошъ
 Тихо на шелковый дерпъ и хотѣлъ помѣститься съ ней рядомъ.
 —Нѣтъ, не рядомъ со мной, а противъ меня ты садись,

Милый, сказала она: хочу я прежде, чѣмъ
 словомъ
 Будешь отвѣтствовать мнѣ, твой отвѣтъ
 въ непритворныхъ
 Взорахъ твоихъ заранѣ угадывать. Слушай.
 Ты долженъ
 Знать, ужъ на дѣлѣ узналъ ты, что есть
 на свѣтѣ созданья,
 Вамъ подобныя видомъ, но съ вами различнаго свойства.
 Рѣдко ихъ видите вы. Въ огнѣ живутъ
 Саламандры,
 Чудныя, рѣзвыя, легкія; въ пѣдрахъ земли,
 неприступныхъ
 Свѣту, водятся хитрые гномы; въ воздухѣ
 вѣютъ
 Сильфы; лоно морей, озеръ и ручьевъ
 пасялютъ
 Духи веселые водъ. Прекрасно и вольно
 живется
 Тамъ, подъ звонкокристальными сводами;
 небо и солнце
 Свѣтятъ сквозь нихъ; и небесныя звѣзды
 туда пропикаютъ;
 Тамъ на высокихъ деревьяхъ коралловыхъ
 пурпуромъ яркимъ,
 Темнымъ сапфиромъ блистаютъ плоды;
 тамъ гуляешь по мягкимъ
 Свѣжымъ песочнымъ коврамъ, узорами
 раковинъ пестрыхъ
 Хитро украшеннымъ; многое, бывшее чудомъ
 мнувшихъ
 Лѣтъ, облеченное тайнымъ серебряныхъ
 водъ покрываломъ,
 Видится тамъ въ величавыхъ развалинахъ:
 влага съ любовью
 Ихъ объемлетъ, въ мохъ и цвѣты водяные
 ихъ рядитъ,
 Пышнымъ вѣнцомъ тростника ихъ сѣдыя
 главы обвиваетъ.
 Жители странъ водяныхъ обольстительно-
 милы, прекраснѣйшіе
 Самыхъ людей. Случалось не разъ, что
 рыбака, подглядѣвши
 Дѣву морскую—когда, изъ воды подыма-
 маяся тайно,
 Пѣла она и качалась на зыбкой волнѣ—
 повергался

Въ хладную влагу за нею. Увиди нами
 чудныя эти
 Дѣвы слывуть у людей. И, другъ, ты
 теперь предъ собою
 Въ самомъ дѣлѣ видишь Ундицу.—Гуль-
 брандъ, содрогнулся;
 Холодъ по членамъ его пробѣжалъ; непо-
 движепъ, какъ камень,
 Молча и дико смотрѣлъ онъ въ лицо раз-
 сказчицы милой,
 Силь не имѣя очей отвести. Покачавъ
 головою,
 Грустно замолкла она, вдохнула, потомъ
 продолжала:
 Видомъ паружнымъ мы то же, что люди,
 быть можетъ и лучше,
 Нежелю люди; но съ нами не то, что съ
 людьми; покидая
 Жизнь, мы вдругъ пропадаемъ какъ при-
 зракъ, и тѣломъ и духомъ
 Гибнемъ вполне, и самый нашъ слѣдъ
 исчезаетъ; изъ праха
 Въ лучшую жизнь переходите вы, а мы
 остаемся
 Тамъ, гдѣ жили, въ воздухѣ, негрѣ,
 волнѣ и пылинкѣ.
 Намъ души не дано; пока продолжается
 наше
 Здѣсь бытіе, намъ стихіи покорны; когда жъ
 умираемъ,
 Въ ихъ переходимъ мы власть, и онѣ
 насъ вмѣгъ потребляютъ:
 Веселы мы и насъ ничто не тревожитъ,
 какъ птичекъ
 Въ роцѣ, рыбокъ въ водѣ, мотыльковъ
 на лугу благовономъ.
 Все однако стремится возвытись: такъ
 и отецъ мой,
 Сильный царь въ голубой глубинѣ Среди-
 земнаго моря,
 Мнѣ, любимой, единственной дочери, душу
 живую
 Дать пожелалъ, хотя онъ и вѣдалъ, что
 съ нею и горе
 (Всѣхъ, одаренныхъ душою, удѣлъ) меня
 не мнуетъ,
 Но душа не иначе дана быть намъ мо-
 жетъ, какъ только

Тѣснымъ союзомъ любви съ человѣкомъ.

И, милый, отнынѣ
Я съ душою навѣкъ; тебѣ одному благо-

дарна
Я за нее, и тебѣ жъ благодарна останусь,
когда ты
Жизнь не осудишь мою на вѣчное горе.

Что будетъ
Съ бѣдной Удиной, когда ты покинешь
ее? Но обманомъ
Сердце твое сохранить опа не хотѣла.

Теперь ты
Знаешь все, и, если меня оттолкнуть ты
рѣшился,

Сдѣлай это теперь же: одинъ перейди на
противный
Берегъ; я брошуся въ этотъ потокъ—онъ

мой дядя; издавна
Въ нашемъ лѣсу онъ свободную, чудную
жизнь, какъ пустынникъ,
Розно съ родней и друзьями проводитъ.

Онъ силенъ и многимъ
Старымъ рѣкамъ и могучимъ потокамъ
союзникъ. Принесъ онъ

Нѣкогда къ жителямъ хижны здѣшней
меня беззаботнымъ,
Лепнымъ, веселымъ младенцемъ; и онъ же

нынѣ отсюда
Въ домъ отца моего меня отнесетъ измѣ-

неннымъ, живую
Душу пріавшимъ созданиемъ, любящей,
скорбящей женою.—

Далѣ она говорить не могла; пораженный,
цѣлбвенный,
Рыцарь ее обхватилъ, и на руки подыжалъ,

и вынесъ
На берегъ; тамъ передъ небомъ самимъ
повторилъ онъ обѣтъ свой:

Съ ней неразлучно жить на землѣ и
дѣлать все земное.
Въ сладкомъ согласіи, за руки взявшись,

медлительнымъ шагомъ
Въ хижину оба пошли. И Удина, глубоко
постигнувъ

Благо святое души, перестала жалѣть о
прозрачномъ
Морѣ и влажныхъ жилищахъ отцовскаго
чуднаго царства.

ГЛАВА IX.

О томъ, какъ рыцарь и его молодая жена
оставили хижину.

Рыцарь, проснувшись съ зарей на другой
день, весьма удивился,

Видя, что подлѣ него Удины нѣтъ, и
снова онъ началъ

Думать, что все, происшедшее съ нимъ
въ послѣднее время,

Было мечта. Но въ эту минуту Удина
являлась;

Сѣвши къ нему на постель, сказала она:
я ходила

Въ лѣсъ провѣдать, исполнилъ ли дядя
свое обѣщанье?

Все исполнено; воды свои онъ собралъ и
снова

Лѣсомъ бѣжитъ одинокъ, невидимъ и за-

думчиво шепчетъ;
Всѣхъ водяныхъ и воздушныхъ друзей

распустилъ онъ, и стало
Тихо въ лѣсу, и все въ порядкѣ по-

прежнему; можемъ,
Милый, отправиться въ путь, какъ скоро

захочешь.—Съ какимъ-то
Страннымъ чувствомъ, похожимъ на ро-

бость, слушала Удину
Рыцарь: ея родные были ему не по сердцу.

Но Удина своею тихою прелестью снова
Сладкій покой возвратила ему и, любуясь

съ пей вмѣстѣ
Зеленыя берега, такъ благовопно, свѣжо

и прозрачно
Свѣтлою влагой объятаго, рыцарь сказалъ:

для чего же
Такъ намъ сѣшнить отсюда, Удина? Ужъ

вѣрно не встрѣтимъ
Мы нигдѣ толь мирнаго счастья, какимъ

насладились
Въ этомъ краю; побудемъ же здѣсь; никго

насъ не гонитъ.
—Что ты, мой другъ, прикажешь, то и

будетъ, сказала съ покорнымъ
Видомъ Удина; по случай: моимъ ста-

рикамъ разлучаться со мною
Тяжко и такъ, а они еще не знаютъ

Удины,
Новой, нѣжной, любящей, смиренной

Удины; и все имъ

Мнится еще, что смиренье мое не на-
дежнѣй покоя
Водъ; и меня легко позабудутъ они, какъ
весенній
Цвѣтъ, какъ быструю птичку, какъ свѣтлое
облако; дай же,
Милый, въ тотъ мигъ, какъ навѣкъ на
землѣ намъ должно разстаться,
Скрыть мнѣ отъ нихъ тобою сотворенную,
вѣрную душу.
Если же долѣе здѣсь мы пробудемъ, то
буду ль умѣть я
Такъ притвориться, чтобъ имъ моя не
открылася тайна?—
Рыцарь былъ убѣжденъ, и вмѣгъ собра-
лися въ дорогу;
Снова коня осѣдлали; священникъ вы-
звался съ ними
Въ городъ идти черезъ лѣсъ, и съ ры-
царемъ вмѣстѣ Ундию
Сѣсть помочь на сѣдло. Обнялися; раз-
стались; Ундина
Плакала тихо, но горько; добрый рыбакъ
и старушка
Выли голосомъ, глядя за нею вслѣдъ, и
какъ будто
Вдругъ догадавшись, какое сокровище въ
эту минуту
Въ ней потеряли. Въ грустномъ молчаньи
впередъ подвигались
Путники. Гуци лѣсной ужъ достигли они,
и прекрасно
Было видѣть въ зеленой тѣни, на раз-
убранномъ пышно
Гордомъ конѣ, молодую, робкую всадницу,
справа
Старого патера въ бѣлой одеждѣ, а слѣва,
въ богатомъ
Пестромъ уборѣ, прекраснаго рыцаря.
Бережно чащей
Лѣса они пробирались. Рыцарь одну лишь
Ундию
Видѣлъ; Ундина жъ влажныя очи свои
въ упоеньи
Новой души на него одного устремляла,
и скоро
Тихій, нѣмой разговоръ начался между
ними изъ нѣжныхъ

Взглядовъ и вздоховъ. Но вдругъ опъ былъ
прерванъ какимъ-то
Шопотомъ страннымъ: шелъ рядомъ съ
священникомъ кто-то четвертый,
Еъ нимъ недавно приставшій. Опъ-то
шенгалъ. Какъ священникъ,
Былъ опъ въ бѣломъ платѣ, лицо закры-
валось какимъ-то
Станнымъ, широкимъ покровомъ, кото-
раго складки, какъ волны,
Падали съ плечъ и стая обвивали: и
онъ безпрестанно
Нхъ поправлялъ, закидывалъ на руку
полы, вертѣлся,
Прыгалъ; но это ему ни идти, ни бол-
тать не мѣшало.
Вотъ что шенгалъ опъ въ ту минуту,
когда молодые
Вслушались въ рѣчи его: ужъ давно,
давно, преподобный,
Въ этомъ лѣсу я живу, какъ у васъ го-
ворится, монахомъ;
Правда, я не поцуюсь, не спасаюсь, а
просто мнѣ любо
Жить на волѣ въ глупи и въ этомъ
бѣломъ, волнистомъ
Платѣ подъ тѣнью густою разгуливать.
Часто и солище
Чудно сверкаетъ по складкамъ моимъ; а
когда я кустами
Крадусъ, бываетъ такой веселый шорохъ,
что сердце
Прыгаетъ...— Вы человекъ замѣчатель-
ный, молвилъ священникъ,
Я бы желалъ покороче узпать васъ.—А
ты кто, когда ужъ
Дѣло у насъ пошло на распросы, ска-
заль незнакомецъ?—
Патеръ Лаврентій, священникъ Маріинской
пустыни.—Дѣльно;
Я же, просто сказать, свободный лѣсной
обыватель;
Имя мнѣ Струй; ремесла не имѣю; во-
лень, какъ итица;
Нѣтъ у меня господина; гуляю и все
тутъ. Однако,
Нужно мнѣ кое-что молить вотъ этой
красавицѣ. Съ этимъ

Словомъ онъ прынулъ къ Ундиѣ, вдругъ
выросъ, и подлѣ
Уха ея очутилась его голова. Но Ундина
Въ страхѣ его оттолкнула, воскликнувъ:
поди поскорѣе
Прочь; я болѣе съ вами не знаюсь.—О! о!
да какая жъ
Замужемъ стала она спесивая! съ нами,
роднею,
Знаться не хочеть! Да кто же, скажи мнѣ,
пожалуй, не я ли,
Дядя твой Струй, малютку тебя на снѣгѣ
изъ подводной
Области на берегъ здѣшній принесть? По-
забыла?—Оставь насъ,
Именемъ Бога тебѣ умоляю, сказала Ундина;
Ты мнѣ страшень; ты сдѣлаешь то, что
и мужъ мой дичиться
Станеть меня, какъ скоро увидитъ съ
такую роднею.—
Здѣсь я не даромъ; хочу проводить васъ,
иначе едва ли
Вамъ черезъ лѣсъ удастся пройти без-
опасно. А этогоъ
Патеръ ужъ знаетъ меня; говоритъ онъ,
что будто
Былъ я въ лодкѣ, когда онъ въ воду
уналъ; и конечно
Былъ я въ лодкѣ; я въ эту лодку пры-
нулъ волною,
Вырвалъ его изъ нея и на берегъ вынесъ,
чтобъ свадьбу
Можно было сыграть вамъ.—Ундина и
рыцарь при этомъ
Словѣ взглянули на патера: шелъ онъ,
какъ будто въ глубокой
Сонѣ погруженный, не слыша того, что
вблизи говорилось.
—Вотъ и лѣсу конецъ, сказала дядѣ Ундина,
Помощь твоя теперь не нужна, оставь
насъ; простимся
Съ миромъ; исчезни.—Струй рассердился;
онъ сдѣлалъ такую
Страшную харю, и такъ глазами сверк-
нулъ, что Ундина
Громко вскрикнула; рыцарь выхватилъ
мечъ и хотѣлъ имъ
Въ голову Струя ударить, но мечъ по
волнамъ водопада

Съ свистомъ хлестнулъ, и въ водѣ какъ
будто шипящій
Хохотъ раздался; рыцаря обдало пѣной
холодной.
Патеръ, вдругъ очутившись, сказалъ: я
предвидѣлъ, что это
Съ нами случится, лѣсной водопадъ былъ
такъ близко; и все мнѣ
Мнилось до сихъ поръ, что онъ живой
человѣкъ и какъ будто
Съ нами шелчетъ. И подлинно рыцарю
на ухо внятно
Вотъ что шепталъ водопадъ: ты смѣлый
рыцарь, ты бодрый
Рыцарь; я силенъ, могуць; я быстръ и
гремучъ; не сердиты
Волны мои; но люби ты, какъ очи свои,
молодую,
Рыцарь, жену, какъ живую люблю я вол-
ну... и волшебный
Шопокъ, какъ ропотъ волны, разлетѣв-
шейся въ брызги, умолялъ.
Вопчился лѣсъ и вышли въ поле они:
тамъ имперекій
Городъ лежалъ передъ ними въ лучахъ
заходящаго солнца.

ГЛАВА X.

О томъ, какъ они жили въ имперскомъ
городѣ.

Въ этомъ имперскомъ городѣ все почи-
тали погибшимъ
Нашего рыцаря, все сожалѣли о немъ, а
Бертальда
Болѣ другихъ; она себя признавала при-
чиной
Смерти его, и совѣсть терзала ей сердце,
и милый
Рыцаревъ образъ глубоко въ него впе-
чатлѣнъ былъ печалью.
Вдругъ онъ явился живой и женатый, а
съ нимъ и свидѣтель
Брака его, отецъ Лаврентій; весь городъ
нежданымъ
Чудомъ такимъ приведенъ былъ въ вол-
нение; прелесть Ундины
Всеѣхъ поразила, и слухъ прошелъ, что
въ лѣсу изъ-подъ власти

Злого волшебника рыцарь избавилъ ее, что породы
Знатной она. Но на всѣ вопросы людей любопытныхъ
Рыцарь отвѣтствовалъ глухо; патеръ же былъ на рассказы
Скутъ, да и скоро въ свой монастырь возвратился онъ; словомъ
Мало-по-малу толки утихли; одной лишь Бертальдѣ
Было грустно: скорбя о погибшемъ, она поневолѣ
Сердцемъ привыкла къ нему и его своимъ называла.
Скоро, однако, она одолѣла себя; отъ природы
Было въ ней доброе сердце, но чувство глубокое долго
Въ немъ не могло сохраняться, и здѣсь легкомысліе было
Вѣрнымъ лѣкарствомъ. Ундину ласкала она, а Ундинѣ,
Простосердечной, доброй Ундинѣ боль и боль
Нравилась милая, полная прелести сверстница. Часто
Ей говорила она: мы, вѣрно, съ тобою, Бертальда,
Какъ-нибудь были прежде знакомы, иль чудное что-то
Есть между нами; нельзя же, чтобъ кто безъ причины, безъ сильной,
Тайной причины, могъ такъ кому полюбитъ, какъ ты мнѣ
Вдругъ полюбилася съ перваго взгляда.— И въ сердцѣ Бертальды
Что-то подобное было, хотя его и смущала
Зависть порою. Какъ бы то ни было, скоро другъ съ другомъ
Стали онѣ неразлучны, какъ сестры родныя. Но рыцарь
Былъ готовъ ужъ въ замокъ Рингштетенъ, къ пестокамъ Дуная
Ѣхать, и день разлуки, можетъ быть, вѣчной разлуки,
Былъ недалеко; Ундина грустила; и вотъ ей на мысли
Вдругъ пришло, что Бертальду съ собою въ замокъ Рингштетенъ
Могутъ они увести, что на то герцогиня и герцогъ

Вѣрно по просьбѣ ея согласятся. Однажды объ этомъ
Рыцарь, Ундина, Бертальда втроемъ разсуждали. Былъ теплый
Лѣтній вечеръ, и темною площадью города вмѣстѣ
Шли они; синее небо глубоко сіяло звѣздами;
Въ окнахъ домовъ сверкали огни; передъ ними ходили
Черныя тѣни гуляющихъ; шумъ разговоровъ, сляпье
Музыки, пѣнья, хохота, крика дѣтей наполняли
Чуднымъ какимъ-то говоромъ воздухъ, и онъ напоенъ былъ
Весь благовоиємъ липъ, вокругъ городского фонтана
Густо насаженныхъ. Здѣсь, отъ шумной толпы въ отдаленіи,
Близъ водоема стояли они, ушываясь прохладой
Брызгающихъ водъ, ихъ слушая шумъ и любуясь на влажный
Снопъ фонтана, бѣлѣвшій сквозь сумракъ, какъ вѣющій, легкій
Призракъ; и ихъ веселило, что такъ они въ многолюдствѣ
Были одни, и все, что при свѣтѣ казалось столь труднымъ,
Сладилось само собою безъ труда въ тишинѣ миротворной
Ночи; и было для нихъ рѣшено, что Бертальда поѣдетъ
Въ замокъ Рингштетенъ. Но въ ту минуту, когда назначали
День отъѣзда онъ, подошелъ къ нимъ, какъ будто изъ мрака
Вдругъ родившійся, длинный, сѣдой человекъ, поклонился
Чинно, потомъ кивнулъ головою Ундинѣ, и что-то
На ухо ей прошепталъ. Ундина, пахмуривши бровки,
Въ сторону съ нимъ отошла, и тогда начался между ними
Шопотъ на странномъ какомъ-то чужомъ языкѣ; а Гульбранду
Въ мысли пришло, что онъ съ незнакомцемъ гдѣ-то встрѣчался;

Тщетно Бертальда его обсыпала вопросами;
 Былъ какъ въ чадѣ, и все съ безпокой-
 ствомъ смотрѣлъ на Ундиину.
 Вдругъ Ундиина, захопавши съ радост-
 нымъ крикомъ въ ладоши,
 Кинулася прочь и блаженствомъ глазки
 сверкала; съ досадою
 Сморщивши лобъ и съдой покачавъ го-
 ловой, незнакомецъ
 Влѣзъ въ водоемъ, гдѣ вмигъ и пропалъ.
 Тутъ рѣшилось сомнѣн-
 ье Рыцаря. Что, Ундиина, съ тобою смотре-
 тель фонтановъ
 Здѣсь говорилъ, спросила Бертальда? Съ
 таинственнымъ видомъ
 Ей головкой кивнула Ундиина. «Въ твои
 именины,
 Цосаъ завтра, ты это узнаешь, Бертальда,
 мой милый,
 Милый другъ; я тебя и твоихъ пригла-
 шаю на этотъ
 Праздникъ къ себѣ». Другого отвѣта не
 было. Скоро
 Посаъ того они проводили Бертальду и
 съ нею простылись.
 —Струй? спросилъ съ содроганьемъ неволь-
 нымъ рыцарь Ундиину,
 Съ ней оставшись одинъ въ темнотѣ пе-
 редъ герцогскимъ домомъ.
 —Онъ, отвѣчала Ундиина; множество вся-
 каго вздора
 Миѣ насаказалъ; но, между прочимъ, от-
 крылъ и такую,
 Пехотя, тайну, что я себя не помню отъ
 счастья.
 Если велѣшь миѣ все разсказать сію же
 минуту,
 Я исполню приказъ твой, но, милый,
 Ундиинѣ большаго
 Радость была бы, когда бъ ей теперь про-
 молчать ты позволялъ.
 Рыцарь охотно на все согласился, и
 можно ли было
 Въ чемъ отказать Ундиинѣ, столь мило про-
 сящей? И сладко
 Было ей въ ту ночь засыпать; она, за-
 бываясь

Сномъ, потихоньку сама про себя съ улыб-
 кой шептала:
 Ахъ, Бертальда! какъ будетъ рада! какое
 намъ счастье!

ГЛАВА XI.

о томъ, что случилось на именинахъ Бертальды.
 Гости ужъ были давно за столомъ, и Бер-
 тальда, царица
 Праздника, въ золотѣ, перлахъ, цвѣтахъ,
 подаренныхъ друзьями
 Ей въ именины, сидѣла на первомъ мѣстѣ,
 Ундиина
 Съ правой руки, а рыцарь съ лѣвой. Обѣдъ
 ужъ кончался;
 Подали сласти; дверь была отперта; въ
 ней тѣснилось
 Множество зрителей всякаго званья; та-
 ковь былъ старинный
 Предковъ обычай: каждый праздникъ тогда
 почитался
 Общимъ добромъ, и народъ всегда пирова-
 валъ съ господами.
 Кубки съ виномъ и закуски послали межъ
 зрителей слуги;
 Было шумно и весело; рыцарь Гульбрандъ
 и Бертальда
 Глазъ не сводили съ Ундины; они съ
 живымъ нетерпѣньемъ
 Ждали, чтобъ тайну открыла она; но
 Ундиина молчала;
 Было замѣтно, что съ сердца ея и съ устъ,
 озаренныхъ
 Ясною улыбкой, было готово что-то сор-
 ваться;
 Но (какъ ребенокъ, любимый кусокъ свой
 къ концу берегущій)
 Все молчала она, чтобъ продлить для себя
 наслажденіе;
 Рыцарь смотрѣлъ на нее съ неописаннымъ
 чувствомъ; Ундиина
 Въ дѣтской своей простотѣ, съ своимъ
 добродушіемъ прелесть
 Ангела Божія въ эту минуту имѣла.
 Вдругъ гости
 Стали ее убѣждать, чтобъ сдѣла имъ
 пѣсню. Сверкнули
 Ярко ея прекрасныя глазки; поспѣшно
 схватила

Цитру и вот какую пѣсню тихо запѣла:
 «Солнце сіяетъ; море спокойно; къ берегу
 съ любовью
 «Воды тѣснятся. Что на душистой зелени
 берега
 «Свѣтится, блещетъ? Цвѣтъ ли чудесный,
 посланный небомъ
 «Свѣжему лугу? Нѣтъ, свѣтлоокій, ясный
 младенецъ
 «Тамъ на зелеспомъ деріѣ играетъ. Кто
 ты, откуда,
 «Милый младенецъ? Какъ очутился здѣсь
 на чужбинѣ?
 «Ахъ! пѣзъ отчизны былъ онъ украденъ
 моремъ коварнымъ.
 «Бѣдный; чего жъ ты между цвѣтами съ
 жадностью ищешь?
 «Цвѣтъ благовонный живъ, но безъ сердца;
 онъ не услышитъ
 «Дѣтскаго крика; онъ не замѣнитъ матери
 пѣжной
 «Лучшаго въ жизни рано лишень ты,
 бѣдный младенецъ.
 «Мимо проѣхалъ съ свитою герцогъ; въ
 пышный свой замокъ
 «Взялъ отъ сиротку; тамъ герцогиня благо-
 гостнымъ сердцемъ
 «Бѣдной сироткѣ мать замѣнила. Стала
 сиротка
 «Дѣвою милой, радостью сердца, прелестью
 взоровъ;
 «Милую дѣву Промыслъ Божій щедро
 осыпалъ
 «Вѣдьмъ... но отдастъ ли лучшее въ жизни,
 мать и отца ей?»—
 Съ грустной улыбкой цитру свою опустила
 Ундина;
 Нѣня ея растрогала всѣхъ, а герцогъ
 съ женою
 Плакали. Герцогъ сказалъ: такъ точно
 случилось въ то утро,
 Милая наша сиротка Бертальда, когда
 милосердый
 Богъ наградилъ насъ тобою; по права
 пѣвица, не можемъ
 Лучшаго блага земного тебѣ возратить
 мы, родную
 Мать и родного отца. — Ундина спова
 запѣла:

«Мать тоскуетъ, бродить, кланять... нѣтъ
 ей отвѣта;
 «Ищеть, ищеть, что жъ находить? домъ
 опустѣлый.
 «О, какъ мраченъ, какъ ужасенъ домъ
 опустѣлый,
 «Гдѣ дотолъ днемъ и ночью, мать въ
 упоеньи
 «Цѣловала, мпловала дочку родную!
 «Будетъ снова заниматься ярко денница;
 «Придутъ снова дни весенни, благоуханны;
 «Но денница, дни весенни, благоуханны
 «Не утѣшатъ болѣ сердца матери бѣдной;
 «Все ей чуждо; въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ
 ей отрады;
 «Невозвратно все пропало съ дочкой род-
 ною.»—
 О, Ундина! ради Бога отвори мнѣ! ты
 знаешь,
 Гдѣ отецъ мой и мать; ты этотъ, этотъ
 подарокъ
 Мнѣ приготовила. Гдѣ они? Здѣсь? Отвѣ-
 чай мнѣ, Ундина.
 Взоръ Бертальды, сверкая, леталъ по со-
 бражью; межъ знатныхъ,
 Съ ними сидѣвшихъ гостей выбрала
 она. Но Ундина
 Вдругъ залилася слезами, къ толпѣ обра-
 тилася, рукою
 Знакъ подала, и воскликнула: гдѣ вы?
 явитесь,
 Найденной дочери вашей, отецъ и мать!—
 Разступилася
 Съ шумомъ толпа; изъ середины ея ры-
 бакъ и старушка
 Вышли; робко глаза устремили они на
 Ундицу.
 Вотъ она, ваша родная дочь! закричала
 Ундина,
 Имъ указавъ на Бертальду; и съ гром-
 кимъ рыданьемъ на шею
 Бросилася къ ней старикъ; но Бертальда
 съ пронзительнымъ крикомъ
 Ихъ отъ себя оттолкнула; страхъ, изумленье,
 досада
 Вдругъ на лицѣ ея отразились. Какой
 нестерпимый,
 Тяжкій ударъ для ея падменной души,
 ожидавшей

Новаго блеска съ открытіемъ знатныхъ
родителей! Кто же?
Кто же эти родители? Нищія!.. Въ эту
мнунту
Въ мысль ей пришло, что все то придумано хитро Ундиной
Съ тѣмъ, чтобъ унизить ее передъ свѣтомъ и рыцаремъ. Злая
Ложь! обманщица! подкупъ! вотъ что твердила Бергальда,
Глѣвно смотря на старушку, на мужа ея и Ундицу.
Господи Боже! тихонько старушка шептала, какое жъ
Злое созданье стала она! а все-таки сердце
Чувств мое, что она мнѣ родная. Рыбакъ же, сложивши
Руки, молился, чтобъ Богъ не каралъ ихъ, пославъ имъ такую
Дочь; а Ундина, какъ ангель, вдругъ утратившій небо,
Блѣдная, въ страхѣ незнапомъ, не вѣдая, что съ ней
Дѣлалось, вся трепетала. Опомнись, Бергальда! Бергальда,
Есть ли душа у тебя? она повторяла, стараясь
Доброе чувство въ ней возбудить, но напрасно; Бергальда
Точно была виѣ себя; она въ изступлени кричала
Крикомъ; рыбакъ и старушка плакали горько, а гости,
Страннымъ явленьемъ такимъ изумленные, начали шумно
Спорить, кто за Ундицу, кто за Бергальду; въ ужасный
Все пришло безпорядокъ, и вотъ напослѣдокъ Ундина,
Съ чувствомъ своей правоты, съ благоухетвомъ невинности мирной,
Знакъ подала рукою, и все замолчали. Смиренно,
Тихо, но твердо сказала она: вы странные люди!
Что я вамъ сдѣлала? Чѣмъ раздражила я васъ? И за что вы
Такъ разстроили милый мой праздникъ?
Ахъ, Боже! донинѣ

Я о вашихъ обычаяхъ, вашемъ безумномъ, жестокомъ
Образѣ мыслей не знала, и ихъ никогда не узнаю мнѣ,
Вижу, что все безразсудно придумано мною; но причиною
Этому вы одни, а не я. Хотя здѣсь наружность
Вся на меня, но вы знайте: то, что сказала я, правда.
Нѣтъ у меня доказательствъ; но я не обманщица, слышите?
Богъ правосудный меня; а все, что здѣсь о Бергальдѣ
Я говорила, было открыто мнѣ тѣмъ, кто въ морскія
Волны младенцемъ ее заманилъ, потомъ на зеленый
Берегъ отнесъ, гдѣ ее и нашелъ знаменитый панъ герцогъ.—
Слышите ль? громко вскрпчала Бергальда. Она чародѣйка,
Водится съ злыми духами; сама при всѣхъ признается
Въ этомъ она.—О, нѣтъ, Ундина воскликнула, съ чистымъ
Небомъ невинности въ мирныхъ очахъ, никогда чародѣйкой
Я не была; мнѣ невѣдомо адское зло.— Такъ безстыдно
Лжетъ и клеветаетъ она. Ничѣмъ нельзя доказать ей
Здѣсь, что рыбакъ отецъ мнѣ, а нищая мать. О! покинемъ
Этотъ домъ и этотъ городъ, гдѣ я претерпѣла
Столько стыда.—Нѣтъ, Бергальда, отвѣтствовалъ герцогъ, отсюда
Я доголь не выйду, пока не рѣшится сомнѣнье
Наше. вполнѣ. То слыша, старушка приблизилась робко
Къ герцогу, низко ему поклонилась и вотъ что сказала:
Вы, государь, своимъ высокимъ герцогскимъ словомъ
Вдругъ на разумъ меня навели. Скажу вамъ, что, если

Ваша питомица подлинно дочь намъ, то
должно, чтобъ были
Три родимыхъ пятна, какъ трилиствен-
никъ видомъ, ною правой
Мышкой ея и точно такія же три на
подошвѣ
Правой ноги. Позвольте, чтобъ съ нею я
вышла. Отъ этихъ
Словъ поблѣдѣла Бертальда, а герцогъ
велѣлъ герцогинѣ
Выйти вмѣстѣ съ нею и взята съ собою
старушку.
Скоро назадъ возвратились они; герцогиня
сказала:
Правда правдой; все то, что здѣсь объ-
явила хозяйка
Паша, есть суцая истина: эти добрые люди
Точно отецъ и мать питомицы нашей Бер-
тальды.
Съ этимъ словомъ герцогъ съ женой и
съ Бертальдой и вмѣстѣ
Съ ними, по волѣ герцога, старый рыбакъ
и старушка
Вышли; гости, кто вѣря, кто нѣтъ, разо-
шлись; а Ундина,
Горько, горько заплакавъ, упала въ объятія
мужа.

ГЛАВА XII.

о томъ, какъ рыцарь и ундина уѣхали изъ
имперскаго города.

Рыцарь съ глубокимъ чувствомъ любви
смотрѣлъ на Ундину.
Многу ль, онъ думалъ, дана ей душа изъ
нѣтъ, но прекраснѣй
Этой души не бывало на свѣтѣ: она, какъ
небесный
Ангель.— И слезы Ундины съ пѣжнѣйшимъ
участіемъ друга
Онъ отиралъ, цѣлуя ей очи, уста и
ланыты.
Городъ имперскій, который ей сталъ не-
навиденъ, покинуть
Онъ рѣшился немедля, и все велѣлъ при-
готовить
Къ скорому въ замокъ Рингштеинъ
отъѣзду. Вотъ на другой день
Рано поутру была подана къ крмльцу
ихъ повозка;

Рыцаревъ конь и кони его провожатыхъ
за нею,
Взнузданы, прыгали, рыли копытами землю;
ужь рыцарь
Вышелъ съ своею молодою женой, и готовъ
былъ ей руку
Дать, чтобъ въ повозку ее посадить; но
въ эту минуту
Къ нимъ подошла молодая дѣвушка съ
неводомъ, въ платьѣ
Рыбной торговки. Намъ товаръ твой не
нуженъ, мы ѣдемъ.
Рыцарь сказалъ ей. Она заплакала взрыдъ
и Бертальду
Въ эту минуту узнали Гульбрандъ и
Ундина; поспѣшно
Вмѣстѣ съ нею они возвратились въ домъ,
и Бертальда
Имъ рассказала, какъ герцогъ, вчераш-
нимъ ея поведеніемъ
Былъ раздраженъ, какъ се отъ себя ото-
слалъ, подаривши
Ей большое приданое, какъ старикъ и
старушка,
Также богато имъ одаренные, городъ того же
Вечера вмѣстѣ покинули. Съ ними хотѣла пойти я,
тѣла пойти я,
Такъ продолжала Бертальда въ слезахъ,
по старикъ, о которомъ
Все говорятъ, что онъ мой отецъ...—Онъ
отецъ твой, Бертальда,
Точно отецъ, сказала Ундина; ты по-
мнишь, какъ ночью
Къ намъ подошелъ сѣдой человекъ, твой
смотритель фонтановъ:
Онъ-то мнѣ все и сказалъ; меня убѣ-
ждалъ онъ, чтобъ въ замокъ
Нашъ Рингштеинъ тебя не брала я съ
собою, и неволью
Тайна съ его языка сорвалась...—Ну, отецъ
мой, когда ужь
Долженъ онъ быть мнѣ отцомъ, продол-
жала Бертальда, сказалъ мнѣ
Вотъ что: ты съ нами не будешь до тѣхъ
поръ, пока не исправши
Гордаго сердца; осмѣлся одна чрезъ этотъ
дремучій
Лѣсъ къ намъ пройти, тогда я повѣрю,
что нашей роднею

Быть желаетъ; но скинь богатый уборъ;
рыбаковой
Дочерью къ намъ явися... И я на все
ужь рѣшилась;
Что онъ велѣлъ, то и будетъ; меня не-
счастную цѣль
Свѣтъ оставилъ; бѣдная дочь рыбака, я
въ убогой
Хижинѣ жизнь безотрадную скоро
умру тамъ
Съ горя. Правда, лѣсъ волшебный меня
устрашаетъ,
Бродятъ тамъ, слышно, духи, а я такъ
пуглива; но что же
Дѣлать? Къ вамъ же пришла я за тѣмъ,
чтобъ заглядитъ вчерашній
Свой проступокъ признаемъ вны. О!
забудьте, простите!
Я и такъ ужь несчастна безмѣрно; вспо-
мните, что я
Утромъ вчерашнимъ была, что была еще
при началѣ
Вашего пира, и что я теперь... Опустивши
въ ладони
Голову, плакала горько она, и межъ паль-
цевъ бѣжали
Слезы. Вся также въ слезахъ, къ ней
на шею упала Ундина,
Долго безгласна была, напоследокъ ска-
зала: ты съ нами
Въ замокъ Рингштетенъ поѣдешь; что
положили мы прежде,
То и сдѣлаемъ; только ты будь со мной,
какъ привыкла
Быть; говори мнѣ попрежнему ты. Вотъ
видишь ли? Въ дѣтствѣ
Насъ обмѣняли одну на другую; тогда
ужь мы были
Связаны тѣсно судьбою; сплетемъ же
узелъ нашъ сами
Такъ, чтобъ уже никогда никакой че-
ловѣческой силѣ
Не было можно его разорвать. Теперь ты
поѣдешь
Съ нами прямо въ Рингштетенъ; что жъ
послѣ, какъ сестры родныя,
Мы межъ собою раздѣлимъ, о томъ успѣемъ,
прѣхавъ

Въ замокъ, условиться.—То услышавъ,
Бертальда взглянула
Робко на рыцаря; милой изгнанницы было
не меньше
Жаль и ему; н, руку подавъ ей, вотъ
что сказалъ онъ:
— Вѣфрите себя беззаботно сердцу Ундины.
А къ вашимъ
Добрымъ родителямъ мы, но прибыти въ
замокъ, отправимъ
Тотчасъ гонца, чтобъ знали они, что сдѣ-
лалось съ вами.—
Подъ руку взявши Бертальду, ее поса-
дилъ онъ въ новозку,
Рядомъ съ нею Ундины, и бодро поѣхалъ
за ними
Рысью и скокомъ. Повозка легла: скоро
имперскій
Городъ пропалъ далеко позади, съ нимъ
вмѣстѣ пропало
Тамъ и все грустное прошлое; весело шла
но прекрасной
Людной стравѣ ихъ дорога, и мало ли,
долго ли длился
Путь ихъ, но вотъ напоследокъ въ одинъ
прекраснѣйшій лѣтній
Вечеръ они прѣхали въ замокъ Ринг-
штетенъ. Былъ долженъ
Рыцарь заняться хозяйствомъ своимъ; мо-
лодая жъ хозяйка
Вмѣстѣ съ гостей пошла осматривать
замокъ. Построенъ
Былъ на крутой онъ горѣ посреди рав-
нинъ благодатной
Швабій: видъ изъ него былъ роскошный;
и по валу вмѣстѣ,
За руки взявшись, гуляли Ундина съ
Бертальдою; вдругъ имъ
Встрѣтился долгій, сѣдой человекъ; Бер-
тальдѣ знакомы
Были черты; когда же Ундина, сердито
нахмурилась,
Знакъ ему подава, чтобъ онъ удалился,
и скорымъ
Шагомъ, трясъ головой, онъ пошелъ и
пропалъ за кустами,
Въ мысли пришло ей, что то почтой, го-
родекой ихъ знакомецъ

Быль, смотритель фонтановъ. Не бойся,
 Бертальда, сказала
 Ей Уидина, ужъ въ этотъ разъ твой не-
 спосный фонтанчикъ
 Зла никакого не сдѣласть намъ.—Тогда
 рассказала
 Все о себѣ Уидина: кто родомъ она, какъ
 Бертальду
 Струй похитилъ, какъ къ рыбакамъ по-
 пала Уидина
 Въмѣсто родной ихъ дочери, словомъ, все.
 И сначала
 Въ ужасъ Бертальда пришла отъ такого
 разказа; на сонный
 Бредъ походилъ онъ; по скоро она убѣ-
 дилась, что было
 Все то правда и только дивилась тому,
 что въ волшебной
 Сказкѣ, когда-то въ дѣтствѣ рассказан-
 ной ей, очутилась
 Вдругъ наяву, живая, сама; все ей въ
 Уидинѣ
 Стало чуждо; какъ будто бы духъ beatъ-
 лесный межъ ними
 Вдругъ притѣнилъ; ей сдѣлалось страш-
 но. Когда жъ, возвратися,
 Рыцарь съ нѣжностью обнялъ Уидину, то
 было понять ей
 Трудно, какъ могъ онъ ласкаться къ та-
 кому созданию, въ которомъ
 (Послѣ того, что Бертальдъ сама расска-
 зала Уидина)
 Видѣлся ей не живой человѣкъ, а ка-
 кой-то холодный
 Приракъ, что-то нездѣшнее, что-то чу-
 жое душѣ человѣка.

ГЛАВА XIII.

о томъ, какъ они жили въ замкѣ рингштедтѣ.
 Здѣсь мы съ тобой остановимся, добрый
 читатель; прости мнѣ,
 Если тебѣ о томъ, что послѣ случилось,
 немного
 Буду рассказывать; знаю, что можно бы
 было подробно
 Мнѣ описать, какъ мало по малу рыцарь
 шагъ сердцемъ
 Сталъ отъ Уидины далекъ и близокъ къ
 Бертальдѣ, какъ стало

Сердце Бертальды ему отвѣчать и часть
 отъ часу жарче
 Тайной любовью къ нему разгораться,
 какъ стали Уидины
 Онъ и она дичиться и въ ней существо,
 имъ чужое,
 Видѣть, какъ Уидина плакала, какъ пре-
 буджали
 Слезы ея заснувшую совѣсть Гульбранда,
 а прежней
 Въ немъ любви уже пробудить не могли,
 какъ порою
 Жалость его къ Уидинѣ влекла, а ужасъ
 невольно
 Прочь отталкивалъ, сердце жъ стремилъ
 къ Бертальдѣ, созданью
 Съ нимъ однородному... знаю, что это
 все я умѣлъ бы,
 Добрый читатель, порядкомъ тебѣ раз-
 сказать; но позволь мнѣ
 Лучше о томъ позабыть, что такъ больно
 душѣ; испытаны
 Все мы невѣрность здѣшняго счастья;
 ты самъ, вѣроятно,
 Былъ имъ обманутъ, таковъ ужъ земной
 человѣческій жребій.
 Счастливъ еще, когда при раздѣлѣ жи-
 тейскаго былъ ты
 Самъ назначенъ терпѣть, а не мучить;
 на свѣтѣ семь доля
 Жертвы блаженнѣй, чѣмъ доля губителя.
 Если сей лучшій
 Жребій былъ твой, читатель, то, можетъ
 быть, слушая нашу
 Повѣсть, ты вспомнишь и самъ о своемъ
 миновавшемъ, и тихо
 Милая грусть тебѣ черезъ душу прокра-
 дется, снова
 То, что прошло, оживетъ, и ты слезу
 сожалѣнья
 Бросишь опять на цвѣты, которыми такъ
 любовался
 Прежде на грядкахъ своихъ, давно ужъ
 растоптанныхъ. Полно жъ,
 Полно объ этомъ, читатель. Послушай,
 и съ доброй Уидиной
 То же сбилось, что и съ нами со всѣми.
 Уидина страдала:

Но и Гульбрандъ и Бертальда не были веселы. Всякій Разъ, когда Ундина хоть мало была несогласна Въ чемъ съ Бертальдой, послѣдней казалось, что ревность владѣла Сердцемъ обиженной бѣдной жены; и Видъ госпожи, причудливо-грубой и гордой, Бертальда Съ ней приняла; Ундина съ грустнымъ незлобіемъ, молча, Все сносила; а рыцарь всегда стоялъ за Бертальду. Болѣе жъ всего съ недавняго времени воть что соглаше Жителей замка стало тревожить: Гульбрандъ и Бертальда Начали вдругъ на всѣхъ переходахъ, во всѣхъ закоулкахъ Замка встрѣчать иривиднѣя, о коихъ доголѣ и слуху Не было; бѣлый, съдой человекъ, въ которомъ проказникъ Дядя Струй Гульбрандомъ, смотритель фонтановъ Бертальдой Узнаны были, сталъ имъ повсюду обоямъ, Бертальдѣ жъ Чаше, являться съ угрозой, такъ, что Бертальда отъ страха Стала больна и даже рѣшилась бы замокъ покинуть, Если бъ имѣла гдѣ уголь какой для пріюта; но честный Нашъ рыбакъ на письмо Гульбранда, которымъ тогда же Рыцарь его извѣтилъ, что Бертальда ѣдетъ въ Рингштетенъ, Вотъ что отвѣтствовалъ: «я по волѣ Господа Бога «Сталъ одинокій, бѣдный вдовецъ; скончалась старушка «Жепка моя; хоть теперь мнѣ дома и пусто, но лучше «Быть хочу я одинъ, чѣмъ съ Бертальдой; пускай остается «Съ вами, но только, чтобъ не было худа какого Ундины

«Милой моей отъ того; тогда ее прокляну и».
Такъ-то, сколько неволей, столько и волей, осталась Въ замкѣ Бертальда. Вотъ однажды, случилось, что рыцарь Выѣхалъ. Сняжавъ дворовыхъ людей, Ундина велѣла Камень одинъ огромный поднять и его на колодець, Бывшій на самой срединѣ двора, положить. Намъ далеко Будеть ходить за водою, замѣтили слуги. Но съ грустнымъ Ласковымъ видомъ, съ улыбой улыбкой сказала Ундина: Дѣти, сама бы за васъ я съ охотою стала въ кувшинахъ Воду носить; но этотъ колодець, поверьте мнѣ, должно, Должно закрыть намъ, иль съ нами случится большое несчастье. Веъмъ служителямъ было пріятно удобное сдѣлать Добрай своей госпожѣ; безъ дальнихъ разспросовъ, огромный Камень былъ поднятъ; и онъ, показалось; какъ будто бы доброй Волей давшисъ имъ въ руки, съ земли поднялся, и какъ будто Самъ рванулся колодець задвинуть. Но въ эту минуту Къ нимъ прибѣжала изъ замка Бертальда. Не троньте колодца, Громко она закричала; его вода умываемъ Лучшимъ мнѣ служить; его запереть никакъ не позволю. Но Ундина съ своимъ обычнымъ смиреньемъ на этотъ Разъ осталась въ волѣ своей непреклонна. Я въ здѣшнемъ Замкѣ хозяйка, сказала она, улыбаясь прискорбно, Мнѣ за веъмъ наблюдать; и здѣсь мнѣ приказывать можетъ Только рыцарь, мой мужъ и мой господинъ.—Посмотрите,

Съ сердцемъ вскричала Бертальда, подумать можно, что этой
 Бѣдной, певниной водѣ самой не хочется съ Божьимъ
 Свѣтомъ разстаться: какъ жалко она трепещетъ и бьется!
 Въ самомъ дѣлѣ, чудно киня и шипя, изъ-подъ камня
 Ключъ пробивался, какъ будто снѣша убѣжать, и какъ будто
 Что изъ него исторгнутъ силой хотѣло.
 Тѣмъ съ большей Строгостью своей приказъ повторила Ундина;
 Былъ онъ исполненъ: Ундину любила, а гордость Бертальды
 Всѣхъ отъ нея удаляла, и каждому было приятно
 Той угодить, а этой сдѣлать досаду; и камень
 Крѣпко-накрѣпко устье колодца задвинулъ. Ундина
 Тихо къ нему подошла, надъ нимъ задумалась, что-то
 Пальчикомъ пѣжнымъ своимъ на немъ написала, въ молчашья
 Грустномъ, потомъ посмотрѣла вокругъ себя, и, вздохнувши,
 Медленнымъ шагомъ въ замокъ пошла.
 На камнѣ жъ остались Видны какіе-то странные знаки, которыхъ дотошъ
 Не было тамъ. Въ вечеру, когда Гульбрандъ возвратился
 Въ замокъ Рингштетенъ, Бертальда ему въ слезахъ разказала
 То, что случилось съ колодцемъ. Сурово взглянулъ на Ундину
 Рыцарь; она стояла, головку сложила и печально
 Въ землю глаза опустивъ; но однако, собравшись съ духомъ,
 Вотъ что шепнула въ отвѣтъ: всегда справедливъ господишь мой;
 Онъ и раба не осудитъ, не выслушавъ; тѣмъ напаче
 Миѣ, законной жепѣ, онъ позволить въ свое оправданье

Слово сказать. — Говоря, сердито отвѣтствовала рыцарь.
 — Я бы желала, чтобъ былъ ты одинъ, сказала Ундина.
 — Нѣтъ, при ней! Гульбрандъ возразилъ, указавъ на Бертальду.
 — Я исполню волю твою, она продолжала; Но не требуй того, прошу, умоляю, не требуй.
 Голосъ ея былъ такъ убѣдительно, очи такъ пѣжны,
 Все въ ней являло такую покорность, что въ сердце Гульбранда
 Солнечный лучъ минувшихъ дней пробѣжалъ; онъ Ундину
 Дружески за руку взялъ и въ ближнюю горницу съ нею
 Вышелъ; и вотъ что ему сказала она: ужъ коварный
 Дядя мой Струй довольно извѣстенъ тебѣ; не одинъ разъ встрѣчался
 Онъ съ тобою здѣсь въ замкѣ; Бертальдъ же такъ онъ
 Страшенъ, что можетъ она умереть. Онъ бездушенъ, онъ просто
 Отблескъ стихійный наружнаго міра; что въ жизни духовной
 Здѣсь проиходитъ, то вовсе чуждо ему; здѣсь глядитъ онъ
 Только на виѣшность одну. Замѣчая, какъ ты подволенъ
 Мною иногда бываешь, какъ я, неразумный младенецъ,
 Плачу, какъ въ то же время Бертальду, случайно быть можетъ,
 Что-нибудь заставляетъ смѣяться, въ своемъ безразсудствѣ
 Видитъ онъ то, чему здѣсь и признака нѣтъ, колобродитъ,
 Злится и въ наши дѣла названный мѣшается; пользы
 Нѣтъ отъ того никакой, что ему я грожу и гоняю
 Съ сердцемъ отсюда его; онъ миѣ упрямый не вѣрить: въ бездушной,
 Бѣдной жизни своей, никогда не будетъ способенъ
 Онъ постигнуть того, что въ любви и страданье и радость

Такъ пѣвнательно сходны, такъ близко
родня, что разрознить
Ихъ никакая сила не можетъ: съ улыб-
кою слезы
Сладко сливаются, слезы рождаютъ улыб-
ку.—И очи,
Полныя слезъ, съ улыбкой поднявши,
она исподобья
Робко смотрѣла Гульбранду въ лицо; и
все трепетанье
Прежней любви онъ почувствовалъ въ
сердцѣ; Ундина глубоко
То поняла, къ нему прижалась нѣжнѣй,
и въ блаженствѣ
Радостныхъ слезъ продолжала: когда сло-
вами не можно
Намъ безтолковаго дядю Струя унять, то
затворимъ
Входъ ему въ замокъ; единственный путь,
которымъ сюда онъ
Можетъ свободно всегда проникать, есть
этотъ колодець;
Онъ съ другими духами здѣшнихъ источ-
никовъ въ ссорѣ;
Царство жь его начинается ниже, вдоль
по Дунаю.
Вотъ для чего я на камнѣ, которымъ
колодець задвинутъ,
Знакъ свои написала: они безпокойнаго дядю
Струя власти лишили, и онъ ни тебя,
ни Бергальду
Болѣ не будетъ тревожить; онъ камня не
сдвинетъ. Но людямъ
Это легко; ты можешь исполнить же-
ластье Бергальды;
Но, повѣрь мнѣ, она не знаетъ, чего
такъ упрямо
Требуетъ; Струй на нее особенно злится.
А если
Сбудется то, что онъ предсказалъ мнѣ
(хотя и безъ всякой
Мысли худой отъ тебя) то и самъ ты,
мой милый, не будешь
Внѣ опасности.—Рыцарь, глубоко проник-
нутый въ сердце
Великодушнымъ поступкомъ своей небес-
ной Ундины,
Обнялъ ее съ горячностью прежней любви.
Мы не тропемъ

Камня; отнынѣ жь и все, что ты когда
ни прикажешь,
Будетъ въ замѣтъ отъ всѣхъ, какъ теперь,
исполняемо свято,
Другъ мой Ундиночка.—Такъ ей рыцарь
сказалъ, и Ундина,
Руку цѣлуя ему въ благодарность за ми-
лое, столько
Времени имъ позабытое слово любви, про-
шептала
Робко: милый мой другъ, ты нынѣ со-
мною такъ безмѣрно
Милостивъ, ласковъ и добръ, что еще объ
одномъ попрошу я.
Видишь ли? Ты для меня какъ свѣтлое
лѣто; въ сильнѣйшемъ
Блескѣ своемъ оно иногда себя покрываетъ
Огненно-грозынымъ вѣнцомъ громовыхъ об-
лаковъ и владыкой,
Истипнымъ Богомъ земли намъ является;
точно такъ ты
Кажешься мнѣ, когда, на меня прогнѣ-
ванъ бывая,
Грозно сверкаешь, гремишь и очами и
словомъ; и въ этомъ
Милый, твоя красота, хотя и случится
порою
Мнѣ, безрасудной, плакать; но слушай, другъ
мой: воздержись
Будь на водахъ отъ гнѣвнаго слова со-
мною; единымъ
Словомъ такимъ меня передашь ты въ
волю подводныхъ
Сродниковъ; метя за обиду ихъ рода,
они невозвратно
Въ море меня увлекутъ, и тамъ въ про-
долженіе цѣлой
Жизни я буду подъ влажно-серебрянымъ
сводомъ въ неволѣ
Плакать, и мнѣ ужь къ тебѣ не прійти;
а если приду я...
Боже! то это будетъ и лице твое на
погибель.
Нѣтъ, мой сладостный другъ, избавь меня
отъ такого
Вѣдствія.—Рыцарь торжественно далъ обѣ-
щанье исполнить
Просьбу ея, и они съ веселымъ лицомъ
возвратились

Въ горницу, гдѣ ихъ Бертаада ждала.
Она ужъ успѣла
Слугъ къ колодезю послать, чтобъ они,
по первому знаку
Рыцаря, камень свалили съ него. Не
трогайте камня,
Холодно рыцарь сказалъ, и помните всѣ,
что Ундина
Въ замкѣ моемъ одна госпожа, что ея
приказанья
Святы.— При этомъ словѣ Бертаада, въ
лицѣ измѣнившись,
Скрылась. Вотъ ужъ и ужина часъ на-
ступилъ, а Бертаады
Не было. Рыцарь послалъ за нею, по,
вмѣсто Бертаады,
Въ спальнѣ ея опустѣвшей пашли за-
писку на имя
Рыцаря; вотъ что стояло въ запискѣ:
«вы приняли, рыцарь,
«Въ домъ свой меня, недостойную дочь
рыбака, и о низкомъ
«Родѣ своемъ я безумно забыла; за то
въ наказанье
«Доброю волей иду къ отцу рыбаку,
чтобъ, въ убогой
«Хижинѣ скрывшись, о счастья земномъ
не мечтать; наслаждайтесь
«Долго мнѣ вмѣстѣ съ вашей прекрасной
супругой.» Ундина
Спально была опечалена; рыцаря велѣдъ
за Бертаадой
Стала она посылать—ея убѣжденья однако
Были не нужны; онъ самъ на то былъ
готовъ. Но въ какую
Сторону ѣхать за ней? Никто объ этомъ
не вѣдалъ.
Рыцарь сидѣлъ на конѣ и хотѣлъ ужъ
свой путь на удачу
Выбрать, какъ вдругъ явился пастухъ и
сказалъ, что Бертаада
Встрѣтилась съ нимъ у входа Черной
Долины; стрѣлою
Рыцарь пустился туда, не слыша того,
что въ окошко
Велѣдъ за нимъ кричала Ундина: «не
ѣзди! не ѣзди,
«Милый! постой! Гуальбрандъ, берегнися
Черной Долины!

«Стой! назадъ! иль, Бога ради, позволь
мнѣ съ собою
«Ѣхать!»... Но рыцарь ужъ былъ далеко.
Ундина послѣшпо
Сѣла сама на коня и одна за нимъ по-
скакала.

ГЛАВА XIV.

О томъ, какъ отыскалась Бертаада.

Эта долина, въ то время слывшая Чер-
ной Долиной,
Очень близко была отъ замка, а какъ
называютъ
Нынче ее, неизвѣстно; тогда жъ поселили
ей имя
Черной дали за то, что глубоко среди
дикихъ утесовъ,
Езями густо заросшихъ, лежала она, что
кипучій,
Быстрый потокъ, на скалистомъ днѣ
ущелья шумѣвшій,
Черенъ межъ елей бѣжалъ, и что небо
нигдѣ голубое
Въ мутныя воды его не свѣтило. Въ су-
мерки стало
Вдвое темнѣй и ужаснѣй межъ елей и
дикихъ утесовъ.
Рыцарь съ трудомъ пробирался вдоль
берега; страшно
Было ему за Бертааду, и засвѣтло встрѣ-
титься съ нею
Онъ торопился; по всѣмъ сторонамъ съ
напряженнымъ вниманьемъ
Взоръ обращалъ онъ, и сердце въ немъ би-
лось сильнѣй; онъ со страхомъ
Думалъ: что будетъ съ нею, если за-
будитесь въ этомъ
Дикомъ мѣстѣ, ночью, и въ грозу, ко-
торая черной,
Тяжкой тучей шла на долину? Вдругъ
показалось
Бѣлое что-то ему въ потемкахъ, на склонѣ
утеса;
Онъ подумалъ, что было то платье Бер-
таады, и шпорить
Началъ коня; но конь захрапѣлъ, уперся
и, уши
Чутко поднявъ, не шелъ ни назадъ ни впе-
редъ; чтобъ напрасно не тратить

Времени, рыцарь спрыгнулъ съ сѣдла, къ
опрокинутой вѣтромъ
Ели коня привязавъ, и ибшій впередъ
пробираться
Пачаль кустами; онъ спотыкался; упор-
ныя вѣтви
Били его по лицу, и какъ будто парочко
силетались
Събыю, чтобъ далѣе не могъ онъ ийти;
онъ ломалъ ихъ, а небо
Тою порою все болѣе и болѣе мрачилось,
и глухо
Громъ гремѣлъ по горамъ, и все кругомъ
становилось
Страннымъ такимъ, что онъ ужъ и роб-
бость чувствовать началъ,
Глядя на бѣлый образъ, къ которому
ближе и ближе
Все подходилъ и, который лежалъ на
землѣ неподвижно.
Съ духомъ собравшись, къ нему наконецъ
подступилъ онъ; сначала
Сучьями тихо потрясъ, мечомъ позво-
нѣлъ—никакого
Нѣтъ отвѣта. Бертальда! Бертальда! онъ
началъ сначала
Тихо, потомъ все громче и громче кли-
кать—отвѣта
Все ему пѣтъ. Наконецъ, закричалъ онъ
такъ громко, что эхо
Вмѣстѣ съ нимъ закричало новеоду: Бер-
тальда!—напрасно;
То же молчанье. Тогда онъ къ ней на-
клонился; но, было
Такъ ужъ темно, что не могши подъ
носомъ видѣть, пригнулася
Къ самой землѣ онъ лицомъ, и въ эту
минуту сверкнула
Яркая молнія; все освѣтилось, и что же
въ блескѣ увидѣлъ
Рыцарь? Подъ самымъ лицомъ его отра-
зилася изъ черной
Тьмы безобразно-свирѣпая харя, и голосъ
оспалый
Взвылъ: поцѣлуйся со мной, пастушокъ!
Приведенный
Въ ужасъ, кинулся рыцарь назадъ; но
свирѣпая харя

Съ визгомъ и хохотомъ кинулася вслѣдъ.
«Зачѣмъ ты? Куда ты?
Духи на волѣ! назадъ! убирайся! иль
будешь ты нашимъ!»
Вотъ что выла она, и длинныя руки хватали
Рыцаря.—Струй проклятый! (Гульбрандъ
закричалъ ободрившись.)
Это твои проказы! постои, я тебя поцѣлую!
Сильно онъ треснулъ по харѣ мечомъ;
она разлетѣлася
Въ брызги, и рыцарь ибной, шипящей,
какъ хохотъ, былъ облитъ
Весь съ головы до ногъ; тогда объяснилось,
съ кѣмъ онъ
Дѣло имѣлъ. «Меня удержать онъ, я вижу,
намѣренъ,
Рыцарь громко сказалъ; онъ думаетъ, я
испугаюсь
Шутокъ бѣсовескихъ его и Бертальду
бѣдную брошу
Злому духу во власть. Демонъ бездушный
не знаетъ,
Какъ всемогущъ человекъ своей непре-
клонною волей!»
Самъ онъ почувствовалъ истину словъ
сихъ; новая бодрость
Въ немъ родилася, и какъ будто бы сча-
стие съ этой минуты
Стало съ нимъ заодно: къ своему коню
возвратиться
Онъ еще не успѣлъ, какъ ужъ явственно,
сдѣлаяся слышенъ
Жалобный голосъ Бертальды, зовущей на
помощь сквозь шумный
Вѣтеръ и говоръ грозы, подходившей часъ
отъ часу ближе.
Онъ полетѣлъ на крикъ и увидѣлъ Бер-
тальду. Изъ страшной
Черной Долины сляся выйти, она по
крутому
Боку ея тащилася кверху; тутъ заступ-
илъ ей
Рыцарь дорогу; и какъ онъ твердо, въ
своей оскорбленной
Гордости, прежде рѣшилася она на побѣгъ,
но встрѣтить Гульбранда
Было ей радостно; ужасъ, испытанный
ею въ дорогѣ,

Сердце ея умириль, а свѣтлая жизнь въ
 безмятежномъ
 Замѣлъ, такъ ласково руки къ ней про-
 стирала, что рыцарь
 Тотчасъ ее за собою иди убѣдилъ. Но
 Бертальда
 Силы почти не имѣла; Гульбрандъ съ
 большимъ затрудненіемъ
 Могъ ее до коня своего довести; и помочь ей
 Сѣсть на сѣдло онъ хотѣлъ, чтобъ, коня
 отвязавъ, за собою
 Вестъ его въ поводахъ; но конь, испуган-
 ный Струемъ,
 Былъ какъ звѣрь: онъ злился, храпѣлъ,
 на дыбы подымался,
 Задомъ и передомъ билъ; Бертальдъ даже
 и близко
 Было пельзя подойти. Пошли пѣшкомъ:
 осторожно
 Рыцарь спутницу подъ руку велъ, а коня
 за собою
 Силою тащилъ за узду; Бертальда едва по-
 двигала
 Ноги и, какъ пи боролась съ собою, но
 усталость давила
 Члены ея, какъ свинець; а буря, ударъ
 за ударомъ
 Грома, сверканіе молніи, шумъ деревьевъ
 во мракѣ,
 Злая игра привидѣній... словомъ, Бер-
 тальда, сляпнемъ
 Ужасовъ сихъ изнуренная, пала на землю;
 и въ то же
 Время рыцаревъ конь, какъ будто взбѣ-
 сившійся, началъ
 Снова метаться и рваться. Рыцарь, боясь,
 чтобъ въ Бертальду
 Онъ не ударилъ, хотѣлъ отъ нея отойти;
 но Бертальда
 Съ воплемъ его начала умолять, чтобъ
 остался. На волю жъ
 Злого коня пустить онъ не смѣлъ: онъ
 боялся, что этотъ
 Дикій звѣрь, набѣжавъ на лежащую, тяж-
 кимъ копытомъ
 Грянетъ въ нее: короче, на что рѣшиться,
 что дѣлать
 Рыцарь не зналъ. И вдругъ онъ обрадо-
 ванъ былъ недалекимъ

Стукомъ колесъ: каменистой дорогой, онъ
 слышалъ, тащилась
 Фура. Гульбрандъ закричалъ, чтобъ имъ
 помогли; грубоватый
 Голосъ мужской откликнулся; скоро въ
 потемкахъ мелькнули
 Двѣ огромныя бѣлыя лошади, съ ними по-
 гошникъ
 Роста огромнаго, въ бѣломъ плащѣ; и фура
 покрыта
 Бѣлою холстиной была, какъ все повозки
 съ товаромъ.
 Стойте, клячи! крикнулъ погонщикъ, и
 лошади стали.
 Онъ подошелъ къ Гульбранду, который съ
 конемъ одичалымъ
 Все еще бился. «Я вижу, въ чемъ дѣло,
 сказалъ онъ, съ монимъ
 Бѣлыми то же случилось, когда я въ пер-
 вый разъ съ возомъ
 Этой долиной тащился; здѣсь гнѣздится
 какой-то
 Бѣсъ водяной: онъ великій проказникъ,
 проѣзжимъ поюя
 Нѣтъ отъ него; но мнѣ удалось свѣдать
 словечко;
 Дай-ка шепну я его упрямой этой лошади
 На ухо.»—Дѣлай, что хочешь, но только
 скорѣе, воскликнулъ
 Рыцарь, кипя нетерпѣніемъ.—Погонщикъ,
 какъ слабую вѣтку,
 Вытянулъ шею коню, на дыбы вскочив-
 шему; что-то
 Въ ухо ему шепнулъ, и какъ вкопанный
 сталъ онъ, лишь только
 Жарко пыхтѣлъ, и паръ отъ него поды-
 мался. Не время
 Было Гульбранду распранивать, какъ со-
 вершился чудо;
 Онъ убѣдилъ погонщика взять въ повозку
 Бертальду,
 Самъ же хотѣлъ провожать ее на конѣ;
 но усталый
 Конь едва шевелилъ погами. Садитесь-ка,
 рыцарь,
 Въ фуру и вы, погонщикъ сказалъ; до-
 рога отсюда
 Подъ гору будетъ; коня же привяжемъ
 сзади повозки.

Рыцарь съѣзъ съ Бертальдою въ фуру, коня
привязали
Сзади, бичомъ захопалъ погонщикъ, дер-
пули дружно
Лошади, фура поѣхала. Было темно; утихалъ;
Глухо вдали гремѣла гроза; въ уследи-
тельно-мирномъ
Чувствѣ своей безопасности, въ сладкомъ
покоѣ, въ волнебномъ
Мракѣ ночи, свободѣ рѣчей благосклонномъ,
межъ ними
Скоро сердечный, живой разговоръ на-
чался: въ выраженьяхъ
Ласковыхъ рыцарь Бертальдѣ пенялъ за
побѣгъ. Торопливо,
Трепетнымъ голосомъ, вся въ волнении
Бертальда престонокъ
Своей извѣстила, и рѣчи ея таинственно-ясны
Были, какъ свѣтъ лампы, когда онъ во
мракѣ отъ милой
Милому знакъ подастъ, что его ожидаютъ.
Рыцарь
Былъ въ упоеньи. Но вдругъ пробудилъ
ихъ погонщиковъ голосъ:
«Клячи, тяните живѣе! (кричалъ онъ)
дружно! бѣда намъ!»
Рыцарь посиѣбно изъ фуры выглянулъ—
что онъ увидѣлъ?
Лошади, по брюхо въ мутной водѣ, не
шагали, а плыли;
Не было видно колесъ: онѣ, какъ на мель-
ницѣ, съ шумомъ,
Съ пѣной и съ брызгами рѣзали волны;
погонщикъ на козлы
Взлѣзъ и правилъ стоймя, и былъ ужъ
въ водѣ по колѣно.
Что за дорога такая, спросилъ у погон-
щика рыцарь?
Прямо идетъ въ середину потока.— «На-
противъ! погонщикъ
Съ смѣхомъ сказалъ: потокъ идетъ въ
середину дороги,
Видите сами; это сущій потопъ; мы про-
нали».
Подлинно, вся глубина долины кипѣла
волнами;
Выше и выше онѣ подымались. — Это
злодѣй нашъ

Струй! утопить насъ опъ хочеть, рыцарь
воскликнулъ; товарищъ,
Нѣгъ ли и противъ него у тебя какого
словечка?—
«Есть словечко, погонщикъ сказалъ, да
надобно прежде
Свѣдать вамъ, кто я и какъ прозывается!»—
Не время загадки
Намъ загадывать, рыцарь сказалъ, вода
прибываетъ;
Имя твое здѣсь не нужно.— «А такъ-то,
не нужно, погонщикъ
Съ дикимъ хохотомъ гаркнулъ, что, про-
симъ не гнѣваться, самъ я
Струй!» — И ужасную харю свою опъ
оставилъ въ повозку...
Но повозка ужъ болѣе была не повозка,
ужъ былъ
Лошади болѣе не лошади; все разлетѣлось,
расшиблось
Въ пѣну, въ шинучю воду, и самъ погон-
щикъ поднялся
Страшной волной на дыбы, и коня, ко-
торый напрасно
Рвался и бился, умчалъ за собой въ глу-
бину, и ужасно
Началъ спова расти и расти, и горой во-
дяною
Выросъ, и былъ ужъ готовъ на Бертальду
и рыцаря, силой
Волпъ увлеченныхъ, упасть, чтобъ гро-
мадой своей задавить ихъ...
Вдругъ, сквозь шумъ, гармонически-сла-
достный голосъ раздался;
Вышелъ изъ облака мѣсяць, и въ свѣтѣ
его надъ долиною явился
Образъ Ундины; она погрозила волнамъ—
и, разбившись
Пылью, гора водяная, ворча и журча, убѣ-
жала:
Въ блескѣ мѣсяца мирно потокъ за-
струился; и бѣлымъ
Голубемъ свѣтла тихо Ундина въ долину;
и, руку
Рыцарю вмѣстѣ съ Бертальдой подавъ, на
муравчатый берегъ
Ихъ за собой увела; тамъ они отдохнули;
Ундиныгъ

Конь былъ отданъ Бертальдѣ; за нею пѣш-
комъ потихоньку
Рыцарь съ женою поплы; и такъ возвра-
тились всё въ замокъ.

ГЛАВА XV.

о томъ, какъ они ѣздили въ вѣну.

Съ этой поры, мой читатель, жилось по-
койно и мирно
Въ замкѣ Риппштетевѣ. Рыцарь все чув-
ствовалъ болѣ и болѣ
Прелесть небесную добраго сердца Ундины,
забывшей
Все для спасенія соперницы. Въ доброй
Ундины
Всякая память о прошломъ исчезла: она
беззаботнымъ
Сердцемъ любила, и зная, что шла пря-
мою дорогой,
Ясную въ немъ питала довѣренность; все
въ настоящемъ
Было ей радостно; въ будущемъ все улы-
балось. Бертальда,
Снова ей съ прежней любовью всю душу
отдавъ, благодарной.
Кроткой и нѣжной являлась; короче, замокъ
Риппштетевъ
Сталъ обителью свѣтлаго счастья. Дни
пролетали
Быстро за днями; зима наступила; зима
миновалась;
Вотъ и весна съ благовожно-зеленой своей
муравою,
Съ свѣтло-лазоревымъ небомъ своимъ улыб-
нулась веселымъ
Жителямъ замка; стало на сердцѣ ихъ
радостно, стало и смутно.
Что жъ тутъ дивиться, если, при видѣ,
какъ въ воздухѣ вѣшемъ
Нитью вились журавли и легкія ласточки
мчались,
Стало и ихъ позывать въ далекую даль.
Разъ случилось
Рыцарю вмѣстѣ съ женой и Бертальдой
въ прекрасное утро
Около свѣтлыхъ истоковъ Дуная гулять;
имъ объ этой
Славной рѣкѣ онъ рассказывалъ много:
какъ протекала

Пышнымъ, широкимъ потокомъ она по
землямъ благодатнымъ,
Какъ на ея берегахъ прекрасная Вѣна
сіяла,
Какъ по ней величаво ходили суда, какъ
бѣжали
Мимо плывущихъ назадъ берега, усаждав
ихъ очи
Зрѣлищемъ пажитей, нивъ, городовъ и ры-
царскихъ замковъ.
«О! сказала Бертальда, какъ было бы ве-
село съѣздить
Въ Вѣну водою»... по опомнись, она по-
краснѣла, и взоры
Робко потупила. Милымъ ей смущеньемъ
Ундины
Тронувшись, руку ей подала, и въ ней
загорѣлось
Сильно желанье утѣшить подругу свою.
Да, зачѣмъ же
Дѣло стало, сказала она? Ничто не мѣ-
шаетъ
Съѣздить намъ въ Вѣну.—Бертальда за-
прыгала съ радости. Вмѣстѣ
Стали они учреждать поѣздку свою, и за-
раиѣ
Тѣмъ, что представится имъ на пути, вос-
хищались. И рыцарь
Съ ними былъ заодно; Ундины однако
шепнулъ онъ:
«Вспомни о Струѣ; вѣдь онъ могучъ на
Дунаѣ».—Не бойся,
Съ смѣхомъ сказала Ундины; пускай онъ
попробуетъ сдѣлать
Что-нибудь съ нами; я тутъ! при мнѣ ужъ
никакъ колобродить
Онъ не посмѣетъ.—Отвѣтомъ такимъ уни-
чтожены были
Всѣ затрудненія, и съ бодрымъ духомъ,
съ веселой надеждой
Стали готовиться въ путь. Но скажите
мнѣ, добрые люди,
Все ли сбывается такъ на землѣ, какъ
надежда сулитъ намъ?
Хитрая власть, стерегущая насъ для по-
гибели нашей,
Сладкія пѣсни, чудныя сказки подмѣчен-
ной жертвѣ

На ухо часто поеть, чтобъ ее убаюкать.
 Часто спасительный Божій посланникъ
 Въ двери наши стучится. Какъ бы то ни
 было, наши
 Путники весело плыли въ первые дни
 по Дунаю:
 День-ото-дня рѣка становилася шире и виды
 пышныхъ ея береговъ живописнѣй. Но
 вдругъ — и на самомъ
 Чудно-прекестномъ мѣстѣ — открылъ свои
 нападенья
 Бѣшеный Струй; то были сначала про-
 стья помѣха
 (Волны бурлили безъ вѣтра; вѣтеръ от-
 всюду, мѣняея,
 Дулъ и судно качалъ); но Уидина одною
 угрозой,
 Словомъ сердитымъ однимъ на воздухъ и
 воды смиряла
 Силу врага; то было однако не надолго:
 снова
 Опъ гомозился, и снова Уидина его уни-
 мала;
 Словомъ сказать, веселость дороги раз-
 строилась — вовсе.
 Въ то же время, гребцы, дивяся тому,
 что въ глазахъ ихъ
 Дѣлаюся, между собою часто шептались;
 и скоро
 Стали на все съ подозрѣньемъ поворачи-
 вать; самые слуги
 Рыцаря, чувствуя что-то недоброе, дикимъ
 и робкимъ
 Взоромъ слѣдили господь; а Гудльбрандъ,
 задумавшись грустно,
 Самъ про себя говорилъ: таково-то бы-
 ваетъ, какъ скоро
 Здѣсь перовные сходятся; худо, если вету-
 насть
 Въ грѣшный союзъ земной человекъ съ
 женой водяною.
 Вотъ что однако себѣ въ утѣшенье твер-
 дилъ онъ: вѣдь прежде
 Самъ я не вѣдалъ, кто она; правда, тяжко
 порою
 Мнѣ приходитъ отъ этой бѣсовской родни;
 но мое здѣсь

Горе, вина жъ не моя. Хотя иногда и
 вливалъ онъ
 Нѣсколько бодрости въ душу свою такимъ
 разуужденьемъ,
 Но за то съ другой стороны все болѣ и болѣ
 раздра-
 Противъ бѣдной Уидины былъ раздра-
 жаемъ. То саникомъ,
 Слишкомъ она понимала, и въ смертную
 робость угрюмой
 Рыцаревъ видъ ее приводилъ. Утомленная
 страхомъ,
 Горемъ и тщетной борьбой съ необуздан-
 нымъ Струемъ, присѣла
 Подъ вечеръ къ мачтѣ она, и движеніе
 тихо плывущей
 Лодки ее укачало: она погружалась въ
 глубокой
 Сонъ. Но едва на мгновение одно успѣла
 закрыться
 Свѣтлые глазки ея, какъ вдругъ передъ
 каждымъ изъ бывшихъ
 Въ лодкѣ, въ той сторонѣ, куда онъ смо-
 трѣлъ, появилась,
 Вынырнувъ съ шумомъ изъ воды, голова
 съ раствореннымъ зубастымъ
 Ртомъ, и кривляясь, вылучивъ страшно
 глаза. Закричали
 Разомъ все; отразился на каждомъ лицѣ
 одинакой
 Ужасъ, и каждый въ свою указывалъ
 сторону съ крикомъ:
 Здѣсь! сюда посмотри! И изъ каждой волны
 создадеся
 Вдругъ голова съ ужаснымъ лицомъ, и
 поверхность Дуная
 Вся какъ будто бы прыгала, вся свер-
 кала глазами,
 Щелкала множествомъ зубъ, хохотала, гре-
 мѣла, шипѣла,
 Шикала. Крикъ разбудилъ Уидину, и вмѣгъ
 при возвращеніи
 Глѣвномъ ея пропали страшница все.
 Но рыцарь ужасно
 Былъ раздраженъ; съ умоляющимъ взгля-
 домъ Уидина сказала:
 Ради Бога, здѣсь на водахъ меня не бра-
 ни ты.
 Онъ умолкнулъ, съѣлъ и задумался. Другъ
 мой, шепнула

Снова Ундина, не лучше ль памъ далѣ
 не ѣздить? Не лучше ль
 Въ замокъ Рингштетень обратно отпра-
 виться? Въ замкѣ
 Будемъ спокойны.—«Итакъ, проворчалъ
 нахмурившись рыцарь,
 Въ собственномъ домѣ своемъ осужденъ я
 жить, какъ невольникъ!
 Только до тѣхъ поръ и можно дышать мнѣ,
 пока на колодцѣ
 Будеть камень! Чтобъ этой проклятой
 роднѣ»... Но Ундина
 Рѣчь его перебила, съ улыбкой ему на-
 ложивши
 На губы руку. Опять замолчалъ онъ,
 вспоминая о данномъ
 Имъ обѣщаньи Ундины. Въ эту минуту
 Бертальда,
 Въ мысляхъ о томъ, что дѣлалось съ ними,
 сидѣла на краѣ
 Лодки и въ воды глядѣла; сама того не
 примѣтивъ,
 Съ шеи своей она сняла ожерелье, по-
 дарокъ
 Рыцаря; имъ водила она на поверхности
 ровныхъ
 Водъ, любуясь, какъ будто сквозь сонъ,
 сверканьемъ жемчужныхъ
 Зеренъ въ прозрачной, вечернимъ лучемъ
 орумяненной влагѣ.
 Вдругъ разступилась вода, и кто-то, огром-
 ную руку
 Высунувъ, ея схватилъ ожерелье и быстро
 пропалъ съ нимъ.
 Вскрикнула громко Бертальда и хотѣлъ
 прозвительный грянуть
 Отзывомъ крика ея по водамъ. Тутъ бо-
 лѣе рыцарь
 Гнѣва не могъ удержать; онъ вскочилъ
 въ изступленіи въ рѣку
 Началъ кричать, вызывая на битву съ
 собой всѣхъ подводныхъ
 Демоньевъ, никсъ и сиренъ; а Бертальда
 своимъ безутѣшнымъ
 Плачемъ о милой утратѣ и пице его раз-
 дражала.
 Тою порою Ундина, къ рѣкѣ наклонясь,
 окунула

Руку въ прозрачныя волны и что-то падъ
 нными шептала;
 Но поминутно она прерывала свой шопотъ,
 Гульбранду
 Голосомъ пѣжнымъ твердя: возлюбленный,
 милый, подумай,
 Гдѣ мы; брали ихъ, какъ хочешь; со мною
 же ни слова; ни слова,
 Ради Бога, со мною одною; ты знаешь.
 —И рыцарь,
 Какъ ни былъ раздраженъ, но ее поща-
 дялъ. Вдругъ Ундина
 Вынула влажную руку изъ воды, и въ ней
 ожерелье
 Было изъ чудныхъ коралловъ; своимъ оча-
 рованнымъ блескомъ
 Всѣхъ ослѣпило оно. Его подавая Бертальдѣ,
 Вотъ что (сказала она) для тебя изъ рѣки
 мнѣ прислали,
 Другъ мой, въ замѣну потерп твоей. Возьми
 же и полно
 Плакать.—Но рыцарь въ бѣшенствѣ ки-
 нулся къ ней, ожерелье
 Вырвалъ, швырнувъ въ Дунай и восклик-
 нулъ: ты съ ними
 Все еще водишь знакомство, лукавая тварь!
 пропади ты
 вмѣстѣ съ своими подарками, вмѣстѣ съ
 своею роднею!
 Стинь, чародѣйка, отъ насъ, и оставь насъ
 въ покоѣ!.. Съ рукою,
 Все еще поднятой вверхъ, какъ держала
 она ожерелье,
 Блѣдная, страхомъ убитая, взоръ непо-
 движный, но полный
 Слезъ устремивъ на Гульбранда, Ундина
 его слова роковыя
 Слушала; вдругъ начала, какъ милый ре-
 бенокъ, который
 Былъ безъ вины жестоко наказанъ, съ
 тяжкимъ рыданьемъ
 Плакать, и вотъ что сказала потомъ исто-
 щеннымъ отъ горя
 Голосомъ: ахъ, мой сладостный другъ! ахъ,
 прости невозвратно!
 Ихъ не бойся; останься лишь вѣрись, чтобъ
 было мнѣ можно
 Зло отъ тебя отвратить. Но меня уведятъ;
 отсюда

Прочь мнѣ должно на всю молодую жизнь...
 о мой милый,
 Что ты сдѣлалъ! ахъ, что ты сдѣлалъ!
 о горе! о горе!..
 Тутъ изъ лодки быстро она въ рѣку
 ускользнула:
 Въ воду ль она погрузилась, сама ли во-
 дой разлилася;
 Въ лодкѣ никто не примѣтилъ; было и
 то и другое;
 Было ни то ни другое. Слѣда не оста-
 вивъ, въ Дунаѣ
 Вся распустилася она; но долго мелкія
 струйки
 Около судна шептали, журчали, рыдая; и
 вслухъ доходили
 Внятно, какъ будто слова: о горе! будь вѣ-
 рень! о горе!..
 Съ жалобнымъ крикомъ рыцарь упалъ, и
 обморокъ сильный
 Душу ему на минутѣ отвелъ отъ тяже-
 лья муки.

ГЛАВА XVI.

о томъ, что послѣ случилось съ рыцаремъ.

Какъ намъ, читатель, сказать: къ сожа-
 лѣнью или къ счастью, что наше
 Горе земное не надолго? Здѣсь разумію
 я горе
 Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губя-
 щее горе,
 Горе, которое съ милымъ, потеряннымъ
 благомъ сливаетъ
 Нашъ восдино, которымъ утрага для насъ
 не утрата,
 Смерть вдвоемъ бытіе, а жизнь порывъ
 непрерывный
 Къ той чертѣ, за которую милое наше
 изъ міра
 Прежде насъ перешло. Есть, правда, много
 взбранихъ
 Душъ на свѣтѣ, въ которыхъ святая пе-
 чаль, какъ свѣча предъ иконой
 Ярко горитъ, пока догоритъ; но она и
 для нихъ ужъ
 Все не та подъ конецъ, какою была при
 началѣ,
 Полная, чистая; много, много много, чужого

Между утратою нашей и нами уже про-
 тѣшилось;
 Вотъ наконецъ и всю измѣняемость здѣш-
 няго въ самой
 Нашей печали мы видимъ... и такъ, скажу:
 къ сожалѣнью,
 Наше горе земное не надолго. Это п
 рыцарь
 Также извѣдалъ—къ худу ль, къ добру ль
 своему, мы увидимъ.
 Онъ сначала только и могъ, что плакать,
 такъ горько
 Плакать, какъ плакала бѣдная, кроткая,
 ангель доброты, Ундина,
 Стоя въ лодкѣ, когда онъ отнялъ у пей
 ожерелье,
 Коимъ она все поправить такъ мило хо-
 тѣла; потому онъ
 Такъ же и руку вверхъ подымалъ, какъ
 Ундина, и слова
 Плакалъ, и весь изойти слезами хотѣлъ.
 И Бертальда
 Выѣстъ съ нимъ плакала искренно, горько.
 Другъ подлѣ друга
 Въ замкѣ Рингштетепѣ тихо жили они,
 сохраняя
 Свято память Ундины, и вовсе почти
 позабывши
 Прежнюю склонность. Къ тому же въ это
 время случалось
 Часто и то, что Гульбранда во снѣ по-
 сѣщала Ундина:
 Грустно къ постелѣ его подходила она, и
 смотрѣла
 Пристально въ очи ему, и плакала молча,
 и тихо,
 Тихо потомъ назадъ уходила, такъ, что,
 проспавшись,
 Самъ онъ навѣрно не зналъ, его ли, ея ли
 слезами
 Были такъ влажны щеки его. Но вотъ
 наносаѣдонъ
 Эти сны объ Уднинѣ стали часъ отъ часу
 рѣже;
 Стало на сердцѣ рыцаря тише; въ немъ
 скорбь призаснула.
 Но, быть можетъ, что онъ для себя ни-
 чего и придумать

Въ жизни не могъ бы много, какъ только,
 чтобъ память Ундины
 Вѣрно хранить и объ ней горевать, когда бы
 не явился
 Въ замкѣ нашъ честный, старый рыбакъ,
 и не сталъ отъ Гульбранда
 Требовать дочери. Свѣдавъ по слуху о
 томъ, что съ Ундиной
 Сдѣлалось, долѣ терпѣть онъ ужъ не хо-
 тѣлъ, чтобъ Бертальда
 Въ замкѣ одномъ жила съ пеженатымъ.
 — «Рада ль, не рада ль
 Будеть мнѣ дочь, о томъ я тебѣ и
 знать не желаю,
 Онъ говорилъ, по гдѣ о честномъ имени дѣло,
 Тамъ разбирать ужъ нельзя». Съ прихо-
 домъ его пробудилось
 Въ рыцарѣ прежнее чувство, имъ поза-
 бытое вовсе
 Въ горѣ по милой Ундины; при томъ же
 его ужаснула
 Мысль: одному въ опустѣвшемъ замкѣ
 остаться. Но много
 Противъ брака съ Бертальдой отецъ го-
 ворилъ въ возраженье:
 «Точно ль Ундины на свѣтѣ не было?
 Впрочемъ—на днѣ ли
 «Влажномъ Дуная тѣло ея неотпѣтымъ
 лежало,
 «Море ль его безъ пріюта посило своимъ
 волнами—
 «Все Бертальда отчасти ея безвременной,
 жалкой
 «Смерти причинойъ была, и великій грѣхъ
 заступитъ ей
 «Мѣсто бѣдной жены, отъ нея постра-
 давшей». Хоть это
 Было и правда, но рыцарь стоялъ на
 своемъ; напоследокъ,
 Съ нимъ согласившись, рыбакъ остался
 въ замкѣ. И тотчасъ
 Былъ отправленъ гонецъ за отцомъ Лав-
 рентіемъ съ зовомъ
 Въ замокъ Рингштетена: Гульбранду хо-
 тѣлось, чтобъ тотъ же, кѣмъ первый
 Бракъ съ Ундиной его въ счастливые дни
 совершонъ былъ,
 Нынѣ и съ новой женою его сочеталъ.
 Но священникъ,

Съ страхомъ какимъ-то посланника вы-
 слушавъ, тотчасъ
 Въ путь отправился; день и ночь, несмотря
 на усталость—
 Было ль пенастье, иль ясное время—онъ
 шелъ. Помогъ мнѣ,
 Господи, зло отвратить, онъ молился. И
 вотъ напоследокъ
 Вечеромъ позднимъ однимъ онъ вступилъ
 на дворъ, освѣщенный
 Старыми лианами, замка Рингштетена.
 Рыцарь съ невѣстой,
 Весселы, рядомъ съ ними рыбакъ, задум-
 чивъ, подъ тѣнью
 Лишь сидѣли. Увидя отца Лаврентія, рыцарь
 Съ радостнымъ крикомъ вскочилъ, и всѣ
 его окружили.
 Но священникъ былъ молчаливъ, при-
 скорбенъ; хотѣлъ онъ
 Рыцарю что-то сказать одному; но рыцарь,
 какъ будто
 Вѣсть худую предчувствуя, медлилъ всту-
 пить въ особливый
 Съ нимъ разговоръ. Священникъ сказалъ
 напоследокъ: таптъся
 Здѣсь мнѣ не нужно; до всѣхъ васъ ка-
 сается то, что скажу я;
 Слушайте жъ, рыцарь. Точно ль увѣрены
 вы, что супруга
 Ваша скончалась? Мнѣ не вѣрится это.
 Хоть много
 Было разной молвы и объ ней самой и
 о родѣ
 Чудномъ ея—что правда, что нѣтъ, я
 не знаю—но знаю
 То, что она была добронравной, вѣрной,
 смиренной,
 Благочестивой женою; а вамъ я скажу,
 что съ недавнихъ
 Доръ она по ночамъ начала мнѣ являться:
 приходитъ,
 Плачетъ, ломаетъ руки, вздыхаетъ и все
 говоритъ мнѣ:
 «Честный отецъ, удержи ты его; я жива;
 о, спаси ты
 Тѣло ему! о, спаси ты душу ему!..» И
 сначала
 Самъ я понять не умѣлъ, чего хотѣло
 видѣнье:

Вдругъ посольство отсюда—и здѣсь я; но
я не для брака
Здѣсь, для развода, Гульбрандъ, откажись
отъ Берталды; Берталда,
Рыцарь не можетъ быть мужемъ тебѣ, имъ
владѣетъ другая.
Вѣрьте мнѣ, вѣрьте, или вашъ бракъ
вамъ не будетъ на радость.—
Рыцарь съ досадою выслушалъ старца
Лаврентія; долго
Спорили жарко они; послѣднокъ патерьъ
съ сердитымъ
Видомъ изъ замка ушелъ, не желая и
ночи единой
Въ немъ провести. Гульбрандъ, увидѣвъ
себя, что священникъ
Былъ сумасбродъ и мечтатель, послалъ
въ монастырь, по сосѣдству
Съ замкомъ лежавшій, за патеромъ; тотъ
безъ труда согласился
Бракъ совершить, и день для обряда былъ
тутъ же назначенъ.

ГЛАВА XVII.

о томъ, какъ рыцарь видѣлъ сонъ.

Было время межъ утра и ночи, когда на
постелѣ
Рыцарь, сонный не сонный, лежалъ. Уже
забываться
Началъ онъ; вдругъ передъ нимъ, неви-
димкой, ужасное что-то
Стало; и онъ очнулся, какъ будто услы-
шавъ какой-то
Голосъ, шепчущій: къ тебѣ подошелъ
посѣтитель безплотный,
Силиться сталъ онъ, чтобъ вовсе прос-
нуться; но вотъ онъ услышалъ
Снова: какъ будто надъ нимъ я подъ нимъ
лебединныя крылья
Вѣяли, волны журчали и пѣли; и онъ,
утомленный,
Въ сладкой дремотѣ опять упалъ головой
на подушку.
Вотъ наконецъ и подлинно сонъ овладѣлъ
имъ; и пачалъ
Видѣть во снѣ онъ, что будто имъ слы-
шанный шумъ лебединныхъ
Крыльевъ крыльями сталъ, что будто его
подхватили

Эти крылья и съ нимъ надъ землею и
водою полетѣли
Съ сладостнымъ вѣяньемъ, съ звонкимъ
степаніемъ. «Стоишь лебединный!
Стоишь лебединный! (себѣ непрестанно твер-
дилъ поневолѣ
Сонный рыцарь)—вѣдь онъ предвѣщаетъ
намъ смерть». И казаться
Стало ему, что подъ нимъ Средиземное
море; и лебедь,
Слышалось, пѣлъ: разступись, озарись,
Средиземное море.
Внизъ посмотрѣлъ онъ: лазурныя воды
стали прозрачнымъ,
Чистымъ кристалломъ, и могъ онъ па-
сквозь до самаго дна ихъ
Видѣть; и тамъ онъ увидѣлъ Ундину;
подъ свѣтлымъ, кристалльнымъ
Сводомъ сидѣла она и плакала горько: и
было ужъ много,
Много въ ея лицѣ перемѣны; не та ужъ
Ундина
Это была, съ которою, въ прежнее время,
такъ счастливъ
Былъ онъ въ замкѣ Рингштедтѣ: очи,
столь ясныя прежде,
Были тусклы, щеки впады, болѣзненъ
былъ образъ.
Все то рыцарь замѣтилъ; но ею самой
онъ, казалось,
Не былъ замѣченъ. И вотъ подошелъ къ
ней—рыцарь увидѣлъ—
Струй, какъ будто съ упрекомъ за то, что
такъ безутѣшно
Плакала; тутъ Ундина съ такимъ пове-
лительнымъ видомъ
Встала, что Струй передъ нею какъ будто
смутился. «Хотя я
Здѣсь подъ водами живу, сказала она,
по съ собою
Я принесла и душу живую; о чемъ же
такъ горько
Плачу; того тебѣ никогда не понять; но
блаженны
Слезы мои, какъ все блаженно тому, кто
имѣетъ
Вѣрную душу».—Струй, покачавъ голо-
вою съ сомнѣньемъ,

Началь о чемъ-то думать, потомъ ска-
заль: ты, какъ хочешь,
Чванься своею живою душою, но все ты
подъ властью
Пашихъ стихійныхъ законовъ, и все ты
обязана строгій
Судъ нашъ надъ нимъ совершить въ ту
минуту, когда онъ
Вѣрность нарушить тебѣ и женится снова.—
«Но въ этотъ
Мигъ онъ еще вдовець, отвѣчала Ундина,
и грустнымъ
Сердцемъ любить меня».—Вдовець, я не
спору, со смѣхомъ
Струй отвѣчалъ; но онъ и женихъ, а
скоро и мужемъ
Будеть; тогда ужъ ты, не прогнѣвайся,
съ нашимъ посольствомъ,
Хочешь, не хочешь, войдешь; а это по-
сольство, сама ты
Знаешь какое—смерть.—«Но знаю и то,
что не можно
Въ замокъ Рингштетенъ войти мнѣ, ска-
зала съ улыбкой Ундина;
Камень лежитъ на колодцѣ».—А если
онъ выйдетъ изъ замка,
Струй возразилъ? А если велитъ онъ
камень съ колодца
Сдвинуть? Вѣдь онъ объ этихъ бездѣлахъ
забылъ.—«Для того-то,
съ ясной сквозь слезы улыбкой сказала
она, и летаетъ
Духомъ теперь онъ поверхъ Средиземнаго
моря, и слышитъ
Сонный все то, что мы съ тобой гово-
римъ; я нарочно
Это устроила такъ, чтобъ онъ остерегся».—
Примѣти
Рыцаря, Струй взбѣсился, топнулъ ногой,
кувыркнулся
Въ волны и быстро уплылъ, раздувшись
отъ ярости китомъ.
Лебеди снова, со звономъ, со стономъ
начали вѣять,
Начали рѣять; и снова рыцарю видѣться
стало,
Будто летитъ онъ, летитъ надъ горами,
летитъ надъ водами,

Будто на замокъ Рингштетенъ слетѣлъ,
и будто проснулся.
Такъ и было: проснулся Гюльбрандъ у
себя на постели.
Въ эту минуту вошелъ кастелянъ объ-
явить, что близъ замка
Встрѣченъ былъ патерь Лаврентій, что
онъ въ лѣсу недалеко
Сдѣлалъ себѣ изъ сучьевъ шалаши и въ
немъ поселился.
—Мнѣ на вопросъ, зачѣмъ онъ живетъ
здѣсь, когда отказался
Рыцаревъ бракъ освятить, отвѣчалъ онъ:
«развѣ одни лишь
«Браки должны освящать мы? Другіе не-
рѣдко обряды
«Намъ совершать случается. Если не могу
пригодиться
«Я на одно, пригожусь на другое, и жду;
нираванье
«Можетъ легко перейти въ горованье.
Итакъ, кто имѣетъ
«Очи, да видитъ; кто уши имѣетъ, да
слышитъ».—Въ раздумьи
Долго рыцарь сидѣлъ, вспоминая свой
сонъ и значенье
Словъ отца Лаврентія спясъ понять; но,
пришедши
Къ милой невѣстѣ, онъ все позабылъ,
разгулялся и снова
Сдѣлался веселъ, и все осталось попреж-
нему въ замкѣ.

ГЛАВА XVIII.

О томъ, какъ рыцарь праздновалъ свадьбу.
Если рассказывать мнѣ, читатель, подро-
бно, каковъ былъ
Въ замкѣ Рингштетенѣ свадебный пиръ,
то будетъ съ тобою
То же, какъ если бы вдругъ ты увидѣлъ
множество всякихъ
Рѣдкихъ сокровищъ, покрытыхъ траур-
нымъ флеромъ и въ этомъ
Злую насмѣшку нашель надъ ничтож-
ностью счастья земного.
Правда, въ этотъ свадебный день ничего
не случилось
Страшнаго въ замкѣ—духамъ водянымъ,
ужъ это мы знаемъ,

Было прошигнуть въ него нельзя—но со
 всѣмъ тѣмъ нашъ рыцарь,
 Гости, рыбаки и даже служители были
 всѣ какъ-то
 Смутны; казалось всѣмъ, что на праздникъ
 съ ними кого-то
 Главнаго пѣтъ, и что этимъ главнымъ
 никто ужь не могъ быть
 Кромѣ смиренной, ласковой, всѣми люби-
 мой Ундины.
 Всякій разъ, когда отворялися двери, не-
 вольно
 Всѣ на нихъ обращали глаза и ждали;
 когда же,
 вмѣсто желанной, являлся изъ съ блю-
 домъ дворецкій, изъ ключникъ
 Съ кубкомъ вина благороднаго, каждый
 печально въ тарелку
 Взоръ опускалъ, и сидѣлъ безгласенъ,
 какъ будто бы въ грустной
 Думѣ о прошломъ. Всѣхъ веселье была
 молодая;
 Но и ей самой какъ будто совѣстно было
 Въ брачномъ зеленомъ вѣнцѣ, въ жемчу-
 гахъ и въ богатомъ вѣнчалномъ
 Платьѣ на первомъ мѣстѣ сидѣть, тогда,
 какъ Ундина
 «Трупомъ, еще неотпѣтымъ, на днѣ Дуная
 лежала,
 «Или поспина была безъ приюта морскими
 волнами».
 Эти отцовы слова и прежде мутили ей
 сердце;
 Тутъ же они отзывались въ ушахъ ея
 безпрестанно.
 Рано гости оставили замокъ, и каждый
 съ какимъ-то
 Тяжкимъ предчувствіемъ. Рыцарь пошелъ
 къ себѣ, молодая
 Также къ себѣ—раздѣваться. Кругомъ
 повобрачной
 Были прислужницы. Вотъ, чтобъ немного
 свои поразсѣять
 Черныя мысли, Бертальда велѣла подать
 дорогіе
 Перстни, жемчужныя штки и платья,
 рыцаремъ къ свадьбѣ
 Ей подаренныя; стала примѣривать то и
 другое.

Лети ей, прислужницы вслухъ восклица-
 лась ея красотою;
 Съ видомъ довольнымъ слушая ихъ, Бер-
 тальда смотрѣлась
 Въ зеркало; вдругъ сказала: ахъ! Боже!
 какая досада!
 Вотъ опять у меня на шеѣ веснушки; а
 можно бы
 Тотчасъ согнать ихъ; стоило бы только
 водой изъ колодца
 Нашего разъ обтереться; ахъ! если бы
 мнѣ пынче жъ хоть кружку
 Этой воды достали!—О чемъ же тутъ ду-
 мать? сказала,
 Бросившись въ двери, одна изъ прислуж-
 никъ.—Неужто успеетъ
 Эта проказница камень поднять! съ до-
 вольной усмѣшкой
 Велѣвъ за нею смотря, Бертальда поду-
 мала. Скоро
 Сдѣлался шумъ на дворѣ: съ рычагами
 къ колодцу бѣжали
 Люди. Бертальда съѣла подѣвъ окна и при-
 аркомъ
 Блескъ полной луны, освѣщавшемъ дворъ
 замка, ей было
 Видно все, что дѣлалось тамъ. Работники
 дружно
 Двинули камень, хотя поному изъ нихъ
 и прискорбно
 Было подумать, что имъ теперь надле-
 жало разрушить
 То, что было приказано сдѣлать преждею,
 доброй
 Ихъ госпожею; по трудъ былъ не такъ
 то великъ, какъ сначала
 Думали; имъ пзнутри колодца какъ будто
 какаа
 Сила камень поднять помогала. Дивясь,
 говорили
 Между собою работники: можно подумать,
 что быть тамъ
 Сильный ключъ. И въ самомъ дѣлѣ съ
 отверстія камень
 Самъ собой подымался; безъ всякой по-
 мочи, свободно
 Сдвинулся онъ и, со стукомъ глухимъ
 откатясь, повалился.

Вдругъ изъ колодца что-то, какъ будто
бѣлый прозрачный
Столбъ водяной, поднялся торжественно,
тихо. Сначала
Подлинно бьющимъ ключомъ показалось
оно, но поднявшись
Выше, какимъ-то блѣднымъ, въ бѣлый
покрывъ облеченнымъ
Железнымъ образомъ стало. И плача, и
жалобно руки
Вверхъ подымая, оно медленно, ша-
гомъ воздушнымъ
Прямо къ замку двигалось. Въ ужасѣ
всѣ отбѣжали
Прочь отъ колодца. Бертальда же, стоя
въ окнѣ, цѣпнѣла,
Холодомъ страха облитая. Вотъ, когда
поровнялся
Съ самымъ окошкомъ идущій образъ,
сквозь покрывало
Онъ поглядѣлъ на Бертальду пронзитель-
нымъ окомъ, съ тяжелымъ
Вдохомъ; и блѣднымъ лицомъ Ундины
тогда показался
Образъ Бертальдѣ: мимо ея она, упинаясь,
Нехотя, медленно пла, какъ будто на
судь.—Нозовите
Рыцаря!—громко вскричала Бертальда. Но
всѣ въ неподвижномъ
Страхѣ стояли на мѣстѣ. Сама Бертальда,
какъ будто
Собственнымъ крикомъ своимъ приведе-
нная въ ужасъ, умолкла.
Тою порою чудесная гостя приблизилась
къ двери
Замка, знакомую лѣтницу, рядъ знако-
мыхъ покоевъ
Тихо, молча, плача, прошла... о, такую ль
бывало
Здѣсь видали ее? Въ то время еще не
раздѣтый
Рыцарь въ уборной своей стоялъ передъ
зеркаломъ. Тусклый
Свѣтъ проливалъ свѣча. Вдругъ кто-то
легонько
Стукнулъ въ дверь... такъ точно, бывало,
стучалась Ундина.
Все это призракъ! (сказалъ онъ) пора мнѣ
въ постелю.—«Въ постель

Будешь ты скоро, но только въ холодной,
шепнуть за дверями
Плачущій голосъ».—И въ зеркало рыцарь
увидѣлъ, какъ двери
Тихо, тихо за нимъ растворились, какъ
бѣлая гостя
Въ нихъ вошла, какъ чинно замокъ за-
перла за собою.
«Камень съ колодца сняли, она промол-
вила тихо:
Здѣсь я; и долженъ теперь умереть ты».—
Холодъ, по сердцу
Рыцаря вдругъ пробѣжавшій, почувство-
вать далъ, что мнута
Смерти настала. Зажавши руками глаза,
онъ воскликнулъ:
—О, не дай мнѣ въ послѣдній мой часъ
обезумѣть отъ страха!
Если ужасенъ твой видъ, не снимай по-
крывала, и строгій
Судъ соверши надо мной, мнѣ лица твоего
не являя.—
«Ахъ! она отвѣчала, развѣ еще разъ
увидѣть,
Другъ, не хочешь меня? Я прекрасна,
какъ прежде, какъ въ оный
День, когда твоею невѣстою стала».—О,
если бы
Это правда была! (Гульбрандъ восклик-
нулъ) о, если бы
Мнѣ хоть одинъ поцѣлуй отъ тебя! и
пусть бы
Въ немъ умереть!—«Охотно, полюблен-
ный мой», покрывало
Снявши, сказала она; и прекрасной Ун-
диною, прежней
Милой, любящей, любимой Ундиною пер-
выхъ, блаженныхъ
Дней предстала. И онъ, трепеща отъ
любви и отъ близкой
Смерти, склонился къ ней въ руки. Съ
небеснымъ она поцѣлуемъ
Въ руки его приняла, но изъ нихъ уже
не пустила
Болѣ его; а крѣпче, все крѣпче къ нему
прижимаясь,
Плакала, плакала тихо, плакала долго,
какъ будто

Выплакать душу хотѣла: и быстро, быстро лѣзя,
Слезы ея проникали рыцарю въ очи, и
съ сладкой
Болью къ нему заливался въ грудь,
пока напостѣдокъ
Въ немъ не пропало дыханье и онъ не
уналъ изъ прекрасныхъ
Рукъ Ундины бездушнымъ трупомъ къ
себѣ на подушку.
«Я до смерти его заплакала», встрѣченнымъ
ею
Людымъ за дверью сказала Ундина, и
тихимъ, воздушнымъ
Шагомъ по двору, мимо Берталды, мимо
стоявшихъ
Въ страхѣ работниковъ, прямо пришла
къ колодцу, безгласной,
Грустной тѣнью спустилась въ его глу-
бину и пропала.

ГЛАВА XIX.

о томъ, какъ рыцарь былъ погребенъ.

Патерь Лаврентій, услышавъ о томъ, какъ
внезапно и чудно
Кончилъ жизнь владѣтель замка Рингште-
тена, тотчасъ
Въ замкъ явился; и онъ, входя на дворъ,
освѣенный
Липамъ, встрѣтился тамъ съ моахомъ,
недавно вѣнчавшимъ
Рыцаря: въ ужасѣ тотъ удалиться спѣ-
шилъ. Такъ и должно!
Патерь Лаврентій сказалъ: теперь моя
наступила
Очередь; мнѣ помощникъ не пужень.
Хотѣлъ онъ повѣстѣ,
Вдругъ овдовѣвшей, отрадное слово ска-
зать въ подкрѣпленье;
Но Берталда, ему не внимая, молчала
угрюмо.
Старый рыбакъ молился и плакалъ, и,
въ горѣ смирился,
Думалъ: оно пнече и быть не могло —
то Господній
Судъ; и, конечно, Гульбрандова смерть ни
кому не могла быть
Такъ тяжела, какъ именно той, которую
съ смертной

Вѣстью прислали къ нему, отверженной,
бѣдной Ундины. —
Стали готовить обрядъ похоронный, какъ
было прилично
Сану покойника: тѣло его положить над-
лежало
Подлѣ церкви приходской, тамъ, гдѣ были
гробницы
Предковъ его; одарившихъ множествомъ
вкладовъ богатыхъ
Эту церковь. И щитъ и шлемъ ужъ ле-
жали на кровлѣ
Гроба, чтобъ съ нимъ опуститься въ мо-
гилу, ибо нашъ рыцарь
Былъ послѣдній въ родѣ своемъ, кото-
рый съ нимъ вмѣстѣ
Кончился весь. И ходъ печальный уже
начинался;
Цѣнь погребальная къ свѣтло-спокойной
небесной лазури
Тихо всходила, съ длиннымъ крестомъ,
во всемъ облаченъ
Патерь Лаврентій шелъ впередъ; за нимъ
шла Берталда
Въ горькихъ слезахъ, на дрихающую руку
отца опираясь.
Вдругъ посреди Берталдиныхъ женщинъ,
одѣтыхъ въ глубокой
Трауръ и шедшихъ въ свѣтъ ея, замѣ-
тили бѣлый
Образъ, въ длинномъ, густомъ покрывалѣ,
тихо идущій,
Грустно потупивши голову. Страхомъ
проникнуть былъ каждый,
Шедшій подлѣ такого товарища; всѣ сто-
ронились,
Пятились, такъ, что порядокъ хода раз-
строился. Силой
Два смѣльчакъ хотѣли позваного изъ
ряду вывести;
Но, отъ нихъ ускользнувши, какъ легкая
тѣнь, онъ на прежнемъ
Мѣстѣ явился опять и посабдовалъ тихо
за гробомъ.
Вотъ напостѣдокъ онъ, мало-по-малу,
мѣняясь мѣстомъ
Съ тѣми, кто въ страхѣ спѣшилъ отъ
него удалиться, подлѣ

Самой вдовы очутился; но ею сначала
примѣченъ
Не быть, и сзади пошелъ смиренно-пе-
чальный. Достигнуть
Ходъ до кладбища, и всё обступили мо-
гилау. Тутъ въ первый
Разъ Бертальда незваного гостя увидѣла,
въ страхѣ
Стала она рукою махать, чтобъ онъ уда-
лился;
Но покровенный, кротко упорствуя, трясъ
головую,
Руки къ ней простиралъ и, какъ будто,
молилъ о пощадѣ.
Вспомнила тутъ невольно Бертальда Ун-
дину, какъ руку
Къ ней она подняла на Дунаѣ, когда ей
хотѣла
Такъ добродушно подать ожерелье, и какъ
подъ водами
Скрылась потомъ навсегда. Но въ это
мгновенье подалъ
Знакъ отецъ Лаврентій, чтобъ всё умолкли
и стали
Гробъ опускать въ могилу, и мало-по-
малу засыпать
Быль оъ землею. Когда же совсѣмъ былъ
набросанъ могильный
Холмъ, и читать послѣднюю началъ мо-
литву священникъ,
Стала вдова на колѣни, стали и всё на
колѣни,
Въ томъ числѣ и могильщики, кончивши
насыпь. Когда же
Снова всё встали... ужъ бѣлый образъ
пропалъ; а на мѣстѣ,
Гдѣ онъ стоялъ на колѣняхъ, сквозь
травку сочился прозрачный
Ключъ; серебристо вился, онъ впередъ
пробирался, покуда
Всей не обвѣялъ могилы; тогда ручейкомъ
объѣжалъ онъ
Далѣ, и бросился въ свѣтлое озеро ближ-
ней долины.
Долго, долго спусти, про него тѣхъ мѣсть
послѣдне
Чудную повѣсть любили прохожимъ раз-
сказывать; долго,

Долго жило повѣрье у нихъ, что ручей
тотъ Ундина,
Добрая, вѣрная, слитая съ милымъ и въ
гробѣ Ундина.

1839.

КАМОЭНСЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

[ПОДРАЖАШЕ ГАЛЬМУ].

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Донъ Людвигъ Камозенсъ.

Донъ Иозе Квеведо Каствель Бранка.

Васко, его сынъ. *)

Смотритель главнаго госпиталя въ Лиссабонѣ.
(1579).

I.

Тѣсная горница въ большомъ лазаретѣ Лис-
сабонскомъ: стѣны голы; кое-гдѣ обвалилась
штукатурка; съ одной стороны столъ съ бума-
гами и стулъ; съ другой большія кресла и за-
нимя, ближе къ стѣнѣ, полуизломанная кро-
ватъ. На ней лежитъ Камозенсъ и спитъ; къ
кроватьи прислоненъ мечъ; надъ изголовьемъ
виситъ на стѣнѣ лютя, покрытая пылью. Съ
правой стороны дверь.—Входитъ донъ Иозе
Квеведо вмѣстѣ съ смотрителемъ госпиталя.
У послѣдняго за поясомъ связка ключей, подъ
мышкой большая книга.

Иозе Квеведо, смотритель госпиталя,
Камозенсъ.

Квеведо.

Ой, ой, какъ высоко! Неужто выше
Еще намъ подыматься?

Смотритель.

Нѣтъ, пришла.

Квеведо.

Ну, слава Богу! я почти задохся...
Такъ здѣсь онъ?

Смотритель.

Здѣсь. Вотъ, сами посмотрите,
Что у меня записано въ реестрѣ:

*) «Васко Мусинхо де-Квеведо Каствель Бранка, по свидѣтельству знакомыхъ порту-
гальской литературы, болѣе всѣхъ другихъ
поэтовъ Португаліи приблизился къ Камозенсу.
Его эпическая поэма «Альфонсъ Африкан-
скій», въ которой особенно замѣчательны
позображеніе мученій Фердинанда и описаніе
сраженія Алькассарскаго, издана въ 1612 го-
ду. Прим. Сочин.»

Донъ Лудвигъ Камозенъ, десятый ну-
меръ—

И на двери десятый номеръ; это онъ.

Кведедо.

Ну, хорошо. Да развѣ боль ты
Объ немъ не знаешь?

Смотритель.

Нѣтъ.

Кведедо.

И никогда

Объ немъ не слыхивалъ, и не имѣешь
Объ немъ понятія?

Смотритель.

Какое тутъ

Понятіе! Лишь былъ бы только номеръ.
Что намъ до имени, что намъ до слуховъ?

Донъ Лудвигъ Камозенъ, десятый ну-
меръ—

И все тутъ; такъ записано въ реестрѣ.

Кведедо.

Ты человѣкъ, я вижу, аккуратный,
И книги у тебя въ порядкѣ... (*Осма-*
ривается).
Боже!

Въ какой тюрьмѣ онъ запертъ; какъ темно,
Тѣсно, печисто! Стѣны голы; окна
Съ рѣшетками и потолокъ такъ низокъ,
Что душно.

Смотритель.

Здѣсь до сихъ поръ сумасшедшихъ
Держали: но ему такъ захотѣлось
Быть одному, а этотъ номеръ былъ
Никѣмъ не занятъ—такъ его сюда я
И перевелъ.

Кведедо.

Къ безумнымъ? по дѣломъ!

Ты поступилъ догадливо; я вижу,
Ты расторопный человѣкъ. Я всѣхъ бы
Проклятыхъ этихъ стихотворцевъ заперъ
Въ домъ сумасшедшихъ. Тшше! Кто лежать
Тамъ на кровати? ужъ не онъ ли?

Смотритель.

Онъ,

Синьоръ; онъ спитъ... Я разбуджу.

Кведедо.

Не трогай;

Я подожду, пока онъ самъ проснется.

Смотритель.

Такъ оставайтесь съ Богомъ здѣсь; а я
Пойду: есть дѣло...

Кведедо.

Хорошо, поди—

И вотъ тебѣ за трудъ.

Смотритель.

Благодарю,

Синьоръ.

(*Уходитъ*).

II.

Юзе Кведедо и Камозенъ.

Кведедо.

Итакъ, я наконецъ его
Нашелъ. Трудненько было мнѣ сюда
Карабкаться, и радъ я, что могу
Немного отдохнуть. Когда бы не сынъ,
Моя нога сюда не забрела бы;
Да мой пострѣлъ совсѣмъ рехнулся; горе
Мнѣ съ нимъ великое; не знаю самъ,
Что дѣлать; съ отвращеньемъ смотреть онъ
На наше ремесло, и не проценты
Считаетъ—стоны, да стихи илететь,
Да о вѣнкахъ лавровыхъ безпрестанно
И сонный и несонный бредить. Денегъ
Ему не надобно; все для него
Равно, богачъ ли онъ, изъ нищій; мнѣ,
Отцу, не хочеть подражать, а всадъ
За Камозеномъ рвется... Вотъ тебѣ
Твой Камозенъ, твой образецъ: позволь
Имъ любоваться! здѣсь, въ госпиталѣ
Въ отрешъ нищенскомъ лежить съ своими
Онъ лаврами,—сѣдой, большой, изсохшій,
Дряхлый,

Безглазый, всѣми брошенный, великій
Твой человѣкъ, твой славный Лузіады
Пѣвецъ, сражавшійся передъ Ораномъ
И передъ Цейтою. Вотъ, полюбуясь;
Онъ въ домъ сумасшедшихъ, позабытъ
Людьми, и все имущество его—
Покрытый ржавчиною мечъ, да лютія
Везъ струнъ... Зачѣмъ онъ жилъ? и что
онъ нажилъ?

Донъ Лудвигъ Камозенъ, десятый ну-
меръ,

И все тутъ—такъ записано въ реестрѣ..
А я, надъ кѣмъ такъ часто онъ, бывало,
Смѣялся, я, котораго осломъ,
Телячьей головой онъ называлъ,
Который на всѣхъ продаю изюмъ

Да виноградъ, да въ добрыя крузды
 Мараведисы превращаю, я—
 Я человекъ богатый, свѣжъ, румянъ,
 И пользуюсь всеобщимъ уваженьемъ;
 Три дома у меня, и въ море пять
 Галеръ отправлено съ моимъ товаромъ:
 За славою онь пошелъ, я за прбыткомъ,
 И вотъ, мы оба здѣсь. Пускай его
 Мой сынъ увидитъ, и потомъ свой выборъ
 Пускай самъ сдѣлаетъ. Затѣмъ-то я
 Сюда и взлѣзъ; пускай расскажетъ сыну
 Самъ этотъ сумасбродъ, какому вздору
 Пожертвовалъ онь жизнью своею...
 Онь шевелится, охаеть, открылъ
 Глаза...

Камознсь.

Мой сонъ опять былъ на минуту;
 То былъ не вѣчный сонъ, конецъ всему,
 Не смерть, а только призракъ смерти...
 Кто здѣсь?

Неужто человекъ? Здѣсь? Человекъ?
 У Камознса?.. Кто ты, другъ? Чего
 Здѣсь ищешь? Ты ошибся...

Квеведо.

Итъ спнборъ,
 Я васъ искалъ, и дѣло мнѣ до васъ.

Камознсь.

Ахъ да, я и забылъ, что я пшшу
 Стихи! Вы, можетъ быть, спнборъ, хотите
 Стиховъ на свадьбу или на погребень?
 Или словъ для серенады? Потрудитесь
 Порыться тамъ въ бумагахъ на столѣ—
 Тамъ всякой всячины довольно. Я
 Беру недорого. Реала два
 Не болѣ за пшсу.

Квеведо.

Итъ, спнборъ,
 Не то...

Камознсь.

Такъ, можетъ быть, хотите вы,
 Чтобъ я для васъ особенныя сдѣлалъ
 Стихи? Итъ, государь мой, я не въ силахъ:
 Вы видите, я боленъ; я едва
 Таскаю ноги. *(Встаетъ и, отираясь на
 мечъ, переходитъ къ крес-
 ламъ, въ которыя садится).*
 Итъ ни чувствъ, ни мыслей;
 Что у меня найдется, тѣмъ и радъ;
 Извольте взять любое изъ запаса.

Квеведо.

Не за стихами я сюда пришелъ.
 Всмотрись въ мое лицо, донъ Лудвигъ;
 Не узнаешь меня? [развѣ]

Камознсь.

Спнборъ, простите,
 Не узнаю.

Квеведо.

Не можетъ быть; ты долженъ
 Меня узнать.

Камознсь.

Не узнаю, спнборъ.

Квеведо.

Въ Калвасѣ мы ходили вмѣстѣ въ школу.
Камознсь.

Мы?

Квеведо.

Да въ Калвасѣ. Мы частенько тамъ
 Другъ съ другомъ и дирались, и лоряд-
 Ты иногда отдѣлывалъ меня. [комъ
 Подумай — вспомнишь: мы знакомцы съ
 дѣтства.

Камознсь.

Спнборъ, прошу васъ не разыскать; я старъ,
 И голова моя слаба; никакъ
 Не вспомню, кто вы.

Квеведо.

Боже мой, но вѣрно
 Меня узнаешь ты, когда скажу,
 Что я Юзѣ Квеведо Кастель Бранка,
 Сынъ крестной матери твоей, Маркитты?

Камознсь.

Юзѣ Квеведо ты?

Квеведо.

Да, я Юзе
 Квеведо—тотъ, котораго, бывало,
 Ты называлъ телячьей головою,
 Котораго такъ часто ты...

Камознсь.

Чего жъ
 Ты ищешь здѣсь, Юзѣ Квеведо?

Квеведо.

Какъ
 Чего? Хотѣлось мнѣ тебя провѣдать,
 Узнать, какъ поживаешь. Правду молвить,
 Мнѣ на тебя невесело смотрѣть.
 Ты худъ, какъ мертвый трупъ. А я—
 гляди!
 Какъ раздобрѣлъ. Такъ вес идетъ на свѣтъ!

Кто на ногахъ—держись, чтобъ не упасть.
Иди за счастьемъ скользко...

Камознсь.

Правда, скользко.

Кведедо.

Вотъ ты теперь въ нечистомъ лазаретѣ,
Большой полумертвецъ, безглазый, нищій,
Оставленный...

Камознсь.

Зачѣмъ, Іозѣ Кведедо,

Считаешь ты на дбу моемъ морщины
И сѣдины на головѣ моей,
Дрожащей отъ болѣзни?

Кведедо.

Не сердися,

Другъ, я хотѣлъ сказать, что времена
Переменяются, что вмѣстѣ съ ними
Переменяемся и мы. Теперь
Ты ужъ не тотъ красавчикъ, за которымъ
Такъ встарину все женщины гонялись,
Съ которымъ знать водила дружбу,—ты
Не прежній Камознсь.

Камознсь.

Не прежній, правда!

Но пусть судьбой разрушена моя
Душа, пускай все было то обманъ,
Чему я жизнь на жертву добровольно
Припесъ—поймешь ли это ты? Мопмъ
Судьей быть можетъ ли какой-нибудь
Кведедо?

Кведедо (про себя).

Вотъ еще! Какъ гордъ! когда бъ
Не сынъ, тебѣ я крылья бы ошибъ.

(Вслухъ)

Твои слова ужъ черезчуръ суровы;
Другого я приѣма ожидалъ
Отъ стараго товарища. Но, правда,
Ты боленъ, спаче меня бы встрѣтить
Ты дружеской. Намъ о многомъ прошломъ
Другъ съ другомъ можно поболтать. Въдъ
дѣтство

Мы вмѣстѣ провели; то было время
Веселое... Ты помнишь лугъ за школой,
Гдѣ мы, бывало, въ мячъ играли? Помнишь
Высокій вязъ... кто выше взлѣзеть? Ты
Всегда другихъ опережалъ. А наша
Игра въ охоту—кто олень, кто неарь,
А кто собаки... то-то было любо:

Впередъ! крикъ, лай, визжанье, бѣготня...
Что? помнишь?

Камознсь.

Помню.

Кведедо.

А походы наши

Въ сосѣдній садъ, и тамъ осада яблонь.
И возвращеніе домой съ добычей?
А иногда съ садовникомъ война
И отступленье?

Камознсь.

Да; то было время

Веселое! Мы были все народъ
Цеугомонный.

Кведедо.

Да, лихое племя!

А нашъ крутой приговоръ, на которомъ
Лежала гряда камней? Опъ для насъ
Былъ крѣпостью; ее мы брали штурмомъ,
И было много тутъ подбитыхъ глазъ
И желваковъ...

Камознсь.

Вотъ этотъ мой рубецъ

Остался мнѣ на память объ одномъ
Изъ нашихъ подвиговъ тогдашнихъ...

Кведедо.

Правду

Сказать, не разъ могла потѣха стоять
Намъ дорого. Вотъ, напримѣръ, морской
Походъ нашъ по рѣкѣ. Мы все устали
И воротились; ты жъ одинъ...

Камознсь.

Да, мнѣ

Казалось, что вдали передо мной
Былъ новый, никогда еще никѣмъ
Не посѣщенный свѣтъ; во что бъ ни стало
Къ нему достигнуть я рѣшился; сила
Теченья мнѣ препятствовала долго
Мой замыселъ исполнить; наконецъ,
Ее я одолѣлъ и вышелъ гордо
На завоеванный, желанный берегъ...
О, молодость! о, годы золотые!.. *(помолчавъ)*
Дай руку мнѣ! ты знаешь, мы съ тобою
Въ то время не были друзьями: ты
Казался—но, быть можетъ, не таковъ ты
Какимъ тогда казался намъ... Ну, дай же
Мнѣ руку: въ дѣтствѣ ты со мной игралъ,
Со мной дѣлилъ веселье; а теперь
Туманный вечеръ мой ты освѣтишь

Воспоминаніемъ прекрасной нашей
Зари... Я такъ одинъ—хотя бѣ ты быть
И злѣйшій врагъ мой, мнѣ тебя теперь
Обиять отъ сердца должно...

(Обнимаешь его).

Квеведо (помолчавъ).

Ну, скажи же,

Какъ жила ты, что съ тобой происходило
Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались? Мнѣ
Вѣтъла науки кончить и покинуть [отецъ
Калвасъ и въ Фигуэру ѣхать. Тамъ
Иная сказка началась: пришлось
Не объ итрѣ ужъ думать—о работѣ.

Камознсь.

Меня судьба перевела въ Коимбру,
Святилище науки; тамъ впервые
Услышалъ я Гомера; Мантуанскій
Пѣвецъ меня гармоніей своей
Илѣнилъ, и прелесть красоты
Проникла душу мнѣ; что въ ней дотогѣ
Невидимо, невѣдомо хранилось,
То вдругъ въ чудесный образъ облеклось;
Что было тьма, то стало свѣтъ, и жизнью
Задремтало все, что было мертвымъ;
И мнѣ во грудь предчувствіе чего-то
Невыразимаго впилося...

Квеведо.

И,

Признаться, до наукъ охотникъ былъ
Плохой. Отецъ меня въ сидѣльцы отдалъ
Знакомому купцу; и должно правду
Сказать, ужъ было у него чему
Понаучиться: онъ считать былъ мастеръ.
А ты?

Камознсь.

Промчался годы, въ школѣ стало
Мнѣ тѣсно; я послѣдовалъ влеченью
Души—увидѣлъ Лиссабонъ, увидѣлъ
Блестящій дворъ и короля во славахъ
Державнаго могущества, пышность
Его вельможъ... Но я на это робко
Смотрѣлъ издали, и, ослабленный
Блестательной картиною, за призракъ
Ее считалъ.

Квеведо.

Со мной случилось то же,
Точь въ точь, когда на биржу въ первый
Я заглянулъ и тамъ увидѣлъ горы [разъ
Товаровъ...

Камознсь.

Въ это время встрѣтилъ я
Ее... О, Боже! какъ могу теперь,
Разрушенный полумертвецъ, снести
Воспоминаніе о томъ внезапномъ,
Незагаданномъ преображеніи
Моей души!.. Она была прекрасна
Какъ Богъ въ своей веснѣ, животворящей
И небеса и землю!

Квеведо.

И со мной

Случилось точно то же. У моего
Хозяина была одна лишь дочь,
Наслѣдница всему его имѣнью;
Имѣнье жъ накоплялъ себѣ старикъ
Большое, мудро ли, что мое
Заговорило сердце?

Камознсь (не слушая его).

О, святая

Пора любви! Твое воспоминанье
И здѣсь, въ моей темницѣ, на краю
Могилы, какъ дыханіе весны,
Мнѣ освѣжило душу. Какъ тогда
Все было въ мірѣ отголоскомъ звучнымъ
Моей любви! какимъ сіяньемъ райскимъ
Блестала предо мной вся жизнь съ своимъ
Сграданіемъ, блаженствомъ, съ настоя-
щимъ,
Прошедшимъ, будущимъ!.. О, Боже! Боже!..

Квеведо.

Отцу я полюбился; онъ доволенъ
Былъ ловкостью моею въ дѣлахъ торго-
И дочери сказали, что за меня [вѣхъ,
Ее намѣренъ выдать; дочь на то
Сказала: «воля ваша», и тогда же
Насъ обручили...

Камознсь.

О, блаженъ, блаженъ,

Кому любви досталася награда!..
Мнѣ не была назначена она.
Насъ разлучили; въ монастырской кельѣ
Младые дни ея угасли; я
Былъ увлеченъ потокомъ жизни; въ бурѣ
Войны хотѣлъ я рыцарски погибнуть,
Сѣлъ на коня и бился подъ стѣнами
Марокко, былъ на штурмѣ Цейты;
Изъ битвы вышелъ я полуслѣпымъ
А смерть мнѣ не далась.

Кведедо.

Со мною было
Не лучше. Я съ женой недолго пожилъ:
Бѣдняжка умерла родами... Сильно
По ней я горевалъ... Но мнѣ наслѣдство
Богатое оставила она,
И это наконецъ кое-какъ стало
Моей отрадой.

Камозенъ.

Все переживешь
На свѣтъ... Но забыть?.. Блаженъ, кто
носитъ

Въ своей душѣ святую память, вѣрность
Прекрасному миувшему! Моя
Душа ее во глубинѣ своей,
Какъ чистую лампаду, засвѣтила,
И въ ней она поэзіей горѣла.
И мнѣ была поэзія отрадой:
Я помню часъ, великій часъ, мѣся
Всего пересоздавший. Я лежалъ
Съ повязкой на глазахъ въ госпиталѣ;
Тьма вдругъ меня и тьма во мнѣ...
И вдругъ—сказать не знаю—подошло,
Нль итъ, не подошло, а подлетѣло,
Нль итъ, какъ будто Божіе съ небесъ
Дыханье свѣяло.—свѣжо, какъ утро,
И пламенно, какъ солнце, и отрадно,
Какъ слезы, и разительно, какъ громъ,
И увлекательно, какъ звуки арфы—
И было то, какъ будто и во мнѣ
И виѣ меня, и въ глубь моей души
Оно вливалось, и волшебный кругъ
Меня тѣснѣй, тѣснѣе обнималъ;
И унесенъ я былъ неодолимымъ
Могиществомъ далеко въ высоту...
Я обезнамятълъ: когда жъ пришелъ
Въ себя—то было перная моя
Живая пѣсня. Съ той минуты чудной
Исчезла ночь во мнѣ и вокругъ меня;
Я не былъ ужъ одинъ, я не былъ брошенъ;
Страданій чаша предо мной стояла,
Палитая цѣлбнымъ питіемъ;
Моя душа на крыльяхъ пѣноицѣня
Взлетѣла къ Богу и нашла у Бога
Утѣху, свѣтъ, териѣне и замѣну.

Кведедо.

Мнѣ посчастливилось; свое богатство
Удвоилъ я; потомъ унесгерилъ...
А ты какъ? Что потомъ съ тобой случилось?

Камозенъ.

Я въ той землѣ, гдѣ схоронилъ ее,
Не могъ остаться. Велѣдъ за Гамой славный
Путь по морямъ я совершилъ, и тамъ,
Подъ небомъ Индіи, раздался звучно
Въ честь Португаліи мой голосъ: онъ
Былъ повторенъ волнами Тайо; вдругъ
Услышала Европа имя Гамы
И изумилась; до предѣловъ Туле
Достигнулъ громъ побѣднѣй Лузіады.

Кведедо.

А много ль принесла тебѣ она?
У насъ поился слухъ...

Камозенъ.

Мнѣ принесла
Гоненіе и ненависть она.
Великихъ предковъ я ничтожнымъ внукамъ
Осмѣлился поставить въ образецъ,
Я карамъ указалъ на великановъ—
И правда мнѣ въ погибель обратилась:
И то, что я любилъ, меня отвергло,
И что моея я пѣсню прославилъ,
Тѣмъ былъ я поерамленъ—и былъ, какъ
врагъ,
Я Португаліей моея отрицуть...
(поломчавъ).

Я мужъ, и жалобы я ненавижу;
Но всю насквозъ мнѣ душу эта рапа
Прогрызла; никогда не заживетъ
Она, и вѣчно, вѣчно будетъ рвать
Меня, какъ въ оный мигъ разорвала,
Когда отечество такъ безопадно
Отъ своего поэта отреклось.

Кведедо.

Ну, не крушися; забудь о прошломъ; кто
Не ошибается въ своихъ расчетахъ?
Теперь не удалось—удастся послѣ.

Камозенъ.

И для меня однажды солнце счастья
Воспнуло свѣтлою зарей. Когда
Король нашъ Себастьянъ взомель на тропъ,
Его орлиный взоръ проникъ въ мою
Тюрьму, съ меня упала цѣпь, и свѣтъ
И жизни возвращены мнѣ были снова;
Опять весна въ груди моея увидишей
Воскресла... но то было на минутѣ;
Все погубилъ день битвы Алкассарской.
Король нашъ палъ великой мысли
И Португалія добычей стала [жертвой—

Филиппа... Страшный день! о, для чего
Я дожилъ до тебя!

Квеведо.

Да, страшный день!
Ужъ нечего сказать! И съ той поры
Все хуже намъ да хуже. Богъ на насъ
Прогнѣвался. По крайней мѣрѣ ты
Похвастать счастьемъ не можешь.

Камознсъ.

Солнце

Мое навѣкъ затмилось и печально
Туманисъ вечеръ мой. Забытъ, покинуть,
Въ болѣзни, въ бѣдности я жду конца
На нищенской постели лазарета.
Одинъ мнѣ оставался другъ—онъ былъ
Невольникъ; иногда я пазывалъ
Его въ досадѣ черною собакой.
Но только что со мною простилося счастье,
Онъ сдѣлался хранителемъ моимъ:
Онъ мнѣ служилъ и для меня работалъ,
И отдавалъ свою дневную плату
На пищу мнѣ. Когда жъ болѣзнь меня
Къ постели приковала, день и ночь
Сидѣлъ онъ надо мною и утѣшалъ
Меня отрадными словами ласки,
И, самъ больной, по улицамъ таскался
За подалнѣмъ для Камознса.
И наконецъ, свои истративъ силы,
Везъ жалобы, безъ горя за меня
Онъ умеръ—черная собака!.. Богъ
То видѣлъ съ небеси... Покойся, другъ,
Послѣдній другъ мой на землѣ, въ твоей
Святой могилѣ! тамъ тебѣ пріютно,
А на землѣ пріюта не бывасть.

Квеведо (про себя).

Теперь пора мнѣ къ дѣлу приступить.
(*Ему*).

Сердечный другъ, тебѣ удѣлъ нелегкій
Достался, нечего сказать! Ты славилъ
Отечество, и чѣмъ же заплатило
Оно тебѣ за славу? Нищетой.
Съ падсждами пошелъ ты въ путь, а съ
чѣмъ

Пришелъ назадъ? Ровнехоцько ли съ чѣмъ.
И вотъ теперь, при нашей поздней встрѣчѣ,
Когда твою судьбу сравню съ моею,
То, право, кажется—не осердился—
Что выборъ мой сто разъ благороднѣйшій
Былъ твоего. Вотъ видишь, я богатъ;

По вѣзмъ морямъ товаръ мой корабли
Развозить; а, бывало, на меня
Смотрѣлъ ты свысока. Сказать же правду,
Хоть лаврами я лба и не украсилъ,
Но, кажется, что на вѣсъ мой барыши
Тяжелѣ твоего...

Камознсъ.

Ты въ барышахъ—
Не спору. Но на свѣтѣ много есть
Вещей возвышенныхъ, не подлежащихъ
Ни мѣрѣ, ни расчетамъ торгаша.
Лишь выгодой опредѣлять онъ можетъ
Достоинство; замѣть же это, другъ:
Лавровый листъ скупать ты на вѣсъ
можешь,
Но о вѣнкахъ лавровыхъ не заботься.

Квеведо (про себя).

Ужъ не смѣется ль онъ надъ нашимъ
званьемъ?...
Постой, ужъ попаднсь ко мнѣ ты въ руки,
Я отплатчу тебѣ порядкомъ. (*Ему*) Ты
Обидѣлся, я вижу; а въ тебѣ
Я искренно участие принимаю.
Да я и съ просьбою пришелъ; послушай,
Оставь ты лазаретъ свой, сдѣлай дружбу,
Переселись ко мнѣ; мой домъ просторнѣ;
Чужимъ найдется много мѣста въ немъ,
Не только что друзьямъ. Ну, Камознсъ,
Не откажи мнѣ; перейди въ мой домъ;
Ты у меня свободно отдохнешь
Отъ прошлыхъ бѣдъ, и мой избытокъ
Охотно я съ тобою раздѣлю...
Не слышишь что ли, Камознсъ?

Камознсъ.

Что? что

Ты говоришь? Меня къ себѣ, въ свой домъ
Зовешь?

Квеведо.

Да, да! Къ себѣ, въ свой домъ, тебя
Зову. Согласенъ ли?

Камознсъ.

Жить у тебя?

Но, можетъ быть, ты думаешь, Квеведо...
Нѣтъ, нѣтъ! твое намѣренье, я въ этомъ
Увѣренъ, доброе—благодарю;
Но мнѣ и здѣсь покойно: я доволенъ;
Нѣтъ нужды мнѣ тебя тѣснить; да въ этомъ
И радости не будетъ никакой:

О радостяхъ давно мнѣ и во снѣ
Не грезится.

Квеведо.

Меня ты потѣшишь?

Помилуй, что за мысль! Ты мнѣ, напротивъ,
Полезенъ можешь быть; я отъ тебя
Жду помощи великой.

Камознсь.

Отъ меня?

Ждешь помощи? И я могу тебѣ
Полезенъ быть? я? я? мечтатель жалкій,
Который никому и ни на что
Не пуженъ былъ на свѣгѣ, и себя
Лишь только погубить умѣлъ? Квеведо,
Не шутишь ли?

Квеведо.

Какая шутка! Самъ

Ты разсуди; дажъ Богъ мнѣ сына—пу,
Ужъ нечего сказать, такихъ немного,
Каковъ мой Васко; онъ до этихъ поръ
Былъ радостью моею, и я имъ хвасталъ,
И ужъ заранѣ веселилъ себя
Надеждою, что онъ мое богатство,
Которому всему одинъ наследникъ,
Удвоить, мнѣ, какъ должно, подражая—
Апъ пѣтъ, ипаче вышло на повѣрку:
Отцовскимъ званьемъ онъ пренебрегаетъ,
Въ проклятые зарылся пергаменты,
Ударился въ стихи, въ поэты мѣтить.

Камознсь.

Безумство! жалкій бредъ!

Квеведо.

Я то же самъ

Ему пою; да онъ не вѣритъ. Музы—
Ему отецъ и мать и все земное
Его богатство.

Камознсь.

Такъ мечтаютъ всеѣ

Они, но то обманъ...

Квеведо.

Напрасно я

Увѣщевалъ его: онъ словъ моихъ
И понимать не хочетъ. Видишь ли теперь,
Какъ много мнѣ ты можешь быть полезенъ,
Дружище? Укажи ему на твой
Примѣръ, пускай узнаетъ оль, какъ ты,
Его достойный образецъ, былъ щедро
Отъ свѣта награжденъ, пусть Камознса

Увидить онъ въ госпиталѣ, больного,
Въ презрѣнны, въ нищетѣ, быть можетъ...

Камознсь.

Такъ

Пускай меня увидить онъ! Пришли
Его сюда; я вытѣчу его
Отъ гибельной мечты. Слѣпецъ! безумецъ!
Непужною доселѣ жизнь свою
Я почиталъ; теперь мнѣ все попятно:
Имъ пугаломъ должна служить она!

Квеведо.

Такъ ты его остережешь, спасешь?

Камознсь.

Остерегу, спасу... Пришли его
Сюда.

Квеведо.

Онъ недалеко; крылья имя

Твое придастъ ему; черезъ минуту
Онъ будетъ здѣсь; и вмѣстѣ съ нимъ въ мой
домъ
Пожалуетъ желанный гость—не правда ль?
Ты будешь, другъ?

Камознсь.

Увидимъ.

Квеведо.

Ну, прости же,

Любезный. (*Про себя*). Слава Богу! все
какъ должно
Улажено. Лишь только бѣ сына онъ
На путь наставилъ... самъ же... что за дѣло
Мнѣ до него!.. Пускай въ госпиталѣ
Околѣвается. (*Уходитъ*)

III.

Камознсь (одинъ).

Я усталъ; все силы

Мои истощены; и жаръ и холодъ
Я чувствую; въ глазахъ моихъ темнѣетъ;
Ужъ не она ль? Не смерть ли, званый
другъ,
Ко мнѣ подходитъ?.. (*Помолчавъ*). Всехъ
я схоронилъ;
Все, что любилъ я, что меня любило,
Давно во гробѣ... Я стою одинъ
Передъ своею могилою, одинъ...
И не протянетъ мнѣ никто руки,
Чтобы помочь въ пещ сони; свалюся
Туда, какъ чумный грузъ, рукою паемной
Толкнутый въ общій гробъ. Счастливъ
стократно

Простой поселенинъ! Трудомъ прилежнымъ
 Довольный, скромный, замысловъ высокихъ
 Не вѣдая, своей тропинкой онъ
 Идетъ; когда же смертный часъ его
 Наступитъ, онъ, въ кругу своихъ, близъ
 Жены, участницы всего, что было [доброй
 И горькаго и радостнаго въ жизни,
 Среди дѣтей, воспитанныхъ съ любовью,
 Смирненно, тихо, ясно умираетъ;
 И всѣми онъ любимъ, и, съ нимъ прощаясь,
 Всѣ плачутъ, и глаза ему родная
 Рука при смерти зажимаетъ. Я же?..
 О, какъ меня все обмануло! Я же?..
 Жилъ одиноко и одиноко умру..
 Сокровищемъ она казалась мнѣ
 Въ тотъ часъ, когда насъ буря окружала,
 Когда корабль нашъ объ утесъ въ щелы
 Расшибся—да, сокровищемъ тогда
 Она, мое созданье, Лузіада
 Казалась мнѣ! и въ море съ Лузіадой
 Я кинулся, и отдалъ на пожранье
 Волнамъ все, все, и съ гордымъ торжествомъ
 На берегъ нищимъ вышелъ... спасена
 Была, мое созданье, Лузіада!
 Часъ роковой! Погибельная пѣснь!
 Погибельный вѣпецъ, мнѣ данный славой!
 Для нихъ отъ мирнаго, земнаго счастья
 Отрекся я—и что жъ отъ нихъ осталось?
 Разувѣреніе во всемъ, что прежде
 Я почиталъ высокимъ и прекраснымъ...
 (Помолчавъ).

Мнѣ холодно, и дрожь въ моихъ костяхъ:
 Последняя минута Камознса—
 И никого, чтобъ вздохъ его принять!
 Въ прошедшемъ ночь, въ грядущемъ ночь;
 разстроень,
 Разрушенъ гений; мужество и вѣра
 Потрясены, и вся земная слава
 Лежитъ въ щелы... Что жизнь моя была?
 Безумство, бѣшенство... онъ справедливо
 Сказалъ: барынгъ мечтателя—мечта.

IV.

Камознсъ и Васко Квеведо.

Васко.

Здѣсь, сказано, могу его найти...
 Ахъ, вотъ онъ!.. это онъ!.. такимъ видалъ я
 Его во снѣ... но только бодрымъ, смѣлымъ,
 И молни въ глазахъ, и голова,

Поднятая торжественно и гордо...
 Что нужды! Это онъ... Хотя и старъ
 И хилъ, но на лицѣ его печать
 Его великой пѣсни.

Камознсъ.

Гто тутъ?

Васко.

Васко

Квеведо, сынъ знакома твоего,
 Юзѣ Квеведо...

Камознсъ.

Ты?

Васко.

Отецъ меня

Прислать сюда, допъ Лудвигъ, пригласитъ
 Тебя въ нашъ домъ переселиться; тамъ
 Найдешь достойное тебя жилище
 И дружбу... но не рано ль я приплетъ?

Камознсъ.

Когда бъ промедлялъ часъ, пришелъ бы
 поздно.

Приблизься, посмотри: ужъ надо мной
 Летаетъ ангелъ смерти; для меня
 Все миновалось; но прими совѣтъ
 Отъ умирающаго Камознса
 И сохрани его на пользу жизни...

Васко.

Ты умираешь?.. Нѣтъ, не можетъ быть,
 Чтобъ умеръ Камознсъ!

Камознсъ.

Минуты, другъ,

Намъ дороги; послушай, сынъ мой, ты,
 Я слышалъ отъ отца, служенью музъ
 Жизнь посвятить свою желаешь... правду ль
 Сказалъ онъ?

Васко.

Правду, я клянуся Богомъ!

Камознсъ.

Одумайся; то выборъ роковой;
 Ты молодъ, и твоя душа, земнаго
 Еще не вѣдая, стремится къ небу,
 И ты свое стремленіе зовешь
 Любовію къ поэзїи, отъ неба
 Исшедшей, какъ твоя душа. Но знай,
 Любовь еще не сила; постигать
 Не есть еще творить; а увлекаться
 Стремленіемъ къ великому еще
 Не есть великаго достигнуть.

Васко.

Знаю.

Камознсь.

Таяг загляни жь во глубину своей
 Души, и что ее бы ни влекло—
 Самонадьянность, иль просто дѣтскій
 Позывъ на подражанье, иль тревога
 Блпучей младости, иль раздраженье
 Излишне-напряженныхъ нервъ—себя,
 Мой другъ, не ослѣпляй. Другія же
 Искусства намъ возможно приобрести
 Наукою; поэта же творить—
 Святѣйшее оставивъ про себя—
 Природа; гении рождаются сами;
 Выходить прямо съ неба то, что къ себу
 Возносить насъ.

Васко.

Того, что происходитъ

Теперь во мнѣ и что я самъ такое,
 Я изъяснить словами не могу.
 Но выслушай мою простую повѣсть:
 Ребенкомъ тихимъ, книги лишь одиъ
 Люби, я выросъ, преданный мечтанью.
 Мой взоръ былъ обращенъ во внутрь моей
 Души; я вѣднннго не замѣчалъ;
 Уединеніе имѣло голось,
 Понятный для меня; и прелесть лунныхъ
 Ночей меня стремилъ въ область тайны.
 На путь отца смотрѣлъ я съ отвращеньемъ;
 Меня влекло невѣдомо къ чему...
 Вдругъ раздалась чудесно Лузіада—
 И стало все во мнѣ свѣтло и ясно;
 Сомнѣнне кончилось, и выбирать
 Ужъ пужды не было... *за нимъ, за нимъ!*
 Въ моей душѣ гремѣло и пылало;
 И каждое бненье сердца мнѣ
 Твердило то жь: *за нимъ! за нимъ!.. И*
 Влекущая меня, неодолима. [власть,
 Теперь рѣши, поэтъ ли я иль нѣтъ?

Камознсь.

Свидѣтель Богъ! твои глаза блестятъ,
 Какъ у поэта; но послушай, другъ,
 Хотя бь ихъ блескъ и правду говорилъ,
 Остановись, не покидай смиренной
 Трои, протянутой передъ тобою;
 Судьба тебѣ добра желаетъ; мнѣ
 Повѣрь, я дорогой купилъ цѣной
 Признаніе, что счастье земное
 Не на пути поэта.

Васко.

Дай его

Мнѣ заслужить—и пусть оно погибнетъ!

Камознсь.

Слѣпецъ! Тебя зоветъ надежда славы.
 Но что она? и въ чемъ ея награды?
 Кто раздастъ ихъ? и кому онѣ
 Даются? и не все ль ея дары
 Обруганы завидующей злобой?
 За нихъ ли жизнь на жертву отдавать?
 Лишь у гробовъ, которымъ ужъ никто
 Завидовать не станетъ, иногда
 Садитъ онъ свой лавръ, дабы онъ цѣль
 Надъ тлѣннмъ, которое когда-то
 Здѣсь человѣкомъ было и страдало,
 Нося торжественно на голови
 Подъ лаврами пронзительные терны.
 Но для того, кто въ гробѣ спитъ, навѣки
 Безчувственный для здѣшнихъ благъ и бѣдъ,
 Не все ль равно—попынь ли надъ костями
 Его растеть, иль лавръ.. Не вся ль тутъ
 слава?

Васко.

Я молодъ, но ужъ мнѣ видать случалось,
 Какъ незаслуженно ея вѣнецъ
 Безстыдная ничтожность покинула,
 Ругаясь надъ скромно-молчаливымъ
 Достоинствомъ? Но для меня не счастье,
 Не золото—скажу ли?—и не слава
 Приманчивы...

Камознсь.

Не счастье и не слава?

Чего же ищешь ты?

Васко.

О, долго, долго

Хранилъ я про себя святую тайну!
 Но посвященному, о Камознсь,
 Тебѣ я двери отворю въ мое
 Святнлице, гдѣ я досель одинъ
 Доступному мнѣ божеству молился.
 Нѣтъ, нѣтъ! не счастья, не славы здѣсь
 Ищу я: быть хочу крыломъ могучимъ,
 Подъемающимъ родныи мнѣ сердца
 На высоту, зарей, побѣду дня
 Предвозвѣщающей, великихъ думъ
 Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
 Лекарствомъ душъ, безвѣриемъ крушимыхъ,
 И сторожемъ петлѣнной той завѣсы,
 Которою предъ нами горннй мнръ

Задержать, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
Ее приподымать и святость жизни;
Являть во всей ея красѣ небесной—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призваніе!

Камоэнсъ.

О, молодость па крыльяхъ серафимскихъ!
Какъ мало ходъ житейскаго тебѣ
Полятешь! возносьте на небеса
Свинцовыя ихъ души, ихъ слѣпыя
Глаза воспламенять, глухонѣмыхъ
Цѣплять гармоніей!..

Васко.

Что мнѣ до нихъ,
Безчувственныхъ жильцевъ земли иль
Губителей всего святаго! Мнѣ [дерзкихъ
Они чужіе. Для чего Творецъ
Такой имъ жалкій жребій избралъ, это
Извѣстно одному Ему; Онъ благъ
И справедливъ; обителей есть много
Въ дому Отца—всѣмъ будетъ воздашье.
Но для чего сюда Онъ ихъ послалъ—
О, это мнѣ понятно. Здѣсь безъ нихъ
Была ли бы для душъ, покорныхъ Богу,
Возможна та святая брань, въ которой
Мы на землѣ для неба созрѣваемъ?
Мы не затѣмъ ли здѣсь, чтобы средь тяжкихъ
Скорбей, гоненій, видя торжество
Порока, силу зла, и слыша хохотъ
Бестыднаго разврата иль насмѣшку
Безвѣрія, изъ этой бездны вынести
Въ душѣ неосверженной вѣру въ Бога?..
О, Камоэнсъ! Поэзія небесной
Религій сестра земная; свѣтлый
Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сби-
лись пути. Поэтъ, на пламени его [лсь
Свой факелъ зажигаи! Твои всѣ братья
Съ тобою заодно засвѣтятъ каждый
Хранительный свой огонь, и будутъ здѣсь
Они во всѣхъ странахъ и временахъ
Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми;
При блескѣ ихъ, что бѣ труженникъ земной
Ни испыталь—душой онъ не падеть,
И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ.
О, Камоэнсъ! о, вѣрь моимъ словамъ!
Еще во мнѣ того, что въ этотъ мигъ
Я чувствую, ни разу не бывало;
Богъ языкомъ младенческимъ моимъ

Съ тобою говорить: ты совершилъ
Свое святое назначенье, ты
Свой пламенникъ зажечь неугасимо;
Мнѣ въ душу онъ проникъ, какъ Божій лучъ;
Исколькихъ онъ другихъ согрѣлъ, утѣшилъ!
П пусть разрушено земное счастье,
Обмануты ласкавшія надежды
И чистыя обруганы мечты...
Объ нихъ ли сътовать? Таковъ удѣлъ
Всего, всего прекраснаго земного!
Но не умереть живая пѣснь твоя;
Во всѣхъ вѣкахъ и поколѣньяхъ будутъ
Ей отвѣчать возвышенныя души.
Ты жилъ и будешь жить для всѣхъ временъ!
Прямой поэтъ, твое безсмертно слово!

Камоэнсъ.

Его глаза сверкають, щеки рдѣють;
Пророчески со мной онъ говоритъ;
Отъ словъ его вся внутренность моя
Трепещетъ; не самимъ ли Богомъ присланъ
Ко мнѣ младенецъ этотъ?.. Ты, мой сынъ,
Лишь о грядущемъ мыслишь—оглянься
На настоящее и па меня,
Пѣвца твоей великой Лузіады.
Смотри, какъ я, въ нечистомъ лазаретѣ,
Отечествомъ презрѣнный и забытый
Людьми, кончаю жизнь на томъ одрѣ,
Гдѣ за два дня издохъ въ цѣпяхъ безумный.
Таковъ въ своихъ наградахъ свѣтъ: страшись
Моей стези; бѣги надеждъ поэта!

Васко.

Бѣжать твоихъ надеждъ, твоей стези
Страшиться?... Нѣтъ, бросаюсь на колѣни
Передъ твоей страдальческой постелью,
На коей ты, какъ мученикъ смиренный,
Зришь небеса отверстія, гдѣ ждетъ
Тебя твой Богъ, тебя не обманувшій.
Благодарю тебя, о Камоэнсъ,
За все, чѣмъ былъ ты для моей души!
И здѣсь со мной тебя благодарятъ
Всѣ современники, и всѣхъ временъ
Грядущихъ вѣрные друзья святыни,
Поклонники великаго, твою
По чувству братья. Пусть людская злоба,
Презрѣніе, насмѣшка, ничтога
Достоинству въ награду достаются—
Прекраснѣй лавра, мученикъ, твой тернъ!
И умереть въ темницѣ лазарета

Верхъ славы... О, судьба! дай въ жизни мнѣ
Быть Камоэнсомъ! дай, какъ онъ, быть
Отечества и вѣка моего [свѣтомъ
Величіемъ!—и всѣ земныя блага
Тебѣ я отдаю на жертву!

Камоэнсъ.

О!

Клянусь моею послѣднею минутой
И всей моею блаженно-скорбной жизнью,
И всѣмъ святымъ, что я въ душѣ хранилъ,
И всѣми чистыми ея мечтами
Клянуся, ты назначенъ быть поэтомъ.
Не своелюбіе, не тщетный призракъ
Тебя влекутъ—тебя зоветъ самъ Богъ;
Къ великому стремишься ты смиренно,
И ты дойдешь къ нему—ты сердцемъ чистъ.

Васко.

Дойду?.. О Камоэнсъ! ты ль это мнѣ
Пророчишь?.. Повтори жъ мнѣ, буду ль я
Поэтомъ?

Камоэнсъ.

Ты поэтъ! имѣй къ себѣ
Довѣренность, объ этомъ часѣ помни;
И если нѣкогда захочеть взять
Судьба свое, и путь твой омрачится—
Подумай, что своимъ эфирнымъ словомъ
Ты съ Камоэнсовыхъ очей туманъ
Печали свѣялъ, что въ послѣдній часъ,
Обезпадеженный сомнѣняемъ, онъ
Твоей душой былъ вдохновенъ, и снова
На пламени твоемъ свой прежній пламень
Зажегъ—и жизнь прославилъ, умирая.
О, помни, другъ, объ этомъ часѣ, помни
О той рукѣ, ужъ смертью охлажденной,
Которая на званіе поэта
Теперь тебя благословляетъ. Жизнь
Зоветь на битву! съ Богомъ! возсияй
Прекраснымъ днемъ, денница молодая!
А Камоэнсово ужъ солнце съело,
И смерть надъ нимъ покровъ свой раз-
стяласть...

Васко.

Ты не умрешь. На имени твоемъ
Поконится безсмертье.

Камоэнсъ.

Такъ, оно
На немъ поконится. Его призывъ

Я чувствую: я былъ поэтъ вполнѣ.
Неправедно ропталъ я на страданье;
Мнѣ въ душу Богъ вложилъ его—Онъ правъ;
Страданіемъ душа поэта зрѣеть,
Страданіе—святая благодать...
И здѣсь любилъ я петьшу святую,
И голосъ мой былъ голосомъ ея;
И не развѣется, какъ прахъ ничтожный,
Жизнь вдохновенная моя; безсмертны
Мои мечты; ихъ сѣмена живыя
Не пропадутъ на жатвѣ поколѣній.
Предъ Господа могу предстать я смѣло.

Васко.

Что, что съ тобой?..

*(Въ эту минуту совершается видѣ-
ніе: надъ головою Камоэнса является
духъ въ образѣ молодой дѣвы, улы-
чанной лаврами, съ сіяющимъ кре-
стомъ на груди. За нею яркій свѣтъ).*

Камоэнсъ.

Оставь меня, мой сынъ!

Я чувствую, великій часъ мой близко...
Мой духъ опять живой исполнень силы;
Меня зоветъ знакомый сердцу гласъ;
Передо мной исчезла тьма могилы,
И въ небесахъ моихъ опять зажглась
Моя звѣзда, мой путеводець милый!..
О! ты ль? тебя ль часъ смертный мнѣ отдалъ,
Моя любовь, мой свѣтлый идеаль?
Тебя, на рубежѣ земли и неба, снова
Преображенную я вижу предъ собой;
Что здѣсь прекраснаго, великаго святого,
Я вдохновенно угадывалъ мечтой,
Невыразимое для мысли и для слова,
То все въ мой смертный часъ пріяло
образъ твой,
И, съ импромъ къ моему принявъ изго-
ловлю,
Мнѣ стало вѣрою, надеждой и любовью.
Такъ, ты поэзія: тебя я узнаю;
У гроба я постигъ твоё знаменованье.
Благословляю жизнь тревожную мою!
Благословенно будь души моеи страданье!
Смерть! смерть, великій духъ! я слышу
вѣсть твою;
Меня всего твое проникнуло сіянье!
*(Подаетъ руку Васку, который падаетъ
на колѣни).*

Мой сынъ, мой сынъ, будь твердъ, душою
 не дремли!
 Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ
 земли. (*Умираетъ*).

1837—1841 гг.

ПАЛЬ И ДАМАЯНТИ.

индійская повесть.

для императорскому высочеству государыне
 великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ.

Съ тѣ дни, когда мы вѣрнѣмъ нашимъ снамъ
 И видимъ въ ихъ несбыточности быль,
 Я видѣлъ сопл: казалось, будто я
 Цвѣтущею долиной Кашемира
 Иду одинъ; со всѣхъ сторонъ вздымались
 Громады горъ, и въ глубинѣ долины,
 Какъ въ изумрудномъ, до краевъ лазурью
 Наполненномъ сосудѣ—небеса
 Вечернія спокойно отража—
 Сіяло озеро; по склону горъ
 Отъ запада сходила на долину
 Дорога, шла къ востоку и вдаль
 Терзалась, сливаясь съ горизонтомъ.
 Былъ вечеръ тихъ; все вокругъ меня молчало;
 Лишь изрѣдка надъ головой моею
 Сіяя голубѣ пролетала, и пѣли
 Его волнующія воздухъ крылья.
 Вдругъ вдалекѣ послышался мнѣ кликъ;
 И вижу я: отъ запада идетъ
 Властѣющій ходъ; змѣною безконечной
 Въ долину вьется онъ; и вдругъ я слышу;
 Играютъ маршъ торжественный; и сладкой
 Моя душа наполнилася грустью.
 Пока задумчиво я слушалъ, мимо
 Прошелъ весь ходъ, и я лишь могъ примѣтить
 Тамъ овъ вьстѣ, надъ радостно шумящимъ
 Народомъ, палакпипъ; какъ привидѣнье
 Онъ мнѣ блеснулъ въ глаза; и въ палак-
 Увидѣлъ я царевну молодую, [книгъ
 Певѣгу сѣвера: и на меня
 Она глаза склонила мимоходомъ;
 И скрылось все... когда же я очулся,
 Ужъ царствовала почъ и надъ долиной
 Горѣли звѣзды; но въ моей душѣ
 Былъ свѣтлый день; я чувствовалъ, что въ
 Свершилося какъ будто откровенье [ней
 Всего прекраснаго въ одно живое
 Лико слияннаго.—И вдругъ мой сонъ

Переѣнился: я себя увидѣлъ
 Въ царевомъ домѣ, и лицомъ къ лицу
 Предстало мнѣ души моею видѣнье;
 И мишлося мнѣ, что годы пролетѣли
 Мгновеньемъ надо мною, оставивъ мнѣ
 Воспоминаніе какихъ-то свѣтлыхъ
 Время, чего-то чуднаго, какой-то
 Волшебной жизни.—И мой сонъ
 Опять переѣнился: я увидѣлъ
 Себя на берегу рѣки широкой;
 Садилось солнце; тихо по водамъ
 Суда сіяя плыли, и за ними
 Серебряный тянулся слѣдъ; вблизи
 Въ кустахъ свѣтился домикъ; на порогѣ
 Его дверей хозяйка молодая
 Съ младенцемъ сияющимъ на рукахъ стояла..
 И то была моя жена съ моею
 Малюткой дочерью... и я проснулся;
 И милый сонъ мой сталъ блаженной былью.

И нынѣ тихо, безъ волненья, льется
 Потокъ моей уединенной жизни.
 Смотри въ лицо подруги, данной Богомъ
 На освященъе сердца моего,
 Смотри, какъ спитъ сномъ ангела на ложѣ
 И матери младенецъ мой прекрасный,
 Я чувствую глубоко тотъ покой,
 Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
 Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
 Земныя всѣ смиряющій тревоги:
 Да не смущается твоя душа,
 Онъ говоритъ мнѣ, вѣруй въ Бога, вѣруй
 Въ меня. Мнѣ было суждено своею
 Рукой на двухъ родныхъ, земной судьбной
 Разрозненныхъ могилахъ тѣ слова
 Спасителя святыхъ написать;
 И вотъ теперь на вечерѣ моемъ,
 Рука жены и дочери рука
 Еще на легкой жизненной страницѣ
 Ихъ пишутъ для меня, дабы нотомъ
 На гробовой гостепримный камень
 Перепести въ успокоенье скорби,
 Въ воспоминаніе земного счастья,
 Въ вознагражденіе любви земныя
 И жизни вѣчныя на упованье.

И въ тихій мой пріютъ, отъ всѣхъ заботъ
 Житейскаго живою оградой сада
 Отгороженный, другъ микувшихъ лѣтъ,
 Поэзія ко мнѣ порой приходитъ

Разказами досугъ мой веселить.
И живъ въ моей душѣ тотъ свѣтлый образъ,
Который такъ ее очаровалъ
Во время оно... Часто на краю
Небесъ, когда ужъ солнце сѣло, видимъ
Мы облака; пзъ-за пурпурныхъ ярко
Выглядываютъ золотыя, свѣтлымъ
Вершинамъ горъ подобныя; и видитъ
Воображенъе тамъ, какъ будто, область
Иного міра. Такъ теперь созданьемъ
Мечты, какой-то областью воздушной
Лежитъ вдали минувшее мое;
И мнится мнѣ, что благодатный образъ,
Многъ встрѣченный на жизненномъ пути,
Попрежнему оттуда мнѣ сіяетъ.
Но онъ ужъ не одинъ, и ихъ два; и прежній
Въ коронѣ, а другой въ вѣнкѣ живомъ
Изъ бѣлыхъ розъ, и съ прежнимъ сходятъ
онъ
Какъ расцвѣтающій съ расцвѣтшимъ цвѣ-
томъ;
И на меня онъ свѣтлый взоръ склоняетъ
Съ такою же пріятною улыбкой,
Какъ тотъ, когда его во снѣ я встрѣтилъ.
И имя имъ одно. И нынѣ я
Тѣмъ милымъ именемъ послѣдній цвѣтъ,
Поэзіей мнѣ данный, знаменую
Въ воспоминаніе всего, что было
Сокровищемъ тѣхъ свѣтлыхъ жизни лѣтъ,
И что теперь такъ сладостно чаруетъ
Покой моей обвечерѣвшей жизни.

Дюссельдорфъ, 16/28 февраля 1843.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Жилъ былъ въ Индіи царь, по имени
Наль. Впразны
Сильнаго сынъ, обладатель царства Нл-
шадекаго, этотъ
Наль былъ славенъ дѣлами, во младости
мудръ, и прекрасенъ
Такъ, что въ цѣломъ свѣтѣ дая, подоб-
наго Налу,
Не было, нѣтъ и не будетъ: между дру-
гими царями
Онъ сіялъ, какъ сіяетъ солнце между
звѣздами.
Ерѣвкій мышцею, свѣтлый разумомъ, чтн-
тель смиренный

Мудрыхъ духовныхъ мужей, глубоко про-
никнувшій въ тайный
Смыслъ писаній священныхъ, жертвъ со-
жигатель усердный
Въ храмахъ боговъ, возжеланный своихъ
обуздателъ, нечистымъ
Помысламъ чуждый, любовь и тайная дума
Дѣвъ, гроза и ужасъ враговъ, друзей упо-
вапье,
Опытный въ трудной военной наукѣ,
искусный и смѣлый
Вождь, изъ лука дивный стрѣлокъ, на-
ипаче же славный
Чуднымъ искусствомъ править конями—
на нихъ же онъ въ сутки
Могъ сто миль проскакать—таковъ былъ
Наль; но и слабость
Такъ же имѣлъ онъ великую: въ кости
играть былъ безмѣрно
Страстенъ. — Въ это же время владѣлъ
Видарбинскимъ обширнымъ
Царствомъ Бима, царь благодушный; онъ
долго бездѣтенъ
Былъ и тяжело скорбѣлъ отъ того, и обѣтъ
предъ богами
Онъ произнесъ великій, чтобъ боги его
наградил
Сладкимъ родительскимъ счастьемъ; и боги
ему даровали
Трехъ сыновей и дочь. Сыновья называ-
лися: первый
Дамасъ, Дантасъ другой, и Даманасъ третій;
а имя
Дочери было дапо Дамалити. Мальчики
были
Живы и смѣлы; звѣздой красоты расцвѣла
Дамалити:
Прелесть ея прошла по землѣ чудесной
молвою.
Въ домѣ отца, окруженная роемъ подру-
жекъ, какъ будто
Свѣжымъ вѣнкомъ, сіяла межъ нихъ Да-
малити, какъ роза
Въ пышной зелени листьевъ сіяетъ, и
въ этомъ собраньи
Дѣвъ сверкала, какъ молнія въ тучѣ пе-
бесной. Ни въ здѣшнемъ
Свѣтѣ, ни въ мірѣ безплотныхъ духовъ,
ни въ странѣ, гдѣ святые

Боги живутъ, никогда подобной красоты не видали;
 Очи ея могли бы привлечь и безсмертныхъ на землю
 Съ неба. Но какъ ни была Дамаянти прекрасна, не менѣ
 Былъ прекрасенъ и Налъ, подобный пламенно-нѣжной
 Думѣ любви, облекшейся въ образъ тѣлесный. И каждый
 Часть о великомъ царѣ Нишадской земли Дамаянти
 Слышала, каждый часть о звѣздѣ красоты благородный
 Царь Нишадскій слышалъ; и цвѣтъ любви изъ живого
 Съмени словъ межъ ними, другъ друга не знавшими, скоро
 Выросъ. Однажды Налъ, безыменной болѣзнию сердца
 Мучимый, въ роцѣ задумчивъ гулялъ; и вдругъ онь увидѣлъ
 Въ воздухѣ бѣлыхъ гусей; распустивъ златоперья крылья,
 Стаей летѣли они, и громко кричали, и въ роцъ
 Шумно спустились. Проворной рукой за крыло золотое
 Налъ схватилъ одного. Но ему сказалъ человѣчьимъ
 Голосомъ гусь: отпусти ты меня, государь, я за это
 Службу тебѣ сослужу: о тебѣ Дамаянти прекрасной
 Слово такое при случаѣ молвлю, что только и будетъ
 Думать она о Налѣ одномъ. То услышавъ, поспѣшно
 Налъ отпустилъ золотого гуся. Вся стая помчалась
 Прямо въ Видарбу, и тамъ опустилася съ крикомъ на царскій
 Лугъ, на которомъ въ тотъ часъ Дамаянти гуляла. Увидѣвъ
 Чудныхъ птицъ, начала Дамаянти съ подружками бѣгать
 Вслѣдъ за ними; а гуси, съ мѣста на мѣсто порхая,

Всѣ разсыпались по лугу; съ ними разсыпались также
 Скоро и всѣ подружки царевнины: вотъ Дамаянти
 Съ гусемъ однимъ осталась одна; и гусь, пріосаясь,
 Вдругъ сказалъ человѣческимъ голосомъ ей: Дамаянти,
 Въ царствѣ Нишадскомъ царствуетъ Налъ; и цвѣтъ и не будетъ
 Между людьми красавца такого. Когда бы его ты женою
 Стала, то счастье твое вполне бѣ совершилось; какой бы
 Плодъ родился отъ союза съ его красотою могучей
 Ибжной твоей красоты. Васъ другъ для друга послали
 Боги на землю. Повѣрь тому, что тебѣ говорю я,
 О тихонравная, сладкопривѣтная, чистая дѣва!
 Много мы въ странствіяхъ нашихъ луговъ человѣческихъ, много
 Райскихъ обителей неба видали; въ странѣ великановъ
 Также намъ быть довелось; но дондѣ еще, Дамаянти,
 Встрѣтить подобнаго Налю царя намъ нигдѣ не случилось:
 Ты жемчужина дѣва, а Налъ мужей драгоценный
 Камень. О, если бы вы сочетались! тогда бы узрѣли
 Мы на землѣ неземное. Такъ гусь говорилъ. Дамаянти,
 Слушая, радостно рдѣла; потомъ въ отвѣтъ прошептала,
 Вся поблѣдивъ отъ любви: *скажи ты то же и Налю.*
 Быстро, быстро поднялся онь, дважды рожденный, сначала
 Въ видѣ яйца, потомъ изъ яйца, и въ Нишадское царство
 Прямо помчался, и тамъ разсказалъ о случившемся Налю.
 II.
 Послѣ того, что сказалъ ей гусь золотой, Дамаянти,

Словно, какъ будто, съ собою разставшись,
 была безпрестанно
 Съ Налемя прекраснымъ. Объятая тайною
 думой, влачлася
 Шаткой, невѣрной стоною, какъ будто въ
 какомъ разслабленнѣ,
 То подымая къ небу грустныя очи, то
 въ землю
 Ихъ потупляя, то съ полною тяжкими
 вздохами грудью—
 Временемъ щечи какъ жарь, временемъ
 блѣдныя, очи
 Полныя слезъ, засохшія губы и все въ
 безпорядкѣ
 Мысли, какъ волосы— день и ночь Да-
 маянти вздыхала,
 Слабая, томная; не было ей ни сна на
 постели,
 Ниже покоя на мѣстѣ шпомъ; и, тая въ
 болѣзни,
 Пищи она ни вѣтъя принимать не хотѣла.
 Подружкамъ
 Скоро стало замѣтно, что съ ихъ царев-
 пой прекрасной
 Что-то случилось недобро: скоро достиг-
 нуль печальный
 Слухъ и до Бимы царя, что дочь его Да-
 маянти
 Свой покой потеряла. Какъ скоро объ
 этомъ провѣдалъ
 Царь, то онъ весьма опечалился. Видно,
 настало
 Время любви для тебя, моя Дамаанти,
 сказалъ онъ.
 Вотъ и задумалъ Бима дать пирь, чтобъ
 отвсюду на выборъ
 Съѣхались къ ней женихи. Гонцовъ разо-
 слалъ онъ по разнымъ
 Царствамъ индѣйскимъ: царей приглашать
 на праздникъ въ Видарбу.
 Только къ царямъ и царевичамъ вѣсть
 объ этомъ достигла,
 Все спарядились въ путь; съ востока и
 запада быстрый,
 Шумный потокъ пути наводнилъ, напол-
 няя всю землю
 Смутнымъ гуломъ слоповъ, коней, колес-
 ницъ, и до неба

Пыль густую подымая. Сіяя богатствомъ
 уборовъ,
 Множествомъ ратниковъ, блескомъ оружія,
 пышностью броней,
 Съѣхались гости въ Видарбу; торжественно
 встрѣтили ихъ Бима.—
 Въ это время страствовать вышелъ глава
 и свѣтло
 Всеѣхъ отшельниковъ праведный старецъ
 Нерада; избранный
 Спутникъ его былъ Первата блаженный.
 Изъ пыльного міра
 Темныхъ гробовъ пропекнулъ онъ въ цар-
 ство небеснаго свѣта,
 Въ оный предѣлъ, гдѣ садъ веселій двѣ-
 тетъ, гдѣ великій
 Властвуетъ Индра. Въ свѣтло-воздушныя
 сѣни вступили
 Оба странника; ихъ привѣтствовалъ ра-
 достно Индра;
 Имъ поклоняясь и воздавъ имъ обоимъ
 приличную почесть,
 Царь небесныя тверди спросилъ гостей о
 здоровьи
 Ихъ и цѣлаго свѣта. Владыка, съ покло-
 номъ Нерада
 Индрѣ отвѣтствовалъ: божеской милостью
 вашей здоровы
 Мы, и весь свѣтъ нашъ здоровъ: благо-
 денствуютъ люди и звѣри;
 Въ каждой пылинкѣ и въ каждой бы-
 линкѣ жлзнь и веселье.
 Слыша такой отвѣтъ Нерады, могучій
 правитель
 Міра спросилъ: по гдѣ же мои любимцы,
 кровавыхъ
 Споровъ рѣшители, крови своей проли-
 ватели въ битвахъ,
 Смерти презрители, храбрые міра защит-
 ники? Или
 Свѣтлую область мою населять я люблю:
 но напрасно
 Жду я на пиръ мой желанныхъ гостей,
 не приходятъ
 Гости мои ужъ давно. Скажи мнѣ, святой,
 что случилось
 Съ племенемъ храбрыхъ?—На это отвѣт-
 ствовалъ Индрѣ Нерада:

Я объявлю, всемогущій, тебѣ, отчего такъ
 давно ты
 Здѣсь никого не видишь изъ храбрыхъ
 вождей: Дамаянти,
 Дочь царя видарбинскаго Бимы, которой
 на свѣтѣ
 Нѣтъ ничего подобнаго, хочеть по сердцу
 супруга
 Выбрать, и все цари и царевичи ѣдутъ
 въ Видарбу;
 Всякая ссора забыта, и вотъ почему такъ
 спокойна
 Стала земля, почему и въ твою свѣто-
 зарную область
 Гости давно не приходятъ.—Покуда ихъ
 длилась беседа,
 Прибыли къ Индрѣ его соучастники въ
 міродержавствѣ,
 Агнисъ, властитель огня, Варуна, воды
 повелитель,
 Яма, богъ-земледержецъ. Услышавъ ска-
 занье Нерады,
 Боги воскликнули съ свѣтлымъ лицомъ:
 на выборѣ этомъ
 Будемъ и мы. И на быстрыхъ коняхъ,
 предводимые Индрой,
 Боги пустились въ Видарбу, куда все
 цари собирались.
 Тою порою и Налъ, любовью сгарая, лишь,
 только
 Свѣдалъ о съѣздѣ великомъ въ Видарбѣ,
 на быстрыхъ
 Крыльяхъ желанья помчался; нужды въ
 коняхъ не имѣлъ онъ.
 Боги, спустясь съ высоты, на дорогѣ уви-
 дѣли Наля:
 Былъ красотою онъ свѣтелъ, какъ день;
 и боги, плѣняясь
 Той красотой, на него съ изумленьемъ
 смотрѣли; четыре
 Стихія властителя, въ воздухѣ свой по-
 леть удержавши,
 Вотъ что сказали: здравствуй, нишадецъ,
 войскъ истребитель,
 Налъ Пуньялока. Хочешь ли намъ оказать
 ты услугу?
 Нашимъ посломъ полномочнымъ иди от-
 сюда въ Видарбу.

III.

Все исполню, отвѣтствовалъ Налъ; и руки
 сложивши
 Въ страхѣ невольномъ, съ видомъ покор-
 нымъ спросилъ онъ ихъ: кто вы,
 Солнечнымъ блескомъ одѣтые? Съ вѣстью
 какой повелите
 Мнѣ въ Видарбу ийти?—Ему отвѣтство-
 валь Индра:
 Знай, что мы боги безсмертные, спешіе
 въ міръ для прекрасной
 Дочери Бимы царя Дамаянти, къ которой
 отведу
 Сходятся иныя земные цари; я Индра,
 властитель
 Воздуха; это Агнисъ, огня повелитель
 могучій;
 Это Варуна, двигатель водъ, а это великій
 Тверди земной основатель Яма. Знай же,
 что нынѣ
 Нашъ ты посоль, и вотъ что ты долженъ
 сказать Дамаянти:
 «Вѣдай, царевна, что боги стихій—богъ
 воздуха Индра,
 «Агнисъ огня, Варуна воды и Яма земли—
 къ намъ
 «Съ неба сошли, чтобъ изъ нихъ одного
 избрала ты въ супруги!»—
 Руки сжавъ съ умиленьемъ, Налъ отвѣт-
 ствовалъ Индрѣ:
 Самъ я за тѣмъ же въ Видарбу иду; отъ
 другихъ невозможно
 Быть мнѣ посломъ къ Дамаянти; молю,
 отъ такого посольства,
 Боги, избавьте меня.—На то отвѣтство-
 валь Индра:
 Развѣ не ты, благородный нишадецъ, ска-
 заль намъ исполню?
 Можешь ли слово нарушить? Иди жъ и не
 смѣй отрицаться.—
 Налъ отвѣчалъ съ замѣшательствомъ: какъ
 же дойду я къ царевнѣ?
 Входы все заперты крѣпкою стражей.—
 О томъ не заботься,
 Боги сказали, дойдешь свободно, иди безъ
 боязни.
 Налъ пошелъ, покоряся безъ ропота волѣ
 безсмертныхъ.

Онъ во дворець свободно проникнулъ и тамъ Дамаянти
 Скоро увидѣлъ въ кругу подружекъ; какъ съ неба елѣтѣвнѣйшій
 Ангель, она прекрасна была, и прелестъ любви окружала
 Нѣжныя члены ея, возжелѣнье любви пробуждая
 Въ каждомъ сердцѣ; и мѣсяцъ, и солнце не столь утѣшали
 Свѣтомъ своимъ, какъ ея пѣвнѣтельно-дѣвственнѣйшій образъ.
 Муку любви почувствовалъ Налъ при видѣ волшебномъ
 Стройнаго стана ея; но онъ пересилилъ стремленье
 Силы мучительной. Всѣ подружки царевны векочили
 Съ мѣстѣ, изумленныя входомъ нечаяннымъ Наля; прекрасный
 Образъ его поразилъ ихъ такъ, что имъ показалось
 Небо отверстымъ. Не смѣя его спросить, межъ собою
 Тихо шептались онѣ, повторяя: откуда пришесть онъ?
 Кто онъ? какой онъ породы? райской? земной? исполннской?
 Такъ вопрошали другъ друга онѣ, ослѣпленныя блескомъ
 Наля, очей на него поднять не смѣя (столь боги
 Прелестъ его, ужъ и такъ неземную, блескомъ небеснымъ
 Вдругъ возвеличили). Въ это мгновенье предъ нимъ Дамаянти
 Съ сердцевластительнымъ взоромъ, съ улыбкой, чарующей душу,
 Молча стояла, молча глядѣла, и таяла тайнымъ
 Пламевемъ. Кто ты? она напослѣдокъ спросила,
 Кто ты, все озаряющій, прелестью дышащій, душу
 Радостной мукой объемлющій? Какъ ты проникнулъ въ обитель
 Царской дочери, всѣмъ затворенную, мимо царевой

Стражи, никѣмъ не замѣченный? Кто ты? Какое ты пошлѣ
 Имя? — На этотъ вопросъ видарбинской прекрасной царевны
 Налъ отвѣтствовалъ: знай, Дамаянти, я Налъ; я въ Видарбу
 Присланъ, царевна, тебя извѣститъ, что великіе боги
 Индра, Агнишь, Варуна и Яма спустились на землю
 Съ неба за тѣмъ, чтобъ изъ нихъ одного избрала ты въ супруги.
 Ихъ могуществомъ могъ и сюда перимѣтно пройти я;
 Зная теперь, зачѣмъ я здѣсь, видарбинская дѣва,
 Сдѣлай сама, что пойдешь для себя и благимъ, и приличнымъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Вѣсть такую услышавъ, сначала богамъ Дамаянти
 Сердцемъ смиреннымъ свою принесла благодарность; съ улыбкой
 Налю сказала потомъ: не боги, а ты мой избранный
 Свѣтлый женихъ; я твоя, и все, чѣмъ я обладаю,
 Все, что люблю я, каждое явное, тайное чувство
 Сердца, всѣ мысли, желанья, и жизнь и все, мой прекрасный
 Царь, владыка души, твое безъ остатка. Что бѣлый
 Гусь мнѣ сказалъ, то сердце мое сокрушило, и были
 Всѣ цари и царевичи созваны мною на выборъ
 Только за тѣмъ, чтобъ привлечь и тебя: но ты ужъ заранѣ
 Избранъ; отдаться тебѣ поклялась я, и быть ты
 Здѣсь ужъ давно ожидаемъ; но только со всѣмъ для ипого.
 Сватайся жъ самъ за меня; тебѣ неприлично являться
 Здѣсь посломъ отъ другихъ; и знай, что, если тобою

Буду отвергнута я, отъ которой приѣмлешь
 ты пылъ
 Почесть такую, то все мнѣ смертію бу-
 деть: вода ли,
 Ядъ ли, огонь ли, веревка ли, все мнѣ
 равно; нестерпимо
 Женскому сердцу въ любви безотвѣтно при-
 знаться. На это
 Налъ видарбинской царевнѣ отвѣтствовалъ:
 Какъ же ты можешь
 Вѣчнымъ богамъ предпочестъ обреченнаго
 смерти? Какъ можешь
 Съ тѣмъ, отъ коихъ жизнь истекаетъ;
 къмъ держится зданье
 Міра, ставить меня на ряду, недостойнаго
 съ прахомъ
 Погъ ихъ сравнится? Идущій противъ
 воли безсмертныхъ
 Смерти навстрѣчу идетъ. О, плѣнительно-
 стройная дѣва!
 Будь мнѣ спасенъ, избравши небесное
 вмѣсто земного.
 Легкость чистыхъ, безпыльно-эирныхъ
 одеждъ, неземные
 Перы, вѣнки и повязки боговъ предпо-
 чти, и блаженствуй.
 Что желаннѣй тебѣ? Благовонный ли воз-
 духъ? Огня ли
 Жертвенный пылъ? Живая ли влага воды?
 Иль твердыня
 Вѣчной земли? Однѣ, лазурно-воздуш-
 нымъ пространствомъ
 Міръ объемля, движенъемъ и свѣтомъ его
 наполняютъ;
 Искрою въ каждой пылинкѣ таяся, дру-
 гою проникаетъ
 Все, разрушая тѣла, и духу даруя свободу;
 Третій, кристальною цѣнною землею обвивъ
 и на зыбкомъ
 Пухѣ воды отдыхая, жемчужины шити
 влетаетъ
 Въ кудри свои; четвертый даетъ живущему
 мѣсто,
 Мертвому пристаеъ и все созданье на судъ
 собираетъ—
 Вотъ твои женихи, Дамаянты; богамъ ли
 безсмертнымъ
 Ты откажешь? Не дѣлай того, послушайся
 друга.—

Съ трепетомъ сердца и влагой печали за-
 тмивши сіянье
 Свѣтлыхъ очей, отвѣчала ему Дамаянты:
 всецѣльны
 Вѣчные боги; я чту ихъ всемъ сердцемъ
 и имъ покланяюсь
 Съ вѣрой; но ты мой женихъ; ты избравъ
 любовію; этой
 Правды скрывать не хочу я. Такъ говоря,
 Дамаянты
 Очи стыдливо склонила и руки прижала
 къ дрожащимъ
 Дѣвственно чистымъ грудямъ съ умоляю-
 щимъ видомъ. Вздохнувши,
 Налъ отвѣчалъ: не забудь, Дамаянты, что
 я предъ тобою
 Въ санѣ посла, нарушу ль святуя довѣ-
 ренность? Буду ль
 Ныпѣ просить для себя того, что строго
 велитъ мнѣ
 Должность просить для другихъ? Насту-
 шить мой часъ, и безъ страха
 Стапу за право свое. Ты сама объ этомъ
 размысли,
 Радость очей, видарбинская роза. Вдохъ
 утаивши,
 Тихо въ отвѣтъ Дамаянты шепнула: о другъ,
 мы согласны
 Въ мысляхъ; ты путь прямой избери, чтобъ
 упреха и тѣни
 Пасть на тебя не могло. Приходи же, о
 ты, украшенье
 Смертныхъ людей, съ богами ко мнѣ на тор-
 жественный выборъ;
 Тамъ въ присутствіи сильныхъ властите-
 лей міра, тебя я
 Выберу, царь благородный, тогда и ты
 предъ богами
 Правымъ и чистымъ останешься. Этотъ
 отвѣтъ видарбинской
 Дѣвы принявши, Налъ возвратился въ то
 мѣсто, гдѣ были
 Собраны боги. Посла своего издалика увидя,
 Міродержавцы спросили его съ живымъ
 любопытствомъ:
 Что ты скажешь? Какой отвѣтъ намъ при-
 несъ отъ царевны?
 Налъ сказалъ: посланникомъ вашимъ про-
 никъ я въ жилище

Царской дочери, мимо стражей, невидимый
стражамъ,
Видимый только царицѣ одной; конечно
то было
Такъ устроено вашею властью: съ царев-
ной нашелъ я
Много подругъ; онѣ вскочили, меня ис-
пугавшись;
Но Дамаанти, прекрасный свѣтло смѣю-
щійся мѣсяць,
Въ то мгновенье, какъ вашу волю, без-
смертные боги,
Я объявлялъ ей, меня самого въ затмѣни
разсудка
Выбрала. Вотъ что сказала въ отвѣтъ мнѣ
царица: «пусть придутъ
«Боги вмѣстѣ съ тобою ко мнѣ на торже-
ственный выборъ;
«Тамъ въ присутствіи сильныхъ властите-
лей міра, тебя я
«Выберу, царь благородный; тогда и ты
предъ богами
Правымъ и чистымъ останешься». Ваша
воля святая
Мною исполнена, вѣчные боги; теперь,
умоляю,
Должность посла снимите съ меня и сво-
боду мнѣ дайте.

II.

Вотъ съ наступленіемъ дня пригласилъ
царь Вима на выборъ
Всѣхъ своихъ знаменитыхъ гостей. Собра-
лись въ обширной
Царской палатѣ цари и царевичи; взоры
ихъ жаркой
Жаждой любви пламенѣли; они прошли
сквозь золотыя
Своды высокихъ дверей, какъ львы сквозъ
разсѣлину; въ блескѣ
Свѣжихъ душистыхъ вѣнковъ, въ сергахъ
драгоценныхъ сидѣли
Тамъ величавые гости на пыльных, упру-
гихъ подушкахъ;
Тѣсно ихъ сонмище было, какъ львиная
грива густая;
Полная жъ ими палата казалась разину-
тымъ зѣвомъ
Тигра, полнымъ зубовъ. И было тутъ чѣмъ
любоваться:

Крѣпкія бедра, какъ будто столбы, ли-
тые изъ мѣди,
Сильныя мышцы и плечи, какъ будто
могучіе дубы,
Съ гибкими пальцами руки, какъ змѣи съ
пятью головами,
Гордые шеи, свѣтлымъ гранитнымъ зуб-
цамъ на вершинахъ
Горныхъ подобныя, въ блескѣ прекрасныхъ,
весельемъ горящихъ
Лицъ и пыльныхъ волосъ и высокихъ бровей
и огнистыхъ
Глазъ. И въ собраніи гостей вошла Дама-
анти, чтобъ умъ ихъ
Взглядомъ однимъ помутить, чтобъ глаза
и сердца ихъ опутать
Сѣтью любви. И всѣ къ ней очами при-
льнули, какъ птицы
Къ клейкой охотничьей жерди. Долго кру-
гомъ
Взоръ свой водила; но тотъ, кто одинъ былъ
и въ сердцѣ и мысляхъ,
Ей не являлся. Вдругъ видитъ царица
пять одинакихъ
Образовъ; были они передъ нею; то къ ней
прибавжались,
То отъ нея отходили; и каждый ей пред-
ставлялся
Надемъ, какъ скоро глаза на него она
обращала;
Мысли ея помутились. Она подумала: что
мнѣ
Дѣлать? Какъ четырехъ боговъ отличу я
отъ Наия?
Взоры ея напрасно божественныхъ зна-
ковъ искала.
Знаковъ, о коихъ дошли къ намъ издревле
сказанья, не поить
Здѣсь на себѣ ни одинъ изъ видимыхъ
мною, царица
Думала. Вотъ наконецъ, по долгомъ съ со-
бой размышленіи,
Такъ рѣшилась она: къ богамъ подойду я
съ молитвой;
Боги молитвы моея не отрицуть. И съ вѣ-
рой смиренной,
Руки сложивъ и къ грудямъ богомольно
прижавъ ихъ, царица

Такъ сказала: «боги безсмертныя, боги
 святыя,
 «Мною избраннаго, сердцемъ желаннаго
 мнѣ покажите;
 «Если предъ вами я дѣломъ и мыслию прав-
 ду хранила,
 «Если молюся вамъ съ теплою вѣрою,
 если вы сами
 «Мнѣ, ужъ избраннаго мною самою, въ су-
 пруги избрали,
 «Если его я любить поклаяся и если
 должны быть
 «Клятвы священны, то мнѣ вы его по-
 кажите, благіе
 «Боги, и знаки свои мнѣ откройте, чтобъ
 васъ я почтила».

Столь сердечную жалобу слыша изъ устъ
 Дамаянти,
 Видя ея чистоту и любовь и покорность
 ихъ волю,
 Видя правдивость ея и кроткое сердце и
 свѣтлый
 Умъ, согласилась немедля ея желанье ис-
 полнить
 Боги, и приняли знаки свои. Тогда Да-
 маянти
 Ихъ во мнговѣнье узнала по зорко-спо-
 койному оку,
 Лицамъ безпятнымъ, свѣтло-петлѣннымъ
 вѣнкамъ, недоступнымъ
 Пыли бѣлымъ одеждамъ, безвѣнному тѣлу
 и дивной
 Легкости быстрыхъ движеній, съ какою они
 передъ нею
 Вѣяли съ мѣста на мѣсто, земли не касаясь
 ногами.
 Рядомъ съ ними, подутѣшенныи, въ вѣн-
 кѣ ужъ завядшемъ,
 Пылью и потомъ покрытый, стоялъ на зем-
 лѣ, съ помраченнымъ,
 Грустно потуленнымъ взоромъ, задумчи-
 выи Налъ. Дамаянти
 Вызвала тотчасъ его изъ ередни безсмерт-
 ныхъ и выборъ
 Свой изъявила обычнымъ обрядомъ, сми-
 ренно коснувшись
 Края одежды его и на кудри ему нало-
 живши

Свѣжій душисто-блестящій вѣнокъ. Совер-
 шился великій
 Выборъ: со всѣхъ сторонъ раздался тор-
 жественно клики;
 Всѣ цари и царевичи, мужи святыя и боги,
 Выборъ одобривъ, воскликнули: *Слава!*
 счастливому Налю.
 Онъ же, полный блаженства любовью, своей
 нареченной,
 Робко краснѣющій, очи склонившей, дро-
 жащей певѣсть
 Такъ сказалъ съ трепетаніемъ сердца, по
 голосомъ твердымъ:
 Если могла при безсмертныхъ богахъ ты
 смертнаго мужа
 Такъ почитать, Дамаянти, то слушай:
 тебя я
 Самъ предъ людьми и богами своєю женой
 именуя,
 Весь на цѣлую жизнь отдаюся тебѣ, и
 доколѣ
 Будетъ духъ жизни въ тѣлѣ моемъ, до-
 толѣ, о дѣва,
 Роза Видарбы, я буду твоимъ: мое объ-
 щанье
 Съ вѣрой прими, на меня положишь; от-
 нынѣ тебя я
 Буду питать, защищать, и чтить и хра-
 нить, и останусь
 Вѣренъ тебѣ всегда, во всемъ, и словомъ,
 и дѣломъ,
 Радость и горе, богатство и бѣдность, и все
 неизмѣнно
 Въ жизни съ тобою раздѣляя. Обѣтъ такой
 произнесши,
 Свѣтлый женихъ передъ всѣми своей лу-
 чезарной певѣсть
 Далъ цѣломудренно первый любви поцѣ-
 луй; и другъ другомъ
 Долго въ блаженствѣ вѣкомъ любовались
 они; напослѣдокъ
 Вспомнивъ, что боги близко, и царь и
 царица предъ ними
 Пали съ молитвой; и боги скрѣпили своей
 благодатлю
 Бракъ ихъ; податели всякаго блага, они
 даровали
 Налю четыре великія силы: могучій вла-
 ститель

Воздуха даль ему зоркость очей съ способностью въ каждомъ Мьсть просторъ находить и вездѣ освѣжаться прохладою; Богъ огня даровалъ обладанье огнемъ и возможность Видѣть безъ ужаса блескъ мірозданья; Тврди далъ твердую поступь, чтобъ былъ для него безопасенъ Всякій путь по землѣ, и тонкій вкусъ для разбора Пищи; владыка воды наградилъ могуществомъ воду Всюду творить и цвѣты рождать единымъ желаньемъ. Такъ одаривши царя, и царевицъ всѣ четверо вмѣстѣ Дали одно обѣщанье: что брака ихъ радостью будутъ Сынъ, какъ отецъ, и дочь, какъ мать, прекрасныя. Милость Имъ изъясвивши такую, боги сокрылись; за ними Велѣдъ и цари и царевици, выборъ невѣсты одобривъ, Въ путь обратный пустились. Царь Вима, увидя, что схлынуть Этотъ приливъ гостей, устроилъ свадебный праздникъ. Паль, сочетавшись съ своею царевною, пробылъ въ Видарбѣ Первые дни въ весельи и въ радости сладкой; потомъ онъ Въ царство свое, блаженный, прославленный, съ милою женою, Честію женою, звѣздой красоты и любви, возвратился. Тамъ въ благовопныхъ рощахъ, въ роскошныхъ царскихъ палатахъ Онъ благоденствовалъ, тихо и сладостно каплю за каплей Жизни изъ чаши одной выпивая съ ней вмѣстѣ, вкушая Миръ и свободу, въ молитвѣ, въ забавахъ, въ трудѣ и покоѣ, Правду творя и на счастье народномъ свое утверждая.

III.

Боги, покинувъ Видарбу и въ небо свое возвращаясь, Встрѣтили адскаго бога Кали. Провожаемъ Дивсарой, Странствовалъ онъ по землѣ.—Куда направляешь ты путь свой? Индра спросилъ,—Въ Видарбу, Кали отвѣчалъ; Дамаянти Будеть моею женою; мнѣ въ мысли пришло, что я долженъ Ею быть выбранъ.—Съ улыбкой отвѣтствовалъ Индра: ужъ выборъ Сдѣлапъ; ты опоздалъ; при насъ она поклялася Въ вѣрности Налю.—Кали, услышавъ отъ Индры такую Вѣсть, воскликнулъ въ кипѣніи гнѣва: когда Дамаянти Смертнаго мужа поемѣла богамъ предпочесть, то надъ нею Страшно должна отмщена быть такая обида. На это Боги свѣта мрачнымъ богамъ отвѣчали: по волѣ Нашей выборъ свершился въ Видарбѣ; и младъ и прекрасенъ Наль: лишь одною бѣ, лишеною смысла, онъ могъ быть не избранъ, Онъ, непорочный, уставовъ святыхъ настоянный блюститель, Книгъ духовныхъ внимательный чтецъ, своимъ правосудно Правящій царствомъ; онъ, у котораго въ домѣ усердно Приняты съ почестью, съ сладко-душистыми жертвами боги; Онъ, правдивый, твердый и кроткій, людьми и богами Чтимый; онъ, строгій обѣтовъ хранитель, онъ, одаренный Набожнымъ сердцемъ, великой душою, смиреннымъ и силой; Онъ, въ которомъ терпѣнье, умѣренность, благость въ единый Образъ божественной прелеести слиты... Кали, кто враждуетъ Съ праведнымъ Налемъ, тотъ скройся въ пропасти ада, на муку

Вѣчную. Такъ отвѣчавъ, удалилися боги
на небо.
Видя боговъ удалившихся, съ злобой
умѣшкой Двенарѣ
Молвилъ Кали: не прощу никогда я оби-
ды; теперь же
Въ Наля вселюсь, чтобъ его ненавистнаго
ввергнуть въ погибель;
Ты же, Двенара (вѣдь знаемъ давно мы,
какой онъ горячій
Въ кости игрокъ), поселися въ костяхъ
и будь мнѣ помощникъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Съ замысломъ злымъ своимъ прита-
ился въ обители царской
Наля коварный Кали. Онъ все выжидалъ,
чтобъ удобный
Случай открылся ему совершить предпри-
ятное; шесть лѣтъ
Ждалъ онъ напрасно; въ седьмой годъ
предсталъ наконецъ благосклонный
Случай: ко сну отходя, позабылъ совер-
шить очищеніе
Царь, и въ тѣло печистое духъ нечистый
вселился.
Въ сердце Наля проникнулъ Кали, и свя-
тое жилище
Мирной невинности сдѣлалось мутно отъ
злыхъ помышленийъ.
Вылъ у Наля сводный братъ Пушкара.
Далеко
Жилъ онъ въ своемъ городкѣ, небогатымъ
участкомъ довольный;
Хитрый Кали, овладѣвши сердцемъ сми-
реннаго Наля,
Вотъ что сказалъ въ сновидѣннхъ Пушкарѣ:
возьми ты скорѣе
Кости, и къ Налю иди, и игру о царствѣ
Нишадскомъ
Съ нимъ заведи, и будетъ твоимъ Нишад-
ское царство;
Весь проиграется Наль. Пушкара, прель-
щенный нечистымъ
Духомъ, взялъ кости, въ которыхъ уже
скрывался Двенара,
Къ Налю явился и вызвалъ его на игру;
загорѣлся

Бѣшеной страстію Наль, запрыгали кости,
и смертный
Бой начался: и царь, какъ безумный, ста-
вилъ на кости
Все: драгоценные камни, золото, утварь,
одежды,
Замки и земли, и все, одно за другимъ,
ослѣпленный
Хитрымъ врагомъ, онъ проигрывалъ. Тщетно
его Дамаянти
Бросить игру умоляла; ее онъ не слу-
шалъ. Смutilись
Всѣ приближенные, всѣ вельможи, весь
дворъ, всѣ граждане;
Вотъ Дамаянти слышитъ, что всѣ они со-
бралися
Въ царскомъ дворцѣ, чтобъ царю объявить,
какъ сильно тревожить
Ихъ злослочење такое; и въ горькихъ
слезахъ Дамаянти
Такъ сказала царю: въ твоей обители
весь твой
Вѣрный нишадскій народъ собрался и ждетъ
и желаетъ
Свѣтлыя очи увидѣть твои; покажи же,
отвѣтствуй
Имъ на любовь ихъ вниманіемъ царскимъ.
И слезы бѣжали
Быстро изъ глазъ Дамаянти; но царь не
внималъ ей, враждебной
Силою мрачнаго духа объятый. И дворъ
и граждане,
Видя, что Наль ихъ моленья отвергъ, ра-
зошлись, помышляя
Съ горемъ глубокимъ и тяжкимъ стыдомъ:
онъ болѣе не царь намъ!
Кости же тою порою, какъ живыя, летали;
все жарче
Бой разгорался. и царь проигрывалъ съ
каждымъ ударомъ.

II.

Видя, что мужъ отъ игры былъ совѣмъ
безъ ума, Дамаянти
Стала думать о томъ, какимъ бы сред-
ствомъ отъ близкой,
Имъ обоямъ грозящей бѣды защититься;
но труднымъ
Ей показалось спасеніе; безумный Наль
поминутно

Область за областью брату проигрывал.
 Вотъ Дамаянти
 Съ горемъ сказала кормилицѣ старой своей
 Врихазенѣ,
 Чтимою всеми въ домѣ царевомъ, совѣт-
 ницѣ умной:
 Другъ мой, кормилица, слушай; ко мнѣ
 собери поскорѣе
 Всѣхъ совѣтниковъ царскихъ; мнѣ должно
 съ ними исчислить,
 Сколько богатства проиграно, что еще намъ
 осталось.
 Вотъ собралися совѣтники; ихъ повела
 Дамаянти
 Къ Налю, который игралъ безпробудно. Къ
 нему приступила
 Съ ними царица, и, плача, выслушать
 ихъ умоляла.
 Но очарованный Налъ былъ глухъ и слѣпъ
 и безчувственъ;
 Онъ не взглянулъ на нее, не сказалъ ей
 ни слова,
 Все продолжалъ непрежнему съ братомъ
 играть, и стоявшихъ
 Въ горѣ и страхѣ предъ нимъ вельможъ
 не примѣтилъ. Утративъ
 Всю надежду, они съ содроганьемъ оста-
 вили царскій
 Домъ. Царица же долго въ лицо безум-
 ному Налю
 Съ страхомъ смертельнымъ смотрѣла; а
 между тѣмъ роковыя,
 Налю враждебныя, брату его благосклон-
 ныя кости
 Стукомъ своимъ безпрестаннымъ и пуце
 ее ужасала.
 Слушай, кормилица (такъ наконецъ Да-
 маянти сказала
 Вѣрной своей Врихазенѣ), бѣда наступила;
 скорѣе
 Кликни Варшнеею, правителя копей на-
 ревыхъ. Когда же
 Къ ней явился Варшней, устами, слад-
 чайшими меда,
 Вотъ что ему Дамаянти сказала: Варшней,
 сопутникъ
 Вѣрный царя, послужки ему и теперь въ
 наступившемъ

Бѣдствіи: видишь, что каждый проигрышъ
 съ повою
 Силою въ немъ страсть къ игрѣ разжи-
 гаетъ, что кости, какъ будто,
 Противъ него за одно съ Пушкарой; мой
 царь обезумленъ
 Духомъ враждебнымъ, забылъ о народѣ,
 о ближнихъ, не внемлетъ
 Даже и мнѣ; всему причиною кости; въ
 нихъ скрыта
 Адекая сила, а самъ онъ невнименъ. По-
 слушай, мой добрый,
 Вѣрный Варшней, исполни мое повелѣнье:
 всечасно
 Жду со страхомъ и трепетомъ я, что царь
 мой погибнетъ,
 Все проигравъ; но еще не проиграны цар-
 скіе кони
 Быстролетучіе; сядь въ колесницу его и
 немедля,
 Прежде, чѣмъ наша погибель вполнѣ со-
 вершилась, въ Видарбу
 Къ Бимѣ, отцу моему, дѣтей отвези; но
 поклонися
 Сродникамъ всемъ и знакомымъ моимъ;
 когда же отдашь ты
 Все, и спротокъ моихъ, и царскихъ ко-
 пей съ колесницей
 Бимѣ, тогда ты будешь воленъ иль остаться
 въ Видарбѣ
 Или идти въ иную какую землю, куда ты
 Самъ пожелаешь. Варшней, вѣрный пра-
 витель царевыхъ
 Коней, выслушавъ то, что ему Дамаянти
 сказала,
 Созвалъ совѣтниковъ царскихъ; когда же
 и тѣ согласились
 Съ умнымъ желаньемъ царицы, то, взявъ
 дѣтей, онъ побѣжалъ
 Съ ними въ Видарбу. Тамъ, сиюши дѣ-
 тей съ колесницы,
 Отдалъ ихъ Бимѣ, потомъ роднымъ и зна-
 комымъ царцы
 Всемъ отъ нея поклонился, потомъ, не-
 чалимый тяжелой
 Участью Наля, пошелъ въ свой путь, и,
 въ Айоду пришедши,
 Въ службу вступилъ къ царю Ригуперну
 правителемъ коней.

III.

Былъ ужъ далеко Варшней, когда у не-
 счастнаго Наля
 Выигралъ злой Пушкѣра все царство. Съ
 памѣшкой колкой
 Брату сказалъ онъ: ты весь проигрался;
 посмотришь,
 Что ты теперь поставишь на кости; одна
 Дамаянти
 Только и есть у тебя; твое же добро остальное
 Все мое; отвѣдаешь счастья. Чьею женою
 Быть должна Дамаянти, твоею или моею?—
 Это услышавъ, Налъ содрогнулся, вздох-
 нулъ и ни слова
 Не былъ въ силахъ промолвить; но, мрач-
 но взглянувши на брата,
 Снялъ съ себя все уборы и, только одно
 сохранивши
 Бѣдное платье, пицій, ограбленный, царь
 благородный
 Вышелъ смиренно изъ царскаго дома, пе-
 сѣльныхъ сокровищъ
 Полнаго; слѣдомъ за нимъ, безъ роптанья
 судьбѣ покоряся,
 Такъ же одно лишь платье сберегши, по-
 шла Дамаянти.
 Ночь они провели безъ ночлега; подъ смерт-
 ную казнь
 Ихъ принимать запретилъ Пушкѣра гра-
 жданамъ Нишады;
 Новый царь былъ страшенъ, итакъ, ни
 единый изъ прежнихъ
 Подданныхъ не далъ приюта царю без-
 приютному. Близко
 Города, голодь и жажду терпя, однимъ
 безотраднымъ
 Горемъ богатый, три дня и три ночи сряду
 скитался
 Налъ; потомъ онъ далѣ пошелъ, печаль-
 ный, голодный;
 Слѣдомъ за нимъ пошла Дамаянти; для
 скуднаго нищи
 Ягоды рвали они и рыли коренья. Про-
 шло ужъ
 Нѣсколько дней печальнаго странствія: го-
 лодь жестоко
 Мучилъ однажды обоихъ. Вдругъ двѣ злато-
 токрылыя птички

Съли на травкѣ близъ самого Наля. Намъ
 будетъ сегодня
 Пища, сказала онъ, тихоюшко подкрался
 къ птичкамъ, и, снявши
 Съ плечъ послѣднее платье свое, имъ по-
 сѣбно накрылъ ихъ.
 Что же? Съ нимъ вмѣстѣ птички взви-
 лися на воздухъ, и видя,
 Какъ изумленъ былъ Налъ, совѣмъ об-
 наженный, зашѣли:
 «Знаешь ли, кто мы, безумный? Мы кости,
 мы кости! нарочно
 «Мы сюда прилетали, чтобъ взять у тебя
 остальное
 «Платье; намъ было досадно, что ты, со-
 всемъ проигравшись,
 «Съ платьемъ еще оставался. Прости, без-
 разсудный; счастливый
 «Путь!»— И птички исчезли. Налъ ска-
 залъ: Дамаянти,
 Тѣ, отъ которыхъ такую бѣду я терплю,
 кто лишили
 Царства, покоя и счастья меня, отъ ко-
 торыхъ не смѣю
 Нынѣ меня принимать ни одинъ изъ ни-
 шадцевъ—подъ видомъ
 Птицъ златокрылыхъ сюда прилетали, дабы
 остальное
 Платье похитить мое. И теперь я, силъ
 и разсудка
 Горемъ лишенный, тебѣ самой, Дамаянти,
 на выборъ
 Все отдаю. Та дорога ведетъ по горамъ
 Риавапекскимъ
 Прямо въ Авантескую землю; здѣсь по скло-
 пенью Виудійскихъ
 Горъ, вдоль излучистой свѣтло шумящей
 Пайошни проникнешь
 Въ тѣ мѣста, гдѣ отшельники въ кель-
 яхъ святыхъ обитаютъ;
 Здѣсь же дорога въ Видарбу. Такъ Налъ
 говорилъ; но рыданье
 Грудь Дамаянти спирало, и слезы лились
 по прекраснымъ,
 Блѣднымъ щекамъ. Она ему отвѣчала чуть
 слышимымъ
 Голосомъ: сердце мое замираетъ, и я отъ
 печали

Вся цѣпенью при мысли одной о томъ,
 что такъ сильно
 Въ этотъ мигъ тебя, о возлюбленный другъ
 мой, тревожить.
 Царства лишенный, счастье утратившій,
 голодомъ, жаждой,
 Всякой нуждою томимый, царей красота,
 мой единый
 Другъ, какъ могъ пожелать ты, какъ могъ
 ты подумать, чтобъ было
 Миѣ возможно покинуть тебя, отъ тебя
 отказать?
 Иѣтъ, мой прекрасный, тебя, изпуреннаго
 голодомъ, жаждой,
 Горемъ о счастья погибшемъ томимаго, буду
 и въ дигомъ
 Лѣсъ и въ знойной степи утѣшать я и
 словомъ и взглядомъ.
 Знай, что иѣтъ для души и для тѣла вѣр-
 нѣе лѣкарства
 Вѣрной жены.—О! правда твоя, Дамаянти,
 съ улыбкой
 Паль отвѣтствовалъ, иѣтъ для несчастнаго
 лучше лѣкарства
 Вѣрной, любящей жены. Я съ тобою не
 разстанусь; могло ли
 Въ умъ твой войти подозрѣніе такое?
 Скорѣе съ своею
 Жизнью разстануся я, чѣмъ съ тобою, со-
 кровнице жизни.—
 Другъ, для чего же ты миѣ говоришь о
 дорогѣ въ Видарбу?
 О, миѣ страшно! о, свѣтъ мой прекрас-
 ный, останься со мною!
 Будешь себя самого ненавидѣть, меня по-
 терявши.
 Иѣтъ, мой другъ, не указывай миѣ на
 эти дороги;
 Вся душа во миѣ замираетъ отъ горя и
 страха.
 Если же хочешь, чтобъ къ сродникамъ я
 возвратилась въ Видарбу,
 Вмѣстѣ пойдемъ; видарбинскій царь, ро-
 дитель мой, Бима
 Радостно приметъ тебя и твоимъ утѣши-
 телемъ будешь;
 Въ почести будешь со мною ты жить подъ
 отеческой кровлей.—

Паль отвѣчалъ: Дамаянти, сомнѣнія нѣтъ,
 что отецъ твой
 Радостно приметъ меня, и пристанище дасть
 миѣ въ Видарбѣ;
 Но, безпріютный и нищій, туда не пойду
 я. Могучимъ,
 Славнымъ, богатымъ, подателемъ счастья
 тебѣ я оттуда
 Вышелъ; могу ли туда возвратиться без-
 сильнымъ, безславнымъ,
 Нищимъ, счастья жизни твоей разруши-
 телемъ? Лучше
 Вмѣстѣ съ тобою, о свѣтлый мой ангелъ,
 пойду въ одинокій
 Путь по горамъ, по долинамъ, питаюсь
 воздухомъ, жажду
 Свѣжей росой утоляя, чтобъ только лишь
 солнце и мѣсяцъ,
 Нынѣ насъ страждущихъ видѣли, прежде
 насъ видѣвъ блаженныхъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Такъ утѣшалъ сокрушенную спутницу
 Паль; Дамаянти,
 Нѣжно къ нему прижимаясь, одѣла его
 половинной
 Скудной одежды своей; и такъ подъ однимъ
 покрываломъ,
 Голодь и жажду терпя, дорогою трудной
 достигли
 Оба къ низенькой хижинѣ, лѣсомъ густымъ
 окруженной;
 Тамъ, утомленные, пылью покрытые, царь
 и царица
 Другъ подлѣ друга лежали на голой землѣ
 безъ подушки.
 Паль заснулъ, и скоро глубокимъ сномъ
 Дамаянти
 Также заснула. Но сонъ царя злополучнаго
 длился
 Мало; тяжесть лежала на сердцѣ его; про-
 будившись,
 Сталъ онъ думать о царствѣ своемъ, о
 потерянномъ счастьи;
 Страпствіе въ дикихъ лѣсахъ и степяхъ
 его ужасало;
 Умъ его помутился. Что за судьба! про
 себя онъ

Такъ говорилъ: не лучше ль мнѣ смерть,
чѣмъ изгнанье и бѣдность?
Эта жъ несчастная, мнѣ себя посвятившая...
должно ль
Ей безъ вины раздѣлять мое заслуженное
горе?
Разно со мною она къ роднымъ возвра-
тится; со мною жъ
Вмѣстѣ удѣломъ ей будетъ страданье одно:
такъ не лучше ль
Намъ разстаться?—Такъ онъ все думалъ,
думалъ, и скоро
Въ пемь утвердилася мысль, что ему Да-
маянти покинуть
Должно. Гдѣ бы она ни была, онъ сказалъ,
никакая
Вражья рука ей, небесно-прекрасной, бо-
жественно-чистой,
За приключить не дерзнетъ; опасность
можетъ грозить ей
Только тамъ, гдѣ буду съ ней я, на бѣду
обреченный.
Такъ онъ, врагомъ обуянный, знакомился
съ мыслью разлуки.
Какъ же мнѣ быть? наконецъ онъ сказалъ:
я нагъ; ужъ не взять ли
Мнѣ половину платья ея? Но могу ли то
сдѣлать
Такъ, чтобъ она не проснулась?—И онъ
бродилъ въ перѣбланныхъ
Мысляхъ около хижины; вдругъ на землѣ
онъ увидѣлъ
Ржавый клинжалъ безъ поженъ; поспѣшно,
съ радостью дикой
Этотъ клинжалъ онъ схватилъ и имъ поло-
вину отрѣзалъ
Платья у спящей жены и той половиной
покрылся.
Послѣ, какъ будто въ испугѣ, зажавши
глаза, побѣжалъ онъ
Прочь, по скоро назадъ возвратился и
горько заплакалъ,
Глядя на спящую. «Та, на которую вѣ-
теръ холодный
«Дунуть не смѣлъ, которую знойное солнце
не смѣло
«Жаркимъ лучомъ потревожить, краса мо-
лодая, усада

«Жизни моей, подобно безумной, въ обрѣ-
занномъ платьѣ
«Здѣсь на жесткомъ камнѣ лежитъ. О,
ангелъ небесный,
«Свѣтъ души, Дамаянти, что будетъ съ
тобою, когда ты
«Болѣ меня не найдешь? О, дочь прекрас-
ная Бимы,
«Какъ же ты будешь бродить, не имѣя
защитника въ дикомъ
«Лѣсѣ, гдѣ львы и тигры живутъ, гдѣ
змѣи гнѣздятея.
«О! вы, боги земные, боги воздушные, духи
«Горъ и пещеръ, охраняйте ея прекрасную
младость!
«Самый же вѣрный ей щить ея непороч-
ность святая!»
Такъ сказавъ, опять удаляется Наль отъ
безопасно
Спящей спутницы, слова приходилъ, снова
уходилъ,
Плача, терзаясь, то сильнымъ врагомъ, то
любовью влекомый.
Но наконецъ Кали одолѣлъ: трепещущій,
блѣдный,
Тяжко стеною, чуть движа ногами, пошелъ
онъ и скоро
Скрылся, и въ дикомъ лѣсу одна Дамая-
нти осталась.

II.

Только что Наль удался, они свои Да-
маянти
Съ ясной улыбкой открыла; щипеть его,
озпраясь
Робко по вѣмъ сторонамъ... когда же нигдѣ
не нашелся
Другъ желанный, то страхъ предвѣщатель-
ный душу пронзилъ ей;
Вдругъ она закричала отчаянно-жалобнымъ
крикомъ:
Наль! по отвѣта ей не было. Царь мой,
она возопила,
Мой повелитель, защитникъ, мой спутникъ,
ужелъ
Могъ ты покинуть меня въ такой безирют-
ной пустынь?
Я умру отъ страха въ этомъ лѣсу; воз-
вратися,

Наль, мой другъ, мой желанный! Ужели
 меня обманулъ ты?
 Могъ ли ты слово нарушить свое и меня,
 беззаботно
 Спящую, кинуть? О гдѣ ты? куда ты, въ
 какую
 Сторону, милый, пошелъ? Подожди, воз-
 вратися; какъ могъ ты
 Бросить жену, полжизни твоей? Иль надъ
 нею, певинной,
 Хочешь отмстить чужую вину? Но вспомни
 же, что ты
 Ей обѣщаль въ присутствіи вѣчныхъ бо-
 говъ? О! теперь я постигла
 Въ горѣ моею, что намъ умереть въ не-
 указанной свыше
 Чась нельзя—иначе могла ли бѣ прожить
 я единый
 Мигъ, потерявши тебя? О, нѣтъ, ты только
 пугаешь
 Шуткой меня; перестань же, мой другъ;
 отъ шутокъ подобныхъ
 Стынетъ кровь и мертвѣетъ душа; я робка;
 воротися;
 О! я знаю, ты близко, ты скоро пока-
 жешься; дай же
 Свѣтлыя очи твои мнѣ увидѣть! О, гдѣ ты?
 Въ какую
 Чашу лѣсную ты скрылся, чтобъ душу
 мою растревожить?
 Ахъ! по если ты вправду со мною раз-
 тался, и если
 Болѣе ко мнѣ не придеши и мнѣ не по-
 дашь въ утѣшенье
 Руку, то я не себя оплакивать буду; я буду,
 Милый, скорбѣть о тебѣ; ты одинъ; что
 будетъ съ тобою.
 Всѣми на свѣтѣ оставленнымъ, грустнымъ,
 усталымъ, голоднымъ,
 Жажущимъ? о, мой милый, что будетъ,
 что будетъ съ тобою
 Въ тѣ минуты, когда ты, меня ужъ не
 видя очами,
 Будешь видѣть душою, и будешь звать,
 п нельзя ужъ
 Будеть дозваться меня, и ужъ болѣе меня
 ты не встрѣтишь?...
 Такъ говорила въ печали своей Дамаянти,
 то плача

Горько, то падай съ тяжкимъ рыданьемъ
 на землю, то съ громкимъ
 Крикомъ съ земли подымаясь и лѣсъ на-
 полняя стѣнашьемъ.
 Вотъ послѣ долгаго плача, рыданья, крика
 и стопа,
 Съ чувствомъ живого къ нему сожалѣнья,
 она возопила:
 Кто бы ни былъ тотъ врагъ, чья зависть
 и злоба такое
 Зло приключили царю моему, пускай не-
 пытаетъ
 Онъ, ненавидимый, сугубое зло; пускай
 искуситъ,
 Чистую душу царя моего увлекшій въ такое
 Дѣло, все мукъ мои въ свою нечестую
 душу
 Приметь. Такъ проклявши врага, подпкому
 лѣсу,
 Полному злыхъ людей и чудовищъ, пошла
 Дамаянти
 Медленнымъ шагомъ, куда глядѣли глаза,
 и твердила
 Грустною горлицей: милый, возлюбленный,
 гдѣ ты? и слезы
 Градомъ катились изъ глазъ, и грудь раз-
 рывалась отъ вздоховъ.
 Вдругъ на нее съ высокаго дерева кину-
 лась съ страшнымъ
 Свистомъ змѣя, голодная, длинная, жадно
 добычу,
 Въ вѣтвяхъ древесныхъ склублившись, сте-
 регшая. Сжатая въ крѣпкихъ
 Кольцахъ чудовища, только о миломъ сво-
 емъ Дамаянти
 Въ часъ гибели думала. Гдѣ ты? она
 восклицала,
 Другъ, поспѣши на помощь ко мнѣ поги-
 бающей; горько,
 Горько будетъ подумать тебѣ, когда воз-
 вратишься
 Снова на царство, пѣбывувъ отъ бѣды,
 что меня ты покинулъ
 Такъ беззащитно въ лѣсу на гибель.
 Отинѣи кто будетъ,
 О, мой царь, тебя, одинокаго страшика,
 въ темномъ
 Лѣсѣ, въ знойной степи, утомленнаго, го-
 ремъ, болѣзнию

Голодомъ, жаждой томимаго, въ зной полу-
денный, въ жестокий
Холодъ ночной утѣшать, ободрять и по-
контъ? Меня ужъ
Въ свѣтѣ не будеть... Но жалобный стоишь
Дамаянти услышалъ
Шедшій вблизи звѣроловець. Онъ кинулся
къ ней и, нацѣливъ
Мѣткимъ копьемъ, змѣю умертвилъ. Спа-
сена Дамаянти.
Выпутавъ пѣжные члены ея изъ губи-
тельныхъ колець,
Онъ съ удивленьемъ спрашивалъ: откуда,
красавица, кто ты?
Дѣва съ глазами живой антилопы, какую
судьбою,
Въ эту пустыню зашла ты и вверглась
въ такую опасность?
Съ грустно-привѣтной улыбкою повѣсть
свою Дамаянти
Всю простодушно ему разказала. Ее предъ
собою
Видя полубоженную, съ дѣвственно-
полною грудью,
Съ стройно-воздушнымъ стапомъ, съ устами
цвѣтущими, въ нынѣшномъ
Шелковыхъ, черныхъ волосъ покрывалѣ,
съ яркимъ блистальемъ
Черныхъ глазъ подъ бровями, прекрасною,
тонкой дугою
Ихъ осѣнившими, онъ во мгновение звѣрской
любовью
Вспыхнулъ; и взоромъ безстыднымъ ее
пожиралъ онъ, и руки
Около гибкаго стана обвить онъ хотѣлъ,
и рвался онъ
Къ чистымъ устамъ, чтобъ ихъ освернить
поцѣлуемъ. Но гнѣвомъ
Очи ея, какъ небесная молнія, вспыхнули;
грозно
Душу пронзающій взоръ на него она устре-
мила.
Если то воля безсмертныхъ, чтобъ мною
владѣлъ безъ раздѣла
Данный мнѣ имъ супругъ, то теперь же
пади бездыханенъ,
Грагъ ненавистный, на землю! сказана она,
и лишь только

Гнѣвное слово языкъ произнесъ, какъ уже
святотатець
Мертвъ передъ нею лежалъ, убитый ея
заклинаньемъ.

III.

Чудомъ спасенная, снова пошла Дамаянти
пустыннымъ
Лѣсомъ впередъ, и чѣмъ далѣе шла, тѣмъ
мрачнѣй становился
Лѣсъ; деревья сплетались вѣтвями; мошки,
густою
Тучей клубяся, жужжали; рыкали львы,
и ужасный
Въ хворостѣ шорохъ отъ тигровъ, буйво-
ловъ, рысей, медвѣдей
Слышался ей; нигдѣ дороги не было; всюду
Падшія гнили деревья; межъ трупами ихъ
пробивались
Дикія травы, въ которыхъ шипы вороца-
лись змѣи;
Виравъ и влѣвъ, въ кустахъ и въ вер-
шиннахъ деревъ раздавались
Бряки орловъ плотоядныхъ и хлопали
крыльями совы.
Лѣсъ наконецъ уперся въ высокую гору,
гдѣ жили
Съ давнихъ лѣтъ великаны и карлы, ко-
торой вершина
Въ небо вдвигалась, а темное чрево хра-
нилищемъ рѣдкихъ
Камней было. Тамъ чудно скалы на скалы
громоздились;
Били живымъ серебромъ по бокамъ ихъ
каючи; водопады
Мчались, сверкали, кпѣбли, ревели межъ
скаль; неподвижно
Черная тѣнь лежала въ долинахъ и ярко
блистали
Голые камни вершинъ; въ бездонно-глу-
бокихъ пещерахъ
Грозно таились драконы и грифы. Такою
дорогой
Шла Дамаянти, сама не зная куда, съ
пензѣппой
Вѣрностью къ другу, ей измѣнившему, съ
сердцемъ смреннымъ,
Съ чистымъ въ душѣ цѣломудріемъ, съ
вѣрой, не знающей страха;

Шла она, шла и пришла въ пустынное
мѣсто; и въ грустныхъ
Мысляхъ о другѣ далекомъ младыя уста
растворила
Къ жалобѣ пѣжной, и такъ, поминая его,
говорила:
«Гдѣ ты царь благородный, нишадецъ пре-
красный, могучій?»
«Гдѣ ты? Куда ты пошелъ, мой владыка,
покинувъ въ безлюдномъ
«Мѣстѣ меня безъ защиты? Скажи мнѣ,
какъ могъ ты, усердный
«Жертвъ приноситель богамъ, позабыть о
нашемъ союзѣ?»
«Ведды читатель, какъ могъ ты обѣтъ
свой нарушить? Какъ можешь
«Добрымъ молиться богамъ, повелѣвшимъ
тебѣ быть защитой
«Данной ими жены, какъ и мнѣ опи пове-
лѣли
«Слѣдовать въ самую смерть за владыкой
моимъ? О! зачѣмъ ты
«Слово нарушилъ? Виною ли какою я то
заслужила?
«Или тебѣ не жена я? Скажи же, отвѣт-
ствуй; зачѣмъ ты
«Такъ жестоко отрекся меня, обѣщавъ мнѣ
инное?
«Или открой мнѣ, гдѣ ты теперь весе-
лншься, оставивъ
«Въ горѣ меня безутѣшномъ? Отвѣтствуй,
куда ты, нишадскій
«Царь, ушелъ? По тебѣ твоя выдаришка
тоскуетъ;
«Сынь Виразены могучаго, дочь благо-
душнаго Бимы
«Кличетъ тебя; о Наль мой, откликнись
твоей Дамайнти;
«Голосъ подай ей въ этой пустынѣ; ей
здѣсь угрожаетъ
«Лѣса властитель, кровавый, голодный
тигръ; пеужел
«Ты отвѣта не дашь мнѣ, грустящей, пла-
чущей, ждущей,
«Врошенной, слабой, изсохшей отъ голода,
пылью покрытой,
«Ночью и днемъ безприютной, одежды ли-
шенной, бродящей

«Въ страхѣ, какъ матки лишенная лань?
Неужели ко мнѣ ты,
«Другъ, не придешь? Я зову, но дозваться
тебя не могу я;
«Всюду съ тобой лишь однимъ говорю, а
ты безотвѣтенъ;
«Ты, изъ людей благороднѣйшій, блескомъ
очей, величавой
«Строиностью стана, лица красотою божес-
твенный, гдѣ ты?
«Гдѣ ты? И гдѣ тотъ, кому бы мнѣ ска-
зать: *не видали ли ты Наль?*
«Кто бы мнѣ отрадное слово промолвилъ
въ отвѣтъ: *твой прекрасный,*
«Твой желанный, о комъ ты такъ пла-
чешь, такъ ситиуешь, близко!—
«Вотъ бѣжить владыка лѣсовъ, острозубый,
могучій
«Тигръ; я безъ страха къ нему подойду
и скажу: благородный
«Тигръ, владыка лѣсовъ, и царская дочь
Дамайнти,
«Свѣтлаго Наль жена, одинокая, сирая, въ
горѣ,
«Въ страхѣ, въ нуждѣ, за пимъ безотрадно
бродящая; гдѣ онъ?
«Бели ты знаешь объ этомъ, звѣрей по-
велитель, скажи мнѣ;
«Если же нѣтъ, то скорѣе меня растерзай,
чтобъ отъ муки
«Душомую пецѣлать. Но, мои молящіе вопли
«Слыша, звѣрей повелитель къ рѣкѣ, впа-
дающей въ море,
«Мимо, отвѣта не давъ мнѣ, изъ лѣса
уходить. Я вижу,
«Тамъ подымается, въ небо упершись вер-
шиной, обвитый
«Пышнымъ вѣтвомъ изъ деревъ и кустовъ
благонныхъ, цвѣтами
«Ярко нестрѣлющій, солнечно-блещущій,
слитый изъ твердыхъ
«Скаль, насквозь просіянный металами,
рѣкъ и потоковъ
«Древній отецъ, лѣсовъ неприступная
башня, пустыни
«Сторожъ, владыка горъ—подойду и скажу:
о владыка
«Горъ перевозанный, спокойно-блаженный,
прохладно-росистый,

«Тучеподобный, земли подпиратель, тебѣ
поклоняюсь;
«Слезно тебя, о великій, молю, скажи:
не видалъ ли
«Наля? Я дочь благодушнаго Бимы царя,
Дамаянти;
«Сынъ Виразены, Наль Пуньялока, су-
пругъ мой, Ипшады
«Царь богомудрый, глубоко постигнувшій
Веду святую,
«Чистый и мыслью, и словомъ, и дѣломъ,
гошимыхъ защитникъ,
«Зла истребитель, сѣятель благъ, миѣ
даппый богами
«Слутникъ покипулъ меня и, разставшия
съ нимъ, я разсталась
«Съ жизнью. Нынѣ къ тебѣ прихожу,
многоглавный властитель
«Горь, съ высоты все объемяющій окомъ,
скажи: не видалъ ли
«Наля? Отвѣтствуй, могучій созданія пер-
вещъ; словомъ
«Сладкой надежды утѣшь спроту, какъ
отецъ утѣшаетъ
«Дочь сокрушенную: гдѣ мой возлюблен-
ный? гдѣ мой желанный?
«Гдѣ мой прекрасный, мой болѣе жизни
миѣ милый сопутникъ?
«Гдѣ мой царь, мой владыка, мой вождь,
мой ангель хранитель?
«Рвется сердце къ нему; по немъ душа
уплываетъ;
«Очи ищуть его, и голоса милаго жа-
ждеть
«Слухъ, и грудь сгараеть желаньемъ при-
жаться ко груди
«Жаркой его... О! когда же придется услы-
шать миѣ снова
«Милое слово изъ сладостныхъ Налевыхъ
устъ: «*Дамаянти!*»
Такъ говорила въ своемъ сокрушеннѣ съ
горою пустынной
Бѣдная царская дочь, но гора не дала ей
отвѣта.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Къ сѣверу лѣсомъ пошла Дамаянти; три
дня и три ночи

Шла она; вдругъ передъ нею явилась чу-
десно-густая
Роща изъ райскихъ дубовъ; кругомъ жи-
вая ограда
Вся въ цвѣту и исполнена тихимъ пе-
беснымъ сияньемъ
Внутренность. Тамъ обитали отшельники,
мира отрекшиесъ.
Строгие постники, чувствъ обуздатели, по-
мысловъ свѣтлыхъ
Полные, чистой душой на землѣ небожж-
тели, въ этой
Рощѣ жили они, съ собою розно, съ од-
ними богами
Въ тѣсномъ союзѣ; имъ нищей роса и
воздухъ, одеждой
Листья древесные были. Дивяся, смотрѣла
на этогъ
Въ дикой пустынѣ сокрытый Эдемъ Да-
маянти; тамъ было
Все благобно; цвѣты и плоды сияли
межъ темныхъ
Листьевъ; сверкали ручьи; на ихъ бере-
гахъ антилопы
Съ легкими сернами прыгали; вѣтви об-
вивши хвостамъ,
Съ крикомъ качались на нихъ обезьяны;
по сучьямъ деревьевъ
Ползали, перьями ярко блестя, попугаи.
Свободно
Царская дочь вздохнула, святую увидя
обитель;
Все чаруя небесно-смирною прелестью
женской,
Темнокудрявая, сладостно-стройная, тихо,
какъ будто
Вѣя по воздуху, къ старцамъ святымъ
подошла Дамаянти;
Ласково приняли старцы ее, и она имъ
сказала:
Миръ вамъ, угодники; трудное дѣло спа-
сенья успѣшно ль
Вы совершаете? Жарко ль пылаеть огонь
покаянья?
Звѣри и птицы спокойны ль въ обители
вашей? Самимъ вамъ
Все ли во благо?—Они отвѣчали: все намъ
во благо;

Будь равномѣрно во благо все и тебѣ. Но
 скажи намъ,
 Кто ты, краса неземная? Чего ты желася?
 Намъ свѣтлый
 Образъ твой всѣхъ изумилъ; успокойся у
 насъ и отрой намъ,
 Кто ты? Богиня лѣсовъ, иль полей, иль
 потоковъ?—На то имъ,
 Тихо вздохнувъ, Дамаянти сказала въ от-
 вѣтъ: не богиня
 Я лѣсовъ, полей и потоковъ, но слабая,
 тяжкимъ
 Горемъ гнетомая, смертная женщина; вамъ
 благодущнымъ
 Старцамъ я все расскажу. Владыка Ви-
 дарбы, могучій,
 Славнодержавный Бима отецъ мой; вла-
 ститель Нишады,
 Грозный могуществомъ, въ каждомъ бою
 побѣдитель великій,
 Свѣтлый душою, неба достойный земли
 уроженецъ,
 Правды защитникъ, правды вѣщатель,
 божественно-царскимъ
 Блескомъ сіяющей, градохранитель, градо-
 рушитель,
 Въ свѣтлыхъ очахъ и солнца и мѣсяца
 блескъ совѣстившій,
 Палъ, мой супругъ, игрокомъ коварно-
 искуснымъ былъ вызванъ
 Въ кости играть; и ему все царство свое
 проигралъ опъ.
 Нмя мое Дамаянти; одна по лѣсамъ и пу-
 стынямъ
 Влаждъ за Палемъ скитаюсь, крушимаая
 горемъ, п нынѣ,
 Старцы смиренныя, къ вамъ прихожу,
 чтобъ узнать, не встрѣчался ль
 Гдѣ-нибудь вамъ мой утраченный царь?
 Не выдали ль въ Эдемской
 Роцѣ своей вы его, за которымъ я слѣ-
 дую, этотъ
 Полный тиграми лѣсъ перешла? Скажите
 мнѣ, старцы,
 Встрѣчу ль его? А ежели нѣтъ, то не
 лучше ль погннуть
 Жизнь? О! на что мнѣ она! одно нестер-
 пимое время!

Жизнь безъ него, усладителя жизни.—На
 жалобы царской
 Дочери съ пѣвнымъ объ ней сожалѣніемъ,
 такъ отвѣчали
 Старцы, читая пророчески въ будущемъ:
 «праведны боги!
 «Вѣруя имъ, не смущайся душою, пре-
 красная; свѣтлы,
 «Тихи и чисты, какъ очи твои, невин-
 ности ясной
 «Полныя, будутъ грядущіе дни для тебя;
 то являетъ
 «Намъ откровеніе свыше: ты снова уви-
 дишь супруга;
 «Снова онъ будетъ царемъ, отъ вины не-
 вольныя чистый,
 «Царски вѣчанный, грозный врагамъ,
 утѣшеніе ближнимъ,
 «Скорби твоей исцѣлитель, жизни твоей
 украшеніе,
 «Прежній твой другъ, твой соудтникъ,
 совѣтникъ, защитникъ—и все то
 «Сбудется, если въ тебѣ не ослабнетъ
 терпѣнье и вѣрность...»
 То сказавши, тихо исчезли пустыниги;
 съ ними
 Въстѣ и утвари ихъ, и жертвенный огонь,
 и молитвы
 Мѣсто, и свѣжесть эдемски-сіяющей роци
 исчезли...
 Въ темномъ лѣсѣ одна Дамаянти осталася,
 и было
 Все пустошно кругомъ. Дамаянти сказала:
 не сонъ ли
 Мнѣ привидѣлся? Гдѣ святые отшельники?
 Гдѣ ихъ
 Роца? Гдѣ ихъ живые ключи, ихъ птицы,
 ихъ звѣри?
 Гдѣ ихъ цвѣты благовоинные?—Такъ въ
 изумленіи подумавъ,
 Снова печали своей предалася Дамаянти;
 но чудный
 Призракъ ее ободрилъ и пошла съ упо-
 ваніемъ далѣ.

II.

По лѣсу долго скиталася въ горѣ своемъ
 Дамаянти;
 Вдругъ попадается ей дерево, одаренное
 чудной

Силою душу дѣлать; у людей его называютъ
 Дерево *Гореусладъ*, у боговъ *Азѳка*. Царевна
 Къ этому дереву, лѣсъ оживлявшему запахомъ сладкимъ,
 Цвѣтомъ покрытому, съ сѣнью густою, проникнутой звонкимъ
 Пѣніемъ птицъ голосистыхъ, тотчасъ пошла и заводить
 Рѣчь съ нимъ такую: блаженное дерево, чудный, прекрасный
Гореусладъ, благовонный *Гореусладъ*,
 улади ты Горе мое; цвѣтущій *Азѳка*, скажи, не видалъ ли
 Ты моего супруга, царя Нишадскаго, Наля? Гдѣ онъ скитается? Помнить ли онъ обо мнѣ! О! порадуи
 Сердце мое доброю вѣстью о немъ, цвѣтоносный *Азѳка*;
 Дай мнѣ уйти отъ тебя съ утѣшеніемъ; самъ же въ пріютъ
 Лѣса цвѣти, никѣмъ не обиженный, чистый, душистый,
 Сладостный *Гореусладъ*, усладитель всякаго горя.
 Такъ говоря, сорвала Дамаянти съ чуднаго древа
 Вѣтку; потомъ, съ нимъ прощаясь, при молвила: съ этой вѣткою
 Скорбь и печаль, и нужду, и заботу беру я съ собою;
 Ты же, свободный отъ скорби, печали, пужды и заботы,
 Здѣсь оставайся и, если царя моего ты увидишь,
 Молви ему, что отсюда печальное все унесла я,
 Дай ему тѣшь и покой, чтобъ подъ кровлей твоей безначальной,
Гореусладъ, онъ могъ, отдохнувъ, уладиться отъ горя.
 Съ сими словами прекрасная царская дочь удалилась;
 Снова пустыннымъ лѣсомъ пошла, и снова предъ нею
 Стали являться деревья съ широкою сѣнью, круги

Горы, скалы разнообразныя, темныя дебри, потоки;
 Въ вѣтвяхъ деревьевъ гнѣздились, шумѣли, порхали и пѣли
 Птицы лѣсныя, и вѣдуу ей въ дикой глуши попадались
 То кабанъ, то шакалъ, то буйволъ, то рысь, то пантера.
 Такъ Дамаянти скиталася долго. Вдругъ на широкой,
 Чистой полянѣ представилася ей караванъ многолюдный;
 Лѣсъ оглашался крикомъ людей, скрипѣніемъ повозокъ,
 Жваніемъ конскимъ, топотомъ тяжкимъ словцовъ и верблюдовъ,
 Вдоль широкой рѣки, густымъ тростникомъ опушенной
 (Гдѣ укрывались цапли и бѣлые лебеди звучно
 Голосъ свой подавали, гдѣ свѣтлая влага кипѣла
 Множествомъ рыбъ, черепахъ и змѣй), караванъ тотъ тянулся.
 Кинулась къ людямъ навстрѣчу царица; ея появленіе
 Всѣхъ поразило; полунагая, однимъ покрываломъ
 Шелковыхъ, длинныхъ волосъ, по плечамъ и грудямъ въ безпорядкѣ
 Вьющихся, чудно-одѣтая, блѣдной подобная тѣни,
 Съ горя изсохшая, вся въ пыли, но все какъ небесный
 Ангелъ прекрасная — такъ имъ явилася въ лѣсу Дамаянти.
 Въ страхъ одни отъ нея убѣжали, другіе безмолвно
 Ей смотрѣли въ лицо, иные смѣялись, иные,
 Болѣ имѣя разсудка, приблизились къ ней съ состраданіемъ.
 Кто ты, образъ небесный? спросили они. Для чего ты
 Въ этомъ лѣсу? Земной ли ты человѣкъ, или созданъ
 Вышнее, горный, могучій духъ, или дѣва потока,

Или иная безсмертная? Будь намъ встрѣча
съ тобою
Знаменемъ добрымъ. Тебѣ мы себя пре-
даемъ, чтобъ дорогу
Нашъ караванъ совершилъ безопасно. На
это, вздохнувши,
Царская дочь отвѣчала: не съ неба со-
шла я; земная,
Вѣдная, жалкая странница я; мой отецъ
видарбипекій
Царь; мой супругъ обладатель Нишады
Наля знаменитый;
Съ нимъ въ разлукѣ, его я ищу, и не
вѣдаю, гдѣ онъ.
Если что слышали вы о владыкѣ моемъ,
то скажите,
Гдѣ мнѣ съ нимъ встрѣтиться, гдѣ я
найду прекраснаго Наля,
Наля, царя львино-серднаго, грозно-отваж-
наго въ битвахъ?
Вождь каравана, богатый купецъ, по име-
ни Зуччи,
Ей отвѣчалъ: нигдѣ на путяхъ, по кото-
рымъ давно ужъ
Страствуемъ мы, намъ допынѣ никто не
встрѣчался, кто бы имя
Наля имѣлъ; оленей, медвѣдей, буйволовъ,
тигровъ
Много въ этомъ лѣсу; но до сихъ поръ
еще человѣка,
Кромѣ тебя, мы здѣсь не видали.—Куда жъ
вы идете?
Снова спросила его Дамаянти.—Идемъ въ
знаменитый
Городъ Шедди, отвѣтствовала Зуччи; имъ
нынѣ владѣть
Царь Сувегү, и въ царскомъ дворцѣ его
обитаеть
Вмѣстѣ съ нимъ его благодушная мать,
драгоценный
Перлъ добродѣтели женской. Услышавъ о
томъ, Дамаянти
Въ городъ Шедди рѣшилась идти; при-
стать къ каравану
Зуччи ее пригласилъ. Съ караваномъ по-
шла Дамаянти.

III.

Долго съ печалью одна бродивъ по лѣсамъ,
Дамаянти

Спутниковъ много имѣла теперь, но была
и межъ ними
Все, какъ и прежде, съ печалью одна.
По горамъ по долинамъ
Шумнымъ потокомъ валилъ караванъ.
Вотъ однажды съ закатомъ
Солнца, они очутились у тихаго озера;
въ темномъ
Лѣсѣ скрывалось оно; берега облекались
зеленымъ
Бархатомъ свѣжей травы; какъ стекло,
неподвижно-прозрачны
Были воды; и въ чистомъ зеркалѣ ихъ
водяныя
Розы и лилія ярко сіяли и бисеромъ пѣны
Легкія струйки, ласкаясь къ нимъ, осы-
пали ихъ листвя.
Берегъ кругомъ былъ излучистъ и воды
въ него то глубокой
Бухтой входили, то онъ въ ихъ широкое
лоно зеленымъ
Мысомъ вдавался. Усталые путники, въ
этомъ пріютномъ
Мѣстѣ почлегъ учредивъ и сиявши съ
слоновъ и верблюдовъ
Лишнее бремя, спокойно легли на травѣ
подъ открытымъ
Небомъ и скоро заснули. Вдругъ въ пол-
ночь (когда въ караванѣ
Всѣ какъ мертвые были отъ сна) съ горы
прибѣжала
Съ страшнымъ хлѣбьемъ стая дикихъ
слоновъ, чтобъ въ потокѣ
Жажду свою утолить, пылая томитель-
нымъ жаромъ.
Но, почуввши близость слоновъ каравана,
съ свирѣпымъ
Бѣшенствомъ, пѣлись и фыркая, кинулись
всѣ на заснувшихъ
Смирныхъ враговъ; никакою силою гроз-
ныхъ чудовищъ
Было нельзя удержать; какъ въ долину,
сорвавшись съ высокой
Горной вершины, катятся скалы, такъ,
ломавъ деревья,
Вдругъ слоны ворвались въ караванъ и
топтали лежащихъ
Сонныхъ людей. Со стопомъ и крикомъ
всѣ подыались,

Всѣ смѣшались, слуга, господинъ, старикъ
 и младенецъ;
 Ночью, страхомъ и сномъ обуянные, сами
 не зная,
 Что за бѣда и откуда, кто въ лѣсъ, кто
 къ водѣ побѣжали.
 Слыша храпѣше и топоть, видя во мра-
 къ мелькаше
 Черныхъ огромныхъ тѣней, давимые тяж-
 кой ногою,
 Острымъ клыкомъ пронзенные, сжатые
 хоботомъ сильнымъ,
 Въ дикомъ безмятествѣ, люди, верблюды
 и кони бросались
 Другъ на друга, и сами въ смятеньи другъ
 друга губили,
 Спясь снастися: тѣ кучей на дерево лѣзали,
 цѣпляясь
 Низкіе за ноги высшихъ и падали вмѣстѣ,
 другіе
 Въ яму свергались, или набѣгали на ка-
 мень, или въ воду
 Слѣпо кидалися: разомъ исчезъ караванъ
 многолюдный.
 Многихъ въ минуту всеобщей бѣды ко-
 рысть обуяла;
 Голосъ лукавый шепнулъ имъ: куда вы
 бѣжите? погибель
 Общая—общимъ и всякое стало богатство;
 берите
 Все, что достанется въ руки; вотъ куча
 разсыпанныхъ перловъ,
 Вотъ драгоценные камни, вотъ золото,
 смѣло хватайте;
 Ницѣй нынче завтра будетъ богатъ... и
 погибли
 Всѣ, кто, предавшися корысти, замедлили
 бѣгствомъ снастися.
 Въ это мгновеніе, когда, какъ потокъ,
 разливалась повсюду
 Гибель, проснулася хранимая силой боговъ
 Дамаянти.
 Види очами такой доголъ невиданный
 ужасъ,
 Видя и слыша, какъ мчалася смерть надъ
 ея головою,
 Вся трепетала она и, готовясь погибнуть,
 грустила

Только о миломъ, далекомъ, навѣкъ по-
 кладаемомъ другѣ.
 Но когда миновалася буря и снова все
 стало
 Тихо въ лѣсу, собрался понемногу сна-
 сенные. Чѣмъ мы
 Глѣвъ несказанный такой на себя отъ
 боговъ обратили?
 Такъ разсуждали они. Позабыли ль по-
 чтить мы дарамъ
 Бога, сокровищъ хранителя? Или карава-
 номъ былъ встрѣченъ
 Кто-нибудь, дерзкій хулитель бога тор-
 говли? Или птицы?
 Намъ враждебныя, въ эту ночь проле-
 тѣли надъ нами?
 Или то было вліяніе зловредныхъ пла-
 нетъ?.. Напоследокъ
 Вотъ что сказали они: вся бѣда намъ отъ
 встрѣчи
 Съ этой безумной, пагой, ичахой и блѣд-
 ной бродягой?
 Кто она? Чародѣйка, жена или дочь ве-
 ликана,
 Небомъ проклятая? Если опять на глаза
 попадется
 Эта волшебница намъ, то ее мы не доб-
 рымъ привѣтомъ,
 Камнями встрѣтимъ. Она своимъ колдов-
 ствомъ погубила
 Нашъ караванъ.—Такія слова въ темнотѣ
 Дамаянти
 Слыша, съ печалью, стыдомъ и страхомъ
 въ чашу лѣбеную
 Скрылася. «О, горькая участь моя! она
 говорила,
 Тяжко рыдая. О, счастье, меня обманув-
 шее! снова
 Цѣлымъ свѣтомъ покинута я. Какую ви-
 ною
 Я на себя навлекла гоненье такое? Кому я
 Дѣломъ, или словомъ, или мыслию зло при-
 ключила? Знать, въ прежней
 Жизни была я преступна: за то и въ те-
 перешней должно
 Мнѣ до гроба страдать, за то и гоненье
 такое
 Мнѣ отъ людей, за то и разлука съ супру-
 гомъ, утрата

Царства, отъ милыхъ дѣтей и отъ милыхъ
родныхъ отлученіе,
Странствіе по лѣсу, полному тигровъ и
змѣй, неприютность
Въ холодъ и зной, нищета, сиротство, и
ужасъ, и горе». —
Утро межъ тѣмъ занялось; въ небольшую
толпу собралися
Всѣ непогибіе въ страшную прошлую
ночь, и въ дорогу
Снова отправились, плача о горькой утра-
тѣ богатства,
Плача о мертвыхъ друзьяхъ. Вотъ снова
покинута имп
Въ дикомъ лѣсу Дамаянти, и горе ея пре-
вышало
Всѣ ихъ страданія вмѣстѣ. О! чѣмъ же,
чѣмъ (говорила
Плача она) такую бѣду на себя на-
влекла я?
Злая участь моя и слоновъ примамила
на гибель
Этихъ несчастныхъ, мнѣ давшихъ защиту;
зато и должна я
Долгимъ страданьемъ свой выплатить
долгъ; я чувствую въ тяжкомъ
Горѣ моемъ всю истину древняго слова:
безъ воли
Неба никто не умретъ, и моей петер-
занной груди
Хоботь слона не коснулся. Такъ! безъ
судьбы совершится
Съ нами ничто не можетъ на свѣтѣ; я
за собою
Съ самыхъ младенческихъ лѣтъ никакого
не вѣдаю злого
Дѣла, не помню ни мысли худой, ни ви-
новнаго слова—
Въ томъ ли мое преступленіе, что я для
прекраснаго Наги
Свѣтлыхъ отвергла боговъ и не метать ли
ужъ гнѣвные боги
Мнѣ за земную любовь безотрадной зем-
ною печалью?
Такъ говоря, Дамаянти пошла по слѣдамъ
каравана
Издали, въ чащѣ таяся лѣпой, какъ въ
облакъ мѣсяць.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Вотъ наконецъ Дамаянти дошла до города
Шедди.
Грустно стояла она у воротъ, не входя въ
нихъ, стыдяся
Бѣдной одежды своей, обрѣзанной Налемъ,
и смятыхъ
Долгихъ волосъ, въ беспорядкѣ ей грудь
покрывавшихъ.
Жители города Шедди, встрѣчаясь съ ней,
удивлялись
Странному виду ея, а дѣти за нею бѣ-
жалп
Съ крикомъ; ихъ шумной толпою слѣди-
мая, скоро къ палатамъ
Царскимъ пришла Дамаянти. Тамъ, на
площадкѣ высокой
Кровли мать царева стояла. Увидя иду-
щую, старой
Мамкѣ своей сказала она: поди, приласи
къ намъ
Эту жалкую странницу, чистый, дымомъ
затменный
Огонь красоты, народомъ тѣснимую. Вѣрно,
пріюта
Ищеть она. Я вижу въ ней нѣчто вы-
сокое; домъ нашъ
Свѣтомъ наполнить она благодатнымъ.
Представилась старой
Матери царекой младая царская дочь. И
царица,
Ласковымъ взоромъ встрѣти ея, сказала
привѣтно:
Въ самомъ затмѣнїи печали твой образъ
сіяеть, какъ въ темной
Тучѣ яркая молнія. Кто ты? Куда и от-
куда
Путь твой? Лицо твое неземное, хотя и
покрыто
Нищенскимъ рубищемъ тѣло твое; одна
безъ защиты
Странствуешь ты по землѣ и людей не
страшишься, какъ чистый
Ангель. Скажи же мнѣ, какое званіе
твое?—Дружелюбной
Рѣчью такой ободренная, такъ Дамаянти
сказала:

«Я не ангель, царица, я смертный простой
 человекъ; но породы
 Я не простой. Огорченная тяжелой разлу-
 кой съ супругомъ,
 Велѣдь за нимъ, чтобъ его отыскать, по
 землѣ и скитаюсь,
 Женскимъ себя руководяемъ питаю; плоды
 и коренья
 Пища моя, а пристанище тамъ, гдѣ ука-
 жуть мнѣ боги.
 Доблестный, мудрый, прекрасный, бога-
 тый, сердцемъ избранный,
 Милый супругъ мой разстался со мною;
 царица, несчастливъ
 Былъ онъ: въ игрѣ роковой свои все бо-
 гатства утративъ,
 Нищимъ онъ домъ свой покинулъ, и въ
 лѣсъ съ одною одеждой
 Скрылся; за нимъ я пошла, чтобъ имѣлъ
 онъ въ печали отраду.
 Тамъ, изнуряемый голодомъ, онъ, на не-
 счастье рожденный,
 Платье послѣднее съ плечъ потерялъ: кто
 богами назначенъ
 Въ жертву бѣдѣ, у того похищается и
 вѣтеръ и птица
 Платье; и днемъ и ночью я шла за нимъ,
 безнокровнымъ.
 Разъ случилось, что я, утомленная, въ
 лѣсъ заснула...
 Ахъ! онъ скрылся, онъ бросилъ меня,
 онъ унесъ воловицу
 Бѣдной одежды моей. Съ той поры и
 денно и почю
 Велѣдь за нимъ, весельемъ и свѣтомъ
 души, я по темнымъ
 Длкимъ лѣсамъ, по широкимъ степямъ,
 по долинамъ
 Странствую; мнѣ половину одежды моей
 возвратитъ онъ
 Долженъ, иль взять у меня мою поло-
 вицину, сердцу
 Тяжкую жизнь; какъ одной половинѣ
 одежды другая
 Надобна, такъ и мнѣ другую себя половину
 Должно найти, иль жить перестать.—Съ
 состраданьемъ царица,
 Выслушавъ жалкую повѣсть ея, отвѣчала:
 останься

Съ нами, блаженно-скорбящая; радовать
 будетъ мнѣ сердце
 Свѣтлая близость твоя. Не медля ни мало,
 повсюду
 Мы разошлемъ гонцовъ за супругомъ
 твоимъ; но случится
 Можетъ, что онъ ненарокомъ зайдетъ и
 сюда, гдѣ его ты
 Будешь ждать въ безопасно-спокойномъ
 приютѣ.—На то ей,
 Горь свое обуздавъ, сказала въ отвѣтъ
 Дамаянти:
 Здѣсь я охотно останусь, если ты мнѣ
 обѣщанье
 Дашь, царица, условье исполнить такое:
 чтобъ низкой
 Должности я не имѣла, служба лишь тебѣ,
 чтобъ обѣдковъ
 Въ пищу мнѣ не давали, чтобъ доступъ
 ко мнѣ запрещенъ былъ
 Всемъ мужичкамъ, чтобъ каждый, кто
 мной овладѣтъ пожелаетъ,
 Смертью наказанъ немедленно былъ —
 такую дала я
 Клятву богамъ, чтобъ найти помогли мнѣ
 супруга; видаться жъ
 Только съ однимъ брамиами буду. Когда
 ты, царица,
 Примешь такое условье мое, то здѣсь съ
 благодарнымъ
 Сердцемъ останусь.—На то отвѣчала ца-
 рица: исполню
 Все, и святъ для меня твой обѣтъ. По-
 томъ приказала
 Вызвать изъ внутреннихъ царскихъ по-
 коевъ царевну Суанду,
 Дочь свою. Скоро царевна явилась, въи-
 комъ многоцвѣтнымъ
 Рѣзво-преlestныхъ подругъ окруженная.
 Видишь, Суанда,
 (Мать ей сказала) эту пришлицу въ
 бѣдной одеждѣ?
 Ей ты лѣтами ровесница; но испытанія
 жизни
 Дали ей раннюю зрѣлость. Люби ты ее,
 какъ подругу,
 Ласково съ ней обходись и ее уважай;
 чтобъ съ тобою

Сердце ея отдохнуло, чтобъ ты въ сооб-
щствѣ съ нею
Пользу нашла для души. Сунада, съ
веселостью дѣтскою
За руку взявъ Дамаянти, ея увела. И
осталась
Съ той поры Дамаянти подругой царевны
Сунанды.

II.

Наль, столь жестоко покинувъ свою Да-
маянти, прискорбевъ,
Сумраченъ, шель по пустынь и, самъ
пустыня, съ собою
Въ горахъ разетался желалъ. Когда рас-
каленное солнце
Зноемъ пронзало его, онъ ему говорилъ:
не за то ли,
Солнце, ты жжешь такъ жестоко меня,
что я Дамаянти
Бросилъ? Онъ горько плакалъ, когда на
похищенный лоскутъ
Платя ея глаза обращалъ. Изнуренный
жаждой,
Разъ подошелъ онъ къ ручью; но, въ
водахъ увидя свой образъ,
Съ ужасомъ кинулся прочь. О! если бъ
я могъ разлучиться
Съ этимъ лицомъ, чтобъ быть и себѣ и
другимъ незнакомымъ!
Онъ воскликнулъ и въ лѣсъ побѣжалъ;
и вдругъ тамъ увидѣлъ
Пламя—не пламя въ лѣсу, а въ пламени
лѣсъ—и отсюда
Жалобный голосъ къ нему вопіялъ: «при-
дешь ли, придешь ли
«Съ мукой твоею къ мукѣ моей, о Наль
благодатный?
«Будь мой спаситель и будешь мною
спасенъ.»—Измученный
Наль вопрошалъ: откуда твой голосъ? Чего
ты желаешь?
Гдѣ ты и кто ты?—«Я здѣсь, въ огнѣ,
благородный могучій
«Наль. Ты будешь ли столько безстра-
шенъ, чтобъ твердой ногою
«Въ пламя вступитъ и дойти до меня?»—
Ничего не страшусь я,
Кромѣ себя самого съ той минуты, когда
я повѣривъ

Сталь моею Дамаянти. Съ сими словами
онъ прямо
Въ пламя пошелъ: оно подымалось, ли-
лось изъ глубокихъ
Трещинъ земли, выростая въ видѣ вѣт-
вистыхъ деревьевъ,
Густо сплетенныхъ огнистыми сучьями,
черно-багровый
Дымъ вѣнчалъ ихъ вершины. Въ семь
огненномъ лѣсѣ
Наль очутился одинъ—со всѣхъ сторонъ
устремлялись
Жаркія вѣтви навстрѣчу ему, и всюду,
гдѣ шель онъ,
Частою травой пѣзъ земли пробивалось острое
пламя.
Вдругъ онъ увидѣлъ въ самомъ нѣлу, на
огромномъ, горячемъ
Камнѣ змѣю: склубясь, дымяся, разпу-
той пастью
Знойно дышала она подъ своей чешуей
раскаленной.
Голову, свѣтлой короной вѣнчанную, тяжело
поднявши,
Такъ простонало чудовище: «я Керкота,
змѣинный
«Царь; мнѣ подвластны всѣ змѣи земныя;
смиранный пустышникъ
«Старець Нерада проклялъ меня и обрекъ
на такую
«Муку за то, что его я хотѣлъ обмануть.
Ты, разскажь мой
«Слушая, стой здѣсь покойно: стой по-
койно подъ страшнымъ
«Пламенемъ, жарко объявшимъ тебя, чтобъ
оно затушило
«Бурю души, чтобъ душой овладѣвшій
Кали былъ наказанъ,
«Чтобъ наконецъ ты, очищенный, снова
нашея, что утратилъ».

III.

«Слушай же повѣсть мою, продолжалъ,
задыхаясь отъ жару,
Царь змѣинный; и Наль, терпѣливо снося
пестершмый
Пламень, внимательно слушалъ.—Нерада,
смиранный пустышникъ,
Чудный садъ насадилъ вокругъ кельи своей;
и въ саду томъ

Были всё земныя деревья и травы, и было
 Много тамъ свѣтлыхъ ручьевъ и сѣней,
 прохладно-тѣнистыхъ.
 Въ этотъ садъ пригласилъ онъ всѣхъ не-
 зловредныхъ животныхъ;
 Всѣхъ ходящихъ, летающихъ, скачущихъ,
 плавать или ползать
 Созданныхъ; всѣхъ же зловредныхъ, тер-
 зающихъ зубомъ, когтями
 Рвущихъ, или жаломъ пронзающихъ про-
 клялъ и входъ запретилъ имъ
 Въ садъ свой. Изъ змѣй, мнѣ подвласт-
 ныхъ, въ него проникать онъ дозволилъ
 Только однимъ, не имѣющимъ жала, без-
 вредно по травѣ
 Вьющимся, росу собирая съ цвѣтовъ, или
 изъ ягодъ сосущимъ
 Союзъ благовонный. Изъ этихъ красивыхъ,
 незлобно-веселыхъ
 Змѣекъ одна любопытно-отважная, рѣзвая
 змѣйка
 Разъ безъ всякаго умысла злого, въ саду
 по деревьямъ
 Показала, ярко блестя чешуею на солнцѣ;
 вдругъ видитъ
 Домикъ воздушный, сплетенный изъ тон-
 кихъ былиннокъ и моха:
 Онъ на вѣтвѣ висѣлъ и качался, какъ
 люлька; то было
 Гнѣздышко маленькой птички; самой же
 крылатой хозяйки
 Не было въ немъ; она улетѣла за пищей;
 яички,
 Легкимъ прикрытыя поухомъ, лежали въ
 гнѣздѣ. Перегнувши
 Тонкую шейку свою черезъ вѣтку, въ
 гнѣздо опустила
 Голову змѣйка—и видитъ яйцо тамъ ла-
 зурнаго цвѣта;
 Каплей росы оно показалось, и змѣйкѣ
 паниться
 Вдругъ захотѣлось; лизнула яйцо; яйцо
 расколосось.
 Въ эту минуту птичка въ гнѣздо при-
 летѣла; увидя,
 Что тамъ надѣлала змѣйка, бросилась съ
 жалобнымъ крикомъ
 Прямо къ Нерадѣ она. Нерада во гнѣзѣ
 ужасень.

Тутъ же погибла бы змѣйка, когда бъ не
 успѣла проворно
 Изъ саду скрыться. Она спаслася ко мнѣ.
 Но блаженный
 Старецъ потребовалъ строго, чтобъ я прес-
 тупницу выдалъ.
 Я не посмѣлъ отказать; я спросилъ: чего
 ты желаешь?
 Какъ повелишь ее мнѣ казнить? Я царь;
 самому мнѣ
 Должно виновныхъ показывать поддан-
 ныхъ.—Видѣть хочу я
 Завтра жъ ее на заборѣ сада висящую,
 строго
 Мнѣ отвѣчалъ Перада; потомъ, по про-
 шествіи трехъ дней,
 Самъ я ее передъ всѣми сожгу, чтобъ
 впередъ опасался
 Кто бы то ни было садъ мой тревожить,
 зломысленнымъ дѣломъ.
 Былъ мнѣ прискорбенъ такой приговоръ;
 какъ родную, любилъ я
 Эту милую змѣйку; поспѣвшии другихъ
 и вѣрше
 Вѣсти она приносила ко мнѣ. Предо мной
 извиваясь
 Въ страхъ, съ молитвой она ко мнѣ по-
 дымала головку.
 Я ей сказалъ: провориѣй, вылезъ изъ кожи.
 Не нужно
 Было того повторять; въ минуту въ повои
 одеждѣ
 Змѣйка явилась моя, на землѣ предо мною
 оставивъ
 Старую. Тотчасъ, двухъ спальныхъ удавовъ
 призвавъ, я велѣлъ имъ
 Кожу пустую съ приличнымъ обрядомъ
 повѣсить на тынѣ
 Сада. Когда черезъ три дня онъ сниметь
 ее, то конечно
 Станетъ думать, что солнце ее изсушило.
 такъ мыслить
 Я, уювая, что мой мнѣ удастся обманъ.
 И доволенъ
 Былъ Нерада моимъ послушаньемъ, увидя
 на тынѣ
 Кожу висящую; вѣтеръ ее колыхалъ. Какъ
 живая,

Молвилъ Нерада, она смѣлка и вертява;
но краски
Кожи потускли: блѣдная смерть ее об-
хватила. —
Тѣмъ бы и кончилось все, когда бѣ на бѣ-
ду не пропѣла
Птичка. Она недовольна была законною
казню:
Собственнымъ мщеньемъ себя ей хотѣлось
потѣшить; къ всяческой
Кожѣ она подлетѣла, чтобъ оба глаза у мер-
твой
Вылевать — что же? Ихъ нѣтъ; сквозь
пустыя скважины также
Видитъ она, что и внутренность кожи пу-
ста. И къ Нерадѣ
Тотчасъ она полетѣла. Тебя обмануи;
змѣнный
Царь не змѣйку, а змѣйкинцу кожу повѣ-
силъ, пропѣла
Птичка. Страшно Нерада разгнѣвался;
вдругъ оупъ явился
Здѣсь, гдѣ тогда я на этомъ камнѣ лежалъ
и на солнцѣ
Грѣлся одинъ — при мнѣ ни ужа, ни змѣи,
ни дракона.
Стражей моихъ, тогда не случилось; я спалъ.
На громовый
Голосъ Нерады проснувшись, хотѣлъ я
вечочить, но, могучимъ
Взоромъ его обезсилень, не могъ шевель-
нуться. Предатель,
Старецъ сказалъ мнѣ, меня обмануть тебѣ
удалось:
Привракъ за сущность я припялъ; змѣйную
кожу пустую
Вмѣсто змѣи я предалъ огню, и виновную
спасъ ты.
Самъ за нее наказанье прими. Не сой-
дешь ты отъишь
Съ этого камня; но будешь здѣсь не на
солнечномъ свѣтѣ
Грѣться — я пламя нное зажгу вокругъ
тебя; не сгарая,
Будешь горѣть въ немъ, шипя и свистя
отъ тоски и мѣняя
Кожу за кожей въ напрасной надеждѣ,
что жаръ утолится.

Копчатся жъ муки твои лишь тогда, какъ
къ тебѣ издадека
Нѣкто придетъ, самому себѣ неавиственный
и образъ
Свой утратить желающій. Если его изъ
средины
Пламени ты позовешь и оупъ безстрашной
стопую
Въ пламень войдетъ, чтобъ избавить себя
отъ мученій, сильнѣе
Муки твоей его раздрающихъ; если до-
станеть
Твердости въ немъ, чтобъ среди нестер-
пимаго жара спокойно
Выслушать повѣсть твою — тогда ты сна-
сенъ, прекратится
Въ ту же минуту твое наказанье, и самъ,
по неходѣ
Года со днемъ, оупъ все возвратитъ, о чемъ
сокрушается сердцемъ.
Но чтобъ въ страданьи своемъ ты могъ
къ себѣ издадека
Звать своего искупителя, имя его я открою:
Оупъ называется Палемъ. Съ сими словами
Нерада
Скрылся, и муки мои начались. Окру-
жала мой камень
Голая степь; вдругъ услышалъ я шо-
рохъ и трескъ; озираюсь —
Всюду изъ трещинъ земли, какъ острыя
иглы, выходятъ
Пламя, все гуще и гуще растетъ, все
выше и выше
Вьется, все ярче и ярче пылаетъ; при-
кованный къ камню,
Чувствую я, какъ все подо мною, какъ
все надо мною,
Камень, на коемъ лежалъ я, и воздухъ,
коимъ дышалъ я,
Мало-по-малу въ пронзительный жаръ
обращалось; сначала
Было то пламя какъ тонкая, гибкая
травка: сплюсн
Скоро оно въ кустарникъ густой; пале-
слѣдокъ воздвиглось
Лѣсомъ широкимъ, въ которомъ каждое
дерево было
Все изъ огня; языками горящими листья
шумѣли;

Вѣтви со всѣхъ сторонъ вилися, какъ
 молнии; въ вихорь
 Огненный слившись, качались вершины;
 и дымъ громовую
 Тучей надъ ними клубился. Теперь на
 себя испыталь ты,
 Паль безстрашный, муку мою. Напрасно
 я жался,
 Пламень вытягивалъ тѣло мое до тѣхъ
 поръ, покуда
 Кожа на немъ не лопалась: снова потомъ
 на минуту
 Я сжимался, чтобъ снова вытерпѣть то
 же мученье.
 Цѣлыхъ семь лѣтъ протекло съ той поры,
 какъ лежу я на этомъ
 Камнѣ въ огнѣ; а времени медленный
 ходъ замѣчалъ я,
 Каждый часъ повторяя однажды: *при-
 деши ли, придешь ли*
*Съ мукой твоею къ мукамъ моей, о,
 Паль благодатный?*
 Вотъ наконецъ и пришелъ ты. Но знай,
 что здѣсь о тебѣ я
 Частые слухи имѣлъ; мнѣ подвластныя
 змѣи, которымъ
 Всѣ на землѣ дороги извѣстны, ко мнѣ
 ежедневно
 Змѣекъ-голицевъ присылали, и каждая,
 вѣрло исполнивъ
 Долгъ свой и вѣсть передавъ мнѣ, въ
 огнѣ предо мной умирала;
 Видишь, какъ много здѣсь собрано кожъ
 ихъ иставленныхъ. Отъ нихъ-то
 Могъ я провѣдать о томъ, какъ ты по-
 любилъ Даманти;
 Какъ цари и царевичи созданы были въ
 Видарбу;
 Какъ мой гонитель Нерада, пресытясь
 земными плодами,
 Садъ небесный боговъ посятилъ; какъ
 тамъ онъ посялялъ
 Сладостныхъ словъ сѣмена, отъ которыхъ
 мгновенно желанье
 Выросло въ сердцахъ боговъ на землю сойти;
 какъ богами
 Былъ ты посланъ въ Видарбу. Я знаю,
 о Паль благодатный,

Также и то, что тебѣ самому досель не-
 извѣстно:
 Какъ забрался Кали въ твое непорочное
 сердце.
 Свѣдавъ, что царство свое ты утратилъ,
 что вмѣстѣ съ суиругой
 Бродилъ ногой по горамъ и стѣнямъ, что
 ее наконецъ ты
 Самъ покинулъ, я былъ утѣшенъ на-
 деждой, что скоро
 Сбудется то, что теперь и сбылось. Бла-
 гословляю,
 Паль, и тебя, и приходи твой; уже му-
 чительный пламень,
 Жгущій донынѣ меня, уступаетъ сходя-
 щей отъ неба
 Сладостной свѣжести. Паль, не страшись,
 приступи и, на палецъ
 Взавши меня, изъ пламени выдь». — Кер-
 кота умолкнулъ,
 Свился проворно легкимъ кольцомъ и по-
 впенулъ на палецъ
 Наля; и съ нимъ побѣжалъ изъ пламени
 царь, и при каждомъ
 Шагѣ его оно слабѣло и гасло, и скоро
 Все исчезло, какъ будто его никогда не
 бывало.
 Свѣжій почувствовавъ воздухъ, трепетомъ
 сладкимъ спасенья
 Весь пропикнутой, быстро отивинисъ отъ
 Палева пальца,
 Змѣи безконечной, чешуйчатой лентою
 вдругъ растянулася:
 Съ радостнымъ свистомъ поползъ къ тому
 онъ ручью, гдѣ, увидѣвъ
 Образъ свой, Паль самого себя испугался.
 глубоко
 Всунулъ голову въ воду и съ жадностью
 долгую жажду
 Послѣ толь долгаго жара сталъ утолять—
 истощилъ
 Воды ручья, а змѣи попрежнему сдѣ-
 лался полонъ.
 Силы свои возвративъ, онъ, блестя че-
 шуею на солнцѣ,
 Палю сказалъ: подойди; передъ нашей
 разлукой ты долженъ
 Зубы мои перечесеть; въ такомъ долго-
 лѣтнемъ отъ муки

Скрежетъ, много зубовъ я могъ потерять
или испортить.
Налъ подошелъ; передъ нимъ оскалились
зубы; считать онъ
Началъ: первый, другой, четвертый. Ошиб-
ся, ошибся,
Съ гнѣвомъ царь-змѣй зашипѣлъ, ты не
назвалъ третьяго зуба.
Съ этимъ словомъ кольнулъ онъ третьимъ
неназваннымъ зубомъ
Налъ въ палець—и тутъ же почувство-
валъ Налъ, что съ собою
Онъ какъ будто разстался: сперва свой
собственный образъ
Въ зеркально-свѣтломъ щитѣ, на царевой
шеѣ висѣвшемъ
Онъ увидѣлъ; потомъ тотъ образъ мало-
по-малу
Началъ блѣднѣть и скоро пропалъ; и
мало-по-малу
Мѣсто его заступилъ другой некрасивый;
и Налю
Стало ясно, что это былъ образъ его же,
и болѣ
Не былъ онъ страшенъ себѣ самому въ
такомъ превращеннѣ.
Видишь, Керкота сказалъ, что желанье
твое совершилось:
Ты превращенъ, ты разстался съ собой,
и отнынѣ никѣмъ ты,
Даже своєю женою не можешь быть
узнать. Простимся;
Въ путь свой съ богами иди, и не мысли,
чтобъ могъ быть опасенъ
Ядъ мой тебѣ; не въ твое онъ чистое
сердце проникнулъ,
Нѣтъ! а въ того, кто сердцемъ твоимъ
обладаетъ: отнынѣ
Будетъ онъ жить тамъ и мучиться. Ты жъ,
превращенный, съ надеждой
Путь продолжай; ищи въ чужихъ стра-
нахъ пропитанья;
Но не забудь о стихійныхъ дарахъ, отъ
боговъ полученныхъ
Въ брачный день; они дая тебя не по-
теряны; помни,
Налъ, объ этомъ; и также твое искус-
ство конями

Править тебѣ сохранилось. Въ царство
Айодское прямо
Путь свой теперь обрати; тамъ увидишь
царя Ритуперна;
Нѣтъ на землѣ никого, кто съ нимъ бы
сравнился въ искусствѣ
Счега и такъ бы въ кости игралъ. Я
Вагука, правитель
Коней, скажи ты ему про себя; и если
онъ спроситъ
Много ли можешь въ день просекаать?
Сто миль, отвѣчай ты.
Онъ твоему научится искусству захо-
четъ; за это
Самъ научитъ тебя искусству считать:
безъ него ты
Въ кости все царство свое проиграешь. И
какъ скоро искусство
Это получишь, страданья твои прекра-
тятся, сабда не оставивъ;
Въ ту же минуту, когда, и жену, и дѣ-
тей отыскавши,
Прежній свой видъ возвратитъ ты захо-
чешь, лишь только объ этомъ
Часѣ вступи и въ этотъ щитокъ погля-
дись; кто владѣетъ
Этимъ щиткомъ, того на землѣ все змѣи
боятся.
Такъ говори, Керкота одну изъ зеркально-
свѣтлыхъ,
Шею его украшавшихъ чешуекъ снялъ
и, подавши
Налю, примолвилъ: носи ее на груди; въ
роковое
Время эта чешуйка тебѣ пригодится. По-
томъ онъ
Скрылся; а Налъ остался въ лѣсу одинъ,
превращенный.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Налъ, разлучившись съ змѣею пошелъ
въ Айодское царство
Службы искать у царя Ритуперна, ко-
торый давно ужъ
Припаялъ къ себѣ и Варшию, прежде
служившаго Налю.
Мудрый царь Ритупернъ, великій кон-
скій охотникъ,

Лучшихъ искусниковъ править конями
сбиралъ отовсюду.
Наль, черезъ десять дней пришедши въ
въ Айюду, къ царю Ритуперну
Тотчасъ явился. Я конохъ Вагука, ска-
залъ опъ: въ искусствѣ
Править конями мнѣ равнаго нѣтъ; сто
мнѣ проскакать ихъ
Въ дѣнь я заставить могу. И во многомъ
другомъ я искусенъ:
Панцу никто такъ вкусно, какъ я, не
умѣеть готовить.
Всякое дѣло, для коего нужны и трудъ,
и умѣнье,
Взять на себя я готовъ, и къ тебѣ, царю
Ритуперну,
Въ службу желаю вступитъ. Ритупернъ
отвѣчалъ благосклонно:
Въ службу, Вагука, тебя я беру; ты бу-
дешь отнынѣ
Главнымъ конюшимъ моимъ; надзирай за
моими конями
Къ скачкѣ проворной ихъ приучая; за
службу же будешь
Сто золотыхъ получать. Товарищъ твой
будетъ Варшней,
Конюхъ искуснѣйшій въ дѣлѣ своемъ,
съ нимъ старій Джевала
Мой заслуженный конюшій и много дру-
гихъ; ты безъ скуки
Будешь съ ними досугъ свой дѣлать; и
свободенъ ты дѣлать,
Что пожелаешь. Будь главнымъ моимъ
конюшимъ, Вагука.
Вотъ и служить конюшимъ Наль у царя
Ритуперна,
Царь безъ царства, мужъ безъ жены,
изгнанникъ, лишенный
Даже лица своего, и Варшней, ему такъ
усердно
Прежде служившій, теперь ужъ товарищъ
ему: подъ одною
Кровлей они; но чужды другъ другу, и
умѣтъ и розно,
Каждый своею печалью довольный, Вар-
шней о жалкой
Гибели Наля царя сокрушаясь, а Наль,
по суиругѣ,

Врошенной имъ, съжасно тоскуя. И было
то каждый
Вечеръ, что Наль, убравши коней, одинъ
затворился
Въ стойлѣ и нѣлъ тамъ все ту же и ту
же печальную пѣсню:
«Гдѣ, свѣтлокая, ты одинокая стран-
ствуешь нынѣ?
Знось и холодомъ, жаждой и голодомъ
въ дикой пустынѣ
Ты изнуренная, ты, обнаженная, вдво-
ествуя бродишь.
Гдѣ утѣшеніе, въ чемъ утоленіе скорби
находишь?»
Такъ опъ нѣлъ. И однажды Джевала, под-
слушавши эту
Пѣсню, спросилъ у него: по комъ ты,
Вагука, тоскуешь?
Кто же та, о которой такую грустную
пѣсню
Такъ заунывно поешь ты? — Пою про
жену сумасброда,
Ею избраннаго, ею любимаго, умъ и бо-
гатство
Вдругъ потерявшаго, ей измѣнившаго,
клятву святую,
Данную ей предъ богами, забывшаго. Съ
ней разлученный,
Онъ ужъ давно въ тоскѣ, въ раскаяннѣ,
въ страхѣ, не зная
Скорби своей утоленія ни днемъ, ни
ночью, бездомнымъ
Странникомъ бродить. Но каждую ночь,
о ней помышляя,
Эту пѣсню поетъ опъ. Скуптаясь, какъ
нищій, съ терпѣньемъ
Пьетъ опъ свою, преступленьемъ нали-
тую, горькую чашу,
Чашу разлуки, и горе свое съ однимъ
лишь собою
Дѣлать. Она же, которая съ нимъ и въ
бѣдѣ не разсталась,
Имъ въ пустынѣ забывая... Гдѣ она? Что
съ ней? Лишь чудо
Жизнь могло сохранить ей, со всѣхъ сто-
ронъ окруженной
Смертью въ лѣсахъ, гдѣ гибздится и ди-
кій звѣрь, и разбойникъ.

Эту повѣсть онъ самъ разказалъ мнѣ.
Съ тѣхъ поръ и пою я
Пѣню его, какъ самъ онъ поеть, и о
немъ сокрушаюсь.

II.

Бима, царь Видарбы, узнавъ о бѣдствіи
Наля, царство свое проигравшаго въ кости, пе-
медленно созвалъ
Всѣхъ видарбинскихъ Брахмановъ и такъ
имъ сказалъ: отыщите
Дочь мою Дамаянги и Наля царя: кто
узнаетъ,
Гдѣ мои дѣти и ихъ ко мнѣ приведетъ,
тотъ получитъ
Тысячу самыхъ отборныхъ быковъ и де-
ревню, какъ людной
Городъ богатую; тотъ же, кто, ихъ не
приведши, хоть съ вѣршой
Вѣстью о нихъ ко мнѣ возвратится,
также получитъ
Десять сотенъ быковъ. Брахманы по-
спѣшно на сѣверъ,
Полдень, востокъ и западъ пошли оты-
скивать Наля;
Всюду, по всемъ областямъ, городамъ,
деревнямъ, по безплодымъ
Дикимъ лѣсамъ, по горамъ, по равни-
намъ, по разнымъ дорогамъ
Долго ходили они по напрасно; ни слуха,
ни вѣсти
Нѣтъ ни о Налѣ царѣ, ни о вѣршой его
Дамаянги.
Вотъ, наконецъ, одинъ изъ Брахмановъ,
Судѣва достигнулъ
Города Шедди и тамъ во дворцѣ, на
праздникѣ царскомъ
Онъ Дамаянги увидѣлъ. Подлѣ царевны
Супанды,
Въ платьѣ печальной вдовы, на лицѣ по-
крывало, близъ свѣтлой,
Радостной дѣвы она тамъ стояла—жена,
по супругѣ
Мрачно скорбящая, тѣнь близъ свѣта,
алмазъ безъ сіянья,
День безъ солнца, краса, двойнымъ по-
кровомъ отъ взоровъ
Скрытая, чернымъ платьемъ и чернымъ
горемъ. Увидя

Этотъ прекрасный, невидимо блещущій
свѣтъ, догадался
Тотчасъ Судѣва, кто передъ нимъ. Про
себя онъ подумалъ:
Тотъ же образъ я вижу, который столь
сладостно свѣтелъ
Былъ въ то утро, когда всѣ земные цари
и владыки,
Съ ними и вѣчные боги въ тревогѣ на-
дежды, смиренно
Ждали, кому изъ нихъ благодатную руку
подастъ Дамаянги.
Это она полногрудая, темно-кудрявая, рай-
скимъ
Блескомъ очей веселящая душу, любовь и
утѣха
Мира; она, молодая лилея, лишненная корня,
Лѣтось, слоновою стопой сокрушенный,
высокое въ низкомъ;
Это она по супругѣ скорбящая, вмѣстѣ
съ супругомъ
Всю потерявшая жизнь, какъ источникъ
нынѣ безводный,
Нѣкогда быстро бѣжавшій, какъ лунная
ночь по заплыву
Полномъ луны, поглощенной внезапно пе-
беснымъ дракономъ;
Это она, достойная жить въ перламутро-
вомъ, царскомъ
Домѣ, живущая нынѣ въ чужомъ spro-
тою бездомной;
Славная царской породой въ горькомъ
беззавномъ изгнаньи;
Счастья достойная, жарко любящая, чуж-
дая счастью,
Чуждая сладкой любви. Ея измучено
сердце
Страстнымъ стремленьемъ къ супругу,
избранному сердцемъ; на свѣтъ
Мужъ украшеніе жены; потерявъ сей
небесно-прекрасный
Перлъ, и блестящая тратитъ свой блескъ.
Но гдѣ жъ онъ могучій
Налъ? Перенесъ ли разлуку съ такою же-
ною, иль мертвый
Налъ, утративъ ее? И мнѣ всю душу
произзаетъ
Горе при видѣ ея красоты сокрушенной,
при встрѣчѣ

Огненно-темныхъ ея, въ слезахъ угасающихъ взоромъ.
 Скоро ль, скоро ль, весь міръ исходивъ
 Къ цѣли желанной достигнетъ она и съ
 желаннымъ супругомъ,
 Съ милымъ души, съ властителемъ жизни
 встрѣтится въ мірѣ,
 Такъ, какъ звѣзда встрѣчается съ мѣся-
 цемъ? Скоро ль
 Съ трона низверженный Налъ возвратитъ
 Дамаянти и тронъ свой?
 О! какое блаженство тогда для обоихъ,
 другъ другу
 Равнымъ прелестью, доблестью, знатностью
 рода и славой
 Предковъ! Миѣ должно теперь подойти съ
 утѣшительнымъ словомъ
 Къ ней, сокрушенной. Такъ говорилъ мно-
 гомудрый Судева
 Самъ съ собою; потомъ онъ къ тому при-
 близился мѣсту,
 Гдѣ одиноко стояла среди многолюдства
 съ печальной
 Думой своей Дамаянти. «Здравствуй роза
 Видарбы,
 Вѣй онъ сказалъ; я Судева, Брахманъ ви-
 дарбинскій; царь Бима,
 Твой родитель, живъ и здоровъ и цар-
 ствуетъ мирно;
 Здравствуетъ съ нимъ и твоя благодуш-
 ная мать, управляя
 Домомъ; здравствуютъ братья твои, здрав-
 ствуютъ дѣти,
 Мирно цвѣтя подъ защитою дѣда и бабки.
 Но горе
 Веѣхъ по тебѣ сокрушило. И нынѣ по
 цѣлому свѣту
 Ищутъ брамины тебя; отыскать же по-
 зволили боги
 Миѣ.—Дамаянти, узнавши его, залилася
 слезами;
 Стала потомъ о родныхъ, о друзьяхъ, зна-
 комыхъ и ближнихъ
 Спрашивать. Выросли ль дѣти? она паломъ
 стѣдокъ спросила.
 Съ этимъ словомъ рыданье стѣснило ей
 грудь, и съ прекрасныхъ

Длинныхъ рѣзницъ покатилися крупными
 каплями слезы.
 Видя, что плачетъ она въ разговорѣ съ
 браминомъ, Сунанда,
 Сильно встревожась, сказала немедленно
 матери: наша
 Гостя плачетъ; какой-то браминъ гово-
 ритъ съ ней, и вѣрлю
 Съ нимъ знакома она, и его слова про-
 будили
 Эту печаль. Тогда изъ покоевъ внутрен-
 нихъ вышла
 Мать царица; увидя брамина, она пове-
 лѣла
 Къ ней его привести; и его разсирани-
 вать стала
 Такъ: расскажи миѣ объ ней, что вѣдаешь.
 Кто, и какого
 Рода она? Чья дочь? Чья жена? И съ род-
 ными какою
 Страшной судьбою разсталась? И здѣсь ты
 ее по какому
 Тайному признаку могъ распознать? Обо-
 всемъ откровенно
 Миѣ разскажи.—И, сѣвъ на ему указани-
 емъ мѣстѣ,
 Такъ разсказывать началъ Судева, бра-
 минъ многомудрый.

III.

Царствуетъ нынѣ въ Видарбѣ царь Бима,
 до старости поздней
 Въ славѣ дожившій; а странница эта есть
 Дамаянти,
 Дочь видарбинскаго Бимы, жена нишад-
 скаго Наля.
 Налъ же, сынъ Виразены, бывший вла-
 дыка Нишады, безумно
 Въ кости все царство свое проигралъ не-
 достойному брату.
 Съ той поры, покинувъ Нишаду съ же-
 ною, пропалъ онъ
 Безъ вѣсти Бима послалъ насъ отыски-
 вать дочь. И случайно
 Въ вашемъ царскомъ дворцѣ въ печаль-
 ной, таинственной гостѣ
 Вашей узнать я се... И кто не узналъ
 бы? На свѣтѣ
 Нѣтъ Дамаянти другой, столь прекрасной
 душою и тѣломъ.

Есть при томъ и примѣта: на лбу подъ
 густыми
 Кудрями свѣтлая скрыта звѣзда, какъ за
 облакомъ мѣсяць;
 Съ нею она родилася; ее самъ Брама замѣтилъ
 Знакомъ святымъ благодати; но знакъ сей
 однимъ лишь браминамъ,
 Видящимъ здѣсь красоту неземную, слу-
 жителямъ Брамы
 Можетъ быть видимъ; и я очами бра-
 мина, какъ злато
 Въ темной рудѣ, какъ въ пещи горя-
 чемъ огонь сокровенный,
 Тотчасъ узналъ Дамаянти, красы неска-
 занной свѣтло.
 Кончивъ разсказъ свой, Судева умолкъ.
 Тутъ царица Сунанда,
 Тихо подкравшись къ подругѣ, съ ея го-
 ловы покрывало
 Вдругъ сорвала и кудри волосъ, осѣняв-
 шихъ прекрасный
 Лобъ видарбинской царицы, откинула:
 ярко, какъ мѣсяць,
 Тучу пронзившій, блеснула оттуда звѣзда
 благодати.
 То увидя, Сунанда въ слезахъ умоленья
 признала
 Къ сердцу ея, царица заплакала также;
 и всѣ три,
 Крѣпко обнявшись, слезными сердцемъ,
 стояли безмолвно,
 Слезы сливая съ слезами. Вотъ напоследъ-
 докъ сказала
 Мать царица: ты дочь моей сестры, Да-
 маянти.
 Нашъ знаменитый отецъ былъ владыка
 Даферпекій Судеманъ;
 Бима выбралъ сестру, меня избралъ Ви-
 равагу.
 Я и тебя младенцемъ видала въ то время,
 когда мы
 Възвѣтъ съ сестрой навѣстили въ Даферпѣ
 отца. И тогда ужъ
 Эта звѣзда сіяла на лбу у тебя. Догадалась
 Тотчасъ я, кто ты, какъ скоро странни-
 цей грустной явилась
 Здѣсь и дочерью сердце тебя парекло.
 Оставайся жъ

Съ нами, мой домъ есть твой; и все под-
 властное сыну
 Царство также твое. Живи въ любви и
 согласи
 Съ нами: будь дочерью мнѣ, будь пѣж-
 ной сестрою Сунандѣ.—
 «Долго я здѣсь незнакомкой въ доволь-
 ствѣ жила, отвѣчала
 Теткѣ своей Дамаянти; не знала нужды,
 подъ защитой
 Вѣрной была, и въ горѣ встрѣчала ве-
 селье; но будетъ
 Мнѣ веселье въ Видарбѣ съ роднымъ от-
 цомъ и съ родною
 Матерью. Съ миромъ меня отпусти; я
 давно ужъ съ своими
 Влижными розно; отсюда слышится мнѣ,
 какъ сиротки
 Дѣти мои, по матери плача, ее издалика
 Кличутъ и ей говорятъ: *безъ отца мы;*
на что же намъ
Быть и безъ матери? Если свое бла-
 готворное дѣло
 Ты довершишь надо мною желаешь, то дай
 мнѣ скорѣе
 Средство въ Видарбу къ своимъ возвра-
 титься».—Исполнена будетъ
 Воля твоя, красота звѣздоносная, такъ
 отвѣчала
 Мать царица; потомъ съ позволенія сына,
 владыки
 Царства Шеддѣйскаго, въ путь снарядила
 милую гостью;
 Нищу съ питьемъ на дорогу сама царица
 Сунанда
 Ей приготовила: дали коней съ колесни-
 цою; дали
 Также и стражей, дабы ее на пути охра-
 нили;
 Съ плачемъ разстались потомъ. И вотъ,
 наконецъ, возвратилась
 Къ ближнимъ своимъ Дамаянти. И много
 въ Видарбѣ веселья
 Выло при встрѣчѣ ея. Когда жъ Дамаянти
 со всѣми
 Свидѣлась, съ милою матерью, съ добрымъ
 отцомъ и съ родными
 Братьями, сродниковъ всѣхъ и знакомыхъ
 увидѣла, къ сердцу

Въ сладкихъ слезахъ прижала дѣтей —
то первой заботой
Было ея принести благодарность богамъ,
а браминовъ
Всѣхъ одарить. И Бима исполнилъ свое
обѣщанье:
Тысячу жирныхъ быковъ съ селомъ, бо-
гатымъ, какъ городъ,
Далъ онъ брамину Судевѣ. Награду та-
тую сначала
Онъ обѣщаль лишь тому, кто найдетъ
Дамаинти и Наля;
Но, блаженный свиданіемъ съ дочерью,
онъ ужъ не думаль
Болѣ о Налѣ. Зато не забыла о немъ
Дамаинти.
Ночь одну проведя въ жилищѣ отца, на
другой день
Матери такъ Дамаинти сказала: если ты
хочешь
Жизнь мнѣ мою сохранить, возврати мнѣ
прекраснаго Наля.
То услыша, царица заплакала горько и слова
Ей отвѣчать не могла отъ слезъ и ры-
данья. И вмѣстѣ
Съ нею домашніе всѣ сокрушились и гром-
кимъ стенаньемъ
Все жилище ея наполнилось. И вотъ что
царица
Бимѣ, властителю многихъ народовъ, ска-
зала: открыла
Сердце свое мнѣ наша дочь Дамаинти; по
миломъ
Налѣ тоскуеть она песказанно. А гдѣ онъ?
Удастся ль
Такъ же найти и его, какъ найти уда-
лось Дамаинти?
Бима при этихъ словахъ опять вызываетъ
браминовъ
Новую службу ему сослужить. Святые
брамины,
Имъ говоритъ онъ, идите по всѣмъ пу-
тиамъ и дорогамъ
Наля отыскать; съ нимъ разлученная,
гаснетъ отъ горя
Дочь Дамаинти. Брамины, немедленно въ
путь изговоясь,
Всѣ собрались къ Дамаинти услышать ея
повелѣнье:

Ихъ приняла, улыбаясь сквозь слезы, она
и сказала
Такъ: куда бъ ни пришли вы и гдѣ бъ
его ни искали —
Въ городѣ ль, въ царскомъ дворцѣ ли, въ
деревнѣ ли, въ хижинѣ ль бѣдной —
Всюду одно повторяйте, вытвердивъ то,
что скажу вамъ:
«Гдѣ ты, игрокъ? Куда убѣжалъ ты въ
украденномъ платѣѣ,
«Въ лѣсѣ покинувъ жену? Она, почер-
нѣвши отъ зноя,
«Въ скудной одеждѣ, тобою обрѣзанной,
ждетъ, чтобъ обратно
«Къ ней ты пришелъ. По тебѣ лишь то-
скуеть она и ни разу
«Сна не вкусила съ тѣхъ поръ, какъ себѣ
на погибель заснула
«Въ томъ лѣсу, гдѣ тобой такъ безжа-
лостно брошена. То ли
«Ты обѣщаль ей супружеской клятвой?
Покровъ и защита
«Мужъ для жены; а ты, что сдѣлалъ съ
своею женою,
«Ты, величаемый мудрымъ, твердымъ, бла-
гимъ, благороднымъ?»
Помните эти слова и ихъ вездѣ повторяйте.
Если же кто вамъ на нихъ отзовется, то
знайте, что это
Налъ; и тогда немедля развѣдайте, кто
онъ? Когда же
Словомъ какимъ онъ вамъ возразить, то
скорѣе, скорѣе
Это слово мнѣ передайте, брамины. Но
будьте
Съ нимъ осторожны, чтобъ онъ догадаться
не могъ, что за нимъ вы
Посланы мной и чтобъ снова не скрылся.
Идите съ богами
Въ путь свой, брамины, ищите Наля,
вездѣ повторяя
Грустную пѣсню мою, воздыханья любви
сокрушенной.—
Данныя имъ наставленья принявъ, по
разнымъ дорогамъ
Всѣ разошлись брамины отыскать Наля;
и всюду
Въ людныхъ, большихъ городахъ, въ бо-
гатыхъ палатахъ, въ убогихъ

Хижипахъ, въ темныхъ лѣсахъ, по горамъ,
по полямъ, по долинамъ,
Гдѣ только былъ человѣческій слѣдъ, не-
успѣшно искали
Наля они, вездѣ повторилъ слова Дамаяти,
Грустную лѣсню ея, воздыханья любви
сокрушенной.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Вотъ по странствіи долгомъ одинъ изъ бра-
минновъ, Парнада
Именемъ, съ вѣстью такою пришелъ къ
Дамайти: повсюду
Наля искавъ безуспѣшно, пришелъ нако-
нецъ я въ Айоду.
Тамъ предъ царемъ Ритуперномъ твои
слова произнесъ я;
Царь ничего не сказалъ мнѣ въ отвѣтъ
и никто изъ придворныхъ
Также мнѣ не далъ отвѣта. Когда жъ я,
простаясь съ Ритуперномъ,
Вышелъ изъ царскихъ покоевъ, со мной
повстрѣчался служитель
Царскій съ руками короткими, малаго роста,
Вагука
Именемъ; дѣло его смотрѣть за царевой
конюшнею;
Видомъ онъ некрасивъ; зато великій ис-
кусникъ готовить
Пищу; также чудесно править конями:
онъ можетъ
Въ сутки сто миль проскакать ихъ заста-
вить. И вотъ что съ глубокимъ
Вздохомъ, отъ слезъ задыхаясь, сказалъ
мнѣ этотъ Вагука:
«Въ бѣдности, въ горести терпятъ безро-
потно съ вѣрой смиренной
«Неба достойныя, долгу супружества вѣр-
ныя жены;
«Сердце ихъ кроткое ибжнымъ проще-
ніемъ метить за обиду.
«Если въ безуміи всѣ свои радости, свѣтъ
и усладу
«Жизни, разставшиися съ вѣрною подру-
гою, жалкій преступникъ
«Самъ уничтожить могъ, если отчаянный,
платя лишенный

«Хитрыми птицами, голодомъ мучимый,
онъ удалился
«Тайно отъ спутницы, если онъ съ той
поры дешево и почто
«Все по утраченной плачетъ и сѣтуетъ—
доброй женою
«Будеть оплакать онъ; чтобъ ей ни ветри-
лось доброе, злое,
«Ибжному, вѣрному сердцу покажется горе
не горемъ,
«Радость не радостью; будетъ лишь па-
мятно бѣдствіе мужа,
«Тяжкой виной своею въ горѣ лишеннаго
всякой отрады».
Эти услышавъ слова, я рѣшился немедля
пуститься
Въ путь обратный. Царевна, сама теперь
ты разсудишь,
Съ доброю ль вѣстью къ тебѣ я при-
шелъ.—Дамайти, Парнаду
Выслушавъ, тотчасъ къ царицѣ пошла
и такъ ей сказала:
Слушай, родная; о томъ, что я сдѣлать
хочу, мой родитель
Бима вѣдать не долженъ; хочу я бра-
мина Судеву
Въ царство Айоду послать; награды своей
половину
Онъ заслужилъ, вотъ случай ему заслу-
жить и другую:
Вамъ возвратилъ онъ меня, пускай воз-
вратитъ вамъ и Наля.
Мать согласилась на просьбу плачущей
дочери; тайно
Все учредили онѣ, и царь не узналъ ни
о чемъ. Одаривши
Щедро Парнаду, царевна сказала: когда
возвратится
Счастливо царь мой желанный, получишь
ты вдвое; ты первый
Слѣдъ намъ къ нему указать. И дово-
лецъ остался Парнада
Тою наградою. Тогда Дамайти, призвавши
Судеву,
Такъ сказала: Судева, иди къ Царю Ри-
тупериу
Въ царство Айоду; явился ему, по такъ,
чтобъ подумалъ

Царь Ритупернъ, что замель ты въ Ай-
оду случайно, и вотъ что
Скажешь ему ты, какъ будто безъ вся-
каго умысла: «Вима
«Снова сзываетъ въ Видарбу царей и ца-
ревичей; снова
«Хочеть супруга избрать Дамаянти: ужъ
сѣхалось много
«Къ ней жепиховъ». И ежели знать по-
желаетъ онъ, скоро ль
Долженъ быть выборъ, назначенъ ли день?
Отвѣчай ты: «я вижу,
«Царь, что тебѣ одному невѣдомо то, что
известно
«Цѣлому свѣту; день назначенный—завтра;
и если
«Самъ ты отвѣдать счастья намѣривъ,
то можешь въ Видарбу
«Нынче же къ почи поспѣть; у тебя
есть конюхъ, искусный
«Править конямъ; онъ въ сутки сто миль
проскакать ихъ заставить;
«Только не медли: завтра, чѣмъ свѣтъ,
Дамаянти объявить
«Выборъ; о Налѣ жъ ни слуха, ни вѣсти;
и вѣрно погибъ онъ.
«Если же хочешь ты знать, отъ кого я
о сказанномъ слышалъ.
«Знай, Государь, что я слышалъ о томъ
отъ самой Дамаянти».

II.

Вотъ и приходитъ Судева къ царю Ри-
туперну. То было
Рано поутру. И только что ложную по-
вѣсть брамина
Выслушалъ царь, какъ, съ мѣста веко-
чивши, воскликнулъ: скорѣе
Кликнуть Вагуку сюда! Когда же Вагука
явился—
Вѣрный конюшій, сказалъ Ритупернъ,
миѣ должно въ Видарбу
Нынче жъ поспѣть; Дамаянти оиать вы-
бираетъ супруга;
Завтра утромъ она объявить свой вы-
боръ. Искусство
Нынѣ свое покажи миѣ, Вагука, на дѣлѣ;
посмотримъ.
Можешь ли въ сутки сто миль проска-
кать на коняхъ, не кормивши?

Царская рѣчь наполнила ужасомъ Нале-
ву душу.
Что замышляетъ — подумалъ онъ самъ
про себя—Дамаянти?
Или она отъ скорби лишилась ума? Или какую
Хитрость задумала? Можетъ ли быть,
чтобъ она на такое
Дѣло рѣшилась, она, непорочная, вѣрная,
свѣтлый
Ангель любви? Неужель, оскорбленная
мною такъ жестоко,
Хочеть отмстить миѣ она, смиренно-не-
злбный Эдемскій
Голубь? Но женское сердце избѣчиво;
я же предъ нею
Слишкомъ виновенъ; прекрасную младость
я погубилъ я;
Въ долгой разлукѣ со мною, разлучилась
она и съ любовью.
Но, позабывши меня, какъ могла поза-
быть Дамаянти
Нашихъ дѣтей? Миѣ должно развѣдать,
что ложь и что правда
Въ этомъ слухѣ, и волю царя для себя
я исполню.
Такъ онъ въ мысляхъ рѣшилъ и, по-
корно ко груди прижавши
Руки, царю отвѣчалъ: несомнѣнно испол-
нена будетъ
Царская воля твоя; мы нынче жъ по-
спѣемъ въ Видарбу
Къ вечеру. — Вотъ на конюшню Вагука
пошелъ, чтобъ надежныхъ
Выбрать коней и выбралъ тощихъ, тя-
желыхъ, поздристыхъ,
Тонконогихъ, толстоголовыхъ, съ щети-
нистой шерстью,
Съ длинными шеями, съ гривой вето-
порщевой, огненно-дикихъ.
Выборъ такой царя изумилъ. Ты шу-
тишь, Вагука,
Съ гнѣвомъ сказалъ онъ: какъ будто въ
насмѣшку изъ цѣлой конюшни
Выбралъ ты самыхъ негодныхъ коней.
Въ такую дорогу
Можно ль на клячкахъ подобныхъ пу-
скаться?—То добрые кони,
Царь - государь, Вагука отвѣтствовалъ;
вотъ и примѣты:

Двѣ на лбу, одна на груди и три на
 копыхахъ;
 Духомъ домчимся на этихъ коняхъ до
 Видарбы; но если
 Выбрать другихъ ты желаешь, то самъ
 укажи ихъ; готовъ я
 Волю исполнить твою.—Пускай по-тво-
 ему будетъ,
 Царь отвѣчалъ; тебя не учить мнѣ; за-
 кладывай; ъдемъ.
 Выбранныхъ нмъ четырехъ коней зало-
 жили въ колесницу
 Налъ, и сѣлъ въ нее съ Ритуперномъ; и
 съ ними, по просьбѣ
 Наля, сѣлъ Варшней. Собравши въ мо-
 гучую руку
 Вожжи, и ими трянувъ, какъ браздами
 излучистыхъ молній
 Налъ закричалъ: изготовьтесь вы, добрые
 кони; чтобъ нынче жъ
 Быть намъ въ Видарбѣ! И дрогнувъ,
 предъ нимъ на колѣни упали
 Кони; легкимъ движеньемъ руки опять
 онъ ихъ подпять
 На ноги, голосъ смягчилъ и, ласковымъ
 словомъ придавъ нмъ
 Жару, крикнулъ: впередъ! Они понесли-
 ся, какъ вихри.
 Царь Ритупернъ на бѣгъ ихъ смотрѣлъ
 съ нѣмымъ изумленьемъ.
 Въ то же время, разлушавъ, сколь былъ
 таинственно-звученъ
 Громъ колесницы, и видя, что вожжи со
 свѣтомъ и трескомъ
 Били коней по бокамъ и, какъ молніи,
 быстро сверкали,
 Думу глубокую думалъ Варшней: откуда
 Вагуча
 Могъ получить такое искусство и кто
 онъ? Не самъ ли
 Коней державнаго бога боговъ повелит-
 ель Металисъ?
 Или онъ Налъ, сокрывшій себя подъ ли-
 чиною урода?
 Налева образа нѣтъ здѣсь, но есть здѣсь
 Налева сила.
 Кто же мнѣ правду откроетъ? Давно изъ
 древнихъ преданій

Вѣдаемъ мы, что земные цари, по волѣ
 судьбы,
 Здѣсь на землѣ иногда превращенные,
 страдаютъ тайно.
 Этотъ уродливый конюхъ не можетъ быть
 Налемъ великимъ;
 Тотъ же, подъ кѣмъ, какъ гроза въ не-
 бесахъ, гремитъ колесница,
 Кто онъ иной, какъ не Налъ, мой вели-
 кій владыка? Такъ думалъ,
 Молча, Варшней и въ бѣдномъ Вагучѣ
 угадывалъ Наля.

III.

Кони, безъ крыльевъ крылатые, властію
 Наля, какъ буря,
 Мчались впередъ по горамъ, по доламъ,
 черезъ рѣки, потоки.
 Вдругъ сорвалась съ головы Ритуперна
 повязка. Вагуча,
 Стой! онъ сказалъ, пускай Варшней по-
 дастъ мнѣ повязку.
 Поздно! отвѣтствовалъ Налъ-Вагуча, ужъ
 мы отскакали
 Волѣ мии; оставимъ повязку. Царь
 изумился;
 Вдругъ онъ увидѣлъ вдали Вибитаку,
 вѣтвисто-густою
 Сѣнью покрытое дерево. Слушай, Вагуча,
 сказалъ онъ,
 Здѣсь на землѣ никто не имѣетъ все-
 знанья; въ искусствѣ
 Править конями ты первый; зато мнѣ
 далось искусство
 Счета, и знаю я тайну играть *настрые*
 въ кости.
 Видишь ли тамъ вдалькѣ то вѣтвистое
 дерево? Много
 Листьевъ на немъ и много плодовъ; но
 много ихъ также,
 Съ вѣтвей упавшихъ, лежитъ на землѣ.
 Такъ знай же: упало
 Листьевъ четыреста три и съ ними сва-
 лилось сто десять
 Сильныхъ плодовъ: всѣхъ сучьевъ семь
 сотъ сорокъ девять; на сучьяхъ
 Листьевъ осталось пять миллионъ и во-
 семь; плодовъ же
 Тысяча триста пятнадцать созрѣвшихъ,
 восемьсотъ сорокъ

Три созрѣвающихъ, семьдесятъ восемь
 нилыхъ. Хоть повѣрку
 Сдѣлай, мой счетъ безъ малѣйшей оши-
 ки. Въ эту минуту
 Были они ужъ близъ дерева. Стойте,
 воскликнулъ Вагука,
 Добрые кони; такому чудному счету не-
 лзя мнѣ
 Прежде повѣрить, пока плодовъ и сучьевъ
 и листьевъ
 Самъ не сочту я на деревѣ этомъ. Вар-
 шнея поддержи
 Вожжи, покуда я буду считать. Ритупернъ
 ужаснулся.
 Что ты задумалъ, Вагука? сказалъ онъ,
 не время намъ медлить.
 Но Вагука (быль умыселъ свой у него)
 непременно
 Счетъ повѣрить хотѣлъ. Подожди, царю
 отвѣчалъ онъ;
 Или — если ужъ такъ ты поспѣшешь —
 прямо, все прямо
 Этой дорогой ступай; Варшней будетъ
 конями
 Править. На то Ритупернъ возразилъ,
 стараясь Вагуку
 Лаской смягчить: не упрямься, добрый
 Вагука; въ искусствѣ
 Править конями тебѣ подобнаго нѣтъ, и
 въ Видарбу
 Только съ тобою однимъ поспѣть намъ
 къ вечеру можно.
 И (самъ видишь ты это) во власти твоей;
 не держи же
 Дождь меня; я сдѣлаю все въ твоё угожденье.
 Если только въ Видарбу дождемъ прежде,
 чѣмъ сидеть
 Солнце. Вагука, вмѣсто отвѣта, коней
 удержавши,
 Съ козелъ сошелъ и началъ спокойно
 считать по порядку
 Прежде плоды, за плодами сучья, за
 сучьями листья.
 Счетъ плодовъ безъ ошибки, сказалъ онъ
 царю Ритуперну.
 Вотъ поглядимъ, не ошибелъ ли ты въ
 счетъ сучьевъ и листьевъ?
 Царь кивнулъ нетерпѣливымъ. Будь же до-
 вольнъ, Вагука.

Развѣ мало тебѣ одного доказательства? —
 Мало,
 Царь-государь, Вагука сказалъ, но если
 ты хочешь
 Разомъ все кончить, то самъ объясни
 мнѣ, какъ могъ ты такъ много
 Счестъ въ такое короткое время? — Знаю
 же, воскликнулъ
 Царь (не отъ доброй души, а вѣдущий
 упорствомъ Вагуки),
 Я одаренъ могуществомъ счета и тай-
 нымъ искусствомъ
 Въ кости играть повѣрное. — Ежели такъ,
 то теперь же
 То и другое мнѣ передай; въ замѣну
 искусство
 Править конями получишь, сказалъ Ва-
 гука. — Согласенъ,
 Съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ царь; и могу-
 чество счета и тайну
 Въ кости играть я тебѣ отдаю; отъ тебя
 же, Вагука,
 Даръ твой приму, какъ скоро прїѣдемъ
 въ Видарбу. Лишь только
 Вымолвилъ слово свое Ритупернъ, какъ
 у Наля открылись
 Очи и онъ всё вѣтви, плоды и листья
 Вибитакн
 Разомъ могъ перечесть; и въ то же мгно-
 венье, когда онъ
 Данную силу въ себѣ ощутилъ, сокры-
 тый дотолѣ
 Въ сердцѣ его искуситель Калн оттуда
 исторгся
 Дымомъ, и мглою своей обхватилъ Вибн-
 таку. При первомъ
 Чувствѣ свободы Налъ обезнамятилъ;
 скоро однако
 Онъ очнулся, и, видя лицомъ къ лицу
 предъ собою
 Злого врага своего, хотѣлъ проклясть не-
 честивца;
 Но Калн возопилъ, подвинувши руки смиренно:
 Налъ, воздержися отъ клятвы; уже до-
 вольно наказанъ
 Былъ я проклятемъ, въ минуту стра-
 данья твоего женою
 Противъ меча изрѣченнымъ (хотя и былъ
 ей невѣдомъ

Общій валгъ врагъ). Съ тѣхъ поръ я,
замкнутый въ тебѣ, какъ въ темницѣ,
Столь же былъ горемъ богатъ, сколь ты
былъ радостью бѣденъ.
Мучимый ядомъ царя змѣинаго, дешо и
почю
Самъ я себя проклипазъ. Пощади же
меня, благодушный
Наль; я отнынѣ безсиленъ; отнынѣ каж-
дый, кто повѣсть
Вѣдственной жизни твоей прочитасть,
тебя прославляя,
Будеть отъ козней моихъ огражденъ и
власти подобныхъ
Мнѣ зловредныхъ духовъ недоступенъ.
Смягченный молящимъ
Словомъ врага побѣжденнаго, Наль воз-
держался отъ клятвы.
Самъ же Кали въ Вибитаку вселился и
полное жизни
Дерево мигомъ засохло. При чудѣ такомъ
изумился
Царь Ритупергъ (того же, что съ На-
лемъ въ эту минуту
Дѣлалось, видѣть и слышать не могъ
онъ). Едва искуситель
Скрылся — отъ муки избавленный, рад-
досто блещущій, новой
Жизнию пламенный, вдвое могучій, съль
въ колесницу
Наль, и кони помчался; а онъ, упре-
дивъ ихъ, душою
Былъ ужъ въ Видарбѣ, тамъ, гдѣ была
Дамаянти, куда онъ
Съ сердцемъ, свободнымъ отъ зла, но
все еще бѣдный, бездомный
Царь, возвращался подъ видомъ чужнымъ,
никому незнакомый.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Солнце еще не угасло, когда до Видарбы
достигнуть
Царь Ритупергъ. Немедя о гостѣ нежда-
номъ царь Бима
Былъ извѣщень, и, имъ приглашенный,
въ сияньи вечернемъ
Вѣхалъ въ Видарбу владыка Айоды.
Какъ громъ отзывался

Стукъ колесницы его съ осьми сторонъ
небосклона,
Налевъ стукъ и Налевъ скокъ почуяли
точчасъ
Налева кони (которыхъ, еще до изгнанья
царева,
къ Бимѣ съ дѣтьми сама Дамаянти при-
слала);
Радостнымъ ржаньемъ, какъ будто при
Наль, они отвѣчали
Дружно на звукъ, имъ знакомый; и,
вслушавшись въ звукъ сей, подобный
Гулу глубокому грома, сама Дамаянти
смугилась;
Что-то родное, бывалое, Налеву въ вѣ-
щее сердце
Вдругъ пропикло—такъ и жена и кони
узнали
Разомъ Няля по стуку его колесницы.
И въ стойлахъ
Царскихъ слоны и на кровлѣ дворцовой
павлины, распрививъ
Радугой пышной хвосты, при этомъ не-
слыханномъ стукѣ
Вдругъ вострепетали; подняли хоботъ
слоны; закричали,
Вытянувъ шею, въ радостномъ страхѣ
павлины, какъ будто
Чуя грозы, обещающей дождь, прибли-
женъ. И съ райскимъ
Трепетомъ, вся обращенная въ слухъ,
про себя Дамаянти
Такъ говорила: мнѣ этотъ стукъ колес-
ницы и этотъ
Топотъ, тревожащій небо и землю, на-
сквозь проникають
Душу. Это Наль, мой владыка, Наль мой
желанный!
Если его я нынче жъ лицомъ къ лицу
не увижу,
Если нынче жъ въ сладкихъ объятіяхъ
Няля не буду,
Если это не онъ, столь чудно гремящій,
не свѣтлый
Наль, мой царь, мой спаситель; если
меня обмануло
Сердце, то болѣе жить мнѣ не должно;
и въ жаркое лопу

Пламени брошусь, чтобъ кончить тоску
 одинокія жизни.
 О! теперь позабыто все прошлое: жизнь
 обновилась;
 Страхъ одиночества, стыдъ нищеты, без-
 пріютность, разлуки
 Тяжкая боль — изъ сердца изглажено все;
 я не помню
 Слова обиднаго, взгляда суроваго; помню
 одно лишь
 Счастья святое любви, лишь его, из-
 браннаго сердцемъ.
 Радость души, благороднаго, кроткаго,
 сильнаго волей,
 Тихаго нравомъ, разумомъ мудраго, серд-
 цемъ младенца,
 Наля, мою надежду, спасеніе, жизнь. Не-
 престанно
 Думать о немъ и о прошлыхъ дняхъ не-
 разлучности сладкой,
 Думать о прелести взора его и улыбки,
 о сладкомъ
 Голоеѣ, пѣжныхъ рѣчахъ, и, всею ду-
 шой погружаясь
 Въ думу любви, быть розно съ нимъ,
 псказанно любимымъ —
 Вотъ страданье, которому имени нѣтъ.
 Въ сокрушенныхъ
 Мысляхъ такихъ Дамаянти сидѣла тогда
 на дворцовой
 Верхней площадкѣ съ служанкой своею
 молодою Кезиной.
 Вотъ и видятъ онѣ, что на дворъ ши-
 рокій влетѣли
 Коня, гремя и дымясь, съ колесницей;
 и въ той колесницѣ
 Были трое: царь Ритупернъ, Вагука,
 Варшней;
 Гдѣ же Наль?.. Съ томительнымъ стра-
 хомъ глядитъ Дамаянти;
 Видитъ царя; Варшнею потомъ узнать;
 напоследокъ
 Смотрять на ихъ безобразнаго спутника —
 ей незнакомъ онъ.
 Тою порой Ритупернъ сошелъ съ колес-
 ницы; Варшней
 Также; Вагука началъ разнуздывать ко-
 ней; и въ это жъ

Время вышелъ и Бима гостю навстрѣчу.
 Другъ другу
 Оба царя поклонились учтиво, хоть оба
 не знали,
 Что другъ другу сказать. Ритупернъ,
 осмотрясь, не примѣтилъ
 Въ царскомъ дворцѣ ничего, что бъ ка-
 нунъ означало большаго
 Праздника; онъ подумалъ: я былъ легко-
 вѣрно обмануть
 Ложною вѣстью; и Бимъ сказалъ онъ:
 здравья и долгихъ
 Лѣтъ тебѣ я желаю. Бима такимъ же
 привѣтнымъ
 Словомъ отвѣтствовалъ. Что, потому онъ
 спросилъ, привело къ намъ,
 Въ нашу столицу Видарбу, такого вели-
 каго гостя?
 Слыша этотъ вопросъ и не видя нигдѣ
 никакого
 Знака, чтобъ были другіе царя и царе-
 вичи въ царскомъ
 Домѣ, владыка Аюды отвѣтствовалъ: ви-
 дѣть хотѣлъ я,
 Царь благодушный, тебя и, съ тобой по-
 знакомясь, провѣдать,
 Все ли въ твоёмъ благоденствуетъ цар-
 ствѣ? Мудрому Бимъ
 Станнымъ отвѣтъ такой показался, и
 было ему непонятно,
 Какъ могло прійти на умъ царю Ритуперну
 Путь такой предпринять лишь за тѣмъ
 чтобъ провѣдать, здоровъ ли
 Царь Видарбы, ему незнакомый. Тутъ
 есть, онъ подумалъ,
 Вѣрно другая причина. Узнаемъ мы послѣ.
 И, руку
 Ласково гостю подавши, сказалъ онъ:
 милости просимъ,
 Царь Ритупернъ; мы рады весьма тво-
 ему посѣщенію.
 По ты усталъ; войди къ намъ въ па-
 латы и тамъ успокойся;
 Что ли прикажешь, все будетъ испол-
 нено. Вмѣстѣ съ Варшнеей
 Царь Ритупернъ вошелъ во дворецъ; а
 Вагука, отираючи
 Добрыхъ коней, отвелъ ихъ въ конюшню;
 потомъ, возвратясь,

Съѣлъ на прежнее мѣсто свое въ колес-
ниці и скоро
Въ грустную думу весь погрузился. Его
Дамаянти
Сверху увидя, вздохнула глубоко. Ужель
обманулось
Сердце мое? сказала она; но стукъ ко-
лесицы
Быль ли знакомый, быль подлинно На-
левъ... а Наля не вижу.
Или Варшней искусство его перенялъ?
Или открыли
Боги его царю Ритуперну? Такъ Дамаянти
Мучилась тяжкимъ сомнѣньемъ; вотъ,
наконецъ, обратясь
Къ вѣрной Кезинѣ, служанкѣ своей, она
ей сказала:

II.

Слушай, Кезина, поди и провѣдай, кто
въ колесницѣ
Такъ угрюмо сидитъ одинъ, лицомъ не-
красивый,
Руки короткія? Съ нимъ заведя разго-
воръ, постарайся
Выспросить, кто онъ? Меня подозрѣнье
тревожитъ: не самъ ли
Наль таятся подъ этимъ уродливымъ ви-
домъ? Ты вотъ что
Сдѣлай: съ нимъ говоря, повтори, какъ
будто случайно
Тѣ слова, которыя всюду браминямъ велѣла
Я повторять; увидишь, не дастъ ли ка-
кого отвѣта
Опъ на нихъ, и ежели дастъ, то все,
что ни скажетъ,
Ты замѣть и мнѣ передай. Кезина къ
Вагукѣ
Тотчасъ пошла; Дамаянти жъ, на преж-
немъ мѣстѣ оставшись,
Сверху смотрѣла на нихъ. Кезина, при-
близясь къ Вагукѣ,
Такъ сказала ему: благородные гости,
будь въ добрый
Часъ вамъ пріѣздъ вашъ въ Видарбу;
царская дочь Дамаянти
Мнѣ приказала узнать, зачѣмъ вы здѣсь
и откуда?—
Мы изъ Айоды, царю Ритуперну под-
властнаго царства,

Такъ Вагукъ сказалъ. Узнавъ отъ бра-
мина, что будетъ
Слова супруга себѣ выбирать Дамаянти,
айодекій
Царь на своихъ быстроногихъ коняхъ,
которыми правлю
Я, сюда прискакалъ, чтобъ явиться съ
другими на выборъ.—
Ты не одинъ при царѣ; вась двое; кто
твоей товарищъ?
Кто ты самъ, и откуда, и какъ къ царю
Ритуперну
Въ службу вступилъ?— Мой товарищъ
Варшней, бывшій конюшій
Наля; меня называютъ Вагукъ; что я не
красавецъ,
Это ты видишь; служу у царя на ко-
нюшнѣ, но могъ бы
Также служить и на кухнѣ, ибо я столь
же искусенъ
Вкусную пищу готовить, какъ править
конями.— Скажи жъ мнѣ,
Снова спросила Кезина его, не дошла ли
до Варшней
Вѣсть какая о Налѣ? И самъ ты о немъ
не слыхалъ ли?—
Налевыхъ бѣдныхъ дѣтей, Вагукъ ска-
залъ, проводивши
Къ дѣду и царскихъ коней оставивъ въ
Видарбѣ, Варшней
Въ службу вступилъ къ царю Ритуперну.
Объ участи Наля
Онъ не знаетъ, и пѣтъ на землѣ никого,
кто о ней бы
Что-нибудь зная; подъ видомъ чужимъ,
въ неведомомъ мѣстѣ
Царь укрывается. Наль одинъ на свѣтѣ
о Налѣ
Знаетъ, да та лишь одна, кто съ Налемъ
одно; никому онъ,
Кромѣ ея, не открылъ своихъ тайствен-
ныхъ знаковъ.—
Но (сказала Кезина) браминь, посѣтив-
шій Айоду,
Встрѣтается съ тобою, тебѣ повторилъ слова
Дамаянти:
«Гдѣ ты, игрокъ? Куда убѣжалъ ты въ
украденномъ платьѣ,

«Въ лѣсѣ покинувъ жену? Она, почер-
пѣвши отъ зноя,
«Въ скудной одеждѣ, тобою обрѣзанной,
ждетъ, чтобъ обратно
«Къ ней ты пришелъ; о тебѣ лишь то-
скуетъ она, и ни разу
«Сна не вкусила съ тѣхъ поръ, какъ,
себѣ на погибель, заснула
«Въ томъ лѣсу, гдѣ тобой такъ безжа-
лостно брошена. То ли
«Ты обѣщаль ей супружеской клятвой?
Покровъ и защита
«Мужъ для жены; а ты что сдѣлалъ съ
своею женою,
«Ты, величаемый мудрымъ, твердымъ, бла-
гимъ, благороднымъ?»
Помнишь ли, что на эти слова отвѣчалъ
ты брамину?—
Весь поблѣднѣвъ, неподвижно смотрѣлъ
на Кезину Вагуга;
Долго, прозенный визанною болью любви,
не имѣлъ онъ
Силы вымолвить слова; рыдающимъ го-
лосомъ, очн,
Полныя слезъ, опустивъ, напоследокъ тихо
сказалъ онъ:
«Въ бѣдности, въ горести терпящъ без-
ропотно съ вѣрной смиренной
«Неба достойная, долгу супружества вѣр-
ная жены;
«Сердце ихъ кроткое пѣжнымъ прощеніемъ
метить за обиду;
«Если въ безуміи веѣ свои радости, свѣтъ
и уладу
«Лизни, разставшия съ вѣрной подру-
гою, жалкій преступникъ
«Самъ уничтожить могъ; если, отчаянный,
платя лишенный
«Хитрыми птицами, голодомъ мучимый,
онъ удаленъ
«Тайно отъ спутницы, если онъ съ той
лоры денно и ночью
«Все по утраченной плачетъ и сѣтуешь—
добрый женою
«Будетъ оплакать онъ; чтобъ ей ни встрѣ-
тилось доброе, злое,
«Иѣжному, вѣрному сердцу покажется горе
не горемъ,

«Радость не радостью—будетъ лишь па-
мятно бѣдствіе мужа,
«Тяжкой виной своей въ горѣ лишеннаго
всякой отрады». Сь этимъ словомъ вся Налеза скорбь
пробудилась въ Вагугѣ;
Онъ застоналъ и слезы изъ глазъ полн-
лися. Кезина
Тотчасъ ушла, спѣша обо всемъ извѣ-
стить Дамаянти.

III.

Это Налъ (Дамаянти сказала въ слезахъ,
съ замираніемъ
Сердца Кезину выслушавъ), это мой царь,
мой владыка,
Въ видѣ чужомъ. Ты должна къ нему
возвратиться, Кезина,
Снова. Вблизи притаишь и внимательно
слѣдуя за каждымъ
Шагомъ и взглядомъ его, не откроется ли
въ томъ, что замѣтишь,
Признака тайной, особенной силы. Я ду-
маю, скоро
Ужинъ начнетъ онъ готовить царю Ри-
туперну—смотри же,
Такъ устрой, чтобъ онъ ни воды, ни огня
для варенья
Лици не могъ получить, и замѣть потомъ,
что начнетъ онъ
Дѣлать; и все другое, что въ немъ по-
кажется чуднымъ,
Также мнѣ опиши. — Кезина пошла и,
исполнивъ
Волю царицы, явилася къ ней съ своимъ
донесеніемъ:
Нѣтъ! ни прежде видать не случилось,
ни послѣ увидѣть
Мнѣ не случится того, что теперь предо
мною сбилось;
Этотъ Вагуга не просто земной чело-
вѣкъ; онъ съ богами
Въ явномъ союзѣ; ничто для него ни
низко, ни тѣсно;
Къ низкимъ дверямъ подойдетъ—головы
не наклонитъ, а сами
Двери надъ нимъ приподымутся; тѣсное
мѣсто просторнымъ
Вдругъ при его приближеніи становится.
Всякихъ принасовъ

Въмѣстѣ съ посудой царь Бима велѣлъ
 приготовить, чтобъ ужинъ
 Онъ для царя Ритуперна сварилъ; но
 воды, какъ тобою
 Было приказано, не дали; онъ того не
 замѣтилъ,
 Только взглянулъ, и водой все сосуды
 наполнились; такъ же
 Онъ и огня подъ дрова попросить не по-
 думалъ, а только
 Взявъ соломы, п мигомъ сама собою солома
 Вспыхнула. Много другого замѣтила я:
 безъ обжогн
 Голой рукой разгребалъ онъ огонь; вода
 закипала,
 Только-что къ ней онъ касался. Но чудо
 послѣднее болѣ
 Всѣхъ другихъ изумило меня: засохшую
 розу
 Онъ увидѣлъ; въ пыли она безъ листьевъ
 лежала;
 Онъ ее поднялъ, взглянулъ на нее, и
 явилась живая
 Роза въ рукѣ у него на мѣстѣ прежней,
 поблекшей.
 Послѣ такого неслыханно-чуждаго дѣла,
 царица,
 Я побѣжала немедля къ тебѣ. — Но уже
 Дамайити
 Болѣ сомнѣнья имѣть не могла, то яв-
 ные были
 Знаки Наля, то были дары, полученные
 въ самый день брака
 Имъ отъ боговъ, и она ужъ, блажен-
 ствуя, видѣла сердцемъ
 Наля желаннаго тамъ, гдѣ еще для очей
 былъ Вагука.
 Сбѣгай опять ты къ нему, сказала Ке-
 зинѣ царица;
 Запахъ отъ пищи, имъ приготовленной,
 чудно приятенъ;
 Хочется знать мнѣ, вкусна ли она? По-
 проси у Вагуки
 Мясa жаркого кусокъ. Побѣжала Кезина
 къ Вагуку
 Снова и скоро назадъ возвратилась съ
 дымящимся мясомъ.
 Налевъ знакомый ей вкусъ Дамайити
 узнала, отвѣдавъ

Мясa. Онъ здѣсь! онъ здѣсь! въ восхи-
 щении она повторяла
 Мысленно; болѣ сомнѣнія нѣтъ. Но дол-
 го ль онъ будетъ
 Свѣтлый свой образъ таить отъ жажду-
 щихъ взоровъ и мучить
 Бѣдное сердце мое нестерпимымъ же-
 ланьемъ свиданья?
 Такъ сокрушаясь она, наконецъ, прика-
 зала Кезинѣ
 Взять дѣтей и вывести ихъ изъ дворца,
 чтобъ Вагуку
 Ихъ показать мимоходомъ. Лишь только
 Вагука увидѣлъ
 Двухъ малютокъ, цвѣтущихъ дѣтей Да-
 маяити и Наля,
 Столь давно потерявшихъ отца, — въ немъ
 душа загорѣлась;
 Кицуюся къ нимъ онъ навстрѣчу, по
 имени назвавъ обохъ,
 Къ сердцу прижалъ и заплакалъ и, долго
 долго слезами
 Ихъ обливая, отъ нихъ огорваться не
 могъ, но опомнясь,
 Вдругъ отскочилъ и Кезинѣ сказала: я
 также имѣю
 Двухъ дѣтей малолѣтнихъ, сына и дочь;
 совершенно
 Съ этими сходны они, и давно я съ ними
 въ разлукѣ.
 Вотъ отчего я и былъ такъ сильно ветре-
 воженъ ихъ встрѣчей;
 Но, послушай, люди замѣтятъ, что часто
 ко мнѣ ты
 Ходишь, и будетъ тебѣ отъ того безъ
 вины нареканье;
 Съ миромъ отсюда пооди и болѣ ко мнѣ
 не являйся.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

I.

Все, что было ей нужно, узнавъ, Дама-
 яити рѣшилась
 Сдѣлать опытъ послѣдній, и матери вотъ
 что сказала:
 Кликни Вагуку къ себѣ; я тайну эту
 открою;
 Налъ отысканъ; онъ здѣсь, я знаю, я
 вѣрю. Царица, согласно

Съ просьбою дочери, кликнуть велѣла Ва-
 гуку, и сколько
 Волей, столько неволей, царь съ трепе-
 таиѣмъ тайнымъ
 Сталь, наконецъ, предъ лицомъ своей
 Дамаянти. Безгласенъ
 Сдѣлался онъ, увидя ее, прелестную въ
 скорби.
 Чистаго ангела радости въ платьѣ печ-
 альномъ вдовицы.
 Сердцу его несказанный упрекъ, передъ
 нимъ Дамаянти
 Молча стояла, пронзительный взоръ на
 него устремивши.
 Дай отвѣтъ мнѣ, Вагукъ—она напоследъ-
 докъ сказала—
 Зналъ ли ты вѣрнаго мужа, который
 былъ бы способенъ
 Тайно покинуть жену и ее, заснувшую
 съ твердой
 Вѣрой въ защиту его, въ лѣсу беззащит-
 ную бросить,
 Бросить одну, безъ одежды, безъ крова,
 безъ пищи, дотолѣ
 Нѣжно любимую имъ и ничѣмъ, ни дѣ-
 ломъ, ни словомъ
 Ниже какимъ помышленьемъ предъ нимъ
 невинную? Вотъ что
 Сдѣлалъ со мною, Вагукъ, супругъ мой
 Налъ Пуньялока.
 Чѣмъ я его оскорбила? Чѣмъ могла по-
 будить я
 Сердце его на такое предательство? Онъ
 предъ богами
 Выбранъ былъ мной, предъ богами я съ
 нимъ сочелась, и боги
 Слышали клятву, имъ данную мнѣ, въ
 любви неизмѣнной.
 Какъ же, Вагукъ, онъ могъ измѣнить
 своей Дамаянти,
 Радостнымъ сердцемъ и горе, и бѣдность,
 и стыдъ, и изгнаше
 Съ нимъ раздѣлившей, той измѣнить, ко-
 торой сказалъ онъ,
 Руку ей давь предъ святымъ алтаремъ:
 «тебя я отнынѣ
 Буду чтить и любить, защищать и пя-
 тать, и съ тобою

Горе и радость, богатство и бѣдность и
 все неизмѣнно
 Въ жизни дѣлить обѣщаюсь?» Вагукъ,
 скажи мнѣ, какъ могъ онъ
 Такъ измѣниться, такъ все позабыть?—
 Сокрушенный и блѣдный
 Слушаль въ безмолвіи Налъ укорижны
 своей Дамаянти.
 Очи ея, свѣтозарныя звѣзды, были покрыты
 облакомъ скорби и быстрымъ ручьемъ
 сквозъ густыя рѣсницы
 Падали слезы. Своєю виной уничижен-
 ный, тихимъ,
 Трепетнымъ голосомъ Налъ отвѣчалъ: что
 нишадское царство
 Было проиграно Намъ, не онъ въ томъ
 несчастный виновенъ:
 Злобный Кали обезумилъ его, и имъ же,
 коварно
 Вкравшимся въ сердце къ нему, очаро-
 ванный Налъ въ изступленьи
 Спящую бросилъ тебя; когда же въ лѣсу
 ты—не зная,
 Кто онъ — врага своего прокляла, твои
 поразилъ
 Клятвы Кали, спокойно владѣвшаго На-
 левымъ сердцемъ; и съ тѣхъ поръ
 Адеки страдалъ онъ, какъ въ пламени
 пламень горя, заключенный
 Въ страждущемъ Налѣ, какъ въ мрачной
 тюрьмѣ. Отъ нечистаго духа
 Налъ избавлешъ, и будетъ отъ всякой
 онъ клятвы свободенъ,
 Если, увидяся съ женою, найдетъ, что
 ему сохранила
 Вѣрность она и любовь. Теперь отвѣчай,
 Дамаянти,
 Что онъ найдетъ? Сохранила ль любовь,
 сохранила ль ты вѣрность?
 По свѣту ходить тѣни отъ тебя и от-
 всюду сзываютъ
 Новыхъ къ тебѣ жениховъ въ замѣну
 погибшаго Наля.
 Вотъ что сюда привело и царя Ритуперна,
 и самъ я,
 Бѣдный конюшій Вагукъ, его конями былъ
 долженъ
 Править, чтобъ могъ онъ поспѣть на
 счастливый выборъ. Услышавъ

Жалобы Наля, смренно руки сложила и
 съ чистымъ
 Взглядомъ небснаго ангела, ангелъ зем-
 ной, Дамаинти
 Такъ отвѣчала: тебѣ ль, мой избранный,
 тебѣ ль, предпочтенный
 Мною богамъ, меня оскорблять такймъ
 подозрѣемъ?
 Вѣдай: сама я послала брамина къ царю
 Ритуерну
 Съ ложною вѣсть о выборѣ повомъ въ
 Видарбѣ. Узнало
 Сердце мое, что Вагука былъ ты, и не-
 винный обманъ мой
 Былъ удаченъ—ты мнѣ возвращенъ. И
 съ клятвою правды
 Здѣсь, государь, прикасаясь къ колѣнамъ
 твоимъ, предъ тобою
 Сердцемъ спокойнымъ, какъ будто предъ
 небомъ самимъ, говорю я:
 Вѣрность къ тебѣ и любовь я во всей
 чистотѣ сохранила.
 Вѣтеръ свободно играетъ, носясь по всему
 поднебесью;
 Вѣдасть все онъ; пускай онъ моимъ обви-
 нителемъ будетъ,
 Если я что, недостойное вѣрной жены,
 сотворила;
 Солнце въ высокомъ блаженствѣ сіяетъ,
 горитъ надъ водами.
 Окомъ всевидящимъ ходитъ оно по всему
 поднебесью;
 Пусть же, все видя, оно моимъ обвини-
 телемъ будетъ,
 Если я что, недостойное вѣрной жены,
 сотворила;
 Мѣсяцъ, свѣтило покоя, во мракѣ nocturno
 замѣчаетъ
 Тайное все въ небесахъ и тайное все
 въ поднебесьяхъ,
 Пусть же онъ, тайны всѣ зная, моимъ
 обвинителемъ будетъ,
 Если я что, недостойное вѣрной жены,
 сотворила.
 Пусть и небесныя силы, хранящія небо
 и землю,
 Правду мою подтвердятъ иль смерть мнѣ
 пошлютъ за неправду.

Такъ вызывала и небо, и землю въ сви-
 дѣтели чистой
 Жизни своей Дамаинти; и вотъ ей от-
 кликнулся ее
 Вѣтеръ и такъ свой отвѣтъ изъ про-
 странства лазурнаго свѣжимъ
 Словомъ провѣялъ: «какъ небо мое, чиста
 Дамаинти,
 «Долгу вѣрна, въ любви неизмѣнна, слова
 ея правда;
 «Вѣрь ей, и руку подай, какъ женѣ без-
 порочной; и будутъ
 «Слова межъ вами союзъ и покой, и
 любовь, и согласье».
 Вѣтеръ умолкнулъ и райской прохладою
 отвсюду повѣялъ
 Воздухъ весны, и упали цвѣты дождемъ
 благовопнымъ
 Съ неба при звукѣ воздушныхъ тимпа-
 новъ. Такимъ, несказанно
 Чуднымъ свидѣтельствомъ Наля, нецѣлен-
 ный отъ всѣхъ подозрѣній,
 Вспомнилъ о томъ, что ему сказала царь-
 змѣй на прощаньи,
 Въ данный имъ зеркальный шигъ погля-
 дѣлъ и въ минуту явился
 Препнымъ Царемъ, и руки простеръ къ
 своей Дамаинти.
 Съ крикомъ пронзительнымъ кинулася
 въ нихъ Дамаинти, и этотъ
 Мигъ единый стократъ заплагилъ имъ
 за долги муки.
 Голову Наля прижавши къ своей цѣло-
 мудренной груди,
 Въ сладкомъ забвеннѣ всего, въ уноснѣ
 любви Дамаинти
 Долго безгласна была; она, то сквозь
 слезъ улыбалася;
 То трепетала, произенная радостью; то
 отъ избытка
 Счастья глубоко вздыхала. И боги любви
 опустили
 Тайную брака завѣсу на нихъ, сочетав-
 шихся слова
 Дорого-купленнымъ бракомъ. Такъ, нако-
 нецъ, отдохнулъ
 Вмѣстѣ они, до блаженства достигнувъ
 дорогой печали.

Память мннувшей раздуки, радость свиданья, живая
 Повѣсть о томъ, что розно другъ съ другомъ они претерпѣли,
 Мыслей и чувствъ повѣренье, раздѣль и сліянье,
 Все въ одномъ заключилося чувствѣ: *мыслью*; и память
 Прошлыхъ бѣдъ настоящею радостью, свѣтомъ, отъ тѣни
 Болѣе яркимъ, печальныя были веселымъ
 разскажемъ
 Сдѣлалась. Такъ по долгой въ изгнаньи
 тоскѣ, возвратился
 Налъ къ Дамаянти, какъ солнце изъ зимняго, хладнаго знака
 Въ знакъ весны возвращается; такъ Дамаянти, приникнувъ
 Къ сердцу Наля, оиать расцвѣла, какъ сіяющій веннымъ
 Цвѣтомъ садъ живѣй расцвѣтаеть, дождемъ орошенный.
 Тутъ проишли два соловья имъ пѣсню такую:
 «Снова Дамаянти съ Налемъ неразлучна;
 «Сердце вновь покойно, горе позабыто,
 «Смолкнули желанья, такъ ликуеть въ небѣ
 «Ночь, когда ей свѣтитъ другъ желанный мѣсяцъ».

II.

Рапо, лишь только что день занялся на востокъ, царица
 Мать разбудила царя неожиданно-радостной вѣстью.
 Налъ возвратился, Бимѣ сказала она, Дамаянти
 Съ мужемъ оиать, и снова съ ними согласіе. Бима
 Поднялъ брови, внезапною вѣстью такой изумленный.
 Тутъ царица открыла ему, какой Дамаянти хитростью
 Наля царя заманила въ Видарбу, какою
 Выдумкой царь Ритупернъ былъ обмануть.
 И ей, улыбаясь, Бима отвѣтствовала кротко: я вашу женскую хитрость
 Вамъ прощаю за то, что она удалась.
 Тутъ явился

Налъ съ Дамаянти и съ ними ихъ дѣти. Приблизился къ тестю
 Налъ, Дамаянти приблизилась къ матери. Зятя, какъ сына,
 Ласково принялъ царь благодушный Бима и пѣжымъ
 Взглядомъ поздравилъ дочь съ возвратившимся счастьемъ.
 Скоро потомъ пришли и братья и подали руку Налю и братски съ сестрой обнялися; потомъ отовсюду
 Стали сходитья сродники, ближніе: вотъ напоследокъ
 Вся Видарба наполнилась шумомъ торжественнымъ; дома
 Въ пышныя ткани одѣлись; на кровляхъ явились знамена;
 Площади, улицы все закипѣли народомъ, и въ храмахъ
 Жертвы зажглися. И вотъ, наконецъ, до царя Ритуперна
 Слухъ дошелъ, что Валука, конюхъ его, обратися
 Въ Наля, что мужа нашла Дамаянти, что новаго дѣлать
 Выбора ей не нужно. И царь Ритупернъ дружеслюбно,
 Къ Налю пришедши, сказалъ: поздравляю тебя, благородный
 Царь нинадскій, съ благой перемѣной судьбы, съ возвращеньемъ
 Прежняго вида и болѣе всего съ обрѣтеньемъ милой,
 Вѣрной жены. И если я что неугодное сдѣлалъ,
 Налъ знаменитый, тебѣ тогда, какъ не въ образѣ царскомъ
 Жилъ ты слугою у меня, то въ томъ виноватъ безъ вины я;
 Тайны твоей я не зналъ и прошу у тебя извиненья.
 Царь Ритупернъ,—отвѣтствовалъ Налъ,—оскорбляя и тѣни
 Я не видалъ отъ тебя; но когда бѣ и обиженъ тобою
 Былъ я, то Налю царю обидѣ, нанесенныхъ Вагукъ
 Кошоху, братъ на себя неприлично. Тебя же давно я,

Царь Ритуперизъ, п чту, и люблю, какъ
царскаго брата.
Мнѣ благосклоннымъ ты былъ господи-
номъ, когда подь твою
Кровлею жилъ я слугою Вагукой, теперь
благосклоннымъ
Другомъ будь мнѣ, царю нишадскому Налю.

Ты видишь

Самъ, что Вагукѣ конюшимъ твоимъ ужъ
не быть: безъ сомнѣнья
Также захочетъ въ пресную службу всту-
пить и Варшней.
Но въ убыткѣ ты, царь Ритуперизъ, не
останешься; даръ мой
Править конями тебѣ отдаю я рукою и
словомъ,
Такъ же, какъ самъ отъ тебя могущество
счета съ искусствомъ
Въ кости играть получилъ и нынѣ въ
Айоду ты столь же
Быстро прѣдешь одинъ, сколь быстро
прѣхалъ отсюда
Вмѣстѣ съ Вагукой въ Видарбу. А я
посмотрю, что удастся
Выиграть мнѣ съ искусствомъ, тобою мнѣ
даннымъ.—Другъ другу
Нодали руку цари на любовь и союзъ;
и въ Айоду
Царь Ритуперизъ возвратился. Налъ, горя
петерѣшьемъ
Выиграть трофъ свой, также недолго остался
въ Видарбѣ.

III.

Мѣсяцъ проживши у тестя, съ избранной
дружиною храбрыхъ
Налъ пошелъ, наконецъ, на свое нишад-
ское царство;
Самъ онъ сидѣлъ въ колесницѣ блестя-
щей; могучіе кони
Бѣшено прыгали, твердой рукѣ его по-
коряясь;
Слѣдомъ за нимъ шестнадцать словесъ
боевыхъ съ крѣпостными
Башнями, полными ратниковъ, шли; за
слонами скакали
Конные, легкій отрядъ, пятьдесятъ конь-
посцевъ; за ними
Пѣшихъ дружина, пятьсотъ отборныхъ
стрѣлковъ. Не сражались

Велъ ихъ Налъ, а украсить свое вету-
пленье въ Нишаду.
Такъ снарядившись, царь на прощаньи
сказалъ Дамаянти:
Ты оставайся подь кровлей отцовской,
покуда не ввелъ я
Новаго счастья въ нашъ домъ, и его отъ
врага не очистилъ,
Счастіе прежнее въ немъ истребившаго;
съ миромъ тогда ты
Въ нашу столицу съ дѣтьми возвратишься,
какъ на небо свѣтлый
День возвращается, темную ночь прогоняя;
живи же
Въ радости здѣсь, ожидая блаженной ми-
нуты возврата
Въ домъ семейный, на новое счастье, на
новую славу.
Взоромъ однимъ Дамаянти царю отвѣчала,
но въ этомъ
Взорѣ, полною небесной души, была ужъ
побѣда.
Быстрою бурей Налъ полетѣлъ, и скоро
достигъ онъ
Въ грозномъ величїи царства, изъ коего
нѣкогда вышелъ
Бѣднымъ изгнанникомъ. Брату Пушкарѣ,
владѣвшему пынѣ
Вышнимъ престоломъ его, онъ сказала:
я тебя вызываю
Къ новой игрѣ; я поставлю на кости жену,
ты поставишь
Все нишадское царство—довольно ль съ
тебя? Но сначала
Сдѣлать мнѣ должно съ тобой уговоръ:
когда проиграешь
Ты—то все, чѣмъ владѣешь, будетъ моимъ,
и надъ самой
Жизнью твоею буду я властенъ; когда жъ
проиграю
Я—то все, чѣмъ владѣю, возьмешь ты,
если можешь:
Знай напередъ, что тогда мы съ тобою
мечомъ разочтемся.
Полно же медлить; тебѣ по законамъ игры
мнѣ на вызовъ
Къ новой игрѣ отказать невозможно; и
властенъ теперь ты

Выбрать изъ двухъ любую игру: въ же-
 лѣзо или въ кости.
 Хочешь отвѣдать меча — выходи; я радъ
 поединку;
 Царство, наслѣдье отцовъ, должны сохра-
 нять мы, покуда
 Наше оно, когда же его мы утратили, силой
 Должно умѣть намъ его возвратить; такъ
 учили насъ предки.
 Часть наступилъ; принимайся, Пушкара,
 за мечъ или за кости.
 Или тебѣ живому не быть, или я Дамайнти
 Съ жизнью тебѣ уступлю. — На этотъ
 вызовъ Пушкара
 Такъ отвѣчалъ, усмѣхнувшись: готовъ я
 еще разъ съ тобою
 Въ кости счастья отвѣдать; то будетъ
 игра роковая;
 Горя съ тобою въ ничетъ Дамайнти до-
 вольно терпѣла;
 Власть и богатство со мною раздѣлитъ
 она и забудетъ
 Прошлое скоро; а я и на тронѣйшинад-
 скомъ всечасно
 Думалъ объ ней, и ждалъ, что придешь
 ты; и вотъ напоследокъ
 Ты пришелъ, и будетъ моей Дамайнти,
 и болѣ
 Миѣ ничего на землѣ желать не оста-
 нется. — Этимъ
 Держимъ отвѣтомъ разгнѣванный, мечъ
 свой хуштелю въ сердце
 Чуть не вопзилъ въ запальчивости Налъ,
 но, собой овладѣвши,
 Онъ сказалъ, трепеща, и киня, и сверкая:
 безумецъ,
 Нолю хвастать, играй: проиграешь, за-
 платишь. И кости
 Брошены — все рѣшено: обратно шинад-
 ское царство
 Съ первымъ ударомъ выигралъ Налъ у
 Пушкары. Со смѣхомъ
 Онъ, побѣдитель, взглянулъ на него, по-
 бѣжденнаго. Что ты
 Скажешь теперь? Мое законное царство,
 которымъ
 Думалъ владѣть ты, непрежнему стало
 моимъ и отнынѣ

Будетъ въ крѣпкихъ рукахъ: теперь межъ
 царемъ и межъ царствомъ
 Третій никто не дерзнетъ протѣсниться.
 Мое жъ Дамайнти
 Ты и во снѣ недостойнѣ увидѣть; ты рабъ
 мой отнынѣ;
 Такъ рѣшила судьба. Но слушай: не
 властью твоею
 Нѣкогда былъ я низверженъ съ престола;
 Кали искуситель,
 Врагъ мой, тебѣ помогаль; ты объ этомъ
 не зналъ, безразсудный;
 Знай же теперь, что отмщать на тебѣ
 преступленья чужого
 Я не хочу. Живи, и будь милосердіе
 неба
 Вѣчно съ тобою и вражды да не будетъ
 межъ нами, Пушкара,
 Братъ мой; живи, благоденствуя многіе,
 многіе годы.
 Весь уничтоженный благоетью брата, предъ
 нимъ на колѣна
 Бросился, плача, Пушкара. О, Налъ Пунья-
 лока, да будетъ
 Милость боговъ и всякое благо земное
 съ тобою!
 Въ скромномъ удѣлѣ моемъ я, твой под-
 данный, буду спокойнѣй
 Жить, чѣмъ на тронѣ твоемъ, гдѣ покой
 мой основанъ
 Былъ на ударѣ невѣрныхъ костей; и
 своими отнынѣ
 Буду я столь же любимъ, сколь былъ не-
 навидимъ твоими.
 Прежде однако очиню себя отъ вины
 омовеньемъ
 Въ Гангесѣ грѣшнаго тѣла; въ его благо-
 датныя волны
 Брошу, проклявъ ихъ, враждебныя кости,
 которыми злые
 Властвуютъ духи. А ты, сюда возвративъ
 Дамайнти
 Въ блескѣ прекраснаго солнца, скажи ей,
 чтобъ гнѣва
 Въ сердцѣ ко миѣ не питала и, прежнее
 горе забывши,
 Вдвое блаженна была очищеннымъ въ
 онитѣ счастьемъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Разрушеніе Трои. Изъ Энеиды Виргилія.

Упомянутое объ *Энеиде* въ числѣ предметовъ занятій поэта встрѣчается въ бумагахъ Жуковскаго уже въ концѣ 1814 г., но первые опыты перевода относятся лишь къ началу 20-хъ гг. „Жуковский отъ *Иоанны Шнелеровой* перешедъ къ *Виргиліеву Энею*“, — замѣчаетъ Карамзинъ въ письмѣ къ П. И. Дмитріеву въ маѣ 1822 г., а въ началѣ сентября того же года уже сообщаетъ ему: „на снхъ дняхъ я съ удовольствіемъ слушалъ переводъ Жуковскаго изъ *Энеиды*“. „Переводъ Жуковскаго изъ *Виргилія* мнѣ понравился своею живостью...“ — прибавляетъ онъ нѣсколько позднѣе, въ другомъ письмѣ, отъ 23-го января 1823 г., по поводу сообщенія Дмитріеву о чтеніи перевода Жуковскаго въ торжественномъ собраніи российской академіи. Въ одномъ изъ писемъ Жуковскаго къ Гнѣдичу поэтъ, благодаря за присылку „господина Марона“, проситъ прислать ему *Энеиду* Петрова. Переводъ В. П. Петрова (род. 1736; † 1799) — наиболѣе ранній переводъ у насъ „Энеиды“ Виргилія (три первые пѣсни вышли въ 1770 г.; переводъ 12-ти пѣсней въ 1781—1786 гг.).

Отрывки изъ Илиады.

Жуковский не зналъ греческаго языка, но интересъ къ классическому эпосу пробудился у него уже рано. „Гомера читаю на английскомъ, имѣя передъ собою и Фоссовъ переводъ, — пишетъ Жуковский А. И. Тургеневу въ сентябрѣ 1810 г., изъ Муратова. — Не соглашавсь, однако, чтобы Фоссовъ переводъ былъ лучше Попова; можетъ-быть, въ первомъ найдешь болѣе истиннаго Гомерова духу и греческой простоты, но онъ сухъ, и чувствительно, что нѣмецъ Фоссъ изъ всей силы хотѣлъ быть грекомъ. Поэтъ растянутъ и иногда очень удаляется отъ Гомерова духа, особливо когда дѣло дойдетъ до боговъ, говоря о которыхъ, онъ въмѣшиваетъ такія выраженія, которыя болѣе приличны новѣйшимъ метафизикамъ; зато языкъ его стихотворнѣе. Эти два перевода по настоящему надобно читать вмѣстѣ: одинъ увеличитъ пѣву другого; Попова щедролетоватъ сдѣлаетъ пріятнѣе Фоссову простоту, а Фоссова сухость сдѣлаетъ еще пріятнѣе Попову блестящую поэзію. Чуть ли и я со временемъ не примусь за греческую грамматику, а латинска я уже и очень вертнусь въ голову моею...“ (Письма къ А. И. Тургеневу). Г-нъ Фоссъ (1761 — 1826) считается образцовымъ нѣмецкимъ переводчикомъ Гомера; переводъ его вышелъ въ 1781 г. Английскіе переводы Гомера, принадлежавшіе А. Попу, извѣстному английскому поэту (1688—1744), вышли въ 1715—1720 и 1725 гг. Въ 1828 году Жуковскимъ былъ оконченъ, какъ вѣчно цѣльное, обширный отрывокъ изъ различныхъ пѣсней Илиады (VI—XX) и тогда же былъ напечатанъ въ альманахѣ Дельбига „Сѣверные

Цвѣты“ на 1829 годъ, — подъ заглавіемъ: *Отрывки изъ Илиады*, и съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Сей переводъ сдѣланъ по нѣкоторымъ особеннымъ причинамъ. Переводчикъ, не знающій по-гречески, старался только угадывать Гомера, имѣя предъ глазами нѣмецкіе переводы Илиады — Фоссовъ и Штольберговъ. Сей опытъ его не долженъ быть сравниваемъ и не можетъ выдержать сравненія съ переводомъ Н. И. Гнѣдича, который передаетъ намъ самого Гомера, вслушавшаяся въ природный языкъ его; здѣсь, такъ сказать, одинъ отголосокъ отголоска. Стихи, напечатанные курсивомъ, принадлежатъ самому переводчику; они служатъ соединеніемъ отрывковъ, вполнѣ переведенныхъ изъ Илиады и замѣтованныхъ изъ VI, XVII, XVIII, XIX и XX пѣсней.“ [„Сѣв. Цвѣты“, стр. 76]. Къ тому же времени относились, повидимому, и первые попытки Жуковскаго полнаго перевода Илиады; окончательно къ полному переводу поэмы поэтъ приступилъ только подъ конецъ своей жизни, въ 1849 г., и успѣлъ перевести лишь первую пѣснь и отрывки второй, хотя имѣлъ твердое намѣреніе дать полный переводъ.

Ундина. Старинная повѣсть.

Первые отрывки перевода Ундины появились въ „Библиотекѣ для чтенія“ (1835, т. XII; и 1837, т. XX), сполна повѣсть была напечатана въ отдѣльномъ изданіи въ началѣ 1837 г. (СПБ., 1837). Къ изданію приложено предисловіе нашего поэта, особое посвященіе (*Вышли дни восторженныхъ видѣній...*), написанное въ 1836 г. и относящееся къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ, и 20-ть прекрасныхъ гравюръ, сдѣланныхъ дерптскимъ художникомъ Мейделемъ. Въ предисловіи Жуковский такъ излагаетъ исторію своего труда, — приводимъ предисловіе сполна, такъ какъ при послѣдующихъ изданіяхъ оно не перепечатывалось авторомъ: „Довиняясь волѣ, которую мнѣ было особенно пріятно исполнить, я разсказалъ русскимъ стихами Ундину. Въ 1833 г., находясь въ Швейцаріи и живя уединенно на берегу Женевского озера (въ деревнѣкѣ Верне близъ Монтрэ), написалъ я первый три главы этой повѣсти. По возвращеніи моемъ въ Россію, занятія другого рода надолго отвлекли меня отъ начатаго поэтическаго труда, и только въ цынѣишомъ году я могъ опять за него приняться. Последнія главы „Ундины“ написаны въ сельскомъ уединеніи близъ Дерпта, гдѣ я провелъ половину лѣта и могъ по-прежнему посягнуть досугъ своей поэзіи“. Предисловіе помѣчено: *Эмстербургъ, 26 июля 1836 г.*

Объ авторѣ повѣсти, де-ла Моттъ Фуке (de la Motte Fouque, 1777—1848), мы уже упоминали выше, въ библиографическомъ очеркѣ нашего поэта. По характеру своихъ литературныхъ произведеній, этотъ писатель, какъ вѣрно о немъ замѣчено, былъ

„средневѣковой рыцарь, ошибкой попавшій въ новое время“. Совершенно въ сторону отъ всѣхъ остальныхъ его произведеній, безцѣльнаго ряда рыцарскихъ романовъ—стоитъ прелестная сказка-поэма *Улидана* (1813), зтоуть „перлъ нѣмецкой сказочной поэзіи“, Улидана — единственный, полный жизни и ясно очерченный образъ, созданный Фуке. „Причина, почему этотъ образъ такъ удался ему, — замѣчаетъ историкъ,—заключается, по всей вѣроятности, въ томъ обстоятельстве, что здѣсь авторъ задается цѣлью представить такое существо, которое только на половину человекъ, на половину же состоитъ изъ стихійныхъ элементовъ, изъ волтъ морской шны, свѣжей прохлады воды и необузданнаго движенія,—такое существо, у котораго, какъ говорится, нѣтъ души, такъ какъ пока Улидана еще не отдалась рыцарю, она находится въ тѣнственномъ союзѣ съ безпокойнымъ, бездушнымъ моремъ... Фуке, который былъ поэтомъ, не будучи психологомъ, намель въ этомъ дѣтшии природы—олицетворяемъ собору одну изъ стихій и потому заключавшемъ въ себѣ лишь одинъ изъ элементовъ жизни—такой предметъ для своей фантазіи, который былъ ей вполнѣ по силамъ“...

Намоэнъ.

Драматическая поэма. Подражаніе Гальму

Луисъ де Камонсъ (Luis de Camões), знаменитѣйшій поэтъ Португаліи, род. въ 1824—1825 гг. Несчастія его жизни равнялись его славъ. Главной причиной бѣдствено сложившейся жизни поэта была его несчастная любовь. Имѣя доступъ къ двору, Камонсъ влюбился здѣсь въ дочь очень высокопоставленнаго лица; любовь была взаимной, стала извѣстной, и бѣдный поэтъ былъ скорѣй удаленъ. Онъ поступилъ во флотъ, отправлявшійся къ берегамъ Марокко, — и съ этого времени, почти до самаго конца своей жизни, по собственному его выраженію, „берется то за мечъ, то за перо“. Жизнь его, главнымъ образомъ, проходитъ на дальнемъ Востоку, въ Африкѣ, Индіи, Ази. Поэтъ принимаетъ участіе въ разныхъ сухопутныхъ и морскихъ экспедиціяхъ; въ одномъ изъ сраженій онъ теритъ глазъ. Одно время онъ занимаетъ видную административную должность въ Макао, — проводитъ здѣсь нѣкоторое время спокойно; но потомъ опять подвергается несчастіямъ. Во время одного перѣзда, корабль, на которомъ былъ поэтъ, имѣя при себѣ почти оконченную *Лузіаду*, былъ разбитъ бурей, пошелъ ко дну, все имущество поэта погибло, кое-какъ спасся лишь онъ самъ, спасена была и поэма... „Съ большимъ сердцемъ и пустымъ кошелькомъ“ поэтъ въ 1570 г. возвращается изъ своихъ приключеній въ Лиссабонъ. Въ слѣдующемъ году въ печати появляется его *Лузіада*, — и хотя „вызываетъ восторгъ современниковъ (въ томъ же году выходитъ вторымъ изданіемъ) поэтъ послѣдніе годы жизни проводитъ въ крайней бѣдности. Назначенная ему королевская пенсія не превышала 200—300 руб. въ годъ, да и та выплачивалась не аккуратно. Заболѣвъ въ 1580 г. и имѣя ни средствъ, ни близкихъ людей—поэтъ долженъ былъ лечь въ городской госпиталь, гдѣ и умеръ. Лиссабонское землетрясеніе 1755 г. разрушило до основанія церковь, около которой была могила Камонса; въ 1880 г., передъ трехсотлѣтнемъ смерти поэта, предполагаемые останки поэта были съ королевскими почестями перенесены въ церковь Санта-Марія въ Белемъ, и похоронены рядомъ съ могилой короля Себастьяна, которому посвятилъ поэтъ свою *Лузіаду*. Камонсу принадлежатъ не мало различныхъ произведеній,—онъ писалъ драмы, индліи, сонеты; но величайшимъ его произведеніемъ, а равно и всей португальской литературы, является его знаменитая поэма *Os lusitadas* (1572). Предметъ поэмы—рассказъ объ извѣстной экспедиціи и открытіяхъ Васко де Гамы, знаменитаго португальскаго мореплавателя († 1524), при чемъ, однако, въ эту эпоху лишь рассказы поэтомъ искусно вылетены всѣ важнѣйшія пропсвствія и событія португальской исторіи, и древней и позднѣйшей. Въ связи съ этимъ общенациональнымъ содержаніемъ

произведенія стоитъ и его заглавіе, восходящее къ имени *Lusus's*, баснословнаго короля португальцевъ и родоначальнаго древняго населенія „Лузитаніи“, т. е. Португаліи... Поэма Камонса является въ полномъ смыслѣ национальнымъ эпосомъ португальцевъ,—ихъ національной эпической поэмой, какой не имѣетъ ни одинъ изъ европейскихъ народовъ. Предметъ „Лузіады“, ея герой — сама Португалія, португальскій народъ. Поэтъ прославляетъ въ своемъ произведеніи все, что составляетъ его национальную славу, все выдающіяся национальныя историческія событія и пропсвствія... И—что особенно важно, является наиболее характернымъ—поэтъ воссоздаетъ дѣйствительныя дѣянія своего народа, а не сочиняетъ ихъ. Рассказъ Камонса не уклоняется отъ исторической правды; съ прелестью и вѣщимъ изложеніемъ его поэма „соединяетъ вѣрную передачу фактовъ“, и въ этомъ отношеніи Камонсъ является „лучшимъ историкомъ своей страны“. Жизнь Камонса, полная приключеній и трагизма, вдохновила многихъ поэтовъ и драматурговъ; къ послѣднимъ принадлежалъ и нѣмецкій писатель Фрауцъ баронъ Мюнхъ-Веллинггаузенъ (1806—1871), писавшій подъ псевдонимомъ Фр. Гальма, произведенія котораго вообще отличались „романтически-расплывающеюся мягкостью“. Лучшей его драмой считается *Равенскій Гладіаторъ* (*Der Fechter von Ravenna*); большой любовью публики пользовались также *Тригизда* и *Сынъ Пустыни*. Менѣе извѣстной была его драматическая поэма *Камонсъ* (вышла въ 1833 г.), принадлежавшая къ наибольше раннимъ его произведеніямъ. Гальмъ въ молодости отличался страстью къ театру, хорошо зналъ условія сцены, — но „писать свои пьесы больше умомъ, чѣмъ фантазіей и чувствомъ“; каждая изъ его драмъ, по выраженію одного критика — „диссертація въ драматической формѣ“. Драма *Луиса Камонсъ*, вышедшая во время путешествія Жуковскаго по Европѣ, и, можетъ-быть, видѣнная имъ въ вѣскомъ Бургтеатрѣ, произвела на нашего поэта, по словамъ Зейдлица, „глубокое впечатлѣніе“, — и онъ тотчасъ же началъ переводить ее на русскій языкъ. „Мысли, высказанныя въ драмѣ Камонсомъ, и нѣкоторыя обстоятельства жизни этого знаменитаго поэта, побудили Жуковскаго, —читаемъ у Зейдлица,—вести работу послѣдно, какъ знаменіе собственнаго мemento mori“. Онъ чувствовалъ себя несомнѣно здоровымъ и былъ въ очень мрачномъ расположеніи духа. Портретъ, снятый съ него въ то время въ Венеціи и присланный имъ въ подарокъ, представляетъ его сидящимъ въ скорбномъ раздумьѣ у письменнаго стола. Онъ подписалъ подъ этимъ портретомъ послѣднія слова умирающаго Камонса:

Поэзія есть Богъ—въ святыхъ мечтахъ земли!
Даже въ переводѣ видно, какъ много измѣнилось настроеніе его духа. Начало драмы—по большѣй части, прямой переводъ съ нѣмецкаго; но подъ конецъ Жуковский прибавилъ къ подлиннику такъ много своего, что явно намекнулъ на самого себя...“

Навъ и Дамаянти. Индійская повѣсть.

„*Навъ и Дамаянти*...—замѣчаетъ Жуковский къ своему переводу,—естъ эпизодъ огромной индійской поэмы *Магабхараты*. Этотъ отрывокъ, самъ по себѣ составляющій полное цѣлое, два раза переведенъ на нѣмецкій языкъ; одинъ переводъ, Бошповъ, ближе къ оригиналу; другой, Рюккертовъ, имѣетъ болѣе поэтическаго достоинства. Я держалъ послѣдняго. Не зная подлинника, я не могъ имѣть намѣренія познакомиться съ нимъ русскіихъ читателей; я просто хотѣлъ рассказать имъ по-русски ту повѣсть, которая влнела меня въ рассказъ Рюккерта, хотѣлъ самъ насладиться трудомъ поэтическимъ, стараясь найти въ языкѣ моемъ выраженія для той дѣвственной, первообразной красоты, которую полна индійская повѣсть о Навѣ и Дамаянти. Вотъ что говорятъ А. В. Шлегель объ этомъ отрывкѣ: „По моему мнѣнію эта поэма не уступаетъ никакой изъ древнихъ и новыхъ въ красотѣ поэтической, въ увлекательности страстей, въ возвышенной ибности чувствъ и мыслей. Прелесть ея доступна всякому

„читателю, молодому и старику, знатоку искусства и необразованному, руководствующемуся однимъ „естественнымъ чувствомъ. Повѣсть о Налъ и Дамаянти есть самая любимая изъ народныхъ по- вѣстей въ Индіи, гдѣ вѣрность и героическое само- „отверженіе Дамаянти такъ же извѣстны всѣмъ и „каждому, какъ у насъ постоянство Пенелопы“.

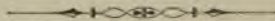
Маабхарата—вмѣстѣ съ *Рамаяной*—двѣ важнѣйшія и наиболѣ древнія поэмы индусскаго эпоса. По своему общему содержанию, *Маабхарата* является огромной энциклопедіей, объединяющей въ себѣ всѣ древнія сказанія индусовъ, охватывающей собою и индусскую мифологію и индусскую исторію, ихъ право, философію и т. д. Основной сюжетъ *Маабхараты* (санскр. „mahābhārata“— великая война Бхарата)— борьба двухъ княжескихъ родовъ, Куру и Панду, происходящихъ одинаково отъ Бхарата, изъ-за обладанія городомъ Гостинапура и прилегающей къ нему земли (небольшой клочокъ земли, мѣстность близъ нынѣшняго *Дели*). Борьба оканчивается примиреніемъ воюющихъ сторонъ. Разказу объ этой борьбѣ посвящено, однако, не болѣе лишъ $\frac{1}{2}$ части поэмы; все остальное ея содержаніе занято рядомъ встав- ныхъ эпизодовъ, изъ которыхъ нѣкоторые сами по себѣ представляютъ обширныя, совершенно отдѣльныя поэмы,—къ числу такихъ принадлежитъ и *эпизодъ о Налъ и Дамаянти*. Событія, послужившія основнымъ сюжетомъ для поэмы, изслѣдователями относятся приблизительно къ X в. до Р. Хр., къ тому времени, когда индусы жили въ долинѣ Ганга, и у нихъ начиналъ складываться государственныи и обществен- ный строй. Заслуга Жуковскаго—въ отношеніи ея

перевода—хорошо характеризуется слѣдующими словами Плетнева: „Наше пріобрѣтеніе съ появленіемъ этой поэмы,—замѣчаетъ онъ,— во всемъ смыслѣ истинное сокровище. Это—открытіе новаго міра съ новыми богатствами всѣхъ царствъ при- роды. Поэтъ вводитъ насъ въ страну солнца и чу- десъ, гдѣ люди, звѣри, растенія, горы, рѣки и все видное какъ бы утаены были отъ общихъ псалтан- ній творенія и живутъ подъ законами одной всемош- ной фантазій. Налобно было созидать все по- вое для повѣствованія о новобрѣтенномъ краѣ. Тутъ явился Жуковскій истиннымъ образователемъ языка, раздвинувъ область его во всѣ стороны.“ („О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго“, стр. 116). Въ *посвященіи* поэмы, обращенномъ къ великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ, въ поэтической картинѣ ряда сновидѣній, Жуковскій изображаетъ важнѣйшіе фазисы своей уже прожитой жизни— свою первую встрѣчу съ великой княгиней и буду- щей императрицей Александрой Феодоровной, послѣ- дующую жизнь свою въ царской семьѣ, наконецъ, осуществленіе своихъ давнишнихъ мечтаній о соб- ственномъ семейномъ счастіи... Общее настроеніе поэта грустное: покой его настоящей семейной жизни напоминаетъ ему близкій покой вѣчный, — одновре- менно съ тѣмъ передъ воображеніемъ поэта встаютъ и „тѣни прошлаго“; счастливое настоящее не устраи- ваетъ воспоминанія о счастіи прошедшемъ, и поэтъ воспоминаетъ о „двухъ родныхъ, земной судьбою разрозненныхъ мотылахъ“, — Маріи и Александрѣ Протасовыхъ... Последняя, какъ извѣстно, была по- хоронена далеко отъ Дерпта, въ Ливорно.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.		СТР.
1822. Изъ Энеиды Виргилія. Разрушеніе Трон	3	1839. Камозэнъ. Драматическая поэма. <i>Подражаніе Гальму.</i>	100
1828. 1829. 1849—1851. Отрывки изъ Иліады	19	1837—1841. Налъ и Дамалити. Индѣйская повѣсть. <i>Подражаніе Рюккерту.</i>	112
1817. 1833—1836. Ундина. Старинная повѣсть. <i>Подражаніе Ла-Моттъ Фуке.</i>	48	Примѣчанія.	161

F

24.157/16